НОВЫЕ НАХОДКИ МЕЧЕЙ В ГНЁЗДОВЕ (2017–2020 гг.)

С. Ю. Каинов, В. В. Новиков

С. Ю. Каинов, В. В. Новиков

НОВЫЕ НАХОДКИ МЕЧЕЙ В ГНЁЗДОВЕ

(2017–2020 гг.)

Москва
2024

УДК 903.227(470)«08/09»
ББК 63.4(2)
К15

Каинов С. Ю., Новиков В. В.
К15 **Новые находки мечей в Гнёздове (2017–2020 гг.).** — Москва : Кучково поле Музеон, 2024. — 312 с. : ил.

ISBN 978-5-907589-68-1

Книга знакомит читателей с результатами новых исследований одного из крупнейших памятников эпохи образования Древнерусского государства — Гнёздовского археологического комплекса. В ходе работ на северо-восточном участке Центрального поселения и в Лесной курганной группе были найдены многочисленные артефакты, относящиеся к последней четверти IX — X веку и характеризующие различные аспекты материальной культуры этого периода. Наиболее яркими предметами полученной коллекции являются три целых и два фрагментированных меча эпохи викингов, а также фрагмент наконечника ножен меча. Книга дает представление о методах исследований, археологическом контексте, а также содержит детальное описание каждой находки. В заключительной главе новые мечи и наконечник ножен рассматриваются в контексте более ранних аналогичных находок в Гнёздове, а также на фоне европейского материала.

Издание предназначено для археологов, историков и читателей, интересующихся древнерусским оружием и начальными этапами истории Руси.

© Каинов С. Ю., Новиков В. В. (научная концепция, научные тексты), 2024
© Новиков В. В. (составление карт), 2024
© Новиков В. В., Каинов С. Ю. (фото-, аэрофото-, макросъемка и рисунки, кроме материалов, взятых из научных и научно-популярных изданий, ссылки на которые приводятся в подрисуночных подписях или тексте), 2024
© Новиков В. В. (3D-моделирование), 2024
© Каинов С. Ю., Новиков В. В. (томография), 2024
© Лицук И. Н. (дизайн), 2024
© Ассекритов С. Ю. (дизайн обложки), 2024
© ООО «Кучково поле Музеон», 2024

ISBN 978-5-907589-68-1

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 6

1. Введение 9

2. Место проведения археологических работ 2017–2020 гг.
Современные неинвазивные технологии, методика полевых археологических работ
и камеральная обработка 17

3. Предварительные итоги полевых археологических работ
на территории северо-восточной части Центрального поселения
и в Лесной курганной группе (2017–2020 гг.) 38

4. Новые находки мечей и наконечника ножен в Гнёздове (2017–2020 гг.) 62

5. Мечи и наконечник ножен из раскопок 2017–2020 гг. в контексте более ранних
находок в Гнёздове и на территории Европы 156

Заключение 255

Conclusion 258

Список использованных источников и литературы 261

Список сокращений 270

Мечи и люди 271

Лес и поле 279

Предисловие

Гнёздово – это Место Силы. Вне времени и вне пространства.
Место, которое забирает тебя полностью и не отпускает.
Ты остаешься и растворяешься в нем…
Чувствовать это научила нас Тамара Анатольевна Пушкина –
наш учитель и наш проводник в прекрасный и загадочный мир
гнёздовской археологии, мир древних славян и скандинавов,
мир курганов и Городища, мир вечерних костров,
фантастических закатов и восхитительных рассветов.
Светлой памяти нашего Учителя посвящается эта книга.

Гнёздово – масштабный археологический комплекс, раскинувшийся на обоих берегах Днепра. Памятник с перерывами, иногда очень значительными, изучается археологами с 1874 года. В последнее десятилетие исследование Гнёздовского археологического комплекса – это труд большого коллектива Смоленско-Гнёздовской объединенной экспедиции. В состав этого коллектива входит Смоленская экспедиция Государственного исторического музея, Смоленская экспедиция Московского государственного университета и экспедиция Гнёздовского музея-заповедника. Параллельно раскопки на памятнике ведет Институт археологии РАН.

Большой научный коллектив позволяет одновременно решать задачи по исследованию разных участков памятника. Изучается пойменная часть Центрального селища, возобновлены раскопки западной части Центрального селища, обширные работы охранного характера проведены в северной части Центрального селища, исследуются Ольшанские городище и селище, в 2010–2019 годах изучалась Днепровская курганная группа, охранные раскопки проведены в Центральной группе, мониторинговые и разведочные работы осуществлены в Левобережной и Нивлянской курганных группах.

С 2017 года начались раскопки на территории северо-восточной части Центрального поселения и Лесной курганной группы. Предыстория Лесного отряда началась еще в 2015 году с исследования двух курганов в Центральной курганной группе, пребывавших в аварийном состоянии, и продолжилась раскопками двух насыпей в южной части Лесной курганной группы в 2016 году. За два года

сложилась команда, включавшая совершенно разных людей: сотрудников Государственного исторического музея, музея-заповедника «Гнёздово», РГУНиГ (НИУ) имени И. М. Губкина, волонтеров и студентов. Совместными усилиями мы отрабатывали разные методы и подходы к изучению археологических объектов, используя накопленный ранее опыт. И хотя те два сезона не принесли впечатляющих результатов, они позволили «набить руку» перед масштабными и сложными работами, которые нам предстояли.

В 2017 году в юго-западной оконечности Лесной курганной группы рядом с малоисследованным участком северо-восточной части Центрального поселения появился полевой лагерь Лесного отряда. Тот год стал для нас во многом ключевым: неожиданные открытия помогли нам очертить перспективы дальнейшей работы.

Оглядываясь на прошедшие годы, мы можем сказать, что исследования на выбранном участке стали знаковыми не только благодаря находкам. Мы получили своего рода полигон, на котором отработали самые последние достижения в сфере современных технологий. Удача, стечение обстоятельств, неравнодушные и по-своему сумасшедшие люди позволили опробовать на этом участке и всем памятнике аэрофотосъемку, воздушное лазерное сканирование (LiDAR), разные методы разведочной геофизики и т. д. Мы поставили себе задачу изменить подход к проведению полевых археологических работ, поэтому в наш арсенал прочно вошли как новые подходы к методике раскопок объектов, так и новые методы полевой фиксации: фотограмметрия, сканирование, аэрофотосъемка и использование инструментов цифровой фиксации, прежде всего тахеометр. Итогом работ стало развитие геоинформационной системы для Гнёздова, а в настоящее время мы уже стараемся понять и освоить новые инструменты – нейросети и машинное обучение для комплексной аналитики данных.

В ходе наших работ удалось открыть ранее неизвестную курганную группу, разрушенную еще во второй половине X века. Она стала девятой в составе Гнёздовского могильника и получила название «Полевой курганной группы». К настоящему времени исследованы основания разрушенных курганов и окружавшие их ровики, несколько сохранившихся погребений, совершенных по обряду ингумации и кремации. Полевая группа занимала территорию в несколько гектаров, и сейчас мы продолжаем попытки понять, по каким причинам были снивелированы сотни курганов.

В Лесной курганной группе раскопки были проведены в малоисследованной ее части. Там изучены несколько погребений по обряду трупоположения, что позволяет говорить о ее более позднем характере. Но самым завораживающим стало возобновление раскопок в центральной части группы, где раскопками 1949–1950 годов были исследованы элитарные погребальные комплексы, относящиеся к раннему этапу существования могильника. В 2018 году был раскопан курган Л-210 – один из самых богатых и удивительных по количеству и составу инвентаря погребальный комплекс. Его всестороннее изучение еще предстоит, но уже сейчас понятна ключевая роль этого погребального комплекса в поиске ответов на вопросы о хронологии, торговых и военных связях раннего Гнёздова.

В ходе наших работ на территории поселения и могильника была собрана внушительная по количеству коллекция предметов. В представленной книге – первой в серии публикаций, посвященных результатам раскопок в этой части Гнёздовского археологического комплекса, – будут рассмотрены мечи, которые, несомненно, привлекают особое внимание и вызывают наибольшую эмоциональную реакцию у всех, кто так или иначе связывает свои интересы с периодом VIII – начала XI века – времени сложения Древнерусской государственности и в европейском масштабе героической эпохи викингов.

Мы выражаем искреннюю благодарность нашей Лесной команде, без которой не было бы ни открытий, ни удивительных находок, ни этой книги – Семену Ассекритову, Антону Бернштейну, Алексею Владимирову, Маше Генерозовой, Серафиму Гончарову, Максу и Саше Дробышевым, Насте Жуковой, Жене Зевакину, Сергею Иванову, Насте Королевой, Диме Куриленко, Кириллу Мишину, Маше Николаевой, Маше Новиковой, Никите Пономареву, Ярославу Радченко, Гульназ Сагмановой, Даше и Ване Секачевым, Илье Советникову, Фёдору Спасову, Володе Сумарокову, Насте Филипповой, Диме Шашкову, Саше Щедриной, Арине Ярославцевой. И огромное спасибо всем волонтером и студентам, принимавшим участие в раскопках Лесного отряда в 2017–2020 годах.

Раскопки в Гнёздове осуществляет большая команда специалистов и волонтеров. Исследуя разные участки памятника, все мы объединены любовью к лучшему месту на свете. Спасибо руководителю Смоленской экспедиции Государственного исторического музея Веронике Владиславовне Мурашевой и всей команде Поймы за помощь и взаимодействие.

Низкий поклон сотрудникам научно-исследовательской реставрационной лаборатории «Археолаб», в первую очередь ее руководителю – П. В. Бирюкову, чья помощь, непосредственное участие

в раскопках и золотые руки много раз выручали нас. Команда лаборатории «Археолаб» – А. В. Барышев, А. Р. Малахов, А. А. Цветков – спасала, консервировала и реставрировала сложные находки, а также принимала непосредственное участие в скрупулезном полевом разборе погребальных комплексов.

Благодарим А. А. Попова, И. А. Коузова, С. Н. Комар и многих других, чьи фотографии помогли сделать эту книгу красочной и информативной. За прекрасные рисунки большое спасибо А. С. Дементьевой.

Решение многих бытовых и производственных проблем было бы невозможно без помощи местных жителей Сергея Воронцова и Алексея Азарова.

Искренне благодарим Ю. А. Бабичева, В. А. Кралина, С. П. Война нашедших возможность оказать финансовую помощь в подготовке к изданию этой книги и фонд «Таволга» за поддержку полевых работ.

Тамара Анатольевна проявляла искренний интерес к нашим работам и в свой последний полевой сезон в 2020 году работала с нами на «Поле Чудес». Так мы назвали небольшой участок, как нам сначала казалось, селища, под культурным слоем которого обнаружился распаханный курганный могильник. Тогда мы много обсуждали стратиграфию и хронологию, дискутировали, иногда очень эмоционально. И в этом еще одно прекрасное свойство Гнёздова – постоянно «подкидывать» загадки и задачи, непростое решение которых делает исследование памятника не «раскопками ради раскопок», а увлекательной и кропотливой работой в поисках истинного понимания древней истории.

Авторы книги В. В. Новиков и С. Ю. Каинов вместе с Т. А. Пушкиной на раскопках селища в 2020 году (слева направо).

1. Введение

Смоленская область расположена на границе трех крупных водоразделов Восточной Европы – Западной Двины, Днепра и Волги. Такое выгодное географическое положение в историческом прошлом способствовало развитию крупнейшей трансконтинентальной торговой магистрали, которая в «Повести временных лет» получила название «из варяг в греки». Путь связывал скандинавский регион и один из центров раннесредневековой ойкумены – Константинополь, столицу Византийской империи. В верховьях реки Днепр стало формироваться грандиозное по своим масштабам торгово-ремесленное поселение, развитие которого пришлось на конец VIII – первую половину XI века (*Мурашева и др.*, 2020. С. 82).

Гнёздовский комплекс археологических памятников расположен в 12–13 км западнее Смоленска по обоим берегам Днепра при впадении рек Свинец и Ольшанка и вытянут вдоль Днепра примерно на 6 км.

Гнёздово является узловым памятником сложной военно-транспортной системы поселений, которые обслуживали днепро-ловатский участок торгового пути «из варяг в греки». Среди них стоит отметить Заозерье, Шугайлово, Городок, Ярцево, Арефино и Кощино, которые, имея в основе населения представителей местной культуры смоленско-полоцких длинных курганов, содержат скандинавские погребения и находки. Система торговых путей включает по меньшей мере два водных пути и один сухопутный, а также систему из пяти волоков (*Нефедов*, 1998. С. 33–36). Два памятника можно рассматривать как военные лагеря или поселения-сателлиты, тесным образом связанные с Гнёздовом. Это Новоселки, которые прикрывали северо-восточное сухопутное направление, и Рокот, оберегавший юго-западное направление (*Нефедов*, 1998. С. 38; *Нефедов*, 2001. С. 156–158; *Нефедов*, 2004. С. 238–241; *Нефедов*, 2012) **(рис. 1)**[1].

Границы объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации «Гнёздовский комплекс» (далее ГАК) в настоящее время, по уточненным данным, охватывают территорию около 366,6 га, на которой расположены объекты совокупной площадью около 121,5 га. Кроме культурного слоя и ландшафтных объектов VIII–XI вв., здесь обнаружены находки и следы культурного слоя эпохи энеолита/неолита (III–II тыс. до н. э.), поселений днепро-двинской и тушемлинской археологических культур, древнерусского времени XII–XIV вв. и эпохи XVII–XVIII вв. В границах комплекса также находятся фундаменты строений усадьбы XIX в. и объекты, относящиеся к событиям Великой Отечественной войны 1941–1943 гг.

Памятники «классического» раннесредневекового времени конца VIII – начала XI в. на территории Гнёздовского археологического комплекса представлены несколькими видами объектов **(рис. 2, 3)**.

Городище – остатки укрепленного поселения. В состав Гнёздовского археологического комплекса входят два городища – Центральное и Ольшанское. Функционирование последнего памятника

---

1 Карта подготовлена на основании статей В. С. Нефедова (*Нефедов*, 2012. С. 89–113; *Нефедов*, 1998. С. 31–42), Археологической карты России (АКР, 1997) и консультаций А. О. Шевцова.

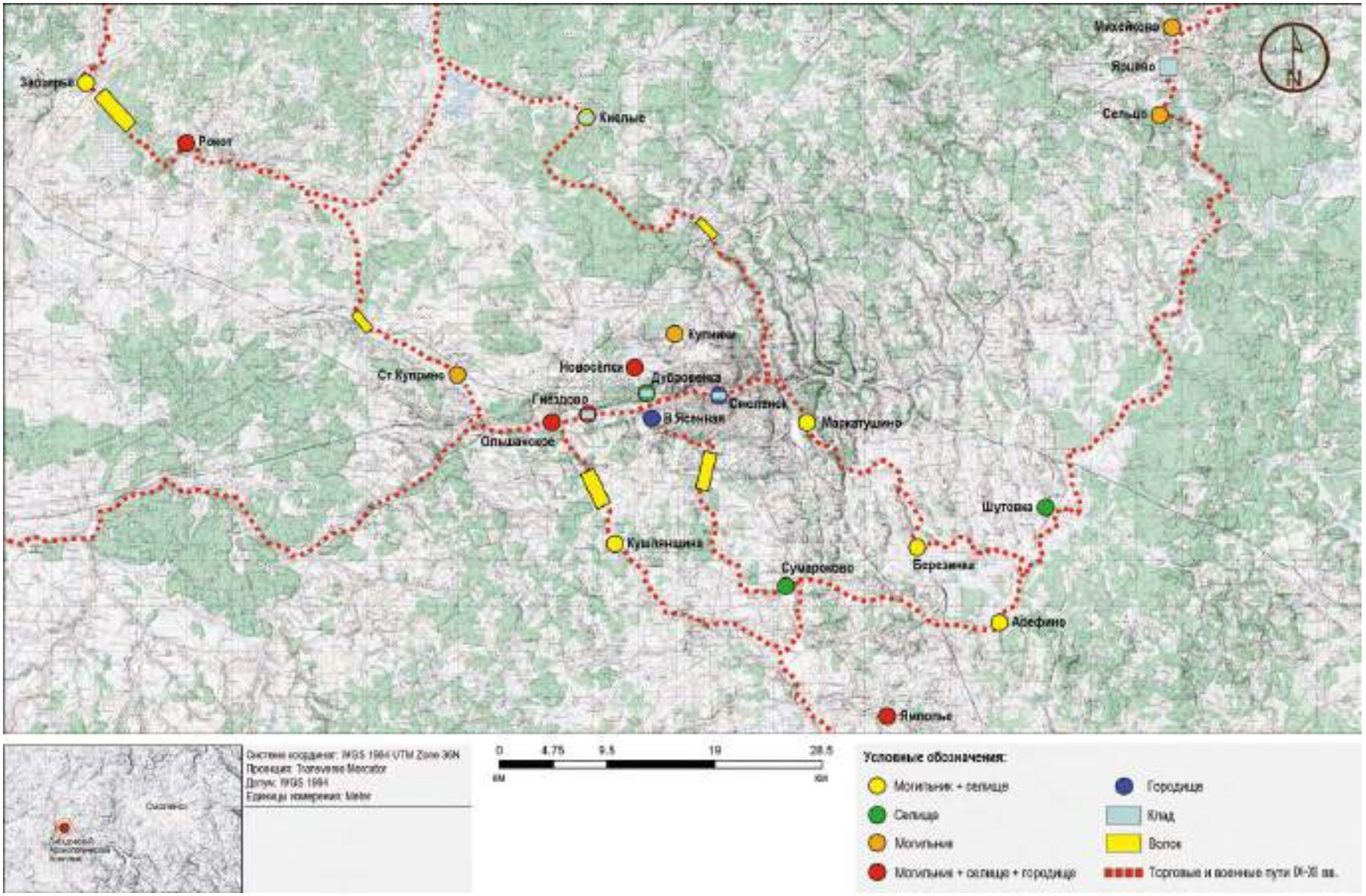


Рис. 1. Гнёздовский археологический комплекс, военно-торговые пути и археологические памятники IX–XI вв.

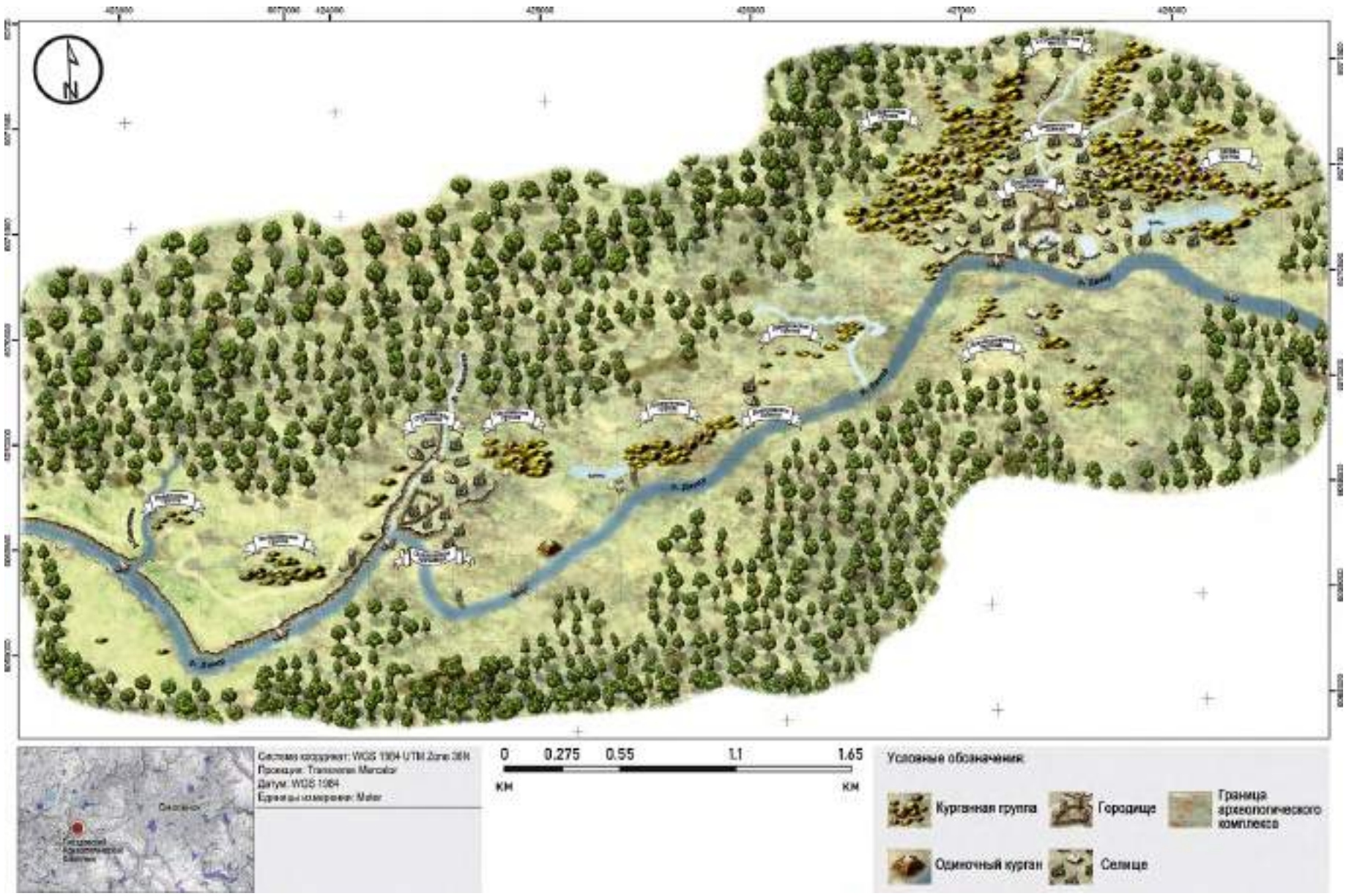


Рис. 2. Гнёздовский археологический комплекс. Объекты VIII–XI вв.

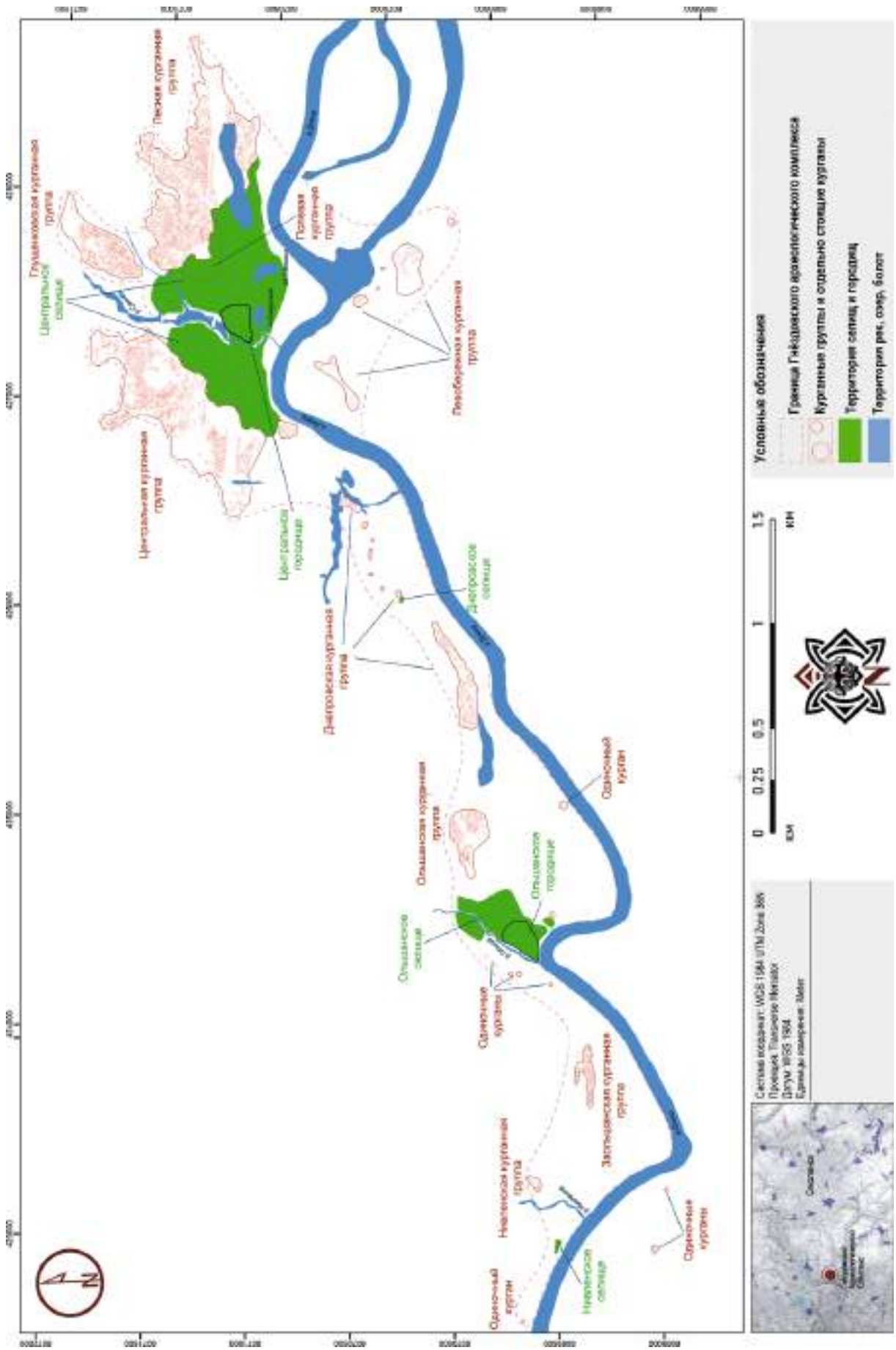


Рис. 3. Гнёздовский археологический комплекс. Объекты VIII–XI вв.

в качестве укрепленного поселения в X в. находится под вопросом (*Авдусина, Зозуля*, 2018. С. 27).

Селище – неукрепленная часть поселения[2]. К настоящему времени выявлены Центральное, Ольшанское и Днепровское[3] селища.

Курганные группы (курганные могильники) – компактные группы земляных насыпей, возведенных над захоронениями. К концу I тыс. н. э. к составу комплекса относятся девять курганных групп (восемь на правом и одна на левом берегу Днепра) – Глущёнковская, Лесная[4], Центральная, Днепровская, Ольшанская, Правобережная (Заольшанская), Нивленская, Левобережная[5] и Полевая[6], а также не менее шести отдельно стоящих курганов, находящихся в западной части комплекса в районе рек Ольша и Нивленка. По подсчетам А. Н. Лявданского, в начале 20-х гг. XX в. во всех курганных группах Гнёздова насчитывалось 3 862 кургана. Число уничтоженных насыпей исследователь оценивал примерно в 950 курганов, таким образом, общее количество курганов в гнёздовском некрополе превышало 4 800 насыпей (*Лявданский*, 2002. С. 187).

Курганные могильники и отдельные курганы занимают площадь около 76 га (с учетом площади уничтоженных участков могильника и отдельных курганов, а также охранной зоны до 25 м вокруг могильников и 3 м вокруг отдельных насыпей). Общая площадь поселения составляет более 45 га.

Территория археологического комплекса на 40% покрыта лесом с подлеском и кустарником, остальная часть практически повсеместно – высокой луговой и пойменной травой. На территории комплекса расположены две современные деревни и несколько карьеров по добыче гравия. В XIX в. при строительстве Витебско-Орловской железной дороги комплекс памятников в центральной части был значительно поврежден: разрушена часть курганов Лесной и Центральной курганных групп, а Центральное городище разрезано полотном дороги на две части. В 1975 г. малоисследованная Ольшанская курганная группа была полностью уничтожена при строительстве окружной автодороги. Значительный урон памятнику нанесло возведение различных сооружений в период Великой Отечественной войны. Активное воздействие, в том числе и на сохранность археологических памятников, оказывает Днепр, который активно меандрирует – меняет свое русло. От этого достаточно сильно пострадал левый берег, где безвозвратно утеряны две курганные группы и, вероятно, селище. В меньшей степени, но регулярно размывается западная часть поселения на правом берегу.

Несмотря на свои гигантские размеры и близость к такому крупному городу, каким был в Новое время Смоленск, Гнёздовский археологический комплекс относительно поздно привлек к себе внимание ученых. Гнёздово стало известно после находки при строительстве Орловско-Витебской железной дороги двух денежно-вещевых кладов в 1867 и 1870 гг. Научное изучение памятника начал в 1874 г. М. Ф. Кусцинский, раскопавший здесь 14 курганов (*Кусцинский,* 1881). Наиболее значительные работы в XIX в. провел В. И. Сизов, исследовавший в Гнёздове несколько сотен курганов (*Сизов,* 1902). Помимо него, на памятнике в XIX – первой половине XX в. работали А. С. Уваров, В. Д. Соколов, С. И. Сергеев, Н. Бируков, Г. К. Бугославский, И. С. Абрамов, В. А. Городцов, Е. Н. Клетнова, Н. В. Андреев, Н. П. Милонов, производившие раскопки курганов и в меньшей степени Центрального городища (*Авдусин,* 1999. С. 12–20). В 1920-х гг. в районе Гнёздовского комплекса А. Н. Лявданский провел обширные разведки, результатом которых стало составление первого подробного археологического описания комплекса (*Лявданский,* 1924, 2002). Во время немецкой оккупации Смоленской области в 1941–1943 гг. несколько курганов были раскопаны под наблюдением археолога Клауса Раддатца из Гёттингенского университета (*Raddatz,* 1991).

В 1949 г. в Гнёздове начала работать Смоленская археологическая экспедиция Московского

---

2 В настоящее время поставлен вопрос о существовании укрепленного посада на части территории поселения, определяемой ранее как селище (*Фетисов, Кулешов*, 2021, С. 396).

3 Днепровское селище, по всей видимости, относится к более раннему времени (*Зозуля*, в печати).

4 Считается, что Лесная курганная группа разделена железной дорогой на две неравномерные части – северную и южную. Но, вероятнее всего, в древности это были две отдельные группы, в восточной части которых курганы были расположены максимально близко друг к другу.

5 Строго говоря, на левом берегу Днепра напротив Центрального Гнёздовского поселения находилось не менее пяти отдельных курганных групп, насчитывавших в своем составе от 4 до 55 насыпей (*Лявданский*, 2002. С. 193–194). К настоящему времени сохранились две курганные группы и три (?) отдельных кургана (*Каинов*, 2016).

6 Полевая курганная группа выделена в 2019 г. Включает в себя разрушенные в X в. курганы, непосредственно примыкающие с запада к Лесной курганной группе.

государственного университета им. М. В. Ломоносова. С 1949 по 1992 г. экспедицией руководил Д. А. Авдусин, с 1993 по 2020 г. – Т. А. Пушкина. Экспедиция исследовала более 730 курганов во всех курганных группах комплекса и более 5 300 м^2 территории Центрального поселения.

В 1962 г. раскопки двух курганов Лесной курганной группы по просьбе Смоленского музея произвел Е. А. Шмидт (*Шмидт*, 2005а. С. 212–226). В 1967–1968 гг. около 700 м^2 территории Центрального селища раскопала экспедиция ЛОИА АН СССР (*Вешнякова, Булкин*, 2001. С. 42).

В 1995 г. раскопки Гнёздовского поселения провела Смоленская археологическая экспедиция Государственного исторического музея под руководством В. В. Мурашёвой. С 1999 г. экспедиция Исторического музея работает на памятнике на постоянной основе. Основное внимание в ее исследованиях уделяется изучению пойменной части Центрального поселения, где в общей сложности раскопано более 1 100 м^2. С 2010 г. отдельные отряды этой экспедиции изучают курганы Днепровской группы (руководитель С. С. Зозуля), а с 2016 г. – Лесной группы (руководитель С. Ю. Каинов). В 2015 г. были произведены спасательные раскопки двух курганов в Центральной группе.

С 2017 г. исследования северо-восточной части Центрального поселения и находящегося под слоем поселения разрушенного курганного могильника ведет экспедиция музея-заповедника «Гнёздово» под руководством В. В. Новикова.

В 2017 г. раскопки на Ольшанском селище осуществила Смоленская археологическая экспедиция Института археологии РАН под руководством Н. А. Кренке. В 2020–2021 гг. масштабные охранные работы в северной части Центрального поселения были проведены экспедицией Института археологии РАН под руководством Б. Е. Янишевского.

По приблизительной оценке, к 2021 г. в Гнёздове раскопано не менее 1 300 курганных насыпей и исследовано более 8 000 м^2 территории Центрального и Ольшанского поселений. Но при оценке количества исследованных погребальных комплексов следует учитывать, что многие курганы, раскопанные с 1940-х гг. «на снос», имели очевидные следы предшествующих раскопок в виде заплывших траншей или «колодцев», т. е. были раскопаны дважды.

На протяжении долгого времени предпринимались попытки сформировать общий план археологического комплекса. Первая комплексная карта появилась в публикации В. И. Сизова в 1902 г. и была составлена штабс-капитаном Заленским (*Сизов*, 1902. Табл. XIV).

Фактически первое подробное описание местности и отдельных объектов на территории комплекса с указанием численности курганов содержит обширная статья А. Н. Лявданского (*Лявданский*, 1924; 2002). Она обобщает результаты работ начала 1920-х гг. и содержит авторскую карту-схему, которая вычерчена в масштабе 200 саженей на 1 дюйм (принятая для того времени система выполнения картографических работ).

С началом работ в Гнёздове Смоленской археологической экспедиции МГУ неоднократно проводилась топографическая съемка отдельных частей комплекса. В 1950 и 1953 гг. под руководством М. Н. Кислова (заведующего лабораторией кафедры археологии исторического факультета МГУ) студенты произвели полуинструментальную съемку всех выявленных курганных групп на обоих берегах Днепра от устья р. Ольши на западе до посёлка 2-я Дачная на востоке, а также двух городищ – Центрального и Ольшанского (*Пушкина, Новиков*, 2021, С. 41–54). По неизвестным причинам, к сожалению, отсутствует план северо-восточного участка Центральной курганной группы. Все планы М. Н. Кислова вычерчивались в масштабе 1:1000, сечение горизонталей – через 1 м; был составлен план-схема расположения базовых точек и ходов съемки. На планах практически не отражен рельеф местности, но уверенно нанесены береговая линия Днепра, русло р. Свинец, границы балластных карьеров XIX–XX вв., границы железнодорожной выемки, отмечен противотанковый ров 1941 г.

В 1976 г. под руководством Ю. В. Забубенина по заданию Областного отдела по делам строительства и архитектуры Смоленского облисполкома была проведена топографическая съемка территории комплекса для разработки проекта зон охраны памятника федерального значения (*Пушкина, Новиков*, 2021, С. 54–55). План в общих чертах отражает рельеф правого берега Днепра от самых восточных курганов Лесной группы до самых западных насыпей небольшой курганной группы на правом берегу р. Ольши (Правобережная/Заольшанская группа), отмеченной только А. Н. Лявданским. Он фиксирует единой линией границы, в рамках которых расположены Глущёнковская, Лесная и Центральная курганные группы,

Центральное городище, а также часть террасы к северу и югу от железной дороги по обоим берегам Свинца от курганов южной части Центральной группы на западе до юго-западного края южной части Лесной группы. Однако план далеко не полностью и не точно отражает состояние и количество курганных насыпей.

В 2000 г. был выполнен инструментальный план участка высокой поймы левого берега Днепра, включивший территорию одной из сохранившихся курганных групп (*Пушкина*, 2001). В 2001 г. появился инструментальный план значительной части правого берега Днепра и приустьевой части его притока – р. Свинец (*Пушкина, Новиков*, 2021. С. 54). План выполнен в масштабе 1:500 с сечением горизонталей через каждые 0,5 м, что позволяет достаточно подробно охарактеризовать микрорельеф участка.

В 2000-х гг. несколько топографических планов отдельных частей Гнёздовского комплекса составила археологическая экспедиция Государственного исторического музея.

Новым этапом в изучении объектов и ландшафта Гнёздовского археологического комплекса стало привлечение для работы ранее неизвестных архивных источников, современных инструментальных методов геодезической съемки и беспилотных летательных аппаратов.

В 2010 г. началась систематическая полевая фиксация исторического ландшафта с применением электронного тахеометра. Работы проводились в зонах, наиболее подверженных антропогенному воздействию (Центральная курганная группа, северо-восточная часть Центрального поселения). Съемка ландшафта и составление микрорельефных планов курганных групп и отдельных участков поселения проводилась вплоть до 2018 г.

В 2012 и 2013 гг. Т. А. Пушкина и М. О. Жуковский провели мониторинг Лесной и Глущёнковской курганных групп (*Пушкина, Новиков*, 2021, С. 54–57). В 2013 г. начались работы по составлению подробного инструментального плана Днепровской курганной группы и примыкающей к ней территории для уточнения ландшафтных особенностей расположения могильника и состояния самих курганов. В 2015 и 2016 гг. последовательно проводился мониторинг Левобережной курганной группы и северной части Центральной курганной группы.

В 2010 г. в распоряжение исследователей Гнёздова поступили серии немецких высокодетализированных аэрофотоснимков 1942–1944 гг. из Национального управления архивов и документации (NARA) США (*Пушкина, Новиков*, 2021. С. 58–65). На них зафиксировано состояние Гнёздовского комплекса до начала активной хозяйственной застройки современными деревнями Гнёздово и Глущёнки и систематических раскопок экспедиции МГУ. Эти снимки практически полностью «покрывают» территорию комплекса и его округи, а детализация аэрофотосъемки настолько высока, что позволяет надежно локализовать отдельные курганные насыпи, постройки, сооружения и элементы рельефа. Поскольку на момент съемки на большей части территории Центральной группы отсутствовала какая бы то ни было застройка, этот источник дает ценнейшие сведения относительно локализации курганных насыпей. Целый ряд курганов, не представленных на планах 1950 и 1976 гг., был выявлен именно благодаря аэрофотоснимкам.

В 2016 г. была проведена съемка с беспилотного летательного аппарата GEOSCAN-101 с высоты 250 м. Полученный высокодетализированный ортофотоплан территории всего археологического комплекса демонстрировал особенности ландшафта, результаты хозяйственной и техногенной деятельности, объекты инфраструктуры и жилую застройку деревень Гнёздово и Глущёнки. Этот план используется в качестве единой современной геоподосновы (*Новиков,* 2021. С. 274).

В 2018 и 2020 гг. впервые для раннесредневекового памятника на территории РФ было проведено воздушное лазерное сканирование (ВЛС) на базе беспилотного летательного аппарата (*Новиков*, 2021; *Пушкина, Новиков*, 2021, С. 65–77). ВЛС, или LiDAR[7], – один из ключевых инструментов для фиксации и изучения исторического ландшафта. Главным преимуществом сканирования является возможность распознать незначительные по высоте или западению детали исторического рельефа, скрытые растительностью или поврежденные сельскохозяйственной деятельностью. Результатом съемки становится массив данных в виде трехмерного облака точек. Он обрабатывается в программных продуктах и позволяет строить цифро-

[7] LiDAR – Light Detection and Ranging. Работы выполнены ООО «НИПИИ ЭТ «Энерготранспроект» и фондом развития науки и культуры «Таволга».

вые модели рельефа и высот, свето-теневые карты в разных градиентах, топографические планы и 3D-модели ландшафта и отдельных объектов.

Общая площадь съемки Гнёздовского археологического комплекса составила 937,63 га. В результате было получено трехмерное облако из 826,37 млн. точек. Плотность съемки на 1 м^2 поверхности земли (чистый ландшафт) после классификации составила около 55 точек (среднее значение). Результаты воздушного сканирования были представлены в виде серии свето-теневых карт в различных градиентах, цифровой модели рельефа с шагом горизонталей 5 и 10 см, высотной модели рельефа и т. д. Все эти данные в сочетании с архивными материалами позволили выйти на совершенно новый уровень понимания исторической топографии и современного состояния памятника (*Пушкина, Новиков*, 2021. С. 30–73; *Новиков*, 2022. С. 232–247).

За десять лет был собран значительный архив пространственных данных, который дополнялся в ходе археологических работ, а также за счет появления в экспедиции электронного тахеометра. Раскопы, индивидуальные находки, границы объектов и культурных напластований внутри раскопов фиксировались на основе разработанной сетки реперов и с 2010 г. объединяются в единую многослойную геоинформационную систему на базе программного обеспечения ARCMAP 10 (геоинформационные системы). С 2015 г. совместно с лабораторией инженерной геофизики РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина с применением GNSS-станции дистанционного позиционирования для работ в зоне Центрального поселения и Лесной курганных групп была разработана система базовых реперов – опорные точки для инструментальной привязки, привязанная в международной системе координат WGS84 UTM 36. Это позволяет объединять различные данные в единый информационный массив.

В настоящее время продолжается очень ресурсоемкая работа по оптимизации структуры базы данных ГИС и ее постепенному наполнению. Определены границы археологического комплекса, местоположение объектов (отдельных курганов, курганных групп, селищ и городищ), связанных с эпохой средневековья, наносятся объекты XVII–XX вв. и раскопанные участки Центрального поселения. Отдельно выделены слои для границ природных объектов, современной инфраструктуры и нарушений, что позволяет оценить объем разрушений культурного слоя и курганных насыпей. В единый массив собраны данные о проведенных геофизических исследованиях, привязаны современные результаты и некоторое количество раскопов 1970-х – 1990-х гг. (*Новиков и др.*, 2021а. С. 78–88).

2. Место проведения археологических работ 2017–2020 гг. Современные неинвазивные технологии, методика полевых археологических работ и камеральная обработка

В 2017 г. отряд Государственного исторического музея и Гнёздовского музея-заповедника в составе Смоленско-Гнёздовской объединенной экспедиции начал исследования северо-восточной части Центрального поселения, а также юго-западной и центральной частей Лесной курганной группы **(рис. 4)**.

Ранее археологические исследования участка поселения предпринимались в 1975 г., когда на южной окраине северо-восточной части Центрального поселения был заложен шурф СГС–III площадью 8 м^2. Под слоем пахотного горизонта были выявлены ямы, которые, вероятно, связаны со сгоревшими постройками X в. Датировка дана на основании находок круговой керамики и сердоликовой призматической бусины (*Авдусин и др.*, 1976. С. 39–42).

В 2016 г. было заложено 4 шурфа (СГС-6, СГС-7, СГС-8, СГС-9) вдоль западной границы Лесной курганной группы. Общая площадь шурфов составила 16 м^2. Был выявлен пахотный горизонт мощностью до 45 см. На материке в отдельных шурфах прослежены пахотные борозды в направлении юго-восток – северо-запад и юго-запад – северо-восток. В шурфах было найдено незначительно количество мелкой окатанной круговой керамики. В том же году через территорию селища по направлению с севера на юг было проведено бурение геологическим буром: было взято 34 точки бурения с шагом 5 и 10 м. Эти работы позволили выявить объекты (ямы), находящиеся ниже уровня пахотного горизонта, мощность которого составляла 35–45 см (*Пушкина*, 2017. С. 216–223).

Раскопки в юго-западной части Лесной курганной группы были обусловлены слабой изученностью этого краевого участка и необходимостью накопления данных, позволяющих более обоснованно говорить о динамике расширения Лесной курганной группы. До работ 2017–2018 гг. здесь было изучено всего два кургана – Л-192/1995[8] и Л-203/2006. Раскопки в центральной части Лесной группы диктовались необходимостью возвращения к изучению зоны концентрации наиболее ранних курганных насыпей Гнёздовского некрополя. Работы здесь проводились в основном в 1949–1950 годах.

Зоны работ 2017–2020 гг. находятся на границе первой и второй надпойменных террас реки Днепр и имеют наклонный характер. Курганы полностью скрыты в лесном массиве, а территория, где располагалась часть раннесредневекового поселения, долгое время испытывала на себе воздействие сельскохозяйственной распашки и в настоящее время представляет собой открытое поле с луговой растительностью, постепенно зарастающее соснами. Курганы Лесной группы в значительной степени пострадали в результате сооружения фортификационных и бытовых построек периода Великой Отечественной войны и в послевоенный период. С юга культурный слой селища и часть курганов Лесной группы повреждены или уничтожены выемкой грунта при строительстве Витебской железной дороги **(рис. 5–7)**.

С конца 1990-х гг. территория северо-восточной части селища сильно страдает от систематических несанкционированных раскопок, прово-

---

8 Во избежание путаницы в номенклатуре курганных комплексов, раскопанных в Гнёздовском могильнике в разных курганных группах разными исследователями до 1949 года, предложено использовать единую форму обозначения исследованных курганов – *«курганная группа – номер кургана/исследователь – год исследований»* (например, *Ц-15/Кусц-1874* – курган № 15 Центральной курганной группы, раскопанный М. Ф. Кусцинским в 1874 году). Курганы, которые изучались начиная с 1949 года, имеют сквозную нумерацию и обозначаются без указания фамилии исследователя – например, Л-1/1949 – курган № 1 Лесной курганной группы, раскопанный в 1949 году.

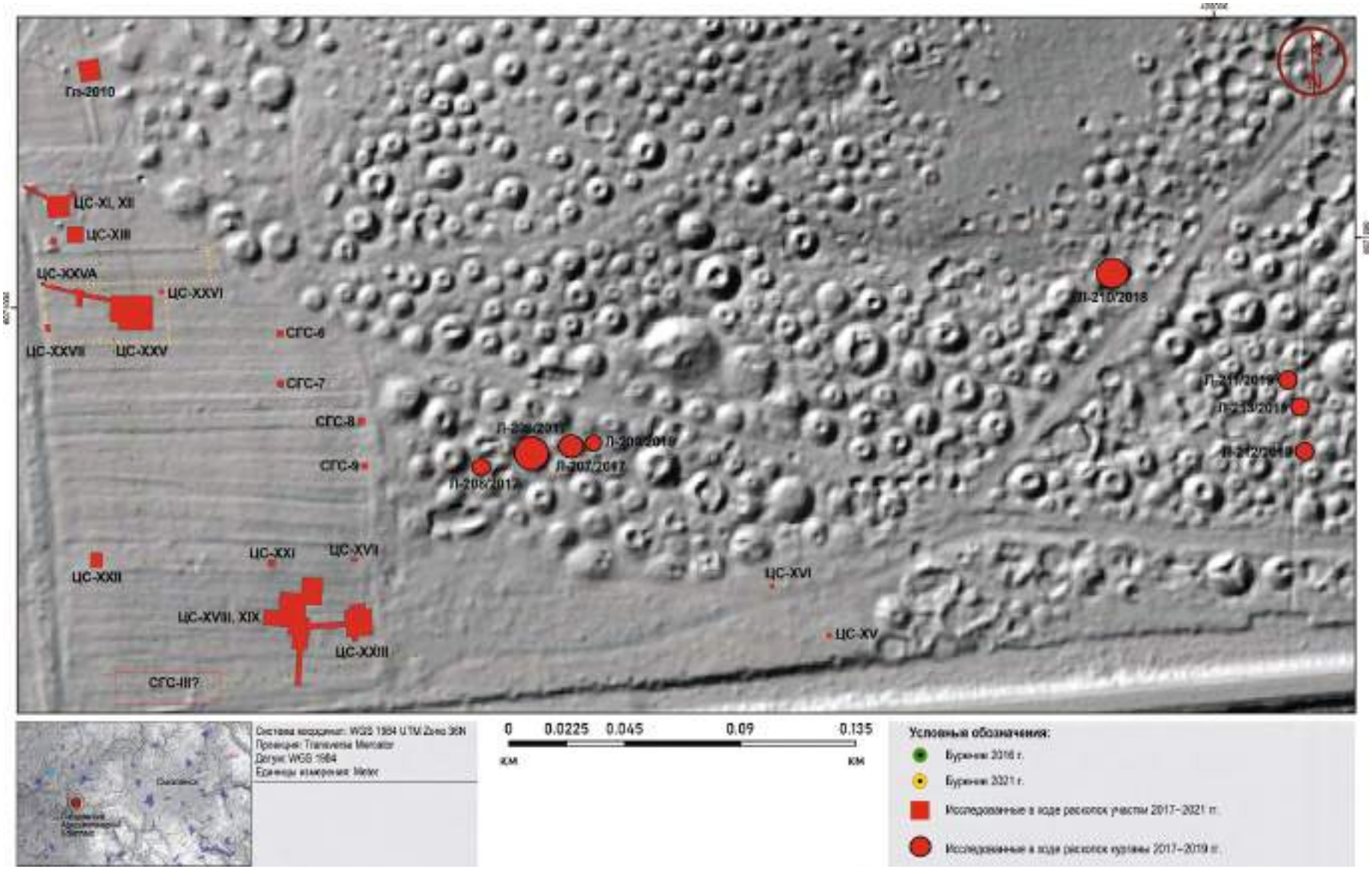


Рис. 4. Исследованные объекты в северо-восточной части Центрального поселения и в Лесной курганной группе. На селище, помимо раскопов 2017–2020 годов, обозначены раскопы и шурфы 2010–2016 и 2021 годов.

Рис. 5. Гнёздовский археологический комплекс. Центральное селище (пойменная и террасные части), Центральное городище и участок Лесной курганной группы. Вид с северо-востока.

дящихся при помощи металлодетекторов. Локальные разрытия фиксируются на большей части площади селища. Информация о находке в начале 2000-х гг. двух кладов восточных монет на этом участке селища послужила одной из основных отправных точек для проведения там археологических работ.

Начиная с 2017 г. для исследования курганов Лесной курганной группы и культурного слоя северо-восточной части Центрального поселения в сотрудничестве с лабораторией инженерной геофизики РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина используются методы современной малоглубинной разведочной геофизики, которые представлены магниторазведкой, электротомографией, сейсморазведкой и георадиолокацией (*Рыжков и др.*, 2021. С. 88–99).

Осложняющими факторами для проведения исследований являются наличие действующей железной дороги и линии электропередач, а также высокая загрязненность территории металлическим мусором. Всё это, безусловно, влияет на методику и результаты проведения геофизических исследований.

Рис. 6. Курганы Лесной курганной группы.

Электротомография. Сильная засоренность поверхности курганных насыпей и поселения металлическим мусором разных эпох, неровность рельефа, нарушения, связанные с грабительскими раскопками или несовершенными методами исследований XIX – начала XX в., а также однородные песчаные и супесные грунты курганов Гнёздовского комплекса обусловливают тот факт, что при геофизических изысканиях наиболее эффективным методом показала себя электротомография в 2D- и 3D-модификациях, которая базируется на получении профильных геоэлектрических разрезов. Наблюдения выполняются с разным шагом – от 0,25 до 1 м.

Этот метод дает разную по информативности картину о строении верхней части кургана, а при более разреженном шаге позволяет изучать курган на всю глубину до и ниже уровня материка (непотревоженной поверхности, на которой была сооружена насыпь) и до уровня, на котором находится погребение в яме. Описанные в этой работе данные были получены при помощи электроразведочной многоэлектродной и многоканальной станции SYSCAL Pro Switch-96.

Рис. 7. Курганы Лесной курганной группы.

Электротомография позволяет определять внутреннее состояние курганных насыпей (нарушения, грабительские ямы и пр.), выделять структурные элементы погребения, а также определять тип погребения (кремация или ингумация), уточняет особенности расположения культурных напластований поселения, позволяет получить контуры ям и т. д. **(рис. 8–10)**.

В Лесной курганной группе методами геофизической разведки с 2016 по 2020 г. было исследовано 10 курганов, из них 7 насыпей раскопано: Л-204/2016 (разрушенная кремация на стороне), Л-205/2016 (обряд неясен), Л-206/2017 (ингумация в деревянной камере), Л-207/2017 (ингумация в деревянной камере), Л-208/2017 (ингумация в яме), Л-210/2018 (кремация на месте) (*Новиков и др.*, 2021б).

Сейсморазведка. Этот метод геофизического исследования традиционно связан с решением структурных задач картирования геологического разреза в нефтяной отрасли, но он может также найти свое применение в малоглубинной геофизике в археологии. В Лесной курганной группе сейсморазведка была впервые использована для

Рис. 8. Работы по неинвазивному исследованию кургана Л-206/2017 методами разведочной геофизики (электроразведка).

изучения курганов, а именно курганной насыпи Л-209/2018. Данные были получены при помощи облегченной телеметрической сейсмостанции ТЕЛЛС 3–240. В ходе эксперимента была доказана эффективность съемки для выявления аномалий, связанных с погребением (в данном случае могильной ямой) в кургане. Слабой стороной эксперимента является то обстоятельство, что сейсмическая томография не позволяет увидеть нарушения насыпи (грабительские ямы, раскопки «колодцем») при предварительном прогнозировании. Решить данную проблему помогает сочетание сейсморазведки с электротомографией. Кроме того, необходимо отметить высокую точность полученных размеров и определения местоположения погребения (*Витулева*, 2021).

Магниторазведка. Для исследования слоя поселения проводилась комплексная магниторазведка. Территория съемки была разделена на квадраты размером 25×25 м. Расстояние между профилями составило от 1 до 2 м. Шаг между точками наблюдений вдоль профиля – от 0,1 до 0,25 м. Полученные данные были сведены в единую карту, которая позволила выделить очаги

Рис. 9. Работы по неинвазивному исследованию кургана Л-209/2018 методами разведочной геофизики (электроразведка).

расположения крупных производственных объектов, а также локализовать положение металлических объектов, которые затем были исследованы археологами. При итеративном расширении границы съемки была в общем виде изучена вся территория Центрального селища.

Магниторазведка обнаружила аномалии, которые по результатам археологических раскопок оказались ямами разного размера, датирующимися преимущественно второй половиной X – началом XI в., а также отдельными участками непотревоженного культурного слоя.

В ходе проведения археологических раскопок отдельные участки непотревоженного культурного слоя, заполнение ям, пахотный горизонт измерялись с применением каппаметрии для определения их магнитной восприимчивости. К настоящему времени накоплены данные по 69 образцам на разных участках работ и глубинах, в прослойках и заполнениях объектов. Пахотный горизонт с включениями элементов разрушенного культурного слоя имеет средние значения 0,32–0,47 СИ × 10–3, которые отличаются от участков пахотного горизонта, где культурный слой не сохранился

Рис. 10. Работы по неинвазивному исследованию курганов методами разведочной геофизики (электроразведка).

(0,1–0,2 СИ × 10–3). Самые высокие значения определены для непотревоженного культурного слоя и заполнений ям второй половины X в. (0,5–5 СИ × 10–3). Самыми слабыми значениями магнитной восприимчивости характеризуются материк, а также заполнения ровиков остатками курганных насыпей (0,12–0,27 СИ × 10–3).

Использование каппаметрии предположительно может позволить в будущем точнее увязать карту магнитных аномалий и увереннее определять участки непотревоженного культурного слоя и объекты IX–XI вв. (*Новиков и др.*, 2021б) **(рис. 11)**.

Комплексирование геофизических методов. Сочетание методов магниторазведки, электроразведки, сейсморазведки для исследования культурного слоя поселения и привлечение вспомогательных исследований (каппаметрия), а также последующие археологические работы позволяют получать и накапливать информацию, на основе которой возможно проведение глобального моделирования данных для понимания общего строения и распространения культурного слоя Гнёздовского археологического комплекса и его отдельных структурных единиц на микроуровне.

В 2020 г. в ходе реализации гранта по изучению ландшафта были проведены высокоплотная магнитная съемка и 3D-электротомография на участке селища, расположенного непосредственно в зоне проведения археологических работ. В результате обработки данных удалось получить карты распространения магнитных аномалий разного характера. В одной из модификаций расчета данных магниторазведки получилось выделить новые кольцевидные структуры, которые были интерпретированы как ровики двух разрушенных курганов Полевой курганной группы, выявленных ранее в ходе археологических работ. Эти данные подтверждаются и результатами обработки электротомографии в 3D-модификации.

Данные магниторазведки по распространению распаханного и частично сохранившегося культурного слоя селища подтверждаются данными воздушного лазерного сканирования и картированием индивидуальных находок X в. из пахотного горизонта, которые концентрируются в зоне магнитных аномалий, интерпретируемых как объекты второй половины X – начала XI в.

Археологические исследования на территории северо-восточной части Центрального поселения и Лесной курганной группы осуществлялись в соответствии с указаниями и требованиями «Положения о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации № 32 от 20 июня 2018 года», разработанными Институтом археологии Российской академии наук.

Разбор культурного слоя селища осуществляется по пластам и слоям тонкими зачистками по 3–5 см. При исследовании изъятого культурного слоя и слоя кострища из погребения применялась промывка в ваннах на ситах с ячейками размером 2×2 мм. Для пахотного горизонта применялась частичная ручная переборка, просеивание в ситах и частичная проверочная промывка **(рис. 12–14)**.

Начиная с XVII в. верхние напластования культурного слоя территории Центрального поселения и краевые курганы Лесной курганной группы подвергаются сельскохозяйственной распашке, а с 1990-х гг. разрушаются в ходе незаконного применения металлодетекторов. В связи с этим были проведены работы по исследованию участка селища с разбивкой поисковых квадратов и применением сплошного поиска для исследования пахотного горизонта при помощи металлодетекторов с привязкой находок в единую систему координат. Участок северо-восточной части Центрального селища площадью 2,64 га был разбит на поисковые квадраты 10×10 м. Такая система организации работ позволяет обеспечить преемственность результатов, полученных в разные годы исследований. Для сбора материала использовались металлодетекторы «Minelab» и «Fisher»

Рис. 11. Процесс исследования культурного слоя на предмет магнитной восприимчивости с использованием каппометра.

Рис. 12. Процесс разбора культурного слоя поселения.

Рис. 13. Промывка культурного слоя в мелкоячеистых ситах.

различных модификаций. Все обнаруженные находки были выявлены на глубине до 15 см, то есть не достигали и половины глубины распаханного культурного слоя **(рис. 15)**.

Полевая работа с использованием металлодетекторов была организована следующим образом: индивидуальная находка после обнаружения помещалась вместе с этикеткой в зип-пакет и оставлялась на месте в ямке с ярким флажком. После накопления материала все находки привязывались оператором тахеометра и заносились в единую базу данных с полевым кодом и наименованием предмета в тахеометре. В конце каждого рабочего дня полученные точки объединялись в единую базу данных в формате Excel, а их местоположение проверялось в программе Surfer. В базу данных заносились координаты, номер квадрата, наименование предмета и степень его сохранности. Все находки были привязаны в единую геоинформационную базу данных ГИС **(рис. 16)**.

Разбор курганных насыпей осуществлялся зачистками с фиксацией по пластам, мощность которых колебалась от 5 до 20 см в зависимости от близости погребения.

Кострище в кургане Л-210/2018, было разбито на квадраты 1×1 м, по которым и осуществлялась его разборка небольшими совками и ножами **(рис. 17, 18)**. Все находки фиксировались с помощью тахеометра. Разобранный грунт кострища по квадратам промывался на ситах с размерами ячейки 2×2 мм **(рис. 19)**. Полученный в ходе промывки материал собирался в емкости, просушивался и затем разбирался на рабочих столах[9] **(рис. 20)**. Такая методика позволила обнаружить огромное количество мелких целых и фрагментированных предметов, а также собрать максимальное количество кальцинированных костей и сформировать карпологическую коллекцию.

При исследовании погребений по обряду трупоположения в могильных ямах мы отказались от традиционной для Гнёздова методики выборки заполнения могильных ям. Песчаный грунт и сотрясение почвы от проходящих поблизости поездов приводили к постоянным обрушениям краев могильных ям. Ввиду этого было принято решение раскапывать могильные ямы площадью, превышающей их границы. Такой подход увели-

9 Использована методика, разработанная С. Д. Захаровым (*Захаров*, 2007. С. 88–89).

Рис. 14. Промывка культурного слоя в ваннах и мелкоячеистых ситах.

чивает объем земляных работ, но позволяет фиксировать точные контуры ям на пластовых чертежах и при высотной съемке, а также дает пространство для перемещения вокруг могильной ямы без риска повреждения объектов. Разбор заполнения могильных ям производился зачистками с помощью небольших лопат и совков по пластам от 5 до 20 см. После прохождения пласта производилась зачистка с фиксацией изменений на чертеже и фотографиях. Для фиксации стратиграфии заполнения могильных ям сохранялись бровки, заложенные еще при изучении насыпи. Расчистка погребения осуществлялась совками, медицинским инструментом и кисточками **(рис. 21–24)**. С 2022 года при разборе нижней части заполнения больших по площади могильных ям используется специальный помост, позволяющий избежать повреждений как костей, так и вещей от давления веса расчищающих погребение археологов **(рис. 25)**.

Археологические работы сопровождались фотофиксацией ручными камерами, а также низковысотной съемкой с помощью беспилотных дронов различных модификаций в сочетании с геодезическими привязками внутри единой опорной сетки реперов в международной системе координат WGS84 UTM36. Инструментальные привязки отдельных находок, реперных точек, объектов, границ и пр. осуществлялись с применением лазерного тахеометра Trimble M3, а также GNSS-станции Leica **(рис. 26–31)**.

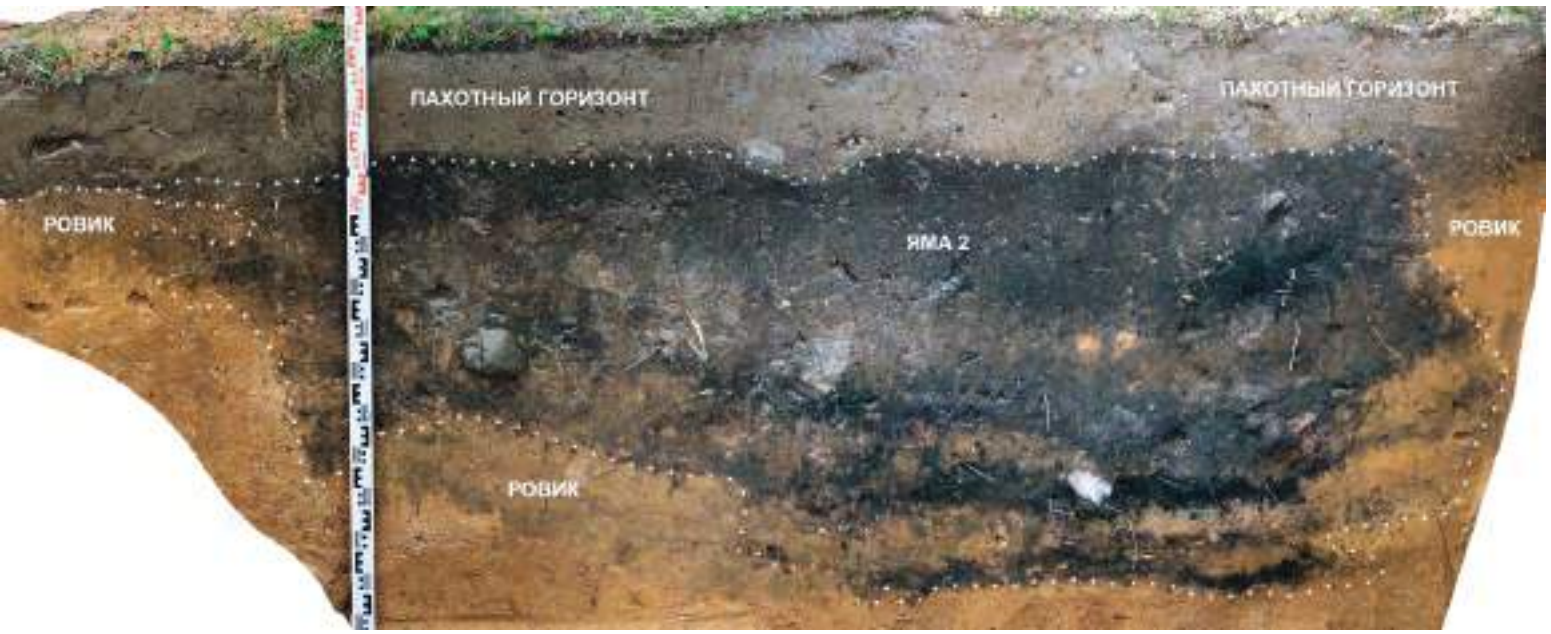


Рис. 15. Характерный профиль культурного слоя, ямы последней четверти X века и ровика разрушенного кургана в северо-восточной части Центрального поселения.

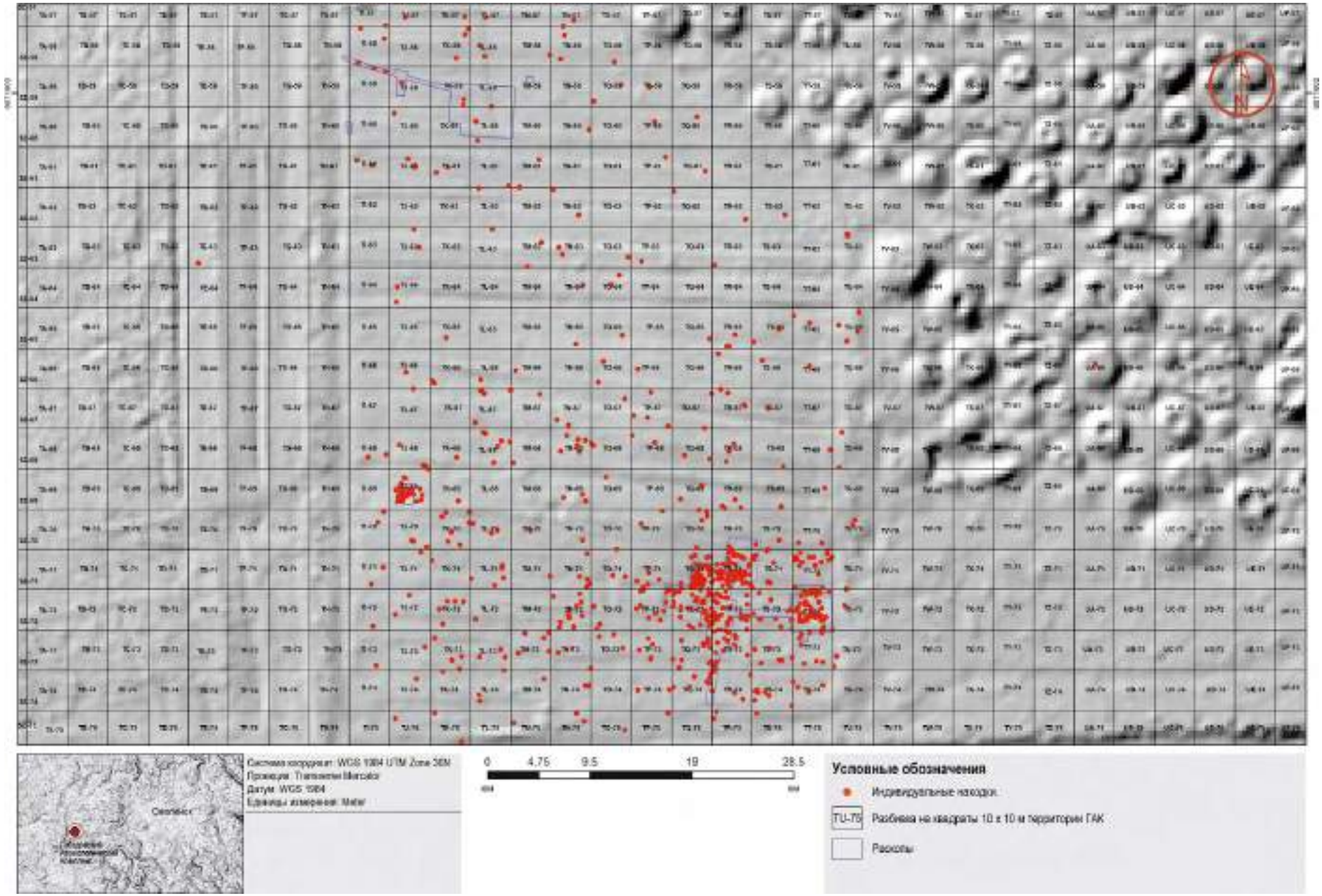


Рис. 16. Карта распространения индивидуальных находок в зоне работ в северо-восточной части Центрального поселения и сетка поисковых и исследовательских квадратов для Гнёздовского археологического комплекса.

В ходе работ использовался метод фотограмметрии для получения пластовых планов и фиксации отдельных объектов (ям, погребений, находок), а отдельные объекты фиксировались с применением ручных лазерных сканеров Artec **(рис. 32, 33)**.

Полученные облака точек находок, контуров объектов, границ участков, а также 3D-модели, ортофопланы и чертежи объединялись в единой геоинформационной системе Гнёздовского комплекса на базе ArcMAP и ArcGLOBE.

Работы по расчистке, консервации и реставрации полученного материала осуществляли сотрудники научно-исследовательской реставрационной лаборатории «Археолаб», принимавшие активное участие на этапе полевых и камеральных работ в 2017–2020 гг.

Количественный анализ химического состава цветного металла был выполнен с помощью микрорентгенофлюоресцентного спектрометра Bruker M1 Mistral. Рентгенографические исследования выполнены сотрудниками ООО «Диагностика-М», компьютерная томография – сотрудниками центра развития технологии ООО «Остек-СМТ».

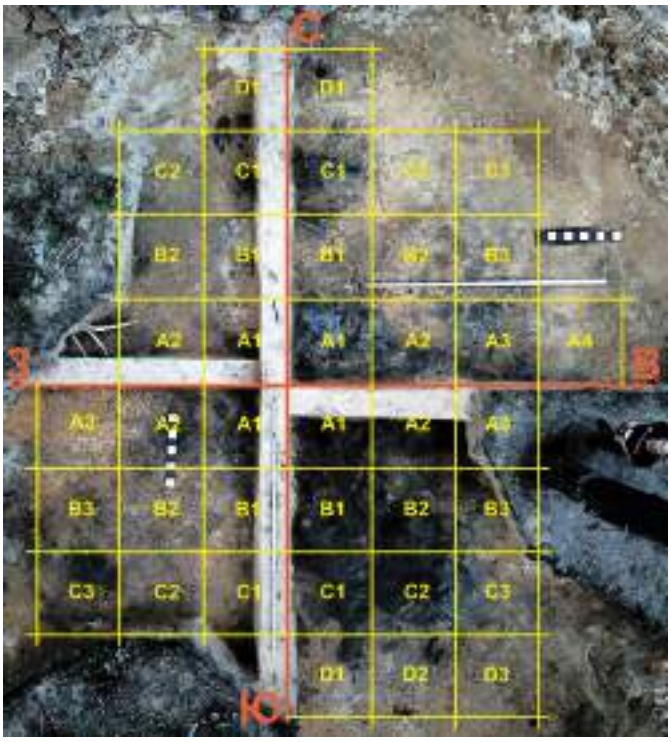


Рис. 17. Сетка квадратов, по которой разбирался кострищный слой в кургане Л-210/2018.

Рис. 18. Процесс разбора кострищного слоя в кургане Л-210/2018.

Рис. 19. Промывка кострищного слоя в мелкоячеистых ситах. Курган Л-210/2018.

Рис. 20. Разбор промытого кострищного слоя на рабочем столе. Курган Л-210/2018.

Рис. 21, 22. Исследование могильной ямы с увеличением раскопочного пространства. Курган Л-206/2017.

Рис. 23. Расчистка погребения. Курган Л-208/2017.

Рис. 24. Процесс графической фиксации погребения с использованием мобильной координатной сетки. Курган Л-207/2017.

Рис. 25. Процесс разбора камерного погребения с использованием мобильного помоста. Курган Л-215/2022.

Рис. 26. Фотофиксация погребения. Комплекс Л-211/2019.

Рис. 27. Фотофиксация фрагментов щита. Курган Л-206/2017.

Рис. 28. Фотофиксация с применением БПЛА.

Рис. 29. Тахеометр Trimble M3 в ходе работ на территории Центрального поселения.

Рис. 30. Работа с тахеометром по привязке объектов в ходе раскопок курганов в Лесной курганной группе.

Рис. 31. GNSS-станция Leica в ходе работ на территории Центрального поселения.

Рис. 32. Создание ортофотоплана и 3D-модели погребения с использованием БПЛА при раскопках кургана в Лесной курганной группе. Курган Л-215/2022.

Рис. 33. Сканирование объектов ручным лазерным сканером Artec при раскопках культурного слоя Центрального поселения.

3. Предварительные итоги полевых археологических работ на территории северо-восточной части Центрального поселения и в Лесной курганной группе (2017–2020 гг.)

В ходе работ 2017–2020 гг. в северо-восточной части Центрального поселения было исследовано в общей сложности 442 м^2. Под слоем пахоты мощностью 35–45 см были прослежены непотревоженные участки культурного слоя, а также серии ям хозяйственных и жилых построек последней четверти X – первой четверти XI в.

В пахотном горизонте, а также при исследовании непотревоженного культурного слоя обнаружено большое количество разнообразных предметов. В настоящей публикации приводятся предварительные данные только по отдельным категориям предметов[10].

Наиболее яркими находками являются два распаханных клада (*Кулешов и др.*, 2021. С. 188–202) **(рис. 34)**.

В верхнем пахотном горизонте раскопа ЦС–XIX были собраны остатки первого денежно-вещевого клада («восточный клад»). В комплекс клада входила 41 монета[11], из них 29 целых, 4 – с ушками для подвешивания и 8 фрагментов (главным образом в половину целой монеты). Монеты-подвески датируются 290–333 гг. х., в остальном комплекс типохронологически компактен на отрезке в 25 лет (318–342 гг. х.). Дата сокрытия по младшей монете – после 342 г. х. (953/954 гг.). Вероятно, в состав клада входят три серебряных слитка весом 4,0, 5,0 и 11,0 г. По материалам Готланда, Англии и Дании, такие слитки обычно встречаются в кладах, сокрытых от конца IX до середины X в.

Кроме монет и слитков весового серебра, в состав клада мы включаем следующие предметы из серебра: пять фрагментов подвесок-лунниц, выполненных в технике зерни и скани, бусину с зернью, фрагмент бусины, фрагменты перстней и фрагмент типологически неопределимого украшения. Вещевой комплекс украшений напоминает состав монетно-вещевых кладов, которые были обнаружены в 1870, 1885, 1993 и 2001 гг. на территории Центрального поселения и датируются серединой – второй половиной X в. Не исключено, что в состав кладового комплекса следует включать и железный кубический замок типа А, начало использования которых по материалам Великого Новгорода относится к 930–950 гг. (*Кудрявцев*, 2014. С. 14). Присутствие замков и ключей в древнерусских кладах хорошо известно и связывается с магической функцией «запирания» сокрытого богатства[12]. Общая датировка вещевого комплекса предметов серединой X в. не противоречит датировке по составу монет **(рис. 35–38)**.

В раскопе ЦС–XXII/2018 был обнаружен второй («западный») клад из 16 монет: 8 целых, 1 обрезанная по кругу, 5 фрагментов в половину монеты, 1 мелкий фрагмент, по форме близкий к четвертинке, и 1 нечеканеная монетная заготовка. Дата сокрытия «западного» клада в раскопе ЦС–XXII/2018 по младшей монете – после 341 г. х. (952/953 гг.) **(рис. 39)**.

10 Помимо раннего нумизматического материала в научный оборот уже введен весовой инвентарь конца I тыс. н. э., а также нумизматические, филобутонистические и сфрагистические материалы позднего средневековья и Нового времени, происходящие с этой части памятника (*Горячев, Новиков*, 2021; *Волков, Новиков*, 2021).

11 Работы на этом участке селища решено было провести после получения информации о находке в ходе грабительских раскопок в начале 2000-х гг. двух распаханных кладов куфических монет. С учетом этой информации в состав первого клада входило более ста монет, в основном саманидских (*Кулешов и др.*, 2021. С. 200).

12 В то же время сохраняется некоторая вероятность того, что замок и, в меньшей степени, серебряные украшения могли относиться к культурному слою поселения, существовавшего на этой территории с последней четверти X в.

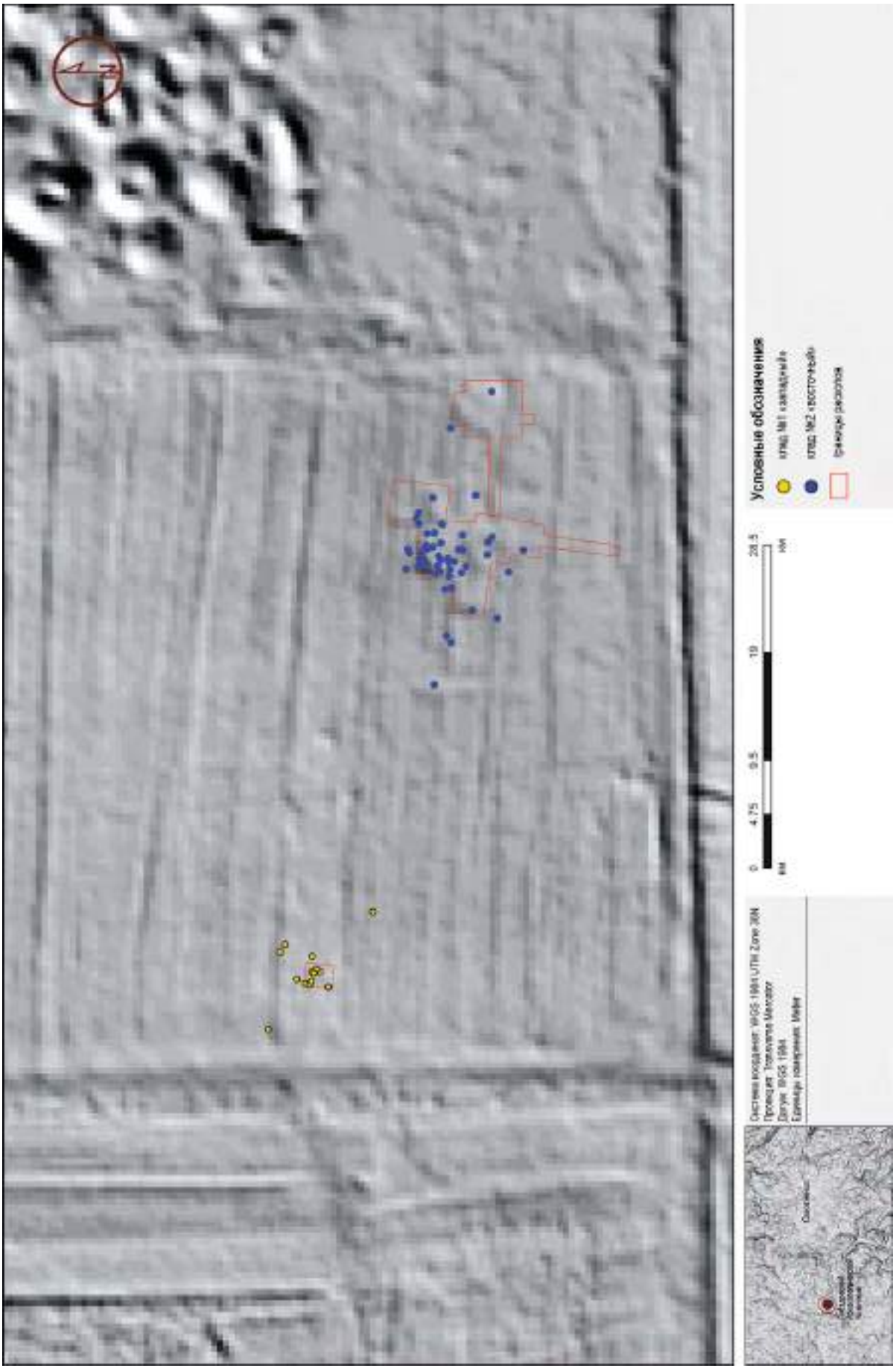


Рис. 34. Карта с местами обнаружения двух кладов («восточный» и «западный»).

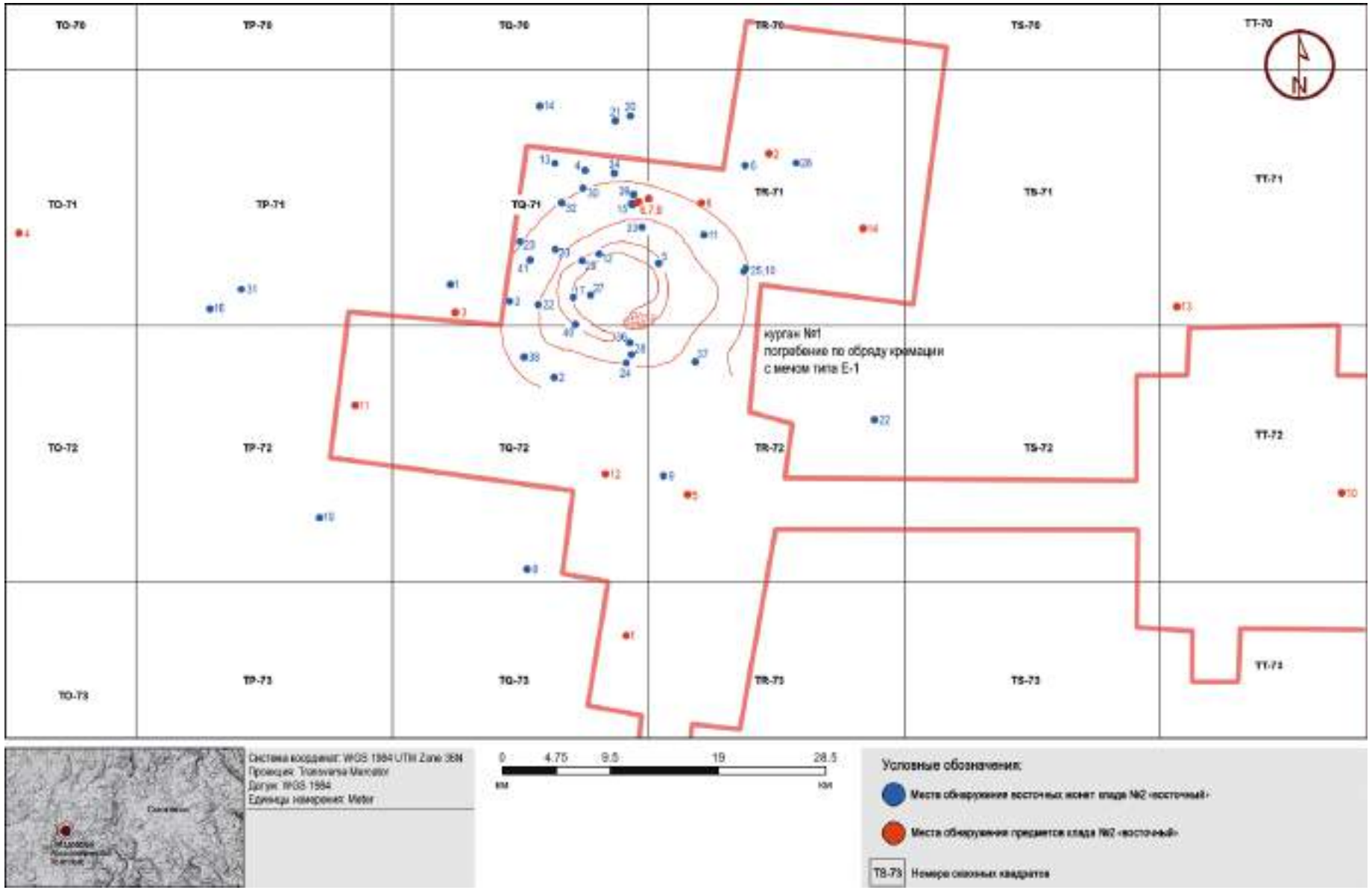


Рис. 35. Ситуационная карта с местами обнаружения монет и предметов «восточного» клада и кургана П-1.

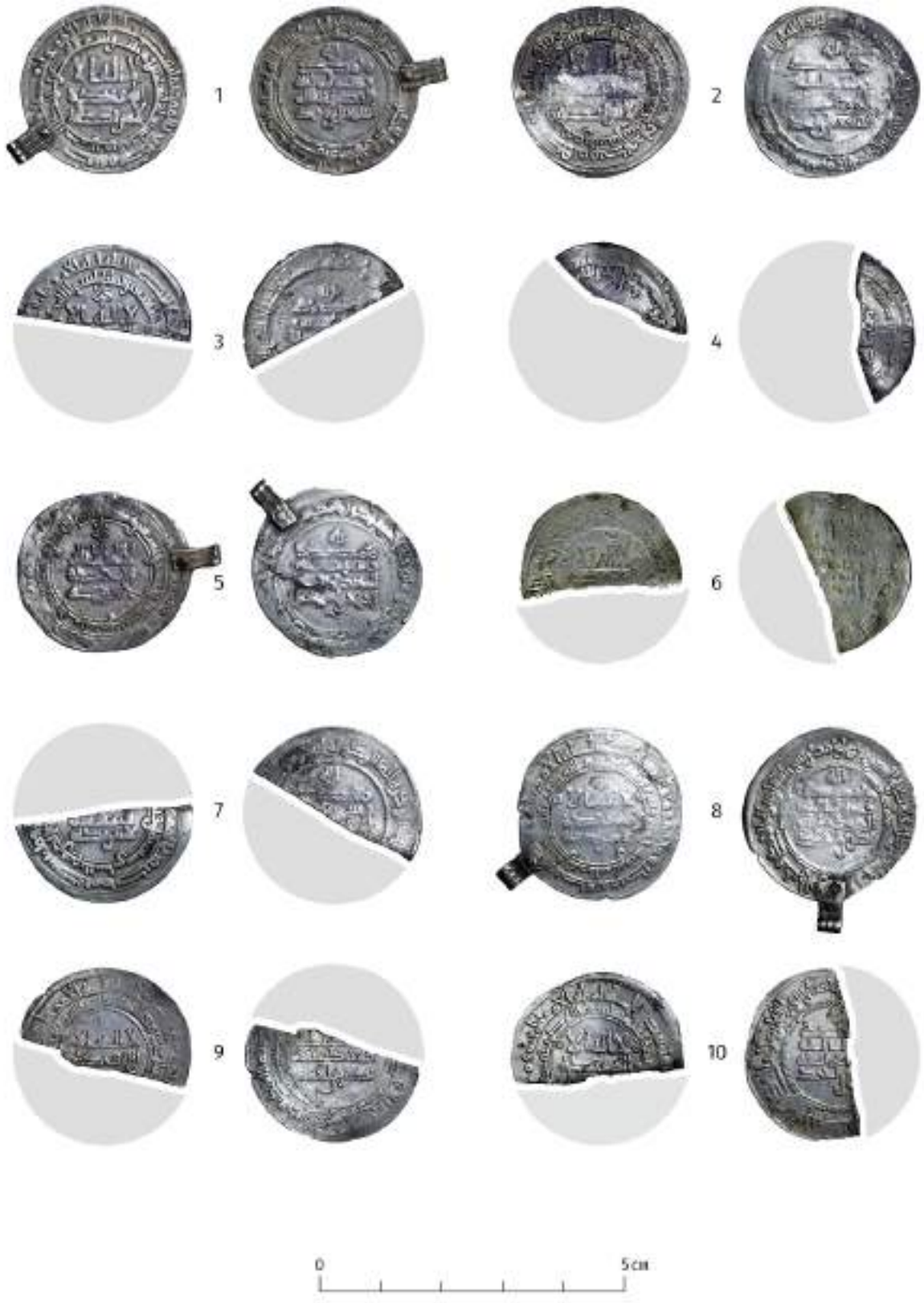


Рис. 36. Северо-восточная часть Центрального селища. Монеты «восточного» клада (*1–10*).

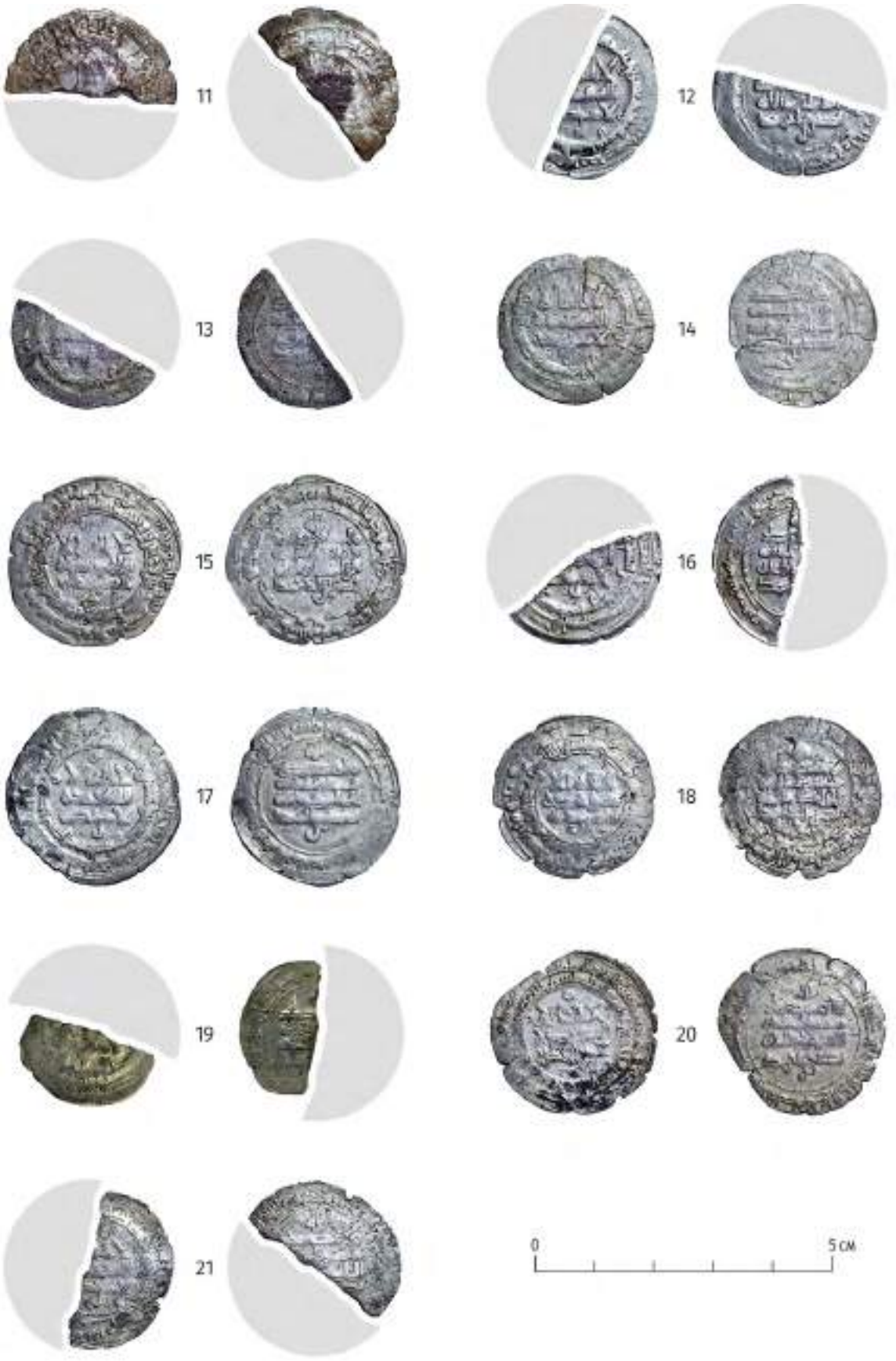


Рис. 36 (продолжение). Северо-восточная часть Центрального селища. Монеты «восточного» клада (*11–21*).

Рис. 37. Северо-восточная часть Центрального селища. Монеты «восточного» клада (продолжение) (*22–31*).

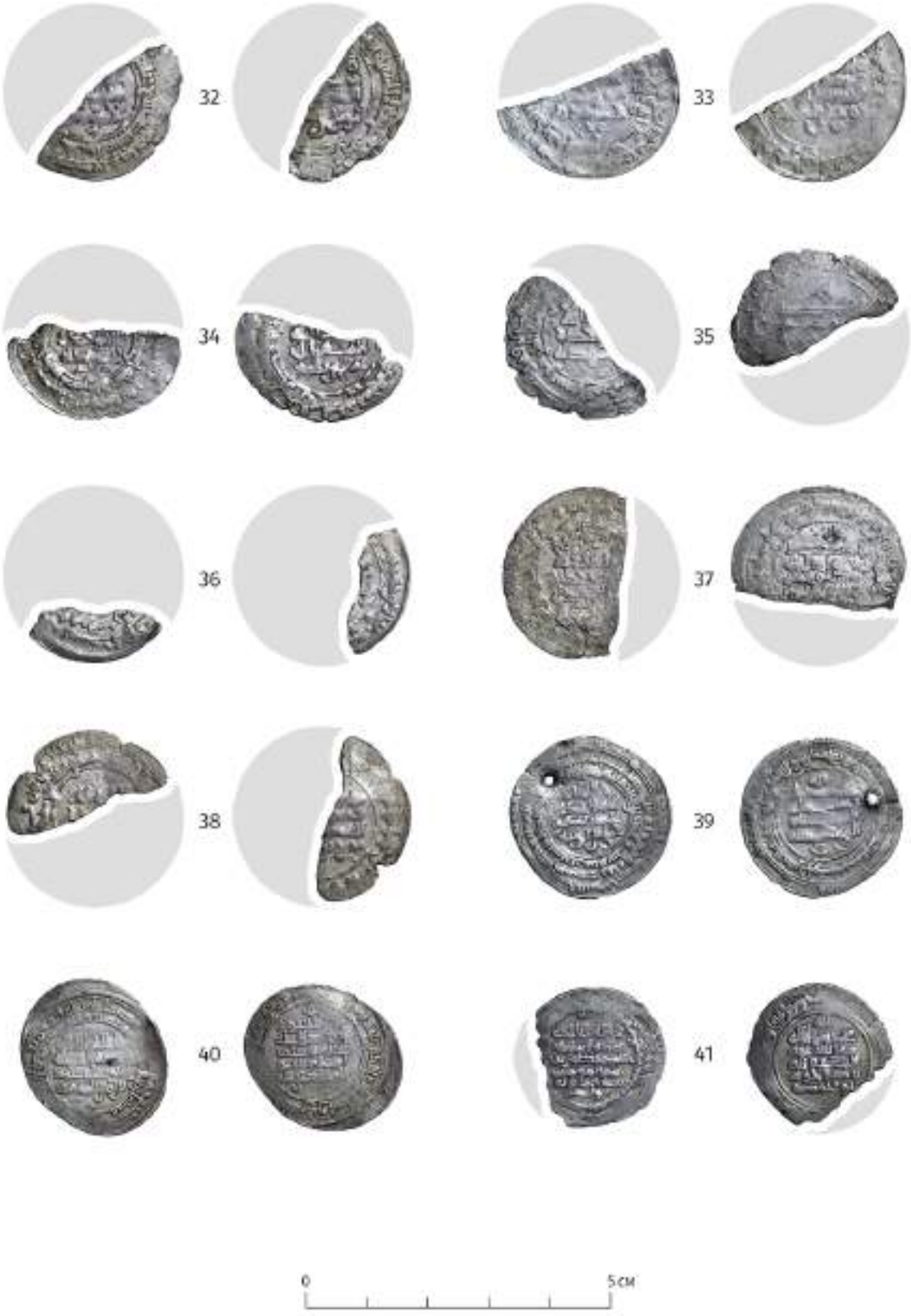


Рис. 37 (продолжение). Северо-восточная часть Центрального селища. Монеты «восточного» клада (продолжение) (*32–41*).

Рис. 38. Северо-восточная часть Центрального селища. Предполагаемая вещевая часть «восточного» клада: *1, 2* – слитки серебра; *3, 5, 6, 11* – фрагменты скано-зерненых лунниц; *4* – зерненая бусина; *10* – фрагмент бусины из проволоки; *7, 8, 12* – фрагменты перстней; *9* – фрагмент кубического замка; *13* – фрагмент украшения. *1–8, 10–13* – серебро; *9* – железо.

Рис. 39. Северо-восточная часть Центрального селища. Монеты «западного» клада (*1–8*).

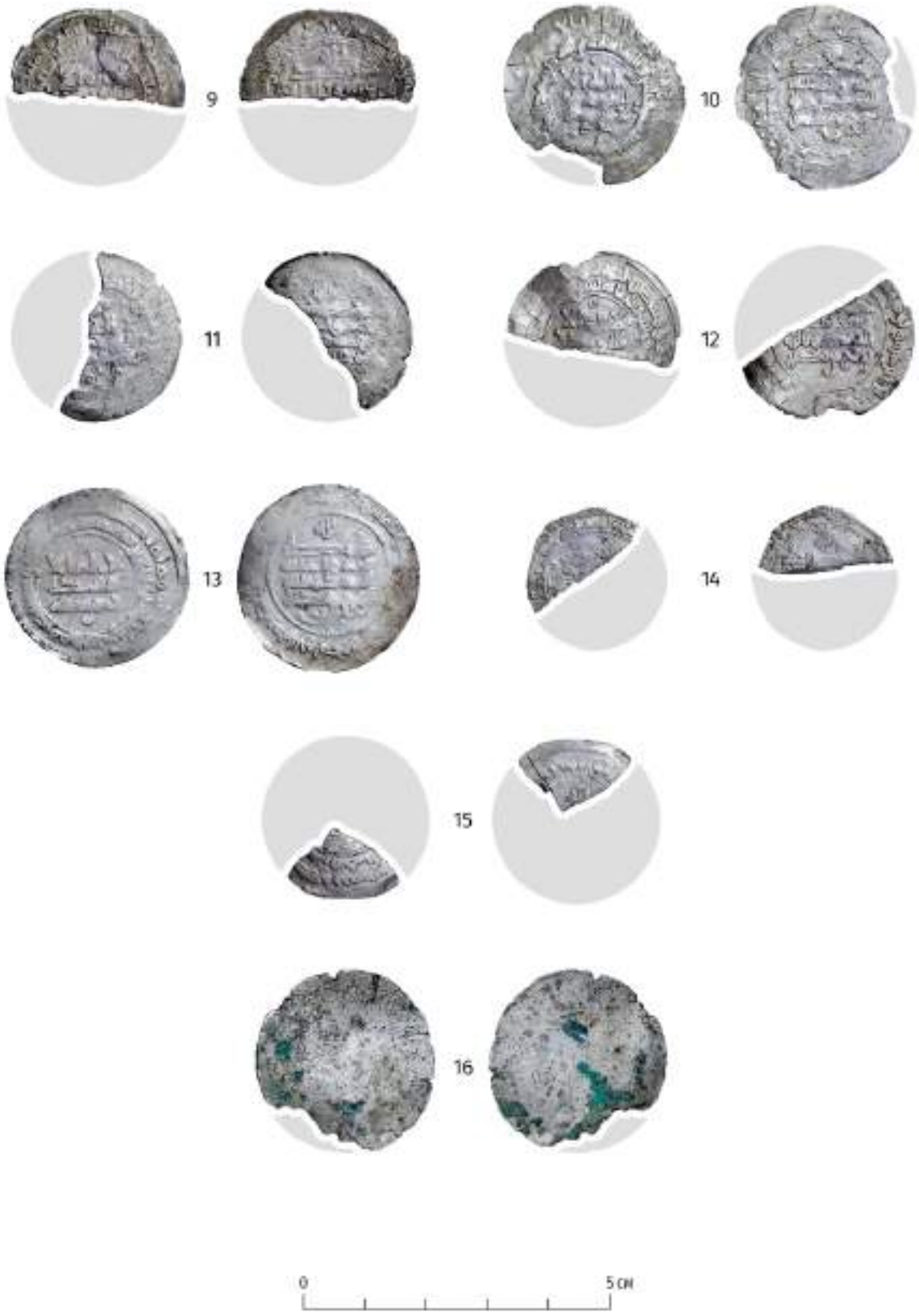


Рис. 39 (продолжение). Северо-восточная часть Центрального селища. Монеты «западного» клада (*9–16*).

Помимо кладовых комплексов были обнаружены отдельные монеты – не менее 36 куфических (803/804–961 гг.).

В слое пахотного горизонта были также обнаружены один целый и один фрагментированный фолисы византийских императоров Константина VII и Романа II (DOC Class 6), чеканенные в Константинополе около 950–959 гг. **(рис. 40)**.

Кроме мечей и одной детали ножен меча, о которых речь пойдет отдельно, на исследуемом участке найдено не менее 18 наконечников стрел и предположительно один наконечник арбалетного болта, два фрагмента топоров и три кольца, все или часть из которых можно интерпретировать как кольчужные кольца **(рис. 41)**.

Наконечники стрел относятся к следующим типам по типологии А. Ф. Медведева (*Медведев,* 1966):

• **тип 40** – ромбовидные с упором и расширением в нижней трети длины пера – 2 экз. **(рис. 42, *1, 3*)**;

• **тип 42** – ромбовидные с расширением в середине длины пера и пропорциями пера 1:2 – 1 экз. **(рис. 42, *8*)**;

• **тип 43** – ромбовидные с расширением в середине длины пера и пропорциями 1:3 – 3 экз. **(рис. 42, *2, 5, 6*)**;

• **тип 46** – ромбовидные без упора – 4 экз. **(рис. 42, *4, 9–11*)**;

• **тип 51** – ромбовидные с прямыми сторонами и вогнутыми плечиками и наибольшим расширением в верхней половине пера – 1 экз. **(рис. 42, *7*)**;

• **тип 62/2** – ланцетовидные с упором – 3 экз. **(рис. 43, *12, 13, 16*)**;

• **тип 75/1** – ланцетовидные трехгранные без валика – 1 экз. **(рис. 43, *15*)**;

• **тип 84/1** – бронебойные с короткой пирамидальной головкой ромбического или квадратного сечения и длинной шейкой круглого сечения – 1 экз. **(рис. 43, *14*)**;

• **тип 94** – шиловидные ромбического сечения с простым упором – 1 экз. **(рис. 43, *18*)**;

• **тип 97/1** – бронебойные в виде кинжальчиков ромбического сечения с перехватом и круглой шейкой – 1 экз. **(рис. 43, *19*)**.

Подавляющее большинство найденных наконечников стрел может датироваться концом I тыс. н. э. и, очевидно, связано с периодом существования здесь поселения, а также функционирования могильника. Один наконечник стрелы

Рис. 40. Северо-восточная часть Центрального селища. Византийские монеты (*1, 2*).

(рис. 42, *1*), найден на дне лепной урны, заполненной кальцинированными костями. На поверхности еще по крайней мере четырех наконечников прослеживается окалина, возникшая под воздействием высоких температур **(рис. 43, *2, 4, 5*; рис. 43, *8*)**. Очень вероятно, что и эти наконечники происходят из разрушенных погребений, совершенных по обряду кремации.

Один найденный наконечник предположительно интерпретируется как наконечник арбалетного болта **(рис. 43, *19*)**. По типологии А. Ф Медведева он относится к типу 10 – пирамидальные наконечники квадратного сечения с треугольной гранью (*Медведев*, 1966 С. 95). Исследователь датирует подобные наконечники концом XII – первой половиной XIII в. На территории Гнёздовского поселения арбалетные болты уже встречались – два наконечника XIV–XV вв. найдены в восточной части Центрального селища, еще два – в ходе работ 2021 г. на раскопах ЦС–XXV и ЦС–XXVA. По всей видимости, это следы военной активности, связанной с противостоянием Московского и Литовского Великих княжеств.

Топоры представлены двумя фрагментами обушной части **(рис. 44, *1, 2*)**. Один фрагмент обуха относится к топору типа IV[13], у которого обломаны оба обушных мысовидных выступа **(рис. 44, *1*)**. Второй – фрагмент обушной части топора типа VII, впервые встреченного при раскопках в Гнёздове **(рис. 44, *2*)**.

13 Все типы топоров указаны в соответствии с типологией А. Н. Кирпичникова (*Кирпичников,* 1966б. С. 26–40).

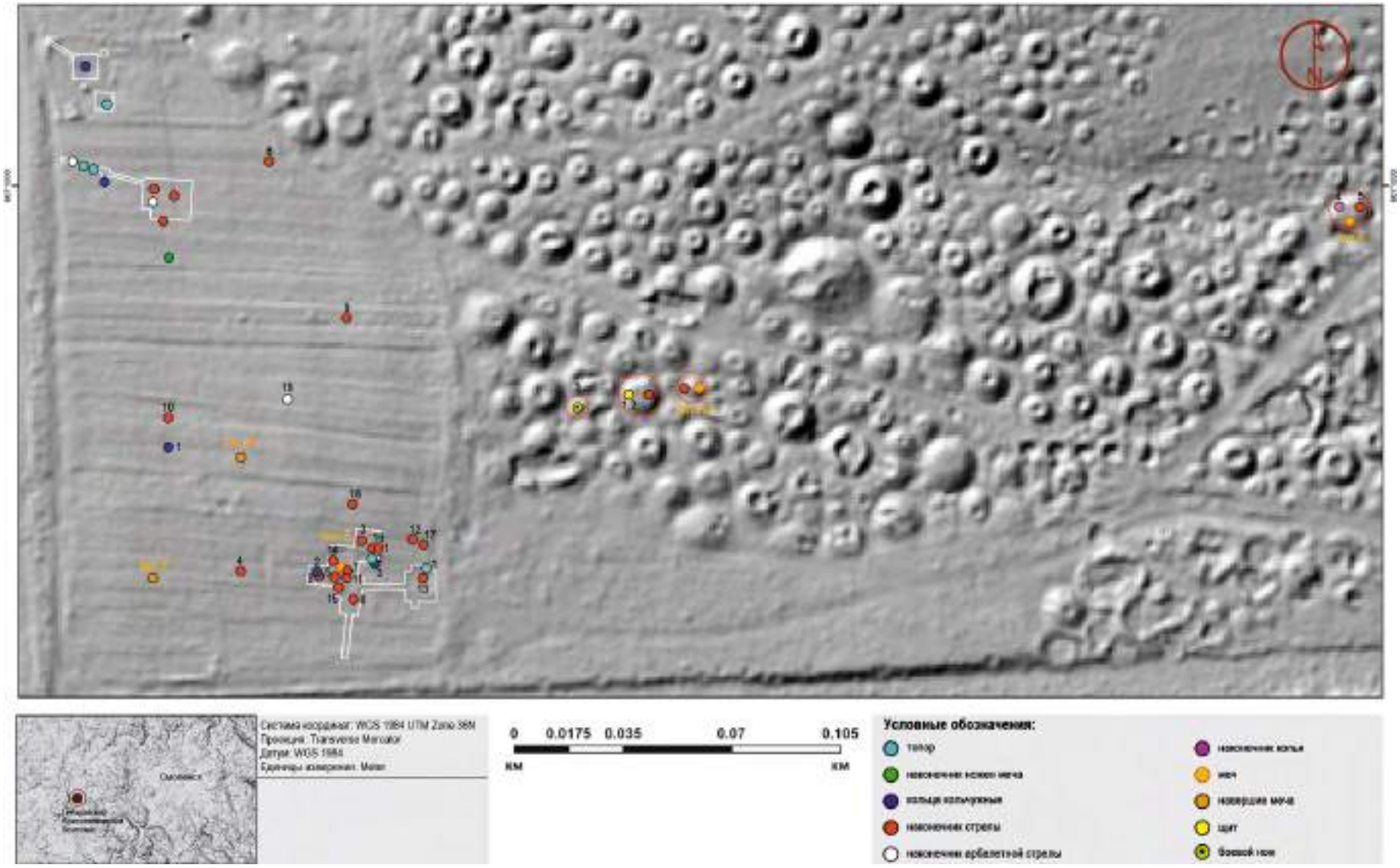


Рис. 41. Карта с находками предметов вооружения в северо-восточной части Центрального поселения и Лесной курганной группы 2016–2021 гг. Находки, сделанные на территории селища и отмеченные номерами, относятся к работам 2017–2020 гг. Номера находок соответствуют номерам наконечников стрел на рис. 42, 43. Номера находок предметов вооружения из курганов Лесной группы соответствуют номерам на **рис. 49**.

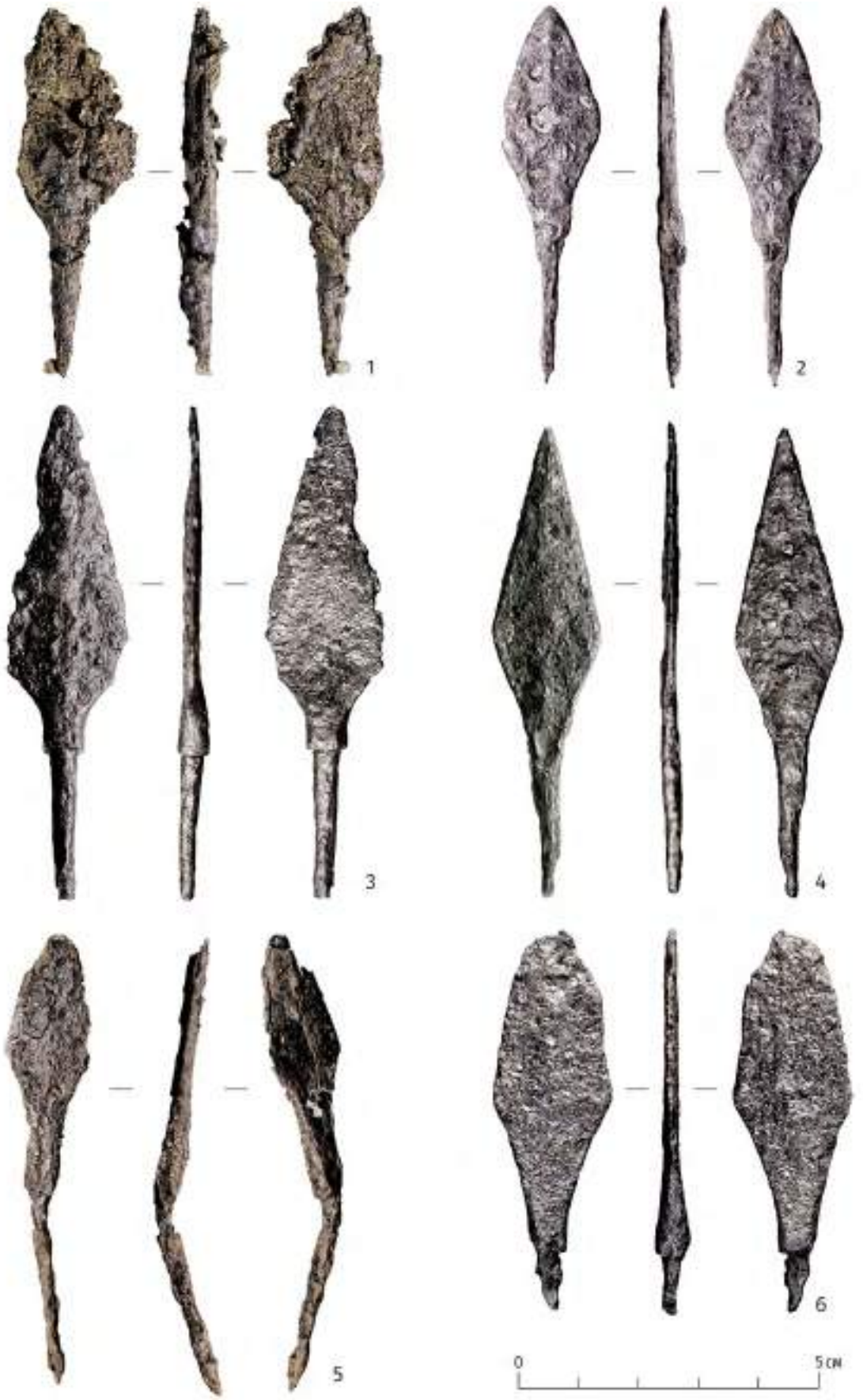


Рис. 42. Северо-восточная часть Центрального селища. Наконечники стрел: *1, 3* – тип 40; *4* – тип 46; *2, 5, 6* – тип 43.

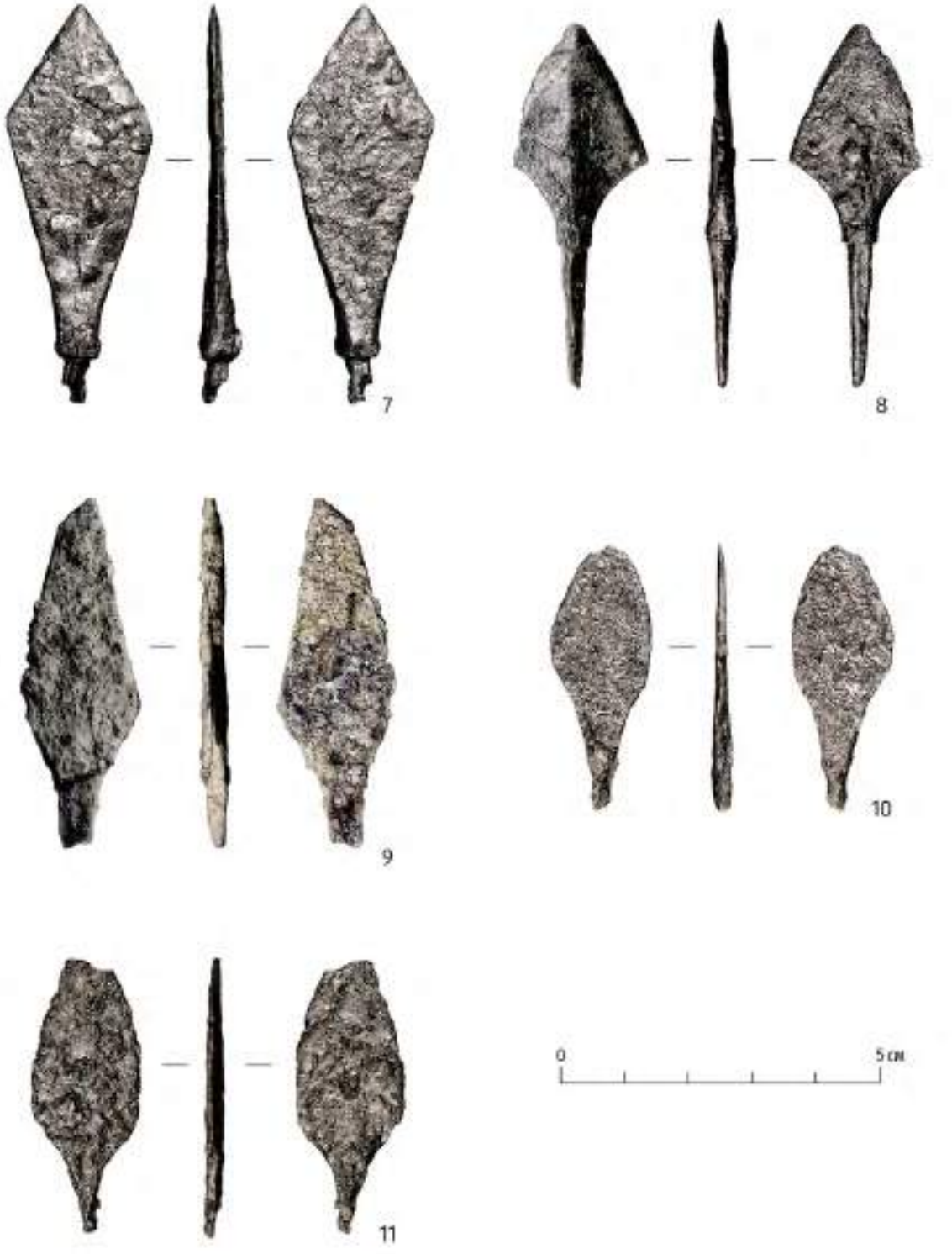


Рис. 42 (продолжение). Северо-восточная часть Центрального селища. Наконечники стрел: *9–11* – тип 46; *7* – тип 51; *8* – тип 42.

Рис. 43. Северо-восточная часть Центрального селища. Наконечники стрел (продолжение): *12, 13* – тип 62/2; *14* – тип 84/1; *15* – тип 75/1.

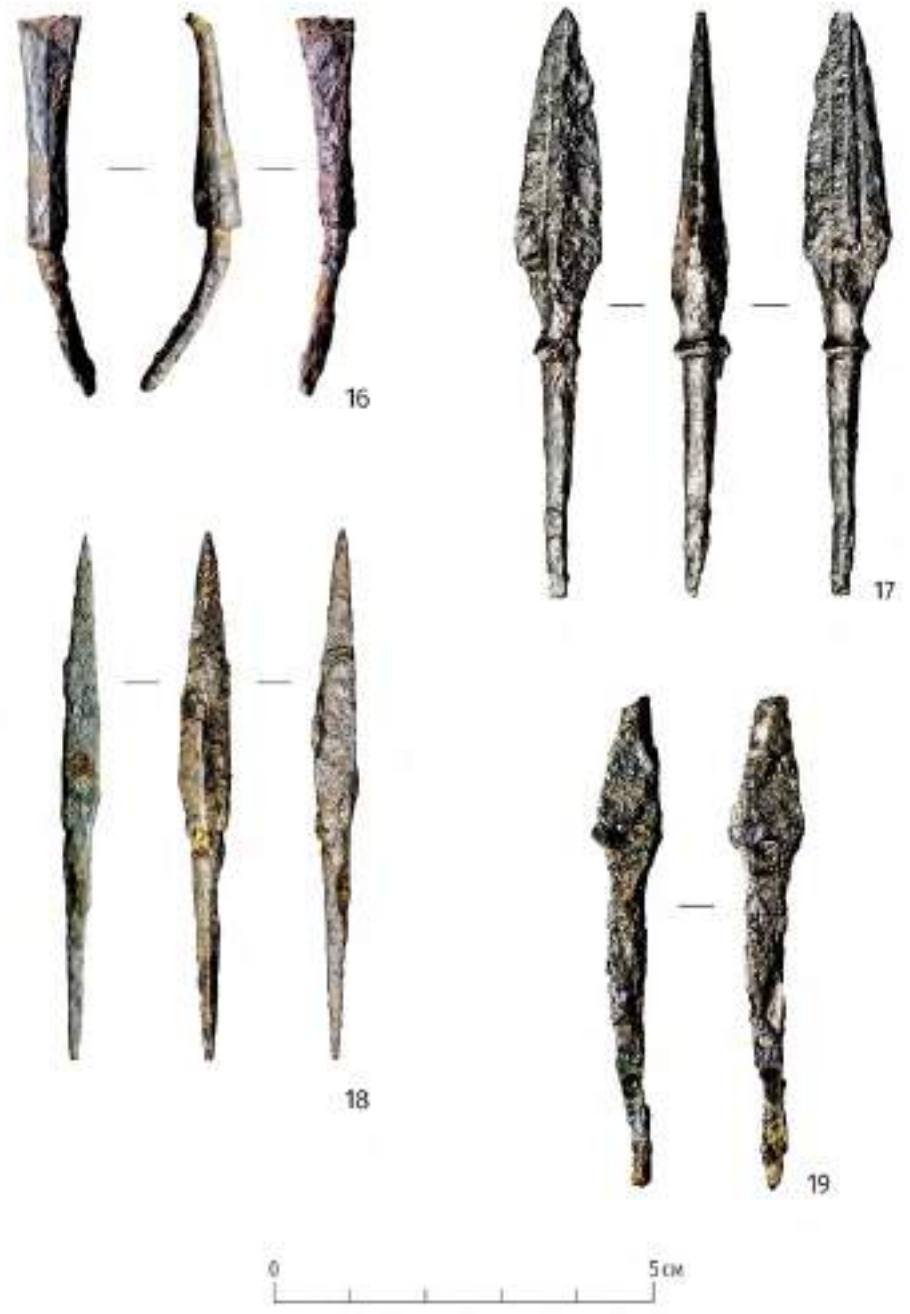


Рис. 43 (продолжение). Северо-восточная часть Центрального селища. Наконечники стрел (продолжение): *16* – тип 62/2; *17* – тип 97/1; *18* – тип 94. Наконечник арбалетного болта (*19*) – тип 10.

Доспех представлен находками трех колец **(рис. 45)**. Но только одно кольцо уверенно определено как кольчужное, два других отнесены к таковым предположительно. Одно из них, диаметром 11,5 мм, изготовлено из медного сплава, концы кольца спаяны между собой **(рис. 45, *1*)**, второе кольцо – железное, диаметром 10,5 мм, из проволоки круглого сечения, также с концами, спаянными медносплавным припоем **(рис. 45, *2*)**. Насколько известно авторам, медносплавная пайка как способ соединения концов кольчужных колец не встречается в средневековье. Третья находка изготовлена из железа и, скорее всего, представляет собой неразъемное кольцо, диаметром около 9 мм **(рис. 45, *3*)**.

Кольчужные кольца хотя и являются редкой находкой на гнёздовском поселении, тем не менее представлены в материалах исследований всех его участков (*Каинов, Щедрина*, 2021. С. 163–164). Всего из раскопок на Центральном поселении

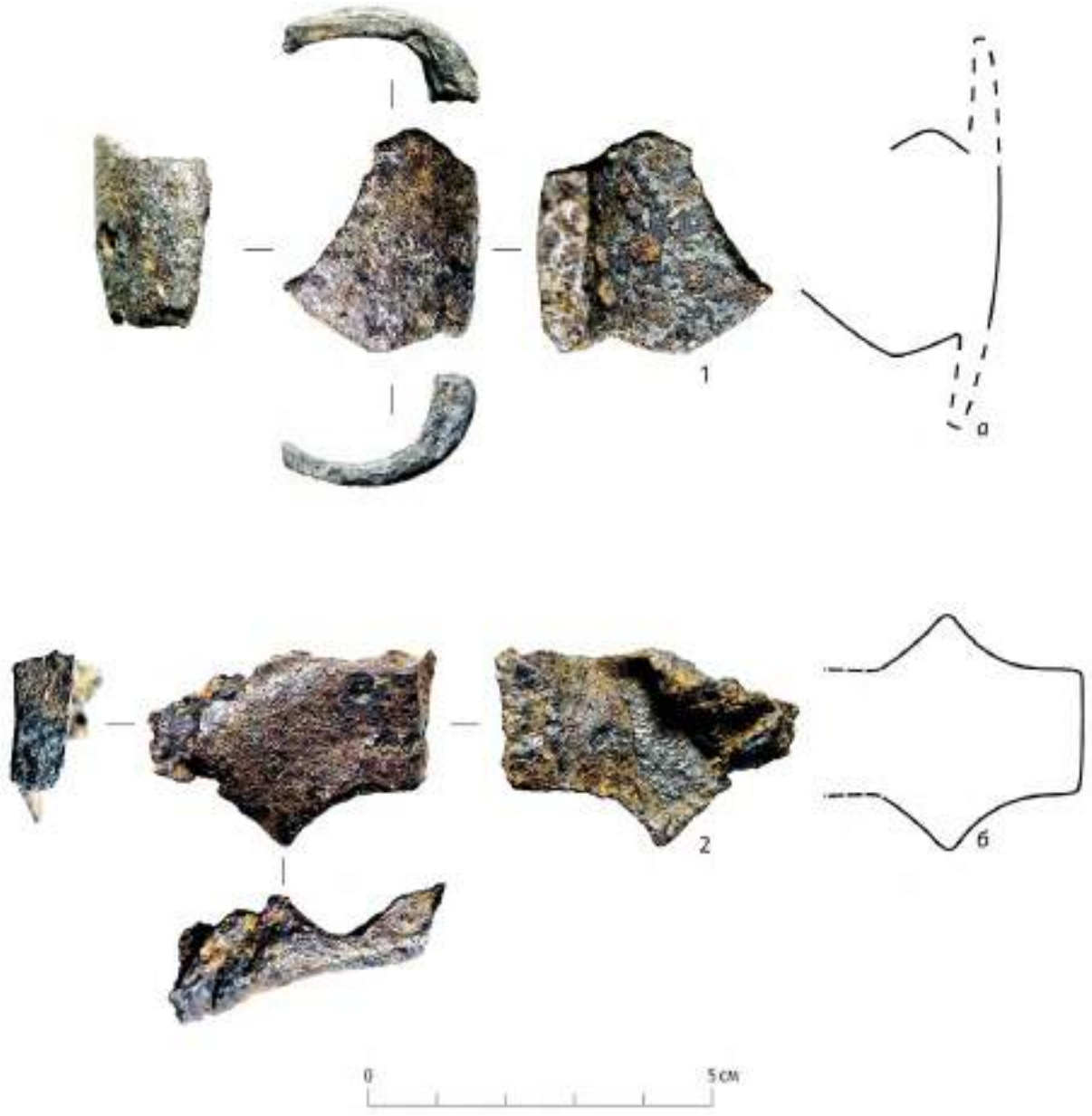


Рис. 44. Северо-восточная часть Центрального селища. Фрагменты топоров (*1*, *2*). Реконструкции обушных частей (*а*, *б*).

в 1952–2018 гг. учтено не менее 84 находок. Подобной концентрации кольчужных колец неизвестно ни на одном древнерусском памятнике раннегосударственного периода.

Пахотный горизонт и подстилающие его отдельные участки непотревоженного культурного слоя поселения перекрывают остатки разрушенных в X в. курганов. Последние представлены остатками засыпанных в ходе нивелировки ровиков, окружавших курганные насыпи, и частично сохранившимися погребениями.

Ровики разрушенных курганов прорезаны ямами, представлявшими собой нижние части жилых и хозяйственных построек, которые относятся к последней четверти X – первой четверти XI в., а также перекрыты отдельными прослойками культурного слоя. Всего в ходе работ 2017–2020 гг. было выявлено не менее восьми разрушенных курганов. Ширина частично или полностью исследованных ровиков этих курганов колеблется от 120 до 300 см. В ходе изучения участка были целиком исследованы три погребения по обряду кремации и два – по обряду ингумации, одно из которых – погребение в простой могильной яме, другое – в деревянной камере, помещенной в большую могильную яму.

Рис. 45. Северо-восточная часть Центрального селища. Кольчужные (?) кольца: *1* – медный сплав, *2*, *3* – железо; *а*, *б* – соединение концов колец.

В заполнении ровиков разрушенных курганов были собраны разрозненные кремированные останки. Кроме того, выявлены остатки детского и мужского погребений, совершенных по обряду кремации. Кальцинированные кости в обоих случаях были помещены в лепные сосуды. Детское погребение располагалось на засыпанном ровике разрушенного кургана, мужское – в округлой яме, выкопанной в центральной части перемычки ровика другого разрушенного кургана.

Общее число собранных кремированных останков (за исключением двух вышеописанных погребений) распределяется в следующих пропорциях: животные – 68,85 г, человек – 118,24 г, неопределяемые – 633 г. Во всех объектах, связанных с разрушенными курганами, зафиксированы кремированные остатки 10 человеческих индивидов. На отдельных костях прослеживаются следы припекания металла, что может дополнительно указывать на их происхождение из погребений по обряду кремации. В одном из исследованных ровиков разрушенного кургана была обнаружена предположительно кость медведя. Температура горения кальцинированных остатков преимущественно определяется диапазоном от 650° до 850° (*Новиков и др.*, 2021в. С. 89–90).

В ходе работ по изучению разрушенных насыпей курганов было отобрано 28 образцов углеродосодержащего материала (кости/зубы животных, древесный уголь, органическое вещество почвы (ОВП)) для радиоуглеродного датирования, которое было проведено в Центре коллективного пользования «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» ФГБУН Института географии Российской академии наук (лабораторный индекс IGAN, IGANAMS). Датирование образцов проводилось с использованием жидкосцинтилляционного метода (LSC) и ускорительной масс-спектрометрии (AMS). Измерение радиоуглеродного возраста в графитовых мишенях, подготовленных для AMS датирования в ИГ РАН, было проведено в Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США) на ускорительном масс-спектрометре CAIS 0.5 MeV[14] (*Новиков, Зазовская*, 2021. С. 284–292).

Работы 2021 г. на раскопах ЦС-XXV и ЦС-XXVA, которые расположены на расстоянии около 120 м к северо-западу от зоны проведения работ 2017–2020 гг., позволили частично выявить и исследо-

14 Работы выполнены по гранту фонда «Таволга» и при поддержке НИПИИ ЭТ «Энерготранспроект» в 2018–2019 гг.

вать еще 7 разрушенных курганов. Основания насыпей и засыпанные курганные ровики были также перекрыты культурным слоем и прорезаны ямами, предварительно датируемыми последней четвертью X – первой четвертью XI в.

Выявленные на двух участках в северо-восточной части Центрального поселения разрушенные курганы (не менее 16) и погребения свидетельствуют о существовании здесь обширного могильника, насыпи которого, по всей видимости, постепенно (?) нивелировались в ходе расширения жилой зоны поселения. Определение площади этого могильника, а также его хронология – задачи, которые планируется решить в ходе дальнейших работ.

Как уже отмечалось выше, сокрытие найденных на изучаемой территории кладов датируется по младшей монете временем «после 952/953 гг.» и «после 953/954 гг.» (*Кулешов и др.*, 2021. С. 200). Один из кладов, «восточный», был зарыт, по всей видимости, в верхней части заполнения ровика кургана П-1[15], сформированного в результате разрушения насыпи этого кургана, т. е. уже в период существования на этой территории поселения (или во всяком случае после нивелировки насыпи кургана). Появление в Гнёздовском могильнике погребений, совершенных по обряду трупоположения, принято датировать второй половиной X в. (по В. С. Нефедову – после первой половины 960-х гг.) (*Нефёдов*, 2012. С. 289). Если принимать эту датировку, то, с учетом раскопанных на изучаемом участке двух погребений по обряду трупоположения, одно из которых находилось в непосредственной близости от места находки «восточного» клада, участок функционировал в режиме могильника еще по крайней мере в конце третьей четверти X в. Сложно представить, что в целях расширения площади поселения курганы были разрушены по прошествии всего нескольких лет после их сооружения. Принимая в расчет эти соображения, в настоящий момент мы склонны относить освоение территории могильника под поселение ко времени не ранее последней четверти X в.[16] Подчеркнем, что речь идет об участке, прилегающем к Лесной курганной группе. Скорее всего, уничтожение насыпей не было одномоментным актом, особенно если учитывать значительную площадь, которую занимали разрушенные курганы. Наиболее вероятно, что насыпи нивелировались постепенно и сначала была разрушена западная часть курганной группы, ближайшая к Центральному городищу и окружающему его селищу. Возможно, здесь этот процесс начался еще в середине X в. **(рис. 46)**.

Разрушенные курганы выделены в самостоятельную группу с наименованием «Полевая курганная группа»[17]. Но нельзя исключать, что Полевая курганная группа когда-то была частью Лесной группы. Целесообразность ее выделения, с нашей точки зрения, определяется необходимостью различать курганы, разрушенные в X в. и впоследствии перекрытые слоем поселения, от сохранившихся до XX в. курганов Лесной группы **(рис. 47)**.

Несмотря на сильное нивелирование ландшафта мощной сельскохозяйственной распашкой XIX–XX вв., изучение результатов высотной лазерной съемки также позволило локализовать в северо-восточной части поселения участок, где предположительно сохранились остатки курганных насыпей. В результате полевых работ 2023 года действительно удалось подтвердить наличие уничтоженных в X веке курганов. Насыпи были снивелированы, ровики засыпаны. Но по каким-то причинам активной поселенческой жизни именно на этом участке не было, и останцы курганных насыпей оставались видимыми в рельефе до настоящего времени. На участке размерами 83×73 м можно предполагать наличие около 8–10 курганов разного диаметра **(рис. 48)**.

В ходе работ в сохранившейся части Лесной курганной группы за период с 2017 по 2019 г. было исследовано 6 насыпей (Л-206/2017, 207/2017, 208/2017, 209/2018, 210/2018, 212/2019), а также найдено два предположительно грунтовых погребения, совершенных по обряду ингумации (комплекс Л-211/2019), и еще два грунтовых погребения по обряду кремации (комплексы Л-212 (2)/2019, Л-213/2019) **(рис. 4)**. Грунтовые погребения расширяют наши представления о разнообразии погребальных практик населения Гнёздова и еще раз

---

15 Здесь расположен условный эпицентр находок, связанных с кладом **(рис. 35)**.

16 Если наша реконструкция хронологии верна, то разрыв между младшими монетами и временем сокрытия двух найденных здесь кладов составит не менее 20 лет. Но стоит подчеркнуть, что оба клада собраны в распашке и не представляют собой закрытые комплексы.

17 Курганы, входящие в Полевую группу, обозначаются литерой «П». Далее указывается порядковый номер исследованного кургана, например – «П-1».

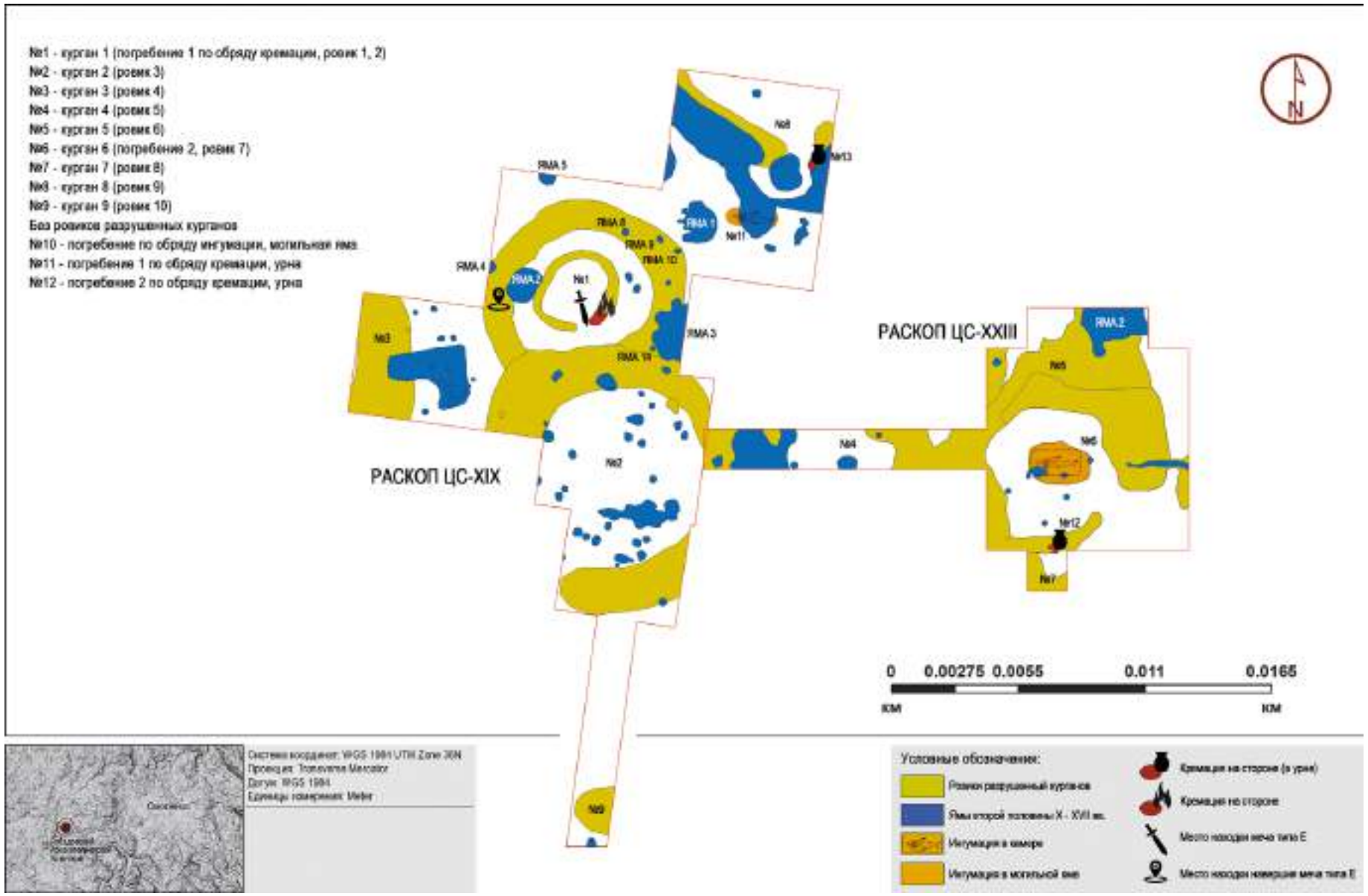


Рис. 46. Основания и ровики разрушенных курганов Полевой курганной группы в раскопах ЦС-XIX и ЦС-XXIII.

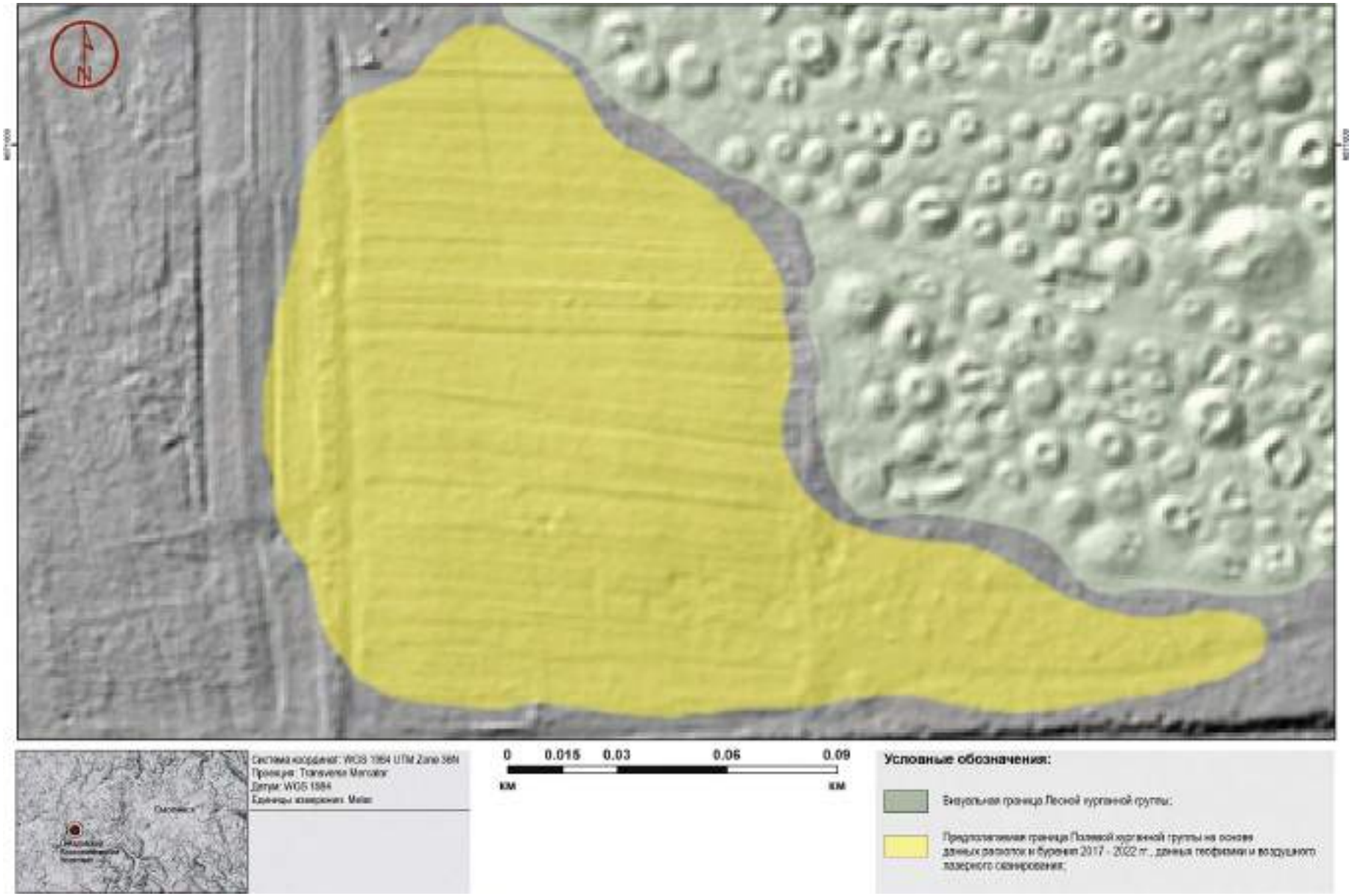


Рис. 47. Предполагаемые границы Полевой курганной группы второй половины IX (?) – третьей четверти (?) X века и граница распаханных в новое время курганов Лесной курганной группы.

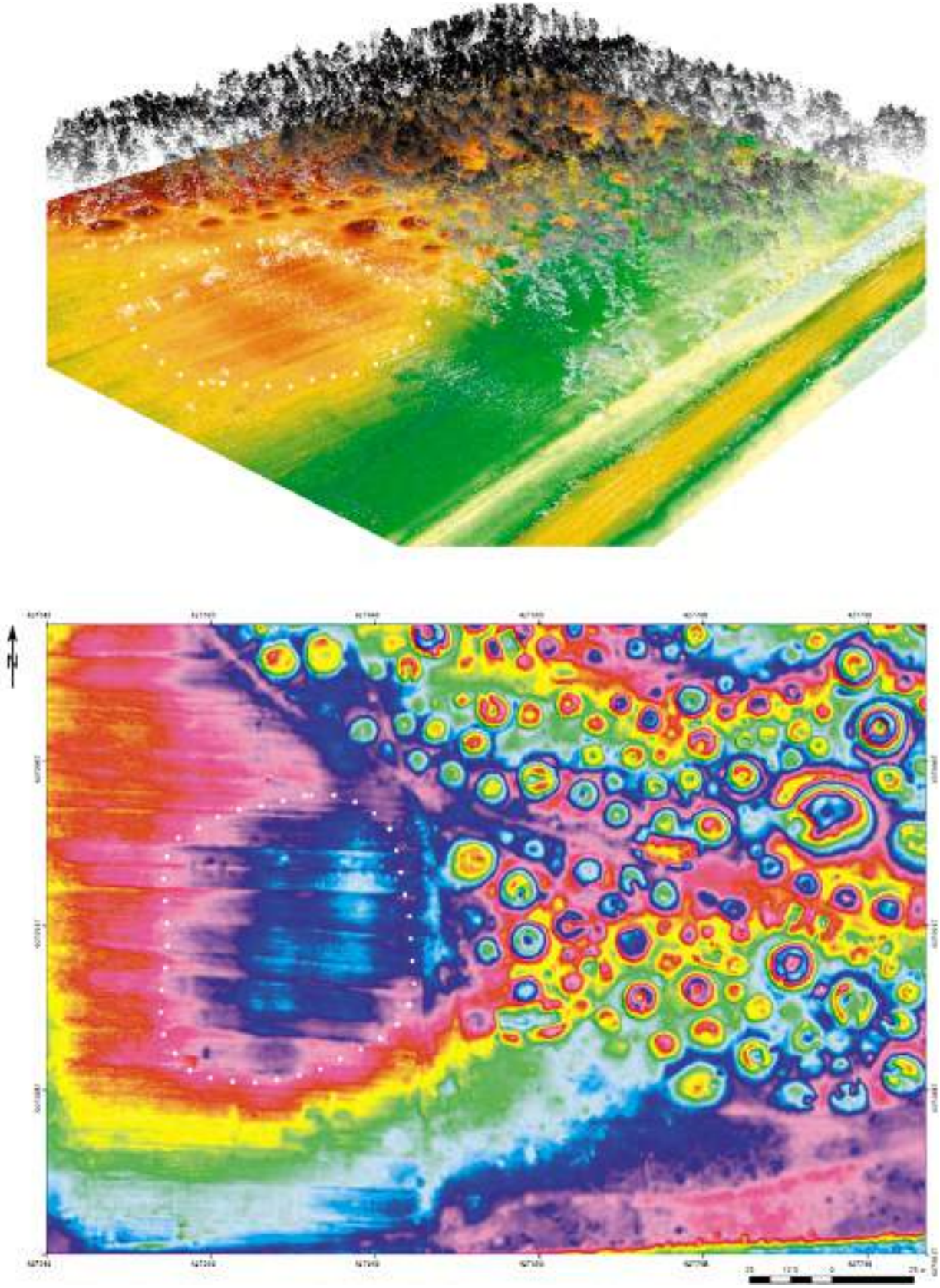


Рис. 48. Основания разрушенных курганов Полевой курганной группы по данным воздушного лазерного сканирования.

подтверждают необходимость изучения межкурганного пространства.

Из шести исследованных курганов в комплексах Л-210/2018 и Л-212/2019 находились погребения по обряду сожжения на месте сооружения насыпи, в кургане Л-209/2018 – сожжения на стороне, под насыпями курганов Л-206/2017 и Л-207/2017 исследованы погребения по обряду трупоположения в деревянных камерах, под насыпью кургана Л-208/2017 – погребение по обряду трупоположения в могильной яме.

Исследования кальцинированных костей[18] позволили определить, что в кургане Л-209/2018 и его ровике были захоронены останки двух взрослых индивидов (20–40 лет и «старше 35 лет») и ребенка 3–4 лет; в кургане Л-212 (1)/2019 – взрослого индивида (20–40 лет) и ребенка (infantilis 1–2), в погребении Л-212 (2)/2019 – ребенка (infantilis 1–2), в комплексе Л-213/2019 – ребенка (infantilis 1–2).

Исследования зубов[19], найденных в ингумационных погребениях Л-206, 207, Л-208/2017, отличавшихся очень плохой сохранностью костей, позволили определить только возраст погребенных. Возраст захороненного в кургане Л-206 индивида определен в 45–55 лет, в кургане Л-207 – 60–70 лет, в кургане Л-208 – 35–45 лет.

Предметы вооружения найдены в курганах Л-206, Л-207, Л-208, расположенных в непосредственной близости друг от друга. В кургане Л-206 обнаружен щит, от которого сохранились железные детали – полусферический умбон, более 60 оковок края **(рис. 22; 27; 49, *1, 2*)**, возможно элементы крепления рукояти, а также небольшие фрагменты дерева от поля щита, что позволит определить породу дерева, из которого оно было изготовлено. В кургане Л-207 найдены меч и несколько (не менее трех) компактно лежащих наконечников стрел[20], находившихся, возможно, в колчане **(рис. 24)**. В кургане Л-208 в районе пояса погребенного вертикально располагался боевой нож длиною 38,5 см в простых, не украшенных накладками ножнах **(рис. 23; 49, *3*)**. Подвес к поясу осуществлялся при помощи одного кольца из медного сплава, закрепленного в верхней части ножен.

Выявленная в северо-западной части Лесной курганной группы концентрация погребений, совершенных по обряду ингумации[21], который распространяется в Гнёздове не ранее второй половины X в., может свидетельствовать в пользу более позднего характера этой части курганной группы.

Раннее ядро Лесной группы находилось в 250 м восточнее, где в 1949–1950-х гг. экспедиция Московского государственного университета под руководством Д. А. Авдусина исследовала курганы Л-13/1949, Л-35/1949, Л-38/1949, Л-47/1950. Под насыпями находились кремации, сопровождавшиеся инвентарем, который позволяет предварительно датировать погребальные комплексы в рамках последней четверти IX – первой половины X века. Ранний характер этой части группы был подтвержден в 2018 г. в результате раскопок одной из самых богатых кремаций Гнёздовского могильника – кургана Л-210, расположенного в непосредственной близости от вышеупомянутых ранних насыпей (*Каинов*, 2019а). В состав богатейшего погребального инвентаря входили меч, ланцетовидный наконечник копья с дамаскированной вставкой в центральную часть пера и врезной орнаментацией на втулке[22], наконечник стрелы с вытянутым пером килевидной формы и сложно профилированным сечением[23] **(рис. 49, *4, 5*)**, а также фрагменты роговых накладок на сложносоставной лук. Предварительно курган Л-210/2018 можно датировать в рамках последней четверти IX – первой четверти X в.

18 Исследования выполнены Е. А. Клещенко, к. и. н., научным сотрудником первой категории Отдела теории и методики Института археологии РАН.

19 Исследования выполнены Н. В. Харламовой, к. и. н., научным сотрудником Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН.

20 Тип наконечников стрел до проведения реставрационных работ определить не представляется возможным. Пока можно утверждать, что они принадлежат типам с ромбической формой пера.

21 Кроме раскопанных в 2017 г. курганов, содержавших погребения по обряду ингумации (Л-206, Л-207, Л-208), в 1995 и 2006 гг. в непосредственной близости от зоны работ 2017 г. были исследованы курганы Л-192 и Л-203, которые также содержали погребения по обряду трупоположения. Одно погребение (Л-203/2006) было совершено в камере, второе (Л-192/1995) – в простой могильной яме. В 2022 г. недалеко от кургана Л-203/2006 был исследован курган Л-215, содержавший женское ингумационное погребение в деревянной камере столбовой конструкции.

22 Наконечник копья относится к типу I по типологии А. Н. Кирпичникова. Схожий наконечник был найден в гнёздовском кургане Ц-15/Кусц-1874 (*Кирпичников,* 1966б. С. 9–12. Табл. I).

23 В типологии А. Ф. Медведева данный наконечник наиболее близкие аналогии находит с наконечниками типа 97/1, в то же время отличаясь рядом особенностей (*Медведев,* 1966. С. 85).

Рис. 49. Некоторые предметы вооружения из курганов, раскопанных в 2017–2018 гг. Курган Л-206 – умбон щита (*1*), оковка края щита (*2*); курган Л-208 – боевой нож (*3*); курган Л-210 – наконечник копья (*4*), наконечник стрелы (*5*).

4. Новые находки мечей и наконечника ножен в Гнёздове (2017–2020 гг.)

В ходе археологических исследований Гнёздовского археологического комплекса, продолжающихся уже 150 лет, собрана впечатляющая вещевая коллекция, характеризующая материальную культуру жителей крупного торгово-ремесленного поселения конца I тыс. н. э. Значительное количество оружия как в составе культурного слоя поселения, так и среди инвентаря погребальных комплексов выделяет Гнёздово из подавляющего большинства синхронных памятников и свидетельствует о том, что война являлась для жителей Гнёздова обыденным делом. Обилие оружия, которое можно связать с профессиональными воинами, а также значительное количество погребений с предметами вооружения маркируют нахождение в Гнёздове крупного воинского контингента и подчеркивают значение Гнёздова как важного пункта в системе политических и военных отношений эпохи формирования древнерусского государства (*Каинов*, 2019б). Масштабы гнёздовской коллекции, в которой представлены практически все категории раннесредневекового вооружения, наличие в большинстве случаев археологического контекста делают ее уникальной и эталонной для территории Древней Руси эпохи образования государства.

В Гнёздове зафиксирована самая большая для территории Древней Руси концентрация на одном памятнике находок мечей и наконечников ножен. В публикации 2012 года было учтено 27 находок мечей и их деталей, сохранившихся в музейных коллекциях или известных по архивным данным (*Kainov*, 2012). Тип был точно установлен у 20 мечей, еще у трех он определен предположительно[24]. Из 27 находок 19 обнаружены при раскопках курганов, пять – городища, три – различных участков селища. Коллекция гнёздовских мечей не только многочисленна, она отличается и типовым многообразием. В ней представлены как типы B, D и особый тип 2/Mannheim – редкие или вообще более не встреченные на территории Древней Руси, так и относительно широко распространенные типы E, H, V, X, Y.

Наконечников ножен мечей X – начала XI века, по данным на 2009 год, в Гнёздове найдено не менее 22 экземпляров[25] (*Каинов*, 2009). Из них 12 экземпляров найдены при археологических работах, остальные обнаружены случайно или в ходе несанкционированных работ на территории памятника. Один наконечник известен только по архивным материалам. Восемнадцать экземпляров принадлежат к так называемым ажурным наконечникам, четыре – к цельнолитым. Семь наконечников найдены при раскопках курганов, четыре – городища, остальные найдены на территории селища.

Новые находки мечей

При археологических работах 2017–2020 гг. в Лесной курганной группе и на территории северо-

24 К настоящему времени количество неопределенных гнёздовских мечей уменьшилось. По фотографиям, хранящимся в Смоленском государственном музее-заповеднике, был установлен тип меча, случайно найденного в 1913 году в одном из курганов Левобережной курганной группы, и предположительно определен тип меча, обнаруженного в кургане Л-147/Сиз-1901 в ходе раскопок В. И. Сизова в южной части Лесной курганной группы. Эти материалы готовятся к публикации. Кроме того, в составе погребального инвентаря кургана Л-5/1949 выявлены фрагменты навершия меча типа O по типологии Я. Петерсена. Таким образом, с учетом находок 2017–2020 гг. и выявленных фрагментов в Гнёздове найдено не менее 32 целых и фрагментированных мечей и их отдельных деталей.

25 Фрагмент еще одного наконечника ножен был выявлен при обработке предметов, обнаруженных в ходе несанкционированных работ на Гнёздовском поселении и переданных в музейное хранение. Два фрагмента наконечников ножен обнаружены при изучении северной части Центрального поселения в ходе работ 2020–2021 гг. экспедицией Института археологии РАН под руководством Б. Е. Янишевского.

восточной части Центрального гнёздовского поселения были найдены три целых меча, два отдельных навершия и фрагмент одного наконечника ножен меча. Прежде чем приступить к характеристике новых находок, остановимся на морфологии и типологии мечей и наконечников ножен.

Литература, посвященная изучению мечей эпохи викингов, очень обширна и в задачи нашей работы не входит ее всеобъемлющий историографический обзор. Мы лишь кратко затронем основные работы и часть высказанных в них положений[26].

Меч в эпоху викингов – вид наступательного оружия с прямым клинком длиной в среднем более 70 см. Основное предназначение меча – нанесение рубящих и в меньшей степени колющих ударов.

Меч состоит из двух основных частей – клинка и набора деталей рукояти **(рис. 50)**. У клинка выделяют полотно клинка (лезвийная часть), в верхней части переходящее в черен клинка. Место перехода оформлено в виде плечиков, которые могут быть косыми, прямыми или ступенчатыми (*Thålin-Bergman, Arrhenius*, 2005. P. 21. Fig. 7). Центральную часть полотна клинка занимает дол[27], по обеим его сторонам находятся лезвия, внешние стороны которых оканчиваются рабочей кромкой[28]. На противоположном черену конце клинка выделяется остриё, которое в исследуемую эпоху, как правило, имело закругленное окончание[29]. В верхней трети клинка[30] располагалось клеймо, в VIII – первой половине XI века изготавливавшееся из отрезков простой или дамаскированной железной проволоки, вваривaемых в долы клинка.

На черене клинка монтируются детали рукояти – перекрестие и навершие, а также детали, формирующие хват рукояти – деревянные (костяные/роговые) накладки, обмотка (кожаная, тканая или из металлической проволоки), скрепляющие кольца и др. В ряде случаев в качестве хвата рукояти выступает металлическая трубка.

Навершие может быть односоставным или двусоставным. У двусоставных наверший верхняя часть обозначается как *головка навершия*, нижняя – *основание навершия*. Головка навершия может быть одночастной либо рельефно (иногда только орнаментально) разделенной на несколько частей. Чаще всего встречается трехчастное деление: центральная и две боковые части.

Навершие рукояти крепилось на черене клинка несколькими способами. Их обобщенная систематизация представлена в работе А. Гайбига (*Geibig*, 1991. Abb. 24) **(рис. 51)**. Двусоставные навершия монтировались двумя способами. Первый из них – когда черен проходил через обе детали навершия и, как и у односоставных наверший, расклепывался сверху (*конструктивный тип I*). Наиболее распространен был вариант, при котором черен клинка проходил только через основание навершия и расклепывался на его верхнем торце (*конструктивный тип II*). Головка навершия крепилась к основанию двумя способами: при помощи впаянных (вваренных) изнутри в головку двух железных штырей или впаянной U-образной скобы. Концы штырей или скобы проходили через отверстия в основании навершия и расклепывались. Под расклёп, как правило, подкладывались шайбы (железные или медносплавные). У односоставных наверший черен проходил насквозь и расклепывается сверху (*конструктивный тип III*).

Более дробная систематизация способов крепления навершия на черене клинка, развивающая схему А. Гайбига, предложена в работе чешских исследователей **(рис. 52)** (*Hošek et al.*, 2021. Fig. 94).

Перекрестие и навершие в большинстве случаев изготавливались из железа, хотя иногда они

---

26 Особое внимание обратим на недавно опубликованную коллективную монографию, посвященную мечам IX–XVI вв., найденным на территории Чехии (*Hošek et al.*, 2019; *Hošek et al.*, 2021). Авторы подробно рассмотрели существующие взгляды и предложили новые подходы к изучению мечей эпохи викингов.

27 Подавляющее большинство клинков было снабжено одним долом, но встречаются и двудольные клинки (напр. *Košta et al.*, 2019. Obr. 20–21). На клинках некоторых мечей ранней эпохи викингов дол отсутствовал совсем (*Андрощук*, 2013. С. 96).

28 Преимущественно на раннем этапе эпохи викингов использовались и однолезвийные клинки, которые встречаются значительно реже двулезвийных. Однолезвийные клинки распространяются также в конце X – XI в. на территории современных Латвии и Литвы и отличаются от ранних однолезвийных мечей как морфологией клинка, так и деталями рукояти (*Kazakevičius*, 1996. P. 15–18).

29 Чешские исследователи предлагают считать острием (*англ.* point) нижнюю часть полотна клинка, где кромки лезвия более или менее отчетливо переходят на сужение (*Hošek et al.*, 2019. P. 46). Исходя из длины острия, предложено выделять три их разновидности: короткие, средние и длинные (*Hošek et al.*, 2021. P. 63–64).

30 Зафиксированы и другие варианты расположения клейм (напр. *Кисупега et al.*, 2021. Рис. 9).

отливались из цветного металла или вырезались из рога. Поверхность железных деталей могла орнаментироваться. Чаще всего это была инкрустация цветным металлом, уложенная на железную поверхность разными способами и в разных сочетаниях. Отрезки проволоки формировали монохромную поверхность или полихромную орнаментацию геометрического, зооморфного или растительного характера.

Инкрустация наносилась на железную основу двумя основными способами. При первом отрезки проволоки из цветного металла *вбивались* в канавки, прорезанные на поверхности железных деталей рукояти[31]. Данную технологию инкрустации предлагается обозначать как *всечка* **(рис. 53)**. Инкрустированный металл может располагаться вровень с поверхностью железной детали рукояти **(рис. 53, *а, в*)** или же выходить за края канавки под укладку проволоки и формировать как поверхность, где цветной металл чередуется с железом детали рукояти, так и сплошную поверхность из цветного металла **(рис. 53, *б*)**.

Вторая технология (*насечка*) отличается тем, что цветной металл *набивался* на железную поверхность, на которой предварительно прорезались тонкие канавки, расположенные либо в виде сетки[32] **(рис. 54, *а, в*)**, либо параллельно **(рис. 54, *б*)**.

Насколько можно судить, всечка для инкрустации мечей эпохи викингов применялась как на раннем, так и на позднем этапах, насечка же для орнаментации деталей рукояти стала использоваться только в X веке, скорее всего, не ранее его второй половины.

Технологическая особенность *всечки* – укладка проволоки в канавки – определяла линейный характер орнаментации. Она была либо монохромной, когда поверхность формировалась отрезками проволоки одного цвета, либо полихромной. Во втором случае отрезками проволоки разного цвета выкладывали различные композиции – от простых чередующихся вертикальных полос разного цвета до сложных сочетаний ступенчатых треугольников и ромбов. Значительно реже всечкой формировали линейный орнамент в виде плетенки, зооморфных и геометрических фигур **(рис. 53, *в*)**. При этом варианте большая часть поверхности детали оставалась не закрытой инкрустацией.

Технология *насечки*, благодаря отсутствию жестких направляющих канавок, позволял получать более сложные орнаментальные композиции геометрического и зооморфного характера.

В ряде случаев инкрустированную методами всечки или насечки поверхность деталей рукоятей мечей дополнительно украшали с применением других техник, например, чернения.

Качество и трудоемкость инкрустации определяется композиционной сложностью орнамента, плотностью и ровностью укладки проволоки. При описании инкрустированных *всечкой* деталей рукоятей часто указывается такой показатель, как количество проволочек (и, соответственно, прорезанных в железной основе канавок) на 1 см. Самая плотная укладка всечной проволоки зафиксирована для мечей типа V по типологии Я. Петерсена и достигала 30 проволок на 1 см поверхности, т. е. на каждом миллиметре поверхности прорезалось по три канавки, в каждую канавку забивалось по проволочке (*Kainov*, 2012. P. 44).

По самым приблизительным подсчетам, количество найденных на территории Европы мечей эпохи викингов превышает 6 000 экз.:

Страна / территория	**Количество, экз.**[a]
Норвегия	3000–3500
Швеция	около 650
Финляндия	более 400
Германия	около 350
Территории Беларуси, России, Украины	более 300[б]
Великобритания	более 250
Польша	около 140
Эстония	около 100
Ирландия	около 90
Чехия	87
Латвия	около 80
Литва	около 75
Венгрия	76
Бельгия, Нидерланды	65
Франция	61
Дания	54

31 Вопрос о форме сечения канавок под всечку еще не становился темой отдельного исследования. М. Муланен упоминает два случая, когда удалось проследить форму сечения (*Moilanen*, 2015. P. 275). В одном случае она была трапециевидной формы с расширенной нижней частью, в другом – в форме «ласточкина хвоста». Второй вариант сечения прослежен на наконечнике стрелы из черниговского кургана Черная могила (*Каинов и др.*, 2021. С. 59. Рис. 2, *6–10*).

32 Линии сетки могли располагаться под разными углами.

Страна / территория	Количество, экз.[a]
Территория бывшей Югославии	44
Исландия	27
Словакия	27
Румыния	14
Австрия и Швейцария	12
Болгария	3
Испания	2
ИТОГО	6000–6500

Условные обозначения: ***а*** – при составлении таблицы использованы данные из статьи (*Vlasaty*, 2020a);
б – с учетом находок, происходящих из несанкционированных раскопок.

Необходимость систематизации такого многочисленного материала была очевидна уже давно. Еще в 1919 году норвежский исследователь Я. Петерсен опубликовал работу «Норвежские мечи эпохи викингов», основанную на изучении 1772 мечей, из которых в типологию было включено 1240 экземпляров (*Petersen*, 1919; *Петерсен*, 2005). Предложенная типология построена на основании учета изменения морфологии только деталей рукояти. Изученные норвежские мечи разделены на 26 основных типов, обозначенных буквами норвежского алфавита, и 20 особых типов, обозначенных арабскими цифрами. Внутри некоторых типов были выделены варианты **(рис. 55)**.

Типология Я. Петерсена создавалась на основе норвежского материала, в ряде случаев критерии для выделения тех или иных типов были очень нечеткими, некоторые типы и их варианты выделяются на основе разных признаков. И хотя эта типология до сих пор остается, по выражению А. Стальсберг, «lingua franca» для изучающих европейские мечи VIII–XI веков, тем не менее очевидно, что она не учитывает все типологическое и информативное разнообразие материала (*Стальсберг*, 2010. С. 382). В этой связи при обработке «ненорвежского» материала возникала необходимость вводить новые типы мечей и выделять варианты уже существующих (*Вешнякова*, 2005. С. 307–317).

Именно по пути «расширения» норвежской типологии пошел А. Н. Кирпичников, обобщивший информацию о находках мечей IX – начала XI века на территории Древней Руси (*Кирпичников*, 1966а). Использовав для типологизации основного количества мечей схему Я. Петерсена, А. Н. Кирпичников ввел новые типы рукоятей мечей: тип Z-особый, скандинавский, тип А-местный **(рис. 56)**.

В масштабной работе Ф. А. Андрощука, посвященной мечам, найденным на территории Швеции, также использована откорректированная и дополненная типология Я. Петерсена. Исследователь придерживается мнения, что эта типология является простой, «очень удобной для работы с конкретным материалом» и открытой для корректировок (*Андрощук*, 2013. С. 31).

Помимо собственно систематизации, Я. Петерсен на основании совстречаемости мечей с другими предметами предложил хронологическую локализацию для каждого типа мечей **(рис. 57)**. Эта хронология, основанная на норвежском материале, до сих пор используется для датировки мечей, найденных на всей европейской территории. При этом зачастую именно датировки мечей являются определяющими для хронологической локализации археологических комплексов, а затем эти комплексы становятся основой для датировки и реконструкции различных исторических процессов, имевших место на той или иной территории. На некорректность некоторых датировок, предложенных Я. Петерсеном, и необходимость критически подходить к переносу норвежских датировок на материал других регионов уже не раз указывалось (*Андрощук*, 2013. С. 137, 138; *Kainov*, 2012. P. 9–11).

Помимо «расширения» типологии Я. Петерсена предпринимались попытки создания строго формальных классификационных схем. Наиболее удачной попыткой такой «альтернативной» типологии, по нашему мнению, является типологическая схема, предложенная А. Гайбигом для мечей VIII–XII веков, найденных на территории Германии (*Geibig*, 1991). Меч рассматривается А. Гайбигом как сложный объект, отдельные части которого изменяются независимо друг от друга. Используя четкие формальные критерии, исследователь создал отдельные типологии деталей рукояти и клинков, систематизировал клинковые клейма и определил несколько способов конструктивной сборки наверший рукояти.

Типология А. Гайбига учитывает большинство типов и вариантов рукоятей мечей, выделенных другими исследователями как в качестве самостоятельных, так и в дополнение к типологии Я. Петерсена (*Kainov*, 2012. P. 12. Tab. I) **(рис. 58)**. В то же

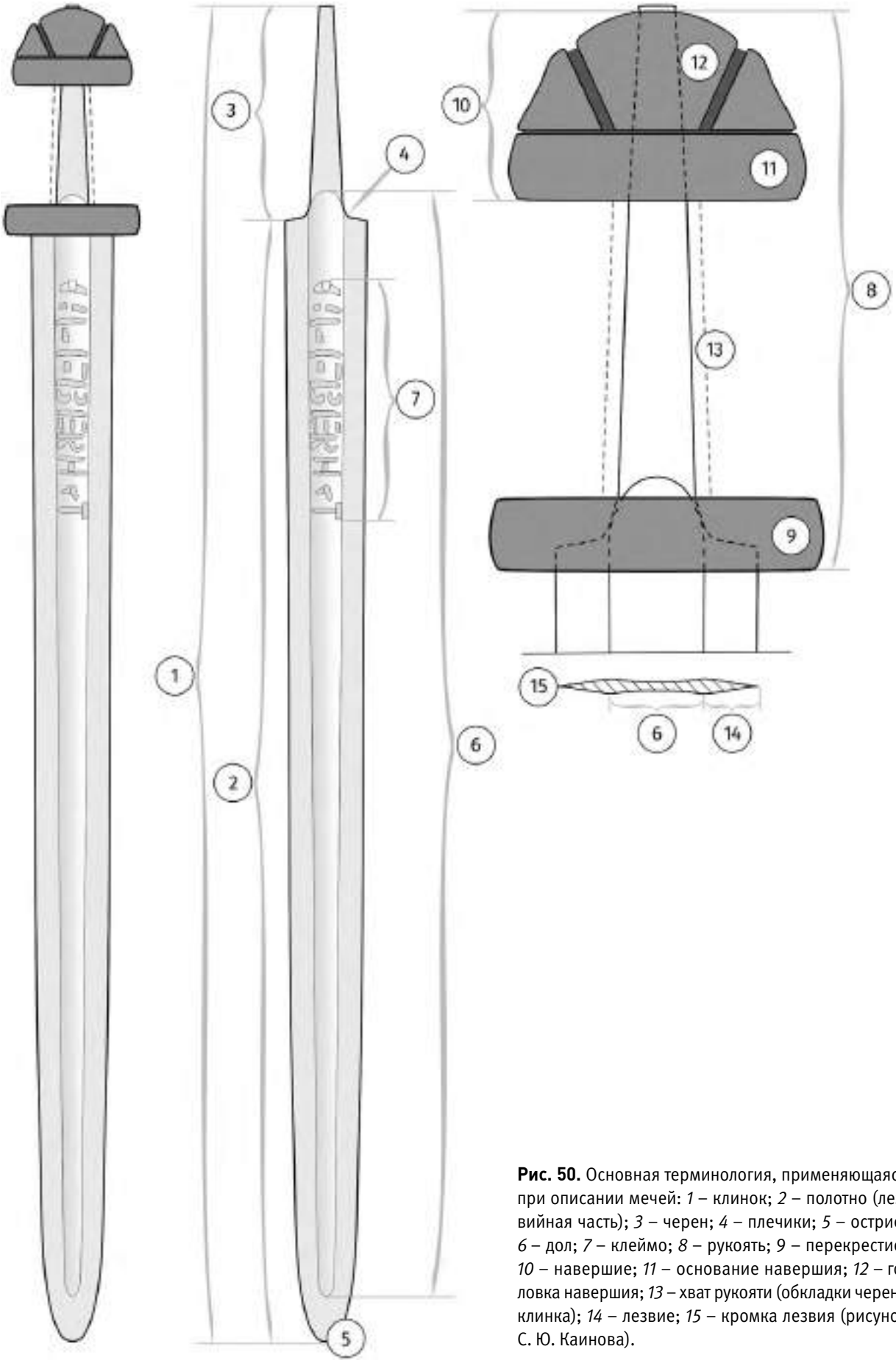


Рис. 50. Основная терминология, применяющаяся при описании мечей: *1* – клинок; *2* – полотно (лезвийная часть); *3* – черен; *4* – плечики; *5* – острие; *6* – дол; *7* – клеймо; *8* – рукоять; *9* – перекрестие; *10* – навершие; *11* – основание навершия; *12* – головка навершия; *13* – хват рукояти (обкладки черена клинка); *14* – лезвие; *15* – кромка лезвия (рисунок С. Ю. Каинова).

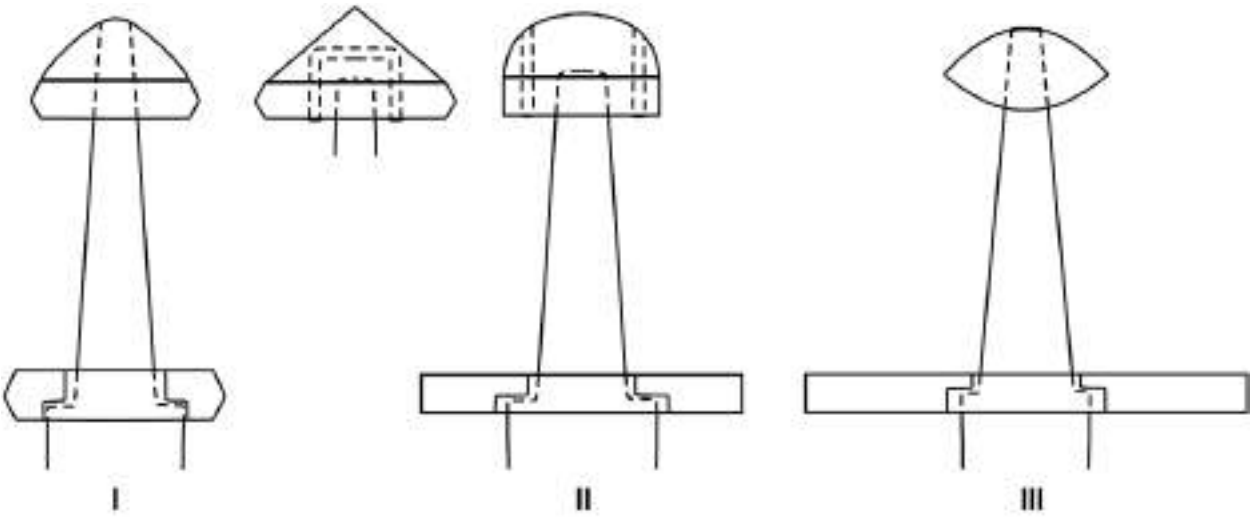


Рис. 51. Конструктивные типы наверший мечей (по: *Geibig*, 1991. P. 91. Abb. 24).

время некоторые «норвежские» типы не нашли отражения в типологии А. Гайбига, так как «немецкая» типология также основана на материалах отдельного региона. Однако открытый характер типологии А. Гайбига позволяет, пользуясь предложенными критериями, включить в нее новые типы и варианты.

Стоить отметить, что довольно громоздкое обозначение типа рукояти конкретного меча, включающее четыре знака, делает типологию А. Гайбига, с нашей точки зрения, несколько «неудобной» в использовании по сравнению с норвежской типологией, где используется не более двух знаков. Не нашли отражение в типологии А. Гайбига и такие важные критерии, как орнаментация поверхности деталей рукоятей и материал, из которого они изготовлены.

Возвращаясь к типологии Я. Петерсена, отметим, что, просуществовав уже более 100 лет, она по-прежнему наиболее часто используется при определении мечей эпохи викингов, найденных на всей европейской территории. Тем не менее подчеркнем, что, несмотря на свою территориальную универсальность, она, с нашей точки зрения, устарела, носит зачастую излишне обобщенный характер и неспособна вместить и адекватно учесть все многообразие мечей конца VIII – начала XI века. Дальнейшее дробление типов на варианты и подварианты только усложняет картину, не предлагая универсального подхода к типологизации мечей. Отсутствие четких критериев при выделении таксономических единиц и отсутствие иерархии признаков в типологии Я. Петерсена должно подталкивать к поиску новых подходов к изучению мечей эпохи викингов. Возможно, в основу нового этапа систематизации европейских мечей следует положить принципы, заложенные в типологии А. Гайбига, несколько дополнив ее.

В отличие от деталей рукояти, клинкам мечей в исследовательских работах уделяется значительно меньше внимания. Общепринятая типология клинков эпохи викингов пока не предложена, хотя определенные усилия в этом направлении предпринимались.

Я. Петерсен просто разделял клинки мечей на однолезвийные и двулезвийные, считая их непригодными «для типологического определения в той же мере, что рукояти» (*Петерсен*, 2005. С. 90). М. Мор, напротив, считая клинок основным элементом меча, предложил выделять в зависимости от соотношения длины и ширины несколько типов клинков: однолезвийные – типы A–D, двулезвийные – типы E–H (*Maure*, 1977). Попытка корреляции типа клинка (по М. Моору) и типа рукояти (по Я. Петерсену) привела Ф. А. Андрощука к заключению, что зависимости между размерами клинка меча и типом его рукояти нет (*Андрощук*, 2013. С. 93–94). В данном случае отметим, что для «чистоты эксперимента» необходимо учитывать не просто тип рукояти, а ее весовые характеристики в каждом

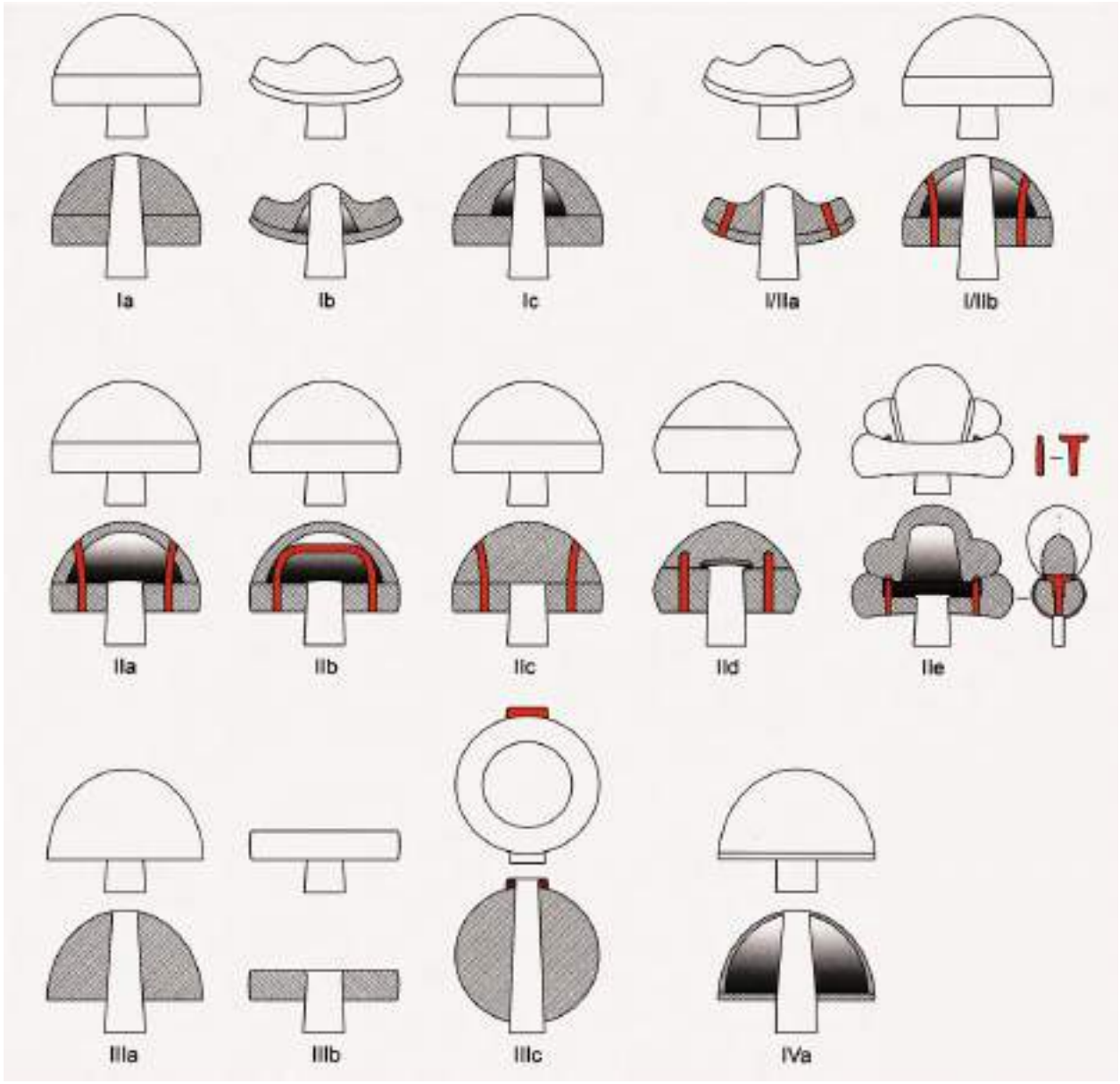


Рис. 52. Конструктивные типы наверший мечей (по: *Hošek et al.*, 2021. P. 267. Fig. 94).

конкретном случае[33]. Это позволит проверить, есть ли зависимость, например, между крупными клинками и тяжелыми деталями рукояти.

Более обстоятельно к систематизации клинков подошел А. Гайбиг. Он объяснял трансформацию форм клинков изменением функциональных требований, улучшением технических возможностей, а также «модными» изменениями дизайна (*Geibig*, 1991. S. 83). В качестве важных критериев с точки зрения информативности исследователь определил следующие (*Geibig*, 1991. S. 83. Abb. 23):

- длина дола;
- ширина дола;
- коэффициент сужения дола на расстоянии 40 см от перекрестия (отношение ширины дола у перекрестия к ширине в 40 см от перекрестия);
- длина лезвийной части клинка;
- ширина лезвийной части у перекрестия;
- коэффициент сужения лезвийной части на расстоянии 60 см от перекрестия (отношение ширины лезвийной части у перекрестия к ширине в 60 см от перекрестия);

33 Нельзя также исключать, что комплектность части дошедших до нас мечей – результат перемонтировки деталей рукояти на другие клинки (*Hošek et al.*, 2021. P. 53).

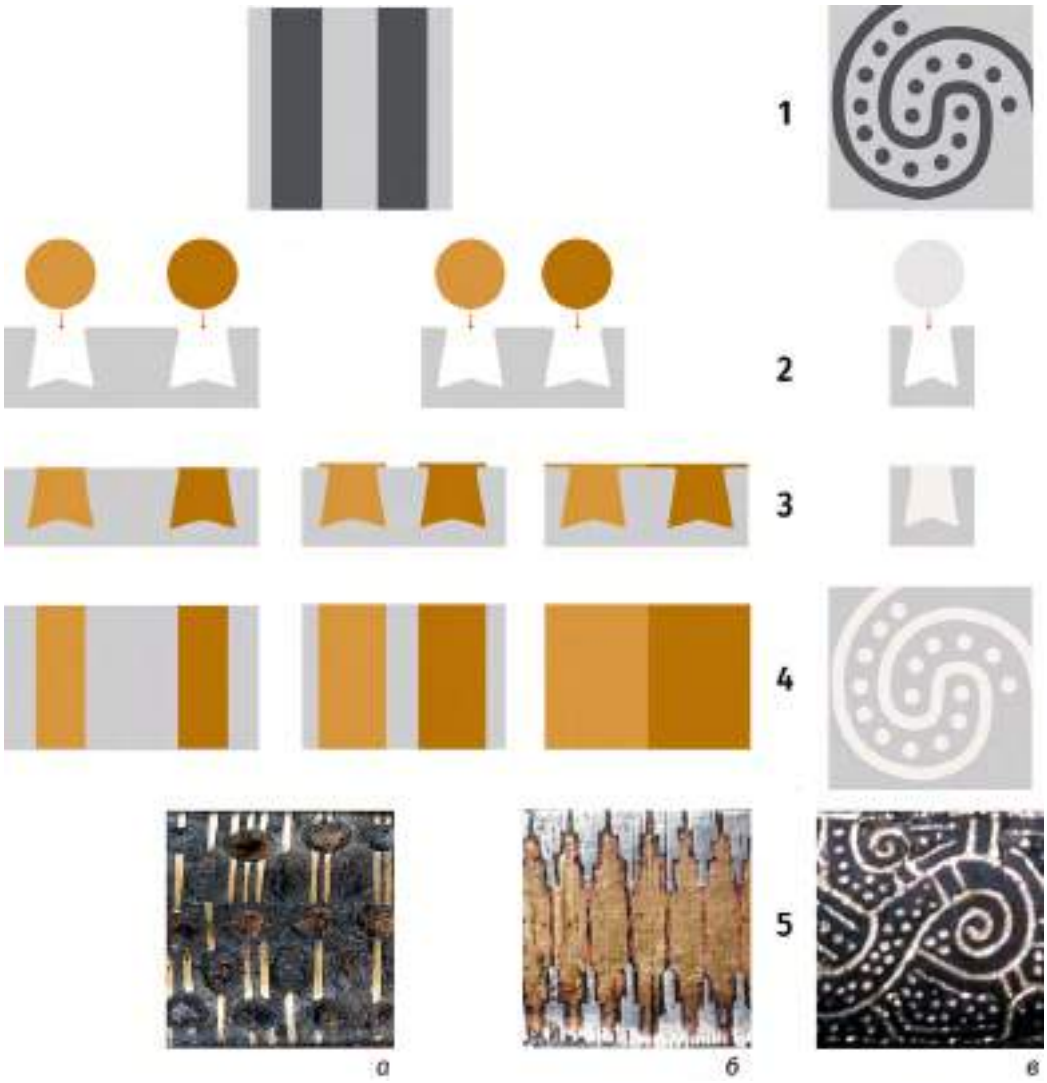


Рис. 53. Всечка. Этапы нанесения: *1* – канавки под укладку проволоки (вид сверху); *2* – вертикальный разрез канавок и проволоки; *3* – вертикальный разрез канавки с инкрустированной проволокой; *4* – инкрустированная поверхность (вид сверху); *5* – примеры инкрустированных поверхностей (рисунок С. Ю. Каинова).

• соотношение длин дола и лезвийной части;

• наличие и степень сужения кромок лезвийной части;

• форма острия[34].

Исследователь отдавал себе отчет, что для учета всех этих критериев можно использовать только хорошо сохранившиеся клинки, что сильно сужает выборку материала и, соответственно, снижает статистическую достоверность. Поэтому А. Гайбиг предлагал, в случае недостаточного количества материала, не рассматривать полученные отдельные метрические диапазоны в качестве неизменных и призывал видеть в них «группообразующие ориентиры» (*Geibig*, 1991. S. 83–84).

На материале VIII–XII вв. было выделено 14 типов клинков (*Geibig*, 1991. S. 83–90). К эпохе викингов относятся пять[35] **(рис. 59)**.

На основании предложенных датировок можно заключить, что в типологии А. Гайбига прослеживается общая эволюция от широких тяжелых

34 В качестве критерия также указано расположение центра тяжести клинка (*Geibig*, 1991. S. 83. Abb. 23). Учет этого критерия, с нашей точки зрения, малооправдан. В большинстве случаев плохая сохранность клинка и деталей рукояти, отсутствие органических частей, формирующих хват рукояти, не позволяют корректно определять центр тяжести меча. Но, безусловно, сложно отрицать, что хорошая балансировка – важное качество любого меча и, несомненно, древние мастера старались ее достичь.

35 Клинки типа 1 в основном относятся к предшествующему времени.

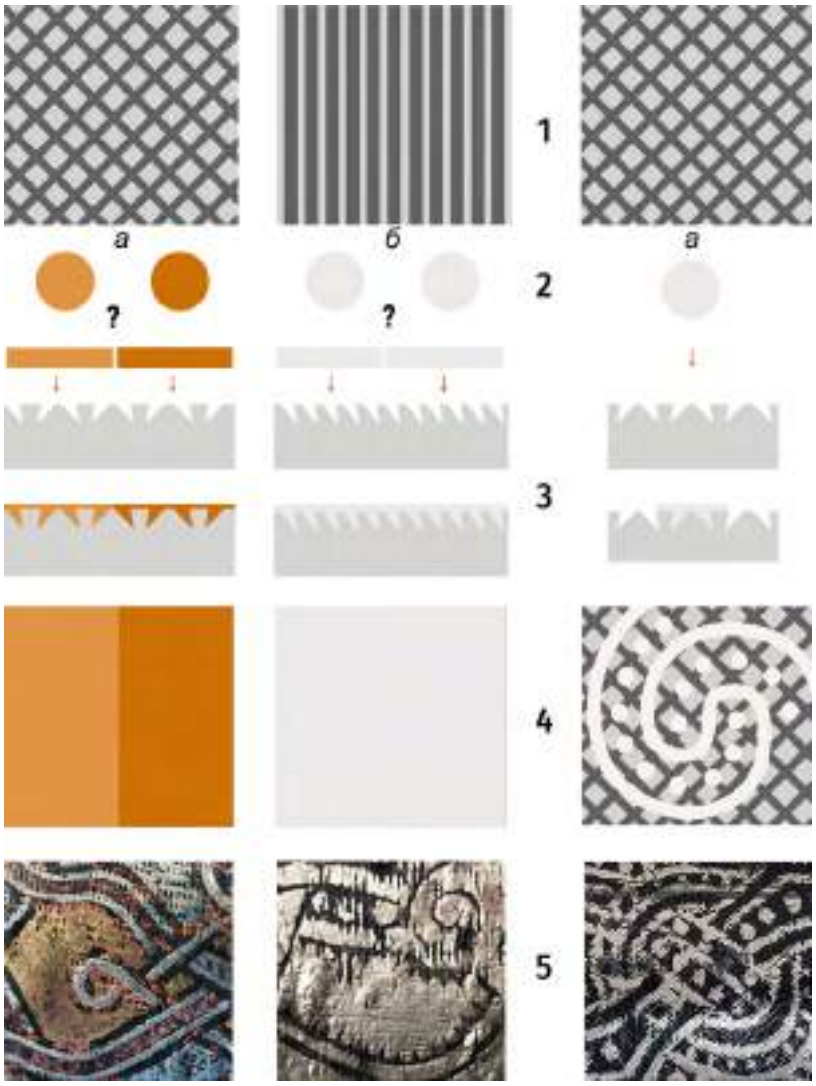


Рис. 54. Насечка. Этапы нанесения: *1* – подготовка поверхности под укладку цветного металла (вид сверху): *а* – сетка; *б* – параллельные канавки; *2* – вертикальный разрез канавок и металла под укладку (проволока или полоски); *3* – вертикальный разрез инкрустированной детали; *4* – инкрустированная поверхность (вид сверху); *5* – примеры инкрустированных поверхностей (рисунок С. Ю. Каинова).

клинков с почти параллельными краями лезвий к сильно сужающимся более длинным и легким клинкам.

В то же время Ф. А. Андрощук, комментируя типологию клинков А. Гайбига, как и в случае с типологией М. Моора, говорит об отсутствии зависимости между параметрами клинков и типами рукоятей и невозможности объяснить «с точки зрения хронологии разнообразие типов клинков» (*Андрощук*, 2013. С. 95). Было также отмечено, что учет критериев для выделения типов клинков предполагает хорошую сохранность мечей, в то время как большинство мечей представлены в сильно корродированном или фрагментированном виде.

Обстоятельная ревизия существующих взглядов на типологию клинков была представлена в работе чешских исследователей И. Хошека, И. Кошты и П. Жаковского (*Hošek et al.*, 2021. P. 52–53). Исследователи пришли к выводу, что ранее предложенные типологии клинков не могут «убедительно ответить на вопросы хронологии мечей, их происхождения и дизайна». Основное внимание было уделено критике типологии А. Гайбига, как наиболее детализированной. Слабым ее местом, по мнению исследователей, является отсутствие достаточного количества мечей, происходящих из хорошо датируемых археологических контекстов, что делает типологию А. Гайбига не более чем базовой схемой, основанной на общих представлениях об эволюции клинков. Попытка локализовать клинки мечей, происходящих из Микульчиц (одного из крупных центров Великой Моравии) по типам в типологии А. Гайбига, выявило хронологическое несоответствие. Типы клинков, определенные А. Гайбигом как поздние (тип 5 – после середины X века; тип 6 – середина XI века), в Микульчицах найдены в контексте, датирующемся не ранее начала X века (менее вероятно – не ранее середины X века). В рамках критики, вслед за Ф. А. Андрощуком, было отмечено, что значительное количество параметров, учитываемых в типологии А. Гайбига, требует хорошей сохранности мечей, что далеко не всегда можно констатировать применительно к конкретному археологическому материалу.

Чешские исследователи, использовав при анализе материала метод иерархического кластерного анализа, предложили новую типологию клинков мечей, основанную на учете длины клинка, его ширины и соотношения длины к ширине.

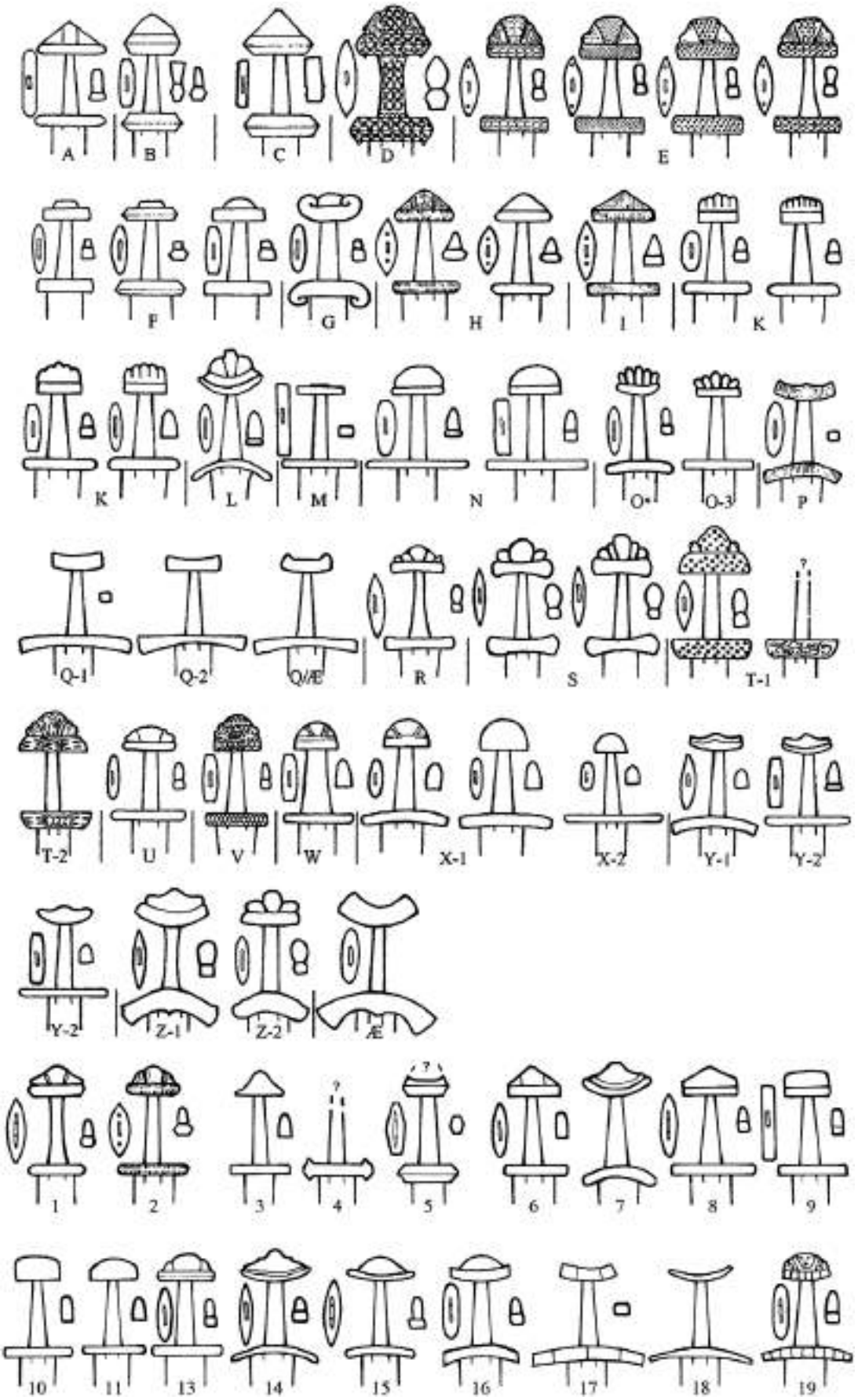


Рис. 55. Типология рукоятей мечей Я. Петерсена (по: *Košta, Hošek*, 2014. P. 242–243. Fig. 135, 136).

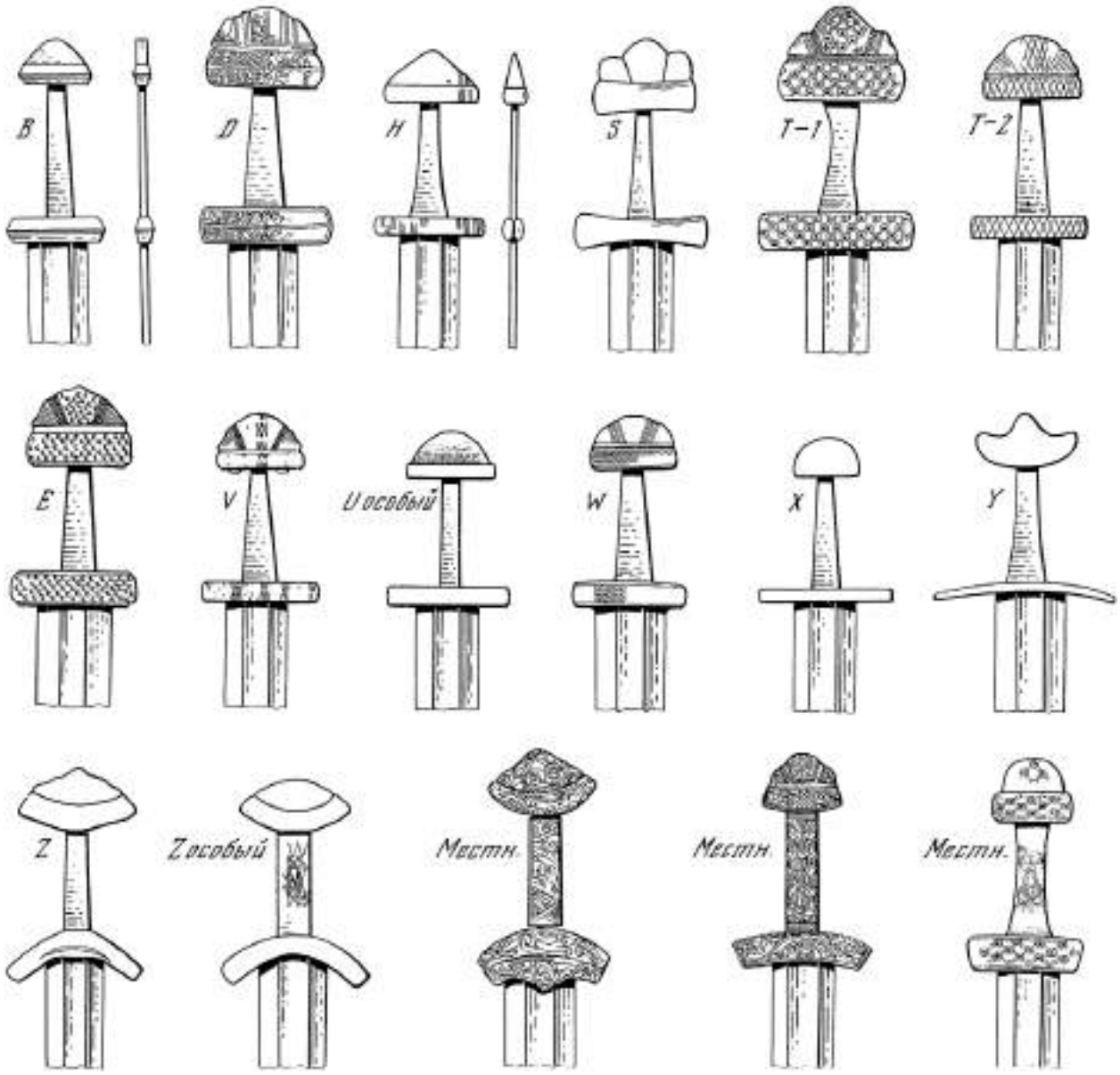


Рис. 56. Типология рукоятей мечей, найденных на территории Древней Руси (по: *Кирпичников*, 1966а. С. 20. Рис. 1).

Для мечей конца I тыс. н. э., найденных на территории современной Чехии, было выделено пять групп клинков **(рис. 60)**[36].

Было подчеркнуто, что учет по предложенным критериям материала из других регионов, вполне возможно, приведет к трансформации полученных групп. Исходя из этого, исследователи предлагают рассматривать предложенную систематизацию как рабочий метод в рамках поисках возможностей для систематического анализа клинков (*Hošek et al.*, 2021. P. 54).

36 Отметим значительное количество девиантных клинков в материалах Микульчиц. Из 18 найденных здесь мечей у пяти дол начинается в нескольких сантиметрах от перекрестия, у трех – дол в нижней части клинка переходит в осевое ребро, у одного – центральная часть дола на одной стороне выглядит как узкая борозда (*Košta, Hošek*, 2014. Fig. 134. № 265, 341, 425, 500, 1347, 1665). В целом смещенные долы отмечены у 8–10 великоморавских мечей и пока в Европе больше нигде не выявлены. Исследователи предполагают, что смещенный дол – один из индикаторов местного (моравского) изготовления мечей (*Hošek et al.*, 2021. P. 66).

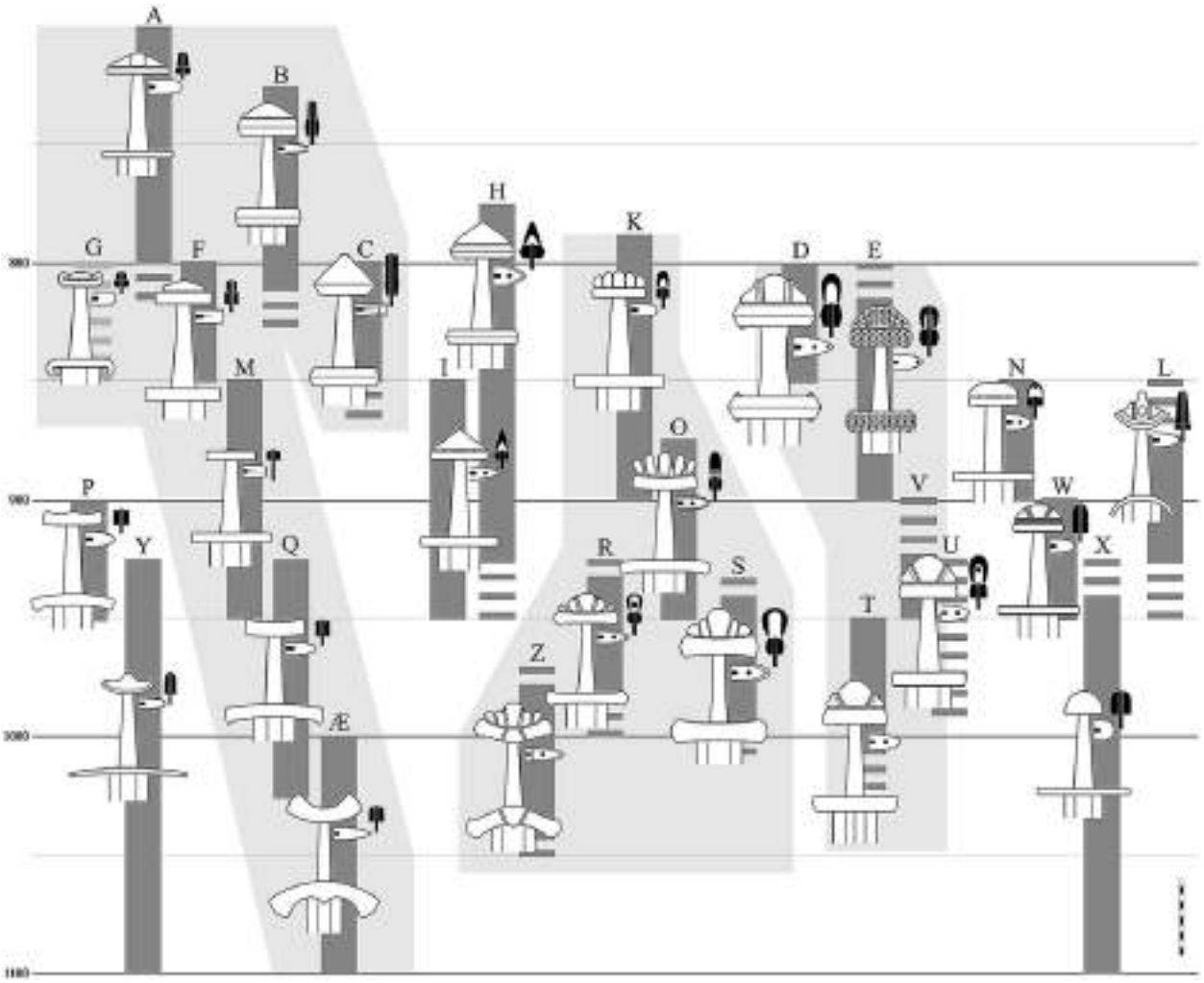


Рис. 57. Типология рукоятей мечей Я. Петерсена с обозначением хронологической локализации типов (по: *Hjardar, Vike*, 2011. P. 169).

Важной частью клинка было клеймо, как правило, расположенное в верхней трети лезвийной части. Клеймо служило как для маркировки качественного оружия, так и для усиления в сознании людей прошлого поражающих свойств клинка путем нанесения различных «магических» знаков. Клеймам посвящено большое количество литературы, обзор которой не входит в наши задачи. Наиболее полно клейма мечей разобраны в работах А. Гайбига, М. Муланена и в уже указанной работе чешских исследователей (*Geibig*, 1991. S. 113–133; *Moilanen*, 2015. P. 105–175; *Hošek et al.*, 2021. P. 109–148).

В целом клейма можно разделить на две большие группы:

- надписи (читаемые или имитационные);
- геометрические знаки и символы.

На одном мече на разных сторонах клинка могут быть клейма разных групп, например, на одной стороне буквенная читаемая надпись, на другой – геометрические знаки. В состав надписи может также входить символ, например, **+** в надписи **ULFBERHT**.

Наиболее часто встречаемое буквенное клеймо – **ULFBERHT** – фиксируется минимум на 224 мечах, найденных по всей Европе (*Hošek et al.*, 2021. P. 124, 126. Fig. 48)[37]. Наиболее вероятно, что производство клинков с клеймом **ULFBERHT** началось

37 А. Стальсберг высказала точку зрения, что большое количество клинков с клеймом ULFBERHT производилось около 800 года или в раннем IX веке и затем использовалось в течение долгого времени с заменой рукоятей согласно модным тенденциям (*Стальсберг*, 2010. С. 382).

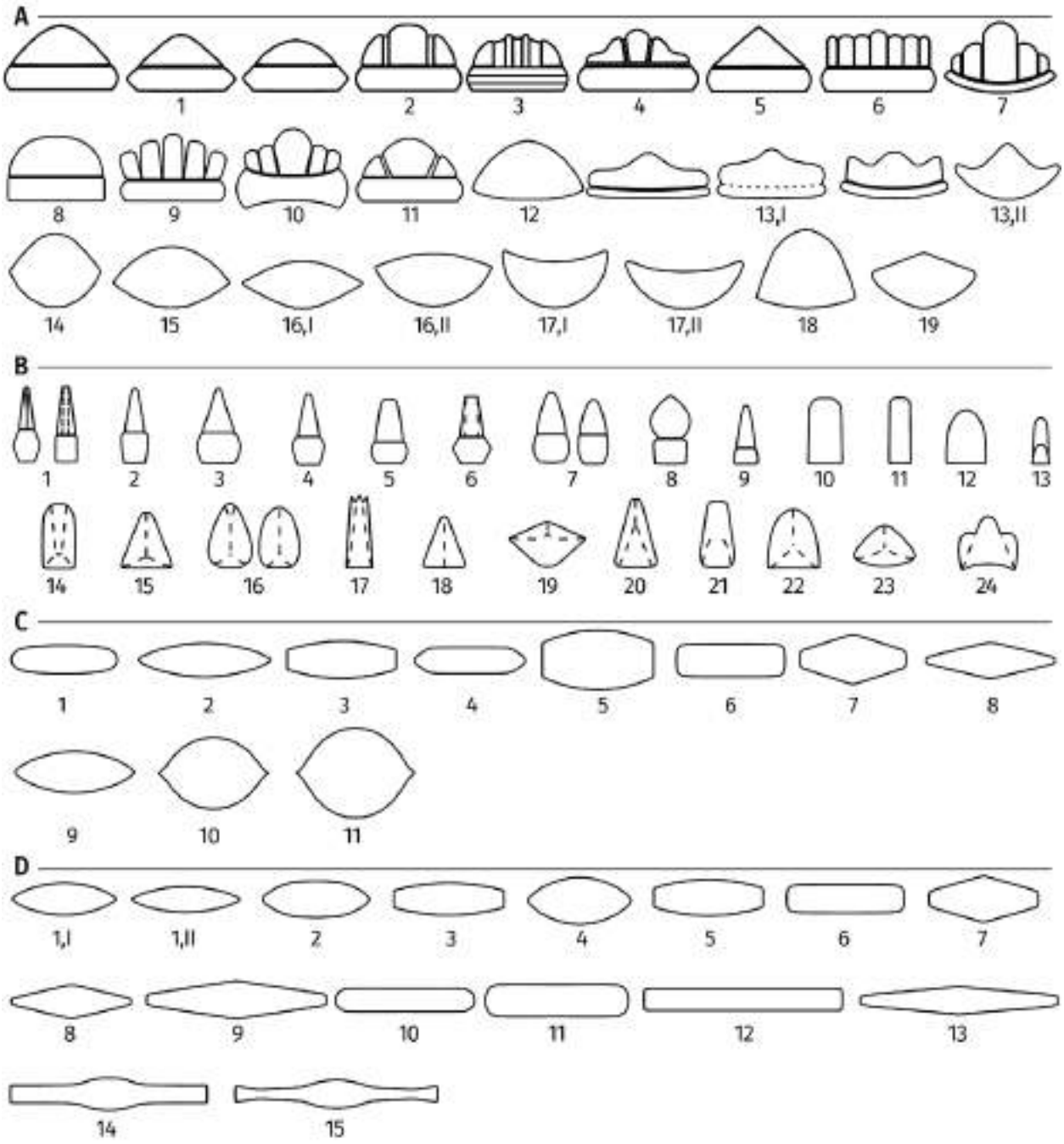


Рис. 58. Комбинативная типология деталей рукоятей мечей А. Гайбига. A – фронтальный вид навершия; B – боковой вид навершия; C – вид снизу на навершие; D – вид сверху на перекрестие (по: *Košta, Hošek*, 2014. P. 244. Fig. 137).

между рубежом VIII/IX и серединой IX века (*Ibid.* P. 127–128).

Типологический анализ вариантов надписи и их сочетаний с композицией из знаков на другой стороне клинка был предложен А. Стальсберг (*Stalsberg*, 2008; *Стальсберг*, 2010). Исследователь, обладая информацией о 135 удовлетворительно зафиксированных клеймах, выделила семь вариантов исполнения надписи **ULFBERHT** и семь вариантов композиции из знаков на обратной стороне клинка **(рис. 61)**[38].

Наиболее распространены варианты 1 и 2 надписи в сочетании с вариантами I, V (в меньшей степени VI) композиции знаков на обратной стороне клинка. И именно клейма в вариантах напи-

38 Чешские исследователи резонно предлагают включить клейма варианта 5 в вариант 1 (*Hošek et al.*, 2021. P. 124).

Тип	1	2			3	4	5	
		a	b	c			a	b
Длина лезвийной части клинка, *см*	70-75 (70-83)	80-83 (70-83)	75-78 (70-83)	75-80 (70-83)	75-82 (70-83)	70-76 (70-83)	84-87 (83-91)	86-91 (83-91)
Ширина лезвийной части клинка, *см*	4,8-5,8	6,0-6,2	4,8-5,0	5,1-5,7	5,1-5,7	4,5-5,0	4,8-5,0	4,9-5,1
Длина дола, *см*	нет или слабо выражен	70-80	64-70	68-74 (60-74)	64-72	62-69	67-70	70-76
Ширина дола, *см*	2,1-2,3 (1,8-3,0)	2,2-2,3 (1,8-3,0)	1,8-2,0 (1,8-3,0)	1,8-2,3 (1,8-3,0)	1,8-2,2 (1,8-3,0)	1,9-2,2 (1,8-3,0)	1,8-2,0 (1,8-3,0)	1,9-2,25 (1,8-3,0)
А	1,0-1,2	1,0-1,16 (1,0-1,2)	1,08-1,18 (1,0-1,2)	1,04-1,16 (1,0-1,2)	1,07-1,25 (1,0-1,25)	1,0-1,16 (1,0-1,2)	1,22-1,26 (1,2-1,26)	1,19-1,24 (1,19-1,24)
Б	1,08-1,16	1,3-1,5	1,3-1,4	1,2-1,4	1,22-1,42	1,5-1,6	1,32-1,4	1,24-1,58
В	1,0-1,02 (1,0-1,06)	1,0-1,02 (1,0-1,05)	1,0-1,02 (1,0-1,05)	1,0-1,02 (1,0-1,05)	1,07-1,25	1,12-1,37	1,0-1,07	1,12-1,19 (1,08-1,29)
Датировка	650-800 гг.	750-950 гг.			775-975 гг.	950-1050 гг.	950-1075 гг.	

А – соотношение длины лезвийной части клинка и длины дола;
Б – соотношение ширины клинка у перекрестия и в 60 см от перекрестия;
В – соотношение ширины дола у перекрестия и в 40 см от перекрестия.

Рис. 59. Типология клинков мечей А. Гайбига (по: *Geibig*, 1991. S. 84–86. Abb. 22; рисунок С. Ю. Каинова).

Группа	{a1}	{a2}	{b}	{c}	{d}
Длина лезвийной части клинка, *см*	73-82,5	75-82,5	72-82,5	74-80	830<
Ширина лезвийной части клинка, *см*	5,6-6,5	5,4-6,0	4,5-5,4	64<	4,5-6,0
Соотношение длина / ширина	12.0-13.2	13.2-14.1	13.9-16.2	10.2-12.2	14.2-18.5
Датировка	1/3 IX - нач. X в.	2/4 IX - 2/3 X в.	сер. VIII - кон. X в.	кон. IX - нач. X в.	3/4 IX - 1/2 X в.

Рис. 60. Типология клинков мечей по материалам Чехии (по: *Hošek et al.*, 2021. P. 54–61; рисунок С. Ю. Каинова).

сания **+ULFBERHT+** и **+ULFBERH+T** являются самыми ранними[39] (*Hošek et al.*, 2021. P. 129).

Геометрические знаки и символы, нанесенные на обе стороны клинка, М. Муланен предложил разделить на семь групп, различающихся основными знаками или мотивами (*Moilanen*, 2015. P. 159–172):

1. «решетка» с вертикальными столбиками или без них;

2. омегообразная фигура;

3. круг и/или спираль;

4. вертикальные и/или горизонтальные столбики;

5. знак Св. Иоанна;

6. символ бесконечности;

7. другие знаки и их комбинации.

[39] По одной из версий, наиболее ранней формой написания клейма была **+ULFBERHT+**, затем «в позднем IX веке» появляются клейма **+ULFBERH+T** (*Hošek et al.*, 2021. P. 129).

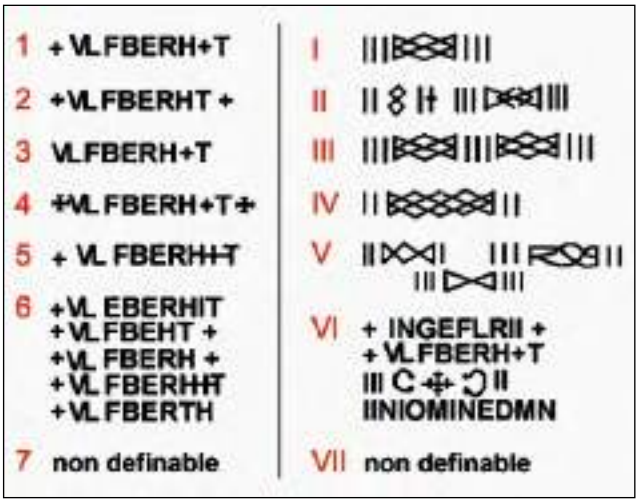


Рис. 61. Варианты клейма ULFBERHT и знаков на противоположной стороне клинка (по: *Стальсберг*, 2010. С. 380. Рис. 1; *Hošek et al.*, 2021. P. 124. Fig. 47).

По мнению А. Гайбига, основанному на изучении немецкого материала, геометрические знаки на недамаскированных клинках характерны для 750–950 гг. (*Geibig*, 1991. S. 155).

Завершая краткий обзор некоторых тем, касающихся изучения мечей, мы можем констатировать, что сейчас наука находится на этапе выработки общего терминологического аппарата, постепенного накопления информации и поиска общих подходов к ее обработке.

Кропотливая фиксация и всесторонний анализ в дальнейшем позволит более обоснованно и на значительно большей базе искать подходы к систематизации рукоятей и клинков и к решению вопросов хронологии. С нашей точки зрения, процесс накопления материала должен идти в том числе в рамках стандартизированных матриц описания, учитывающих максимальное количество признаков и информации о находке. Подобная матрица для составления Каталога мечей IX – середины XVI века, найденных на территории Чехии, была предложена в работе И. Хошека, И. Кошты, П. Жаковского и включает в себя информацию о месте и обстоятельствах обнаружения, месте хранения, типологическом определении, размерных характеристиках, различных анализах и т. д. *(Hošek et al.*, 2019. P. 55–61).

Новые находки гнёздовских мечей в представленной работе рассмотрены в соответствии с типологией деталей рукоятей Я. Петерсена с учетом дополнений, сделанных другими исследователями. Для клинков тип определен в соответствии с типологиями А. Гайбига и И. Хошека – И. Кошты – П. Жаковского.

В результате начала работ на территории северо-восточной части Центрального селища и возобновления планомерных работ в Лесной курганной группе в 2017–2020 гг. количество мечей, найденных в Гнёздове, значительно увеличилось; далее мы представим новый материал в порядке его обнаружения.

1. Целый меч (рис. 62–83) найден в 2017 году при раскопках кургана Л-207, расположенного в юго-западной части Лесной курганной группы, недалеко от ее современной западной границы (см. **рис. 4**).

Поскольку четко выраженная курганная насыпь отсутствовала, до начала археологических работ участок исследовали методами разведочной геофизики – было заложено 10 профилей электроразведки. В результате в центральной части профиля была определена значительных размеров высокоомная аномалия, которая совпала с местоположением могильной ямы, впоследствии выявленной при раскопках *(Новиков и др.*, 2021) **(рис. 62)**.

Насыпь кургана Л-207/2017 возведена на относительно ровной, с небольшим уклоном с севера на юг, хорошо задернованной поверхности **(рис. 63)**. Диаметр курганной насыпи по линии С–Ю составил 5 м. Установить диаметр насыпи по линии З–В нельзя, поскольку часть кургана была разру-

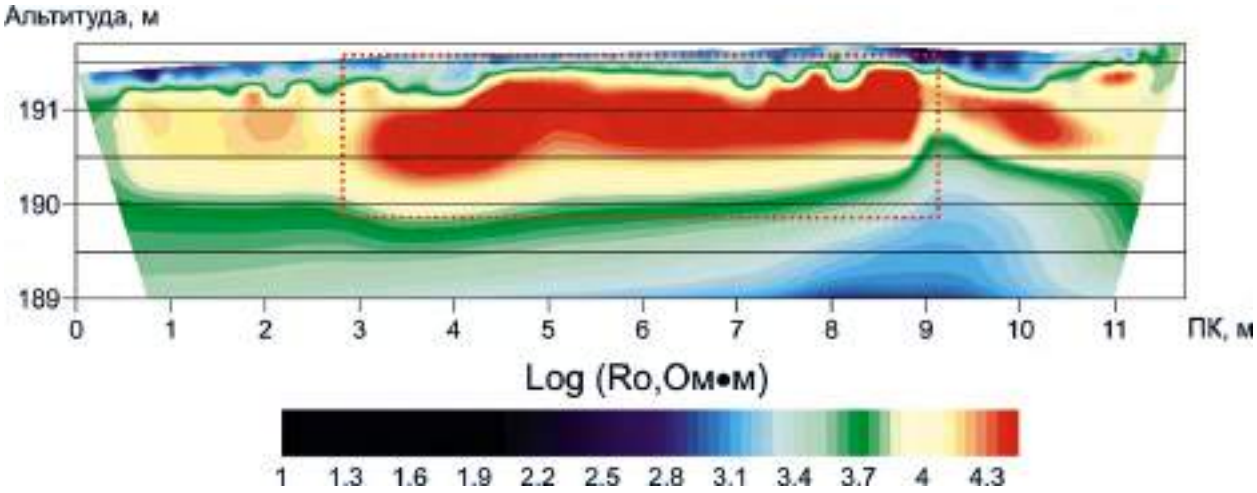


Рис. 62. Курган Л-207/2017. Профиль электроразведки, направление север–юг.

Рис. 63. Курган Л-207/2017 до начала раскопок.

Рис. 64. Курган Л-207/2017. Пятно могильной ямы.

Рис. 65. Курган Л-207/2017. Уровень погребения. Номера обозначенных предметов погребального инвентаря совпадают с номерами на **рис. 66**.

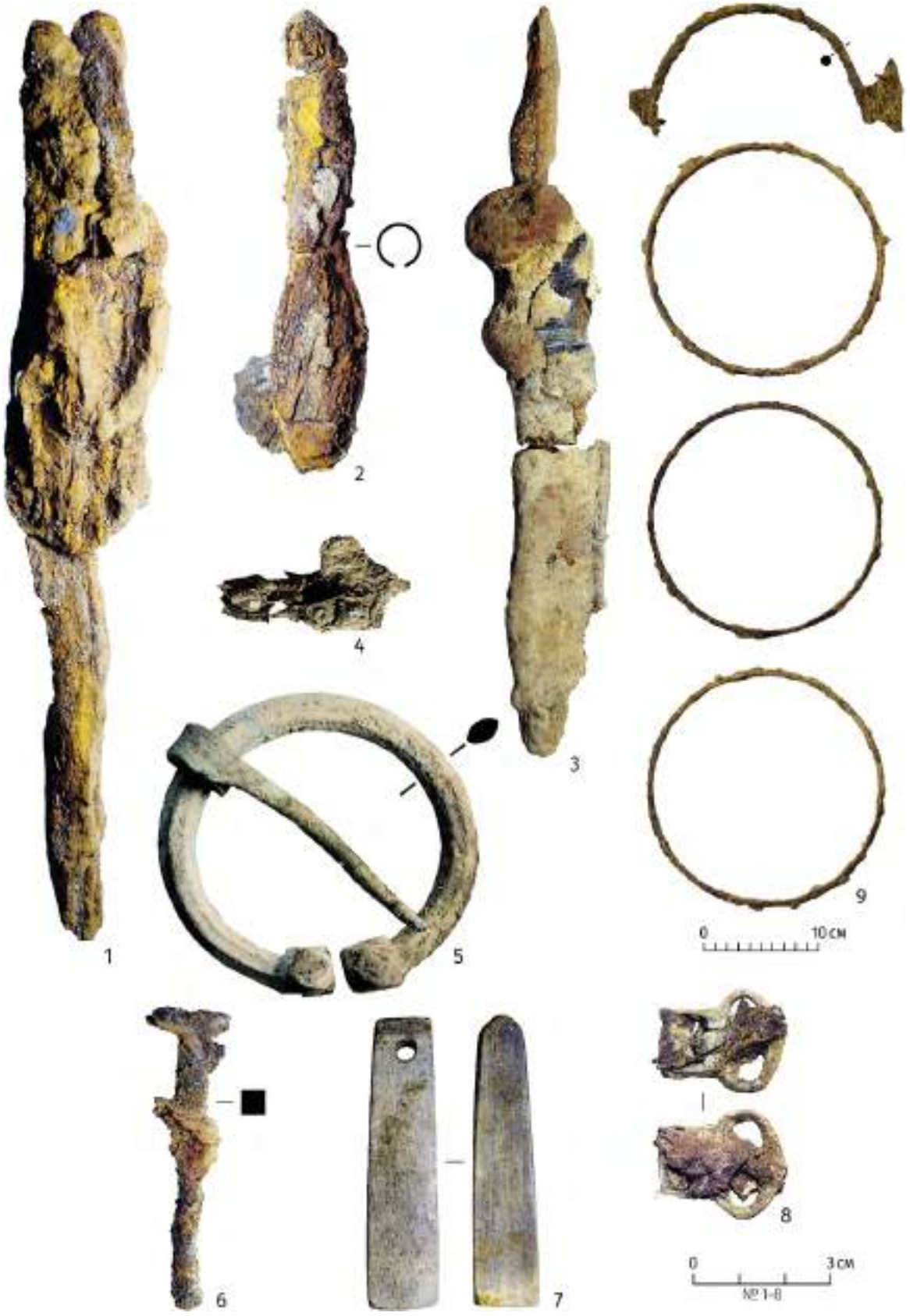


Рис. 66. Курган Л-207/2017. Погребальный инвентарь: *1* – наконечники стрел с остатками древок; *2* – фитильная трубка; *3* – нож в ножнах; *4* – клепки с остатками кожи; *5* – подковообразная фибула; *6* – гвоздь; *7* – точильный брусок; *8* – пряжка; *9* – обручи и дужка от ведра; *10* – меч в ножнах. *1, 3, 10* – железо, дерево; *2, 6, 9* – железо; *4* – медный сплав, кожа; *5, 8* – медный сплав; *7* – камень.

Рис. 67. Курган Л-207/2017. Меч после находки: *1* – общий вид; *2* – рукоять.

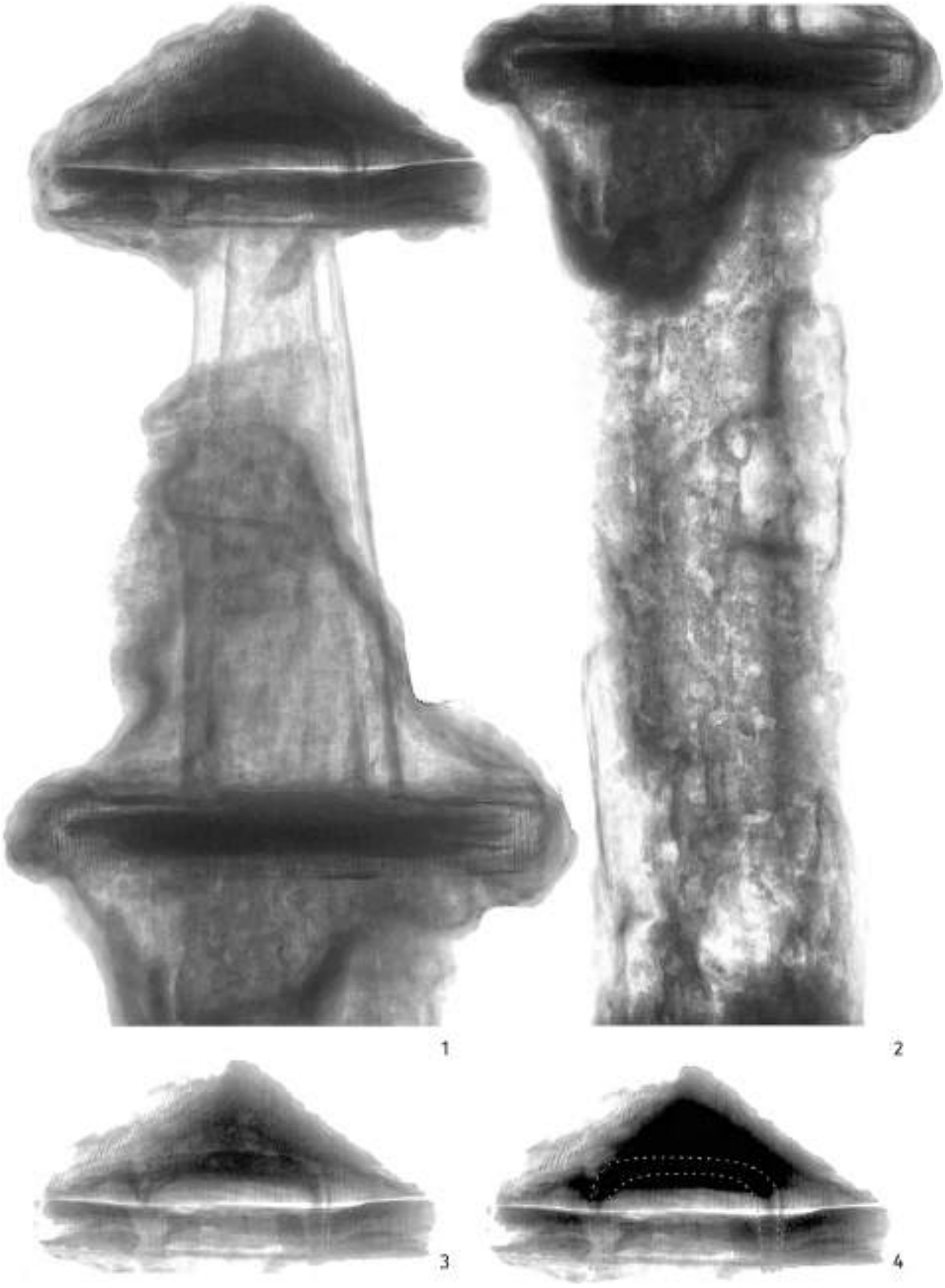


Рис. 68. Рентгенограмма деталей меча: *1* – рукоять; *2* – верхняя часть полотна клинка с клеймом; *3* – навершие; *4* – навершие с прорисованной крепежной скобой.

Рис. 69. Навершие меча. Фронтальные виды.

Рис. 70. Навершие меча: *1* – виды сверху и снизу; *2* – виды сбоку.

шена при сооружении ровиков соседних насыпей. Предположить высоту кургана на момент сооружения также проблематично. Но с учетом диаметра и сохранившихся участков вряд ли высота насыпи была значительной – не более 50 см. Для ее возведения использовался грунт, извлеченный при рытье погребальной ямы и взятый из ровиков, окружающих курган по всему периметру за исключением северной стороны.

В центре округлой площадки диаметром около 5 м была выкопана могильная яма размерами в верхней части по линии СЗ–ЮВ – 330 см, по линии СВ–ЮЗ – 330 см; в нижней части по линии СЗ–ЮВ – 260 см, по линии СВ–ЮЗ – 270 см **(рис. 64)**. Глубина могильной ямы (от поверхности погребенной почвы до дна) – 140 см.

В могильную яму была помещена погребальная деревянная камера. Конструктивные особенности камеры неясны. Отсутствие столбовых ям и зафиксированная в ходе раскопок планиграфия позволяют предполагать срубную конструкцию размерами по линии СЗ–ЮВ – 180 см, по линии СВ–ЮЗ – 200 см[40]. Возможно, к конструкции погребальной камеры относится найденный несколько выше уровня погребения железный гвоз-

[40] Конструкция погребальной камеры была сооружена из сосны (определение сотрудника Лаборатории естественнонаучных методов в археологии ИА РАН Л. Н. Гриценко).

Рис. 71. Хват рукояти меча.

дь **(рис. 65, *6*; 66, *6*)**. На дне могильной ямы обнаружен разнообразный погребальный инвентарь **(рис. 65, 66)**. Кости погребенного практически не сохранились. Расположение инвентаря позволяет предполагать, что тело умершего было помещено в камеру в сидячем положении, лицом на северо-восток. По состоянию зубов умершему было 60–70 лет. Погребальный инвентарь позволяет уверенно считать погребение мужским. Верхняя одежда умершего состояла из шерстяного плаща, застегнутого подковообразной фибулой из медного сплава, располагавшейся в районе груди **(рис. 66, *5*)**. Вероятно, на поясе погребенного были подвешены нож с деревянной рукоятью, частично обмотанной проволокой, точильный камень и железная фитильная трубка **(рис. 66, *2, 3, 7*)**. Слева от погребенного находился меч в деревянных ножнах **(рис. 66, *10*; 67)**, справа – стрелы **(рис. 66, *1*)**, возможно, в колчане, от которого найдены клепки из медного сплава **(рис. 66, *4*)** и пряжка от подвесного ремня **(рис. 66, *8*)**. Ближе к юго-восточному углу камеры было поставлено деревянное ведро с железными деталями – тремя обручами, дужкой и деталями ее крепления **(рис. 66, *9*)**.

Обряд ингумации в деревянной камере, а также состав погребального инвентаря позволяют отнести совершение захоронения ко второй половине X века.

Две особенности этого погребения обращают на себя внимание. Во-первых, возраст погребенного – 60–70 лет. Очевидно, что в таком почтенном возрасте человек вряд ли может эффективно применять меч по своему непосредственному назначению, равно как и стрелять из лука. По всей видимости, предметы вооружения в этом погребении – маркер принадлежности умершего к страте профессиональных воинов/дружинников. Во-вторых, вызывают удивление незначительные размеры погребальной насыпи, при том что размерные характеристики могильной ямы и деревянной камеры весьма внушительны. Одно из возможных объяснений этому факту заключается в том, что для группы людей, хоронивших своих умерших в деревянных камерах, размер погребальной насыпи не был важен. Значение имел сам обряд помещения тела и погребального инвентаря в деревянную камеру.

Как уже было отмечено, меч в ножнах располагался слева от умершего, навершием ориентирован на З–ЮЗ. Сохранность меча полная **(рис. 67)**. Предварительные реставрационные работы проведены только в отношении навершия меча и части черена клинка, остальные металлические части покрыты продуктами окислов и преобразованной органикой, в том числе остатками ножен. В этой связи в работе даны не все измерения, а часть приведенных являются приблизительными. Значительный объем информации, дополняющей визуальные

Рис. 72. Фрагменты деревянных накладок на черен рукояти (хват рукояти): *1* – фрагмент верхней части хвата рукояти; *2* – фрагмент нижней части хвата рукояти; *3* – фрагмент крышки футляра; *4* – фрагмент корпуса футляра; *5* – черен клинка в корпусе футляра.

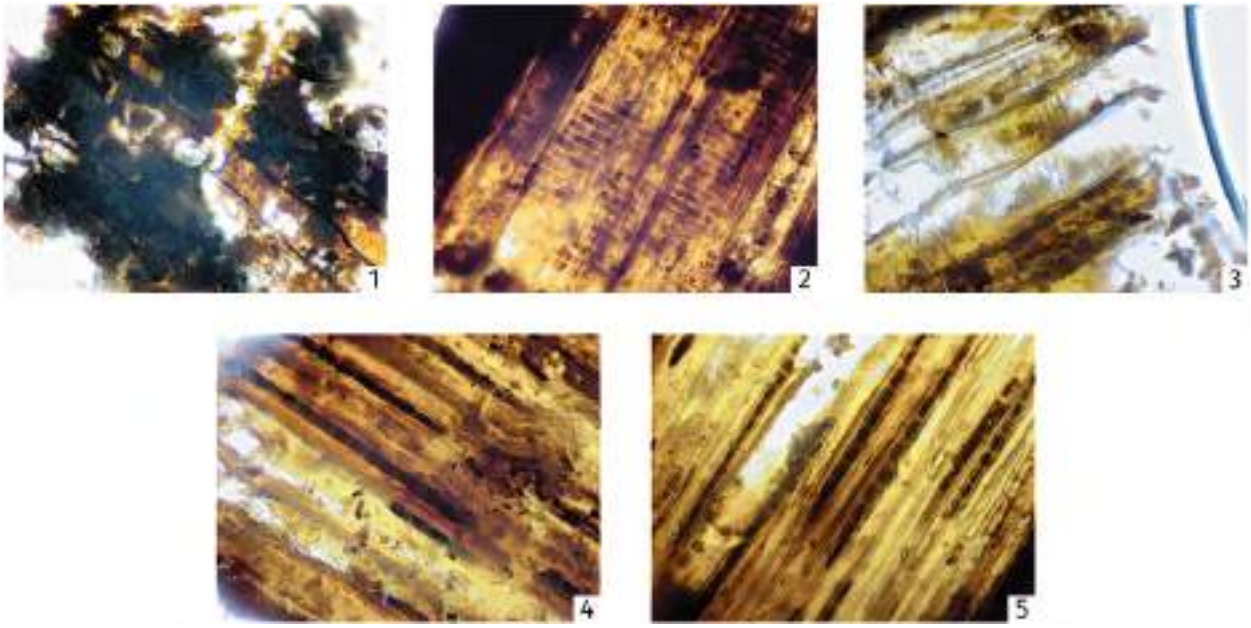


Рис. 73. Микроструктура дерева хвата рукояти: *1* – поперечный срез, ув. 200х; *2* – радиальный срез, ув. 200х; *3* – радиальный срез, ув. 400х; *4* – тангенциальный срез, ув. 400х; *5* – тангенциальный срез, ув. 400х.

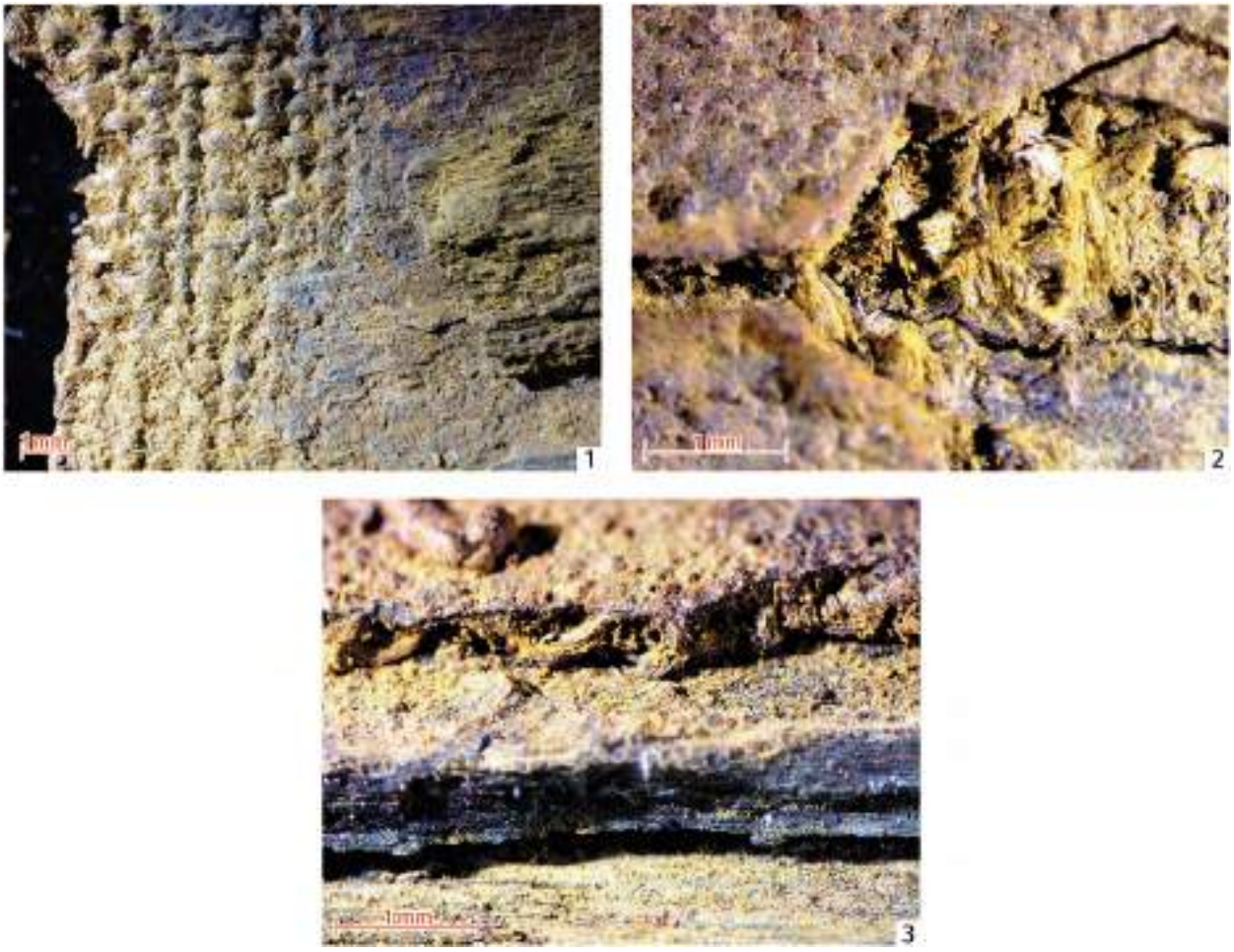


Рис. 74. Структурные элементы хвата рукояти меча: *1* – тканевая обмотка (вид изнутри); *2* – тканевая обмотка, перекрытая слоем кожи; *3* – структура хвата рукояти – дерево (верхний слой пропитан клеем (?)), ткань, кожа.

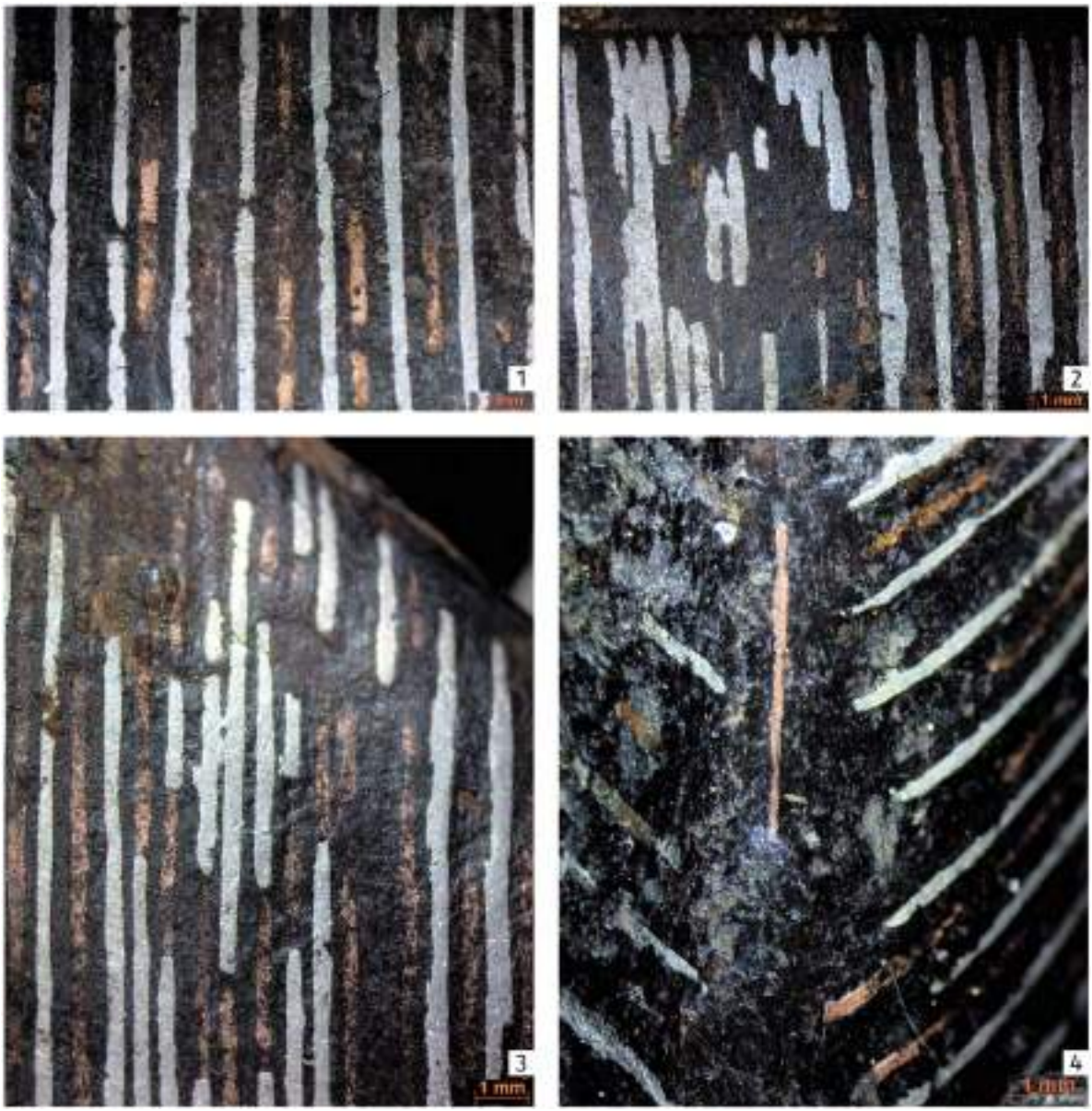


Рис. 75. Инкрустация навершия: *1* – характер инкрустации на основной части поверхности детали; *2, 3* – инкрустированные серебром поля с ромбами на основании (*2*) и головке (*3*) навершия; *4* – медная проволока, инкрустированная по ребру головки навершия.

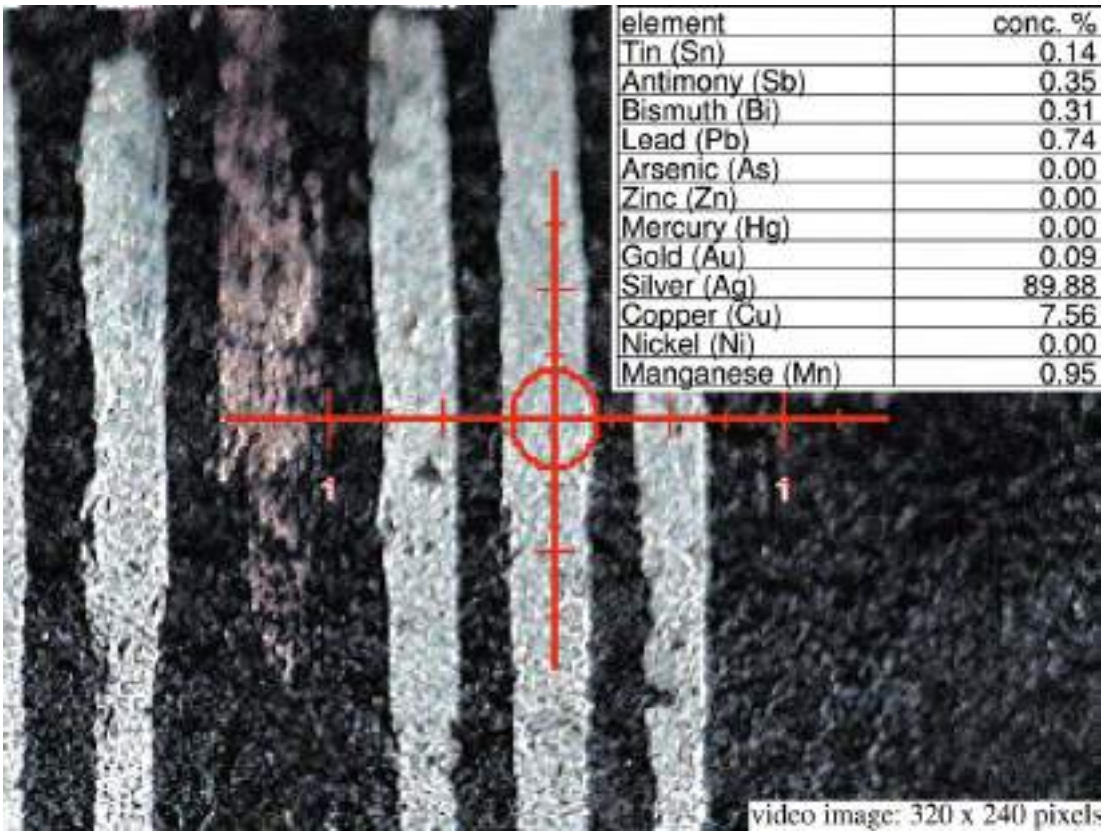


Рис. 76. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа проволоки из белого металла.

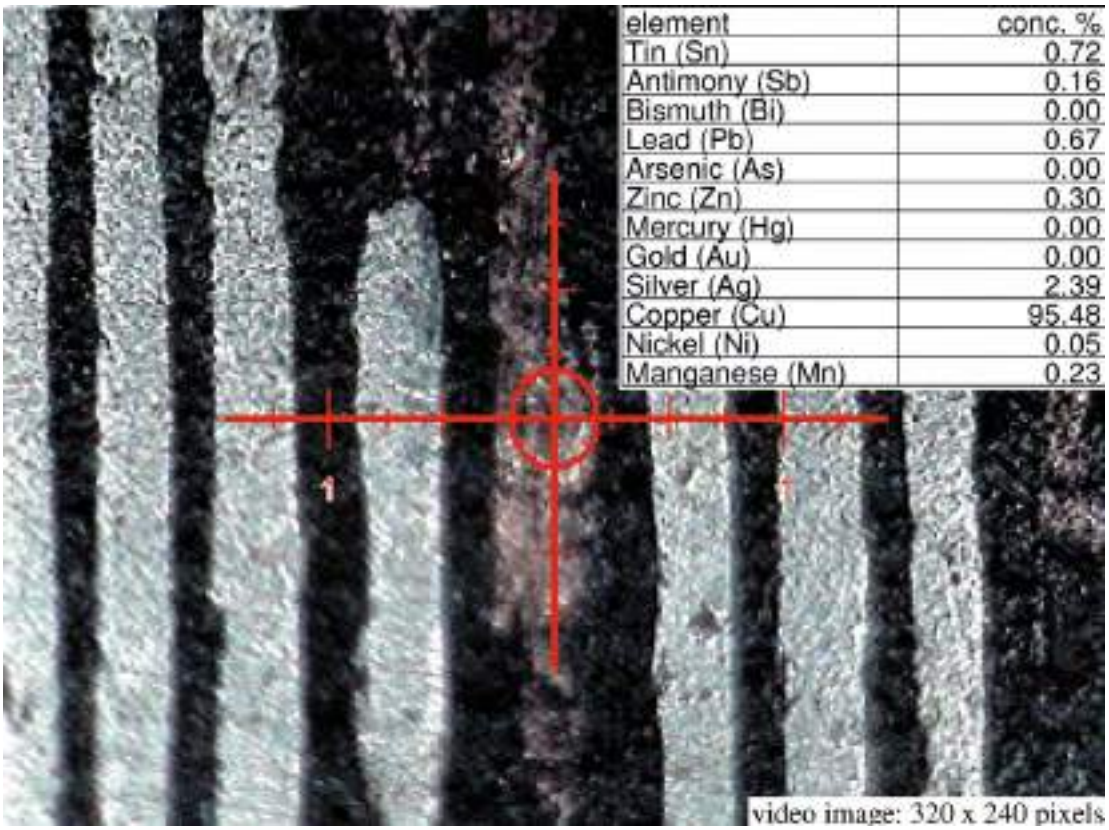


Рис. 77. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа проволоки из красного металла.

Рис. 78. Фрагменты ножен меча. Устье ножен: *1* – фронтальный вид; *2* – вид снизу.

наблюдения, был получен при рентгенографическом исследовании меча **(рис. 68)**.

Общая длина меча – 95 см, длина клинка – около 78,5 см, ширина клинка в ножнах – 6,5 см, ширина клинка – около 5,7 см. Общая высота рукояти – 16,5 см.

Навершие железное, двусоставное, состоящее из головки и основания **(рис. 69, 70)**. Общая высота – 4,0 см. Головка навершия треугольная, с незначительно вогнутыми верхними сторонами, пустотелая. По нижнему краю проходит небольшая ступенька, необходимая для размещения скрученного из проволочек жгутика[41], закрывающего место соединения головки и основания навершия. Длина головки навершия – 7,8 см, высота – 3,0 см, ширина – 1,7 см. Основание навершия – прямое с незначительно вогнутой верхней стороной. В плане основание имеет узкую ладьевидную форму. Фронтальная поверхность без ребра, почти плоская. Длина основания – 8,1 см, высота – около 1,0 см, ширина – 1,9 см.

Между собой головка и основание скреплены при помощи двух железных штырей, закрепленных в головке навершия, проходящих через его основание и расклепывающихся на торце навершия[42]. Никаких шайб или их фрагментов, как правило, подкладывающихся под расклеп, не обнаружено.

На рентгеновском снимке видно, что крепежные штыри являются концами U-образной скобы,

41 Данная деталь далеко не всегда сохраняется, по всей видимости, из-за ненадежности закрепления.

42 Конструктивный тип II по А. Гайбигу или тип IIb по И. Хошеку – И. Коште – П. Жаковскому.

Рис. 79. Фрагменты ножен меча: *1* – общий вид; *2, 3* – центральная часть; *4* – нижняя часть; *5* – окончание.

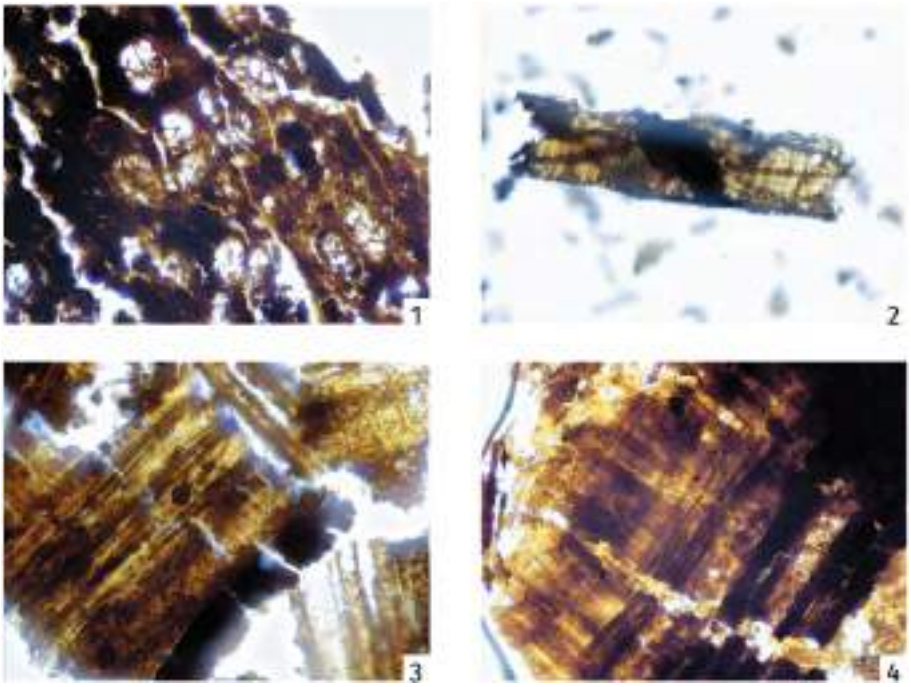


Рис. 80. Микроструктура дерева ножен меча: *1* – поперечный срез, ув. 100х; *2* – поперечный срез, ув. 100х; *3* – радиальный срез, ув. 400х; *4* – радиальный срез, ув. 400х; *5* – радиальный срез, ув. 200х.

Рис. 81. Ножны меча. Фрагменты меха.

Рис. 82. Структурные элементы ножен меча: *1* – тканевая обмотка; *2, 3* – тканевая обмотка, перекрытая слоем кожи.

скорее всего, впаянной (?) во внутреннюю полость головки навершия (см. **рис. 68, *3, 4***). Навершие закреплено на черене клинка, который проходит только через основание навершия и расклёпывается в его внутренней полости.

Расстояние между нижним торцом навершия и верхним торцом перекрестия – 10 см. Ширина черена клинка под навершием – 1,6 см, у перекрестия – около 3,0 см, толщина – от 0,4 см (у навершия) до 0,5 см (у перекрестия).

На момент находки полностью сохранились деревянные обкладки черена рукояти, формирующие хват **(рис. 71)**. В настоящее время деревянная рукоять разрушилась, что дает возможность изучить конструкцию **(рис. 72)**.

Овальный в сечении хват рукояти имеет слабовыраженную бочковидную форму, расширяющуюся к перекрестию. Длина – 10 см, размеры сечения у навершия – 2,6×1,3 см, у перекрестия – 3,6×1,7 см, в центре – 3,5×1,7 см.

Конструктивно деревянная основа хвата рукояти состоит из двух деталей. Одна имеет П-образную в сечении форму с выборкой под черен клинка (корпус футляра) **(рис. 72, *2, 4, 5*)**, вторая (крышка футляра) накладывалась сверху, закрывая футляр и формируя хват рукояти **(рис. 72, *1, 3*)**. Зафиксированная толщина деревянной крышки футляра – 0,4 см. Анализ фрагмента дерева крышки показал, что изготовлена она из ольхи[43] **(рис. 73)**. Поверх деревянной основы наклеивался кусок ткани мелкого полотняного переплетения **(рис. 74, *1, 2*)**. Возможно, пропитка клеем рукояти придала верхнему слою дерева черный цвет **(рис. 74, *3*)**. Поверх ткани наклеивалась тонкая кожа **(рис. 74, *3, 4*)**. Причем это была не спирально намотанная полоска кожи, а сшитый (или склеенный) по длинным сторонам кусок кожи.

Перекрестие меча почти полностью закрыто окислами и минерализованными фрагментами ткани. Его видимые участки, а также рентгенография позволяют предполагать следующие метрические показатели: длина – около 10 см, ширина – 2,2 см, высота – 1,2–1,3 см. Деталь во фронтальной проекции прямая, в плане ладьевидной формы. Фронтальная поверхность без выделенного ребра, почти плоская.

---

43 Определение сотрудника Лаборатории естественнонаучных методов в археологии ИА РАН Л. Н. Гриценко.

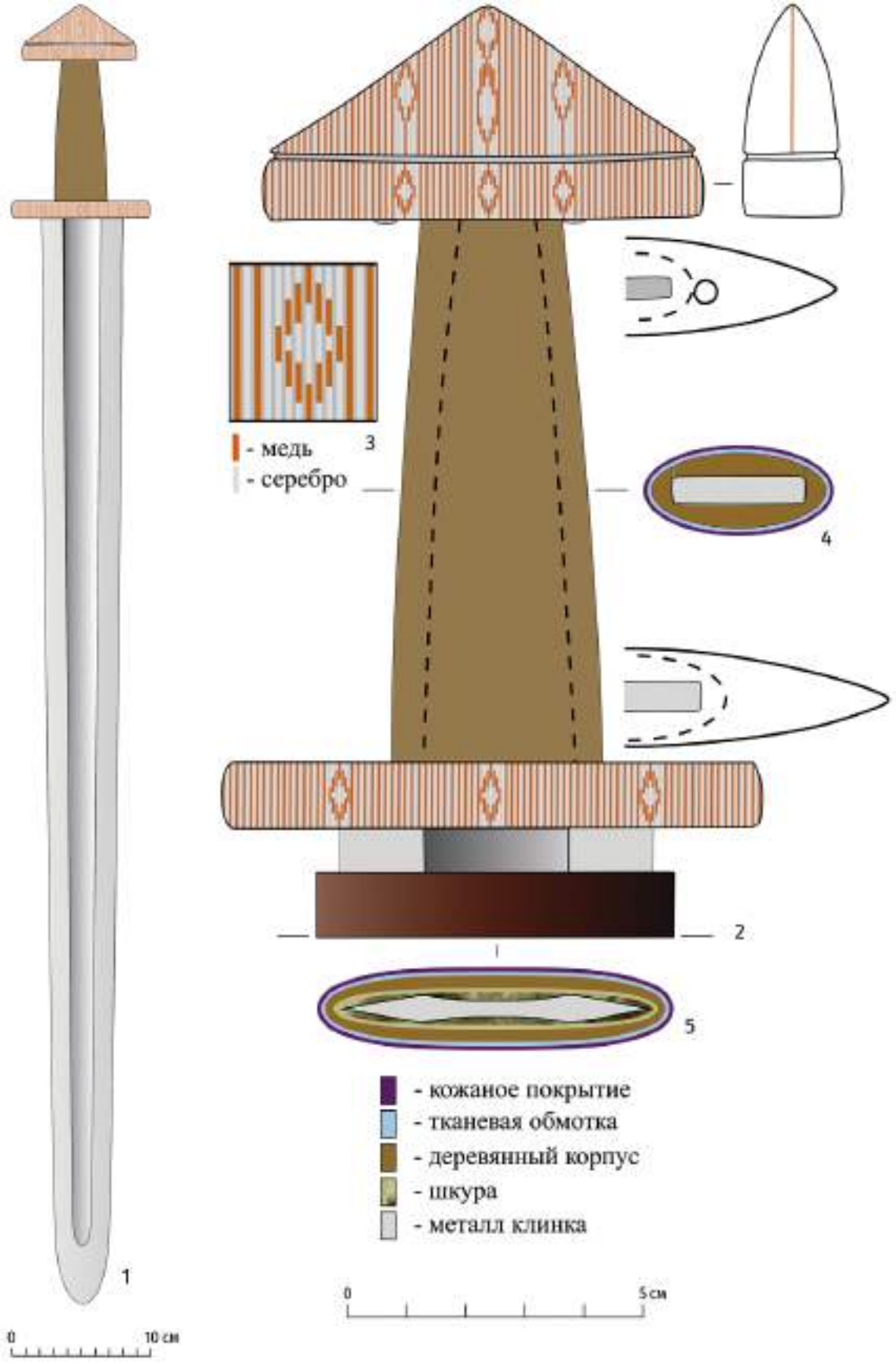


Рис. 83. Реконструкция меча из кургана Л-207/2017: *1* – общий вид; *2* – рукоять; *3* – реконструкция орнамента инкрустации; *4* – сечение хвата рукояти; *5* – сечение ножен (рисунок С. Ю. Каинова).

Фронтальные поверхности навершия и перекрестия[44] инкрустированы вертикально расположенными проволочками цветного металла, вбитыми в канавки, прорезанными в железной основе деталей **(рис. 75)**. Всечка нанесена довольно небрежно, на некоторых участках под небольшим наклоном. Плотность инкрустации – около 17 проволочек на 1 см. Основной орнаментальный мотив – чередование проволочек красного и белого цвета. При этом проволока уложена не плотно, а с промежутками, оставляя открытыми узкие участки железной поверхности. Проведенный рентгенофлюоресцентный анализ показал, что проволока красного цвета изготовлена из почти чистой меди, проволока белого цвета – из серебра **(рис. 76, 77)**.

Основное фронтальное пространство деталей рукояти инкрустировано чередующимися проволоками красного и белого цвета **(рис. 75, *1*)**. На основании навершия и перекрестии также нанесены инкрустированные серебром поля с размещенными внутри вытянутыми в вертикальной развертке ромбами (по три на каждой стороне) **(рис. 75, *2, 3*)**. Ромбы составлены из пяти серебряных проволочек и оконтурены медными проволочками. На боковых частях головки навершия также нанесено по одному такому вертикальному ромбу, а в центральной части – два ромба, один над другим. Одна медная проволочка забита по верхнему ребру головки навершия **(рис. 75, *4*)**. Инкрустации или пластин из цветного металла на торцевых сторонах основания навершия и перекрестия нет.

Полотно клинка меча скрыто органическими остатками ножен, но рентгенографический снимок демонстрирует классическую для мечей этого времени двулезвийную форму с долом посередине. На рентгене также фрагментарно видны клейма (см. **рис. 68, *2***).

На поверхности клинка сохранились ножны меча **(рис. 78, 79)**. Их относительно хорошая сохранность позволяет восстановить конструкцию. Основа ножен изготовлена из деревянных планок толщиной 2–3 мм. Анализ фрагмента дерева ножен показал, что планки сделаны из липы[45] **(рис. 80)**. Визуально читаемый на одной стороне ножен «валик», расположенный по осевой линии **(рис. 79, *1, 2, 4*)**, не вырезан на дереве, а появился в результате продольного слома ножен.

Внутрь деревянного футляра был помещен меховой чехол, обращенный мехом к клинку, мездрой к дереву ножен **(рис. 79, *4*; 81)**. Сверху дерево ножен было обмотано полоской материи полотняного переплетения **(рис. 79, 82)**. На большей части ножен обмотка идет в один слой с небольшим нахлестом, но примерно в центре ножен ткань намотана в несколько слоёв, возможно, таким образом фиксируя и укрепляя сломанную деревянную основу ножен **(рис. 79, *3*)**. Обмотка тканью также отмечена на окончании ножен **(рис. 78, *5*)**. На этом же фрагменте хорошо виден слой клеевой массы под тканью.

Поверх материи ножны были обтянуты тонкой кожей, небольшие фрагменты которой предположительно фиксируются на некоторых участках **(рис. 82, *2, 3*)**. Металлический наконечник ножен отсутствовал.

Совокупность данных визуального и рентгенографического исследований позволяют предложить реконструкцию меча, найденного в кургане Л-207/2017 **(рис. 83)**.

Меч, найденный в погребении кургана Л-207/2017, исходя из формы деталей рукояти и их орнаментации, можно уверенно отнести к типу H/I. Это одна из самых многочисленных групп мечей с инкрустированными деталями. Ее четкое разделение на отдельные типы представляет определенные проблемы, решение которых возможно при систематизации как можно большего количества мечей этого типа.

2. Целый меч (рис. 84–122) обнаружен в 2017 году в непосредственной близости от Лесной курганной группы в результате разведочных работ, которые проводились для уточнения характера распространения культурного слоя в северо-восточной части Центрального поселения, а также для проверки информации о находках в этой части поселения двух кладов дирхамов в ходе несанкционированных раскопок в начале 2000-х гг. На месте находки первоначально был заложен шурф, который получил наименование ЦС-XVIII. В полевой сезон 2018 года шурф был развернут в полноценный раскоп – ЦС-XIX (см. **рис. 4**). В ходе работ 2018–2020 гг. общая площадь исследованного участка составила 469 м^2 и объединила работы на двух раскопах – ЦС-XIX и ЦС-XXIII.

---

44 Всечка на перекрестии хорошо видна на рентгенографическом снимке **(рис. 68, *1*)**.

45 Определение сотрудника Лаборатории естественнонаучных методов в археологии ИА РАН Л. Н. Гриценко.

Пахотный горизонт вокруг меча был вторично переотложен в результате грабительских раскопок. Об этом свидетельствует прямоугольная яма перекопа, заглубленная в материк на 10–12 см **(рис. 84, 85)**. К счастью, грабители не сумели идентифицировать предмет и, видимо, не предприняли настойчивых попыток извлечь меч, так как он был сильно заглублен в почву.

Меч и изученная рядом яма являлись частью разрушенного погребального комплекса, который в полевой документации получил наименование «курган 1» – П-1 (Полевая группа, курган 1). Он представляет собой округлую в плане площадку, окруженную ровиком (ровик № 1) с перемычкой на юго-западе. Размер площадки составляет 7,2×5,7 м, ширина ровика – от 1,5 м до 1,8 м при глубине от 0,4 до 0,5 м. На площадке был зафиксирован еще один ровик (ровик № 2), не замкнутый с юга. Размер внутренней площадки – 3,9×4,2 м, ширина ровика – 0,45–0,5 м, его глубина – до 0,25 м. Восточная оконечность разомкнутого ровика завершалась полуовальной ямой, где предположительно находилось погребение, совершенное по обряду кремации (см. **рис. 46**). В заполнении ямы вместе с углями найдены фрагменты кальцинированных костей, среди которых определены несколько стенок длинных трубчатых костей человека, а также предположительно фрагмент верхнего эпифиза лучевой кости[46].

К северо-западу от ямы на расстоянии 0,4 м находился меч. Он был вертикально воткнут (вбит) в материковый грунт выше уровня перекрестья, которое в результате оказалось смещено на несколько сантиметров вверх **(рис. 85, 86)**. При этом, по всей видимости, были сломаны деревянные обкладки хвата рукояти. Навершие с частью черена возвышалось над древней дневной поверхностью не более чем на 10 см. Вероятно, курганная насыпь, перекрывающая это погребение с мечом, была разрушена не до основания, торчащая часть меча осталась под грунтом насыпи и впоследствии – под культурным слоем поселения.

В Новое время при распашке участка навершие меча было сорвано плугом и в 2017 г. обнаружено при археологических работах на расстоянии 4,1 м на запад от места находки клинка с перекрестьем **(рис. 87)**.

Ровики и площадка кургана были частично потревожены более поздними ямами разного размера. Отдельные ямы содержали массовый и индивидуальный материал, широко датирующийся второй половиной X – началом XI века. Кроме того, с юга внешний ровик кургана (ровик 1) был прорезан ровиком другого разрушенного кургана (П-2) (см. **рис. 46**).

Решить вопрос о времени сооружения кургана П-1 позволяет анализ стратиграфической ситуации и характера поздних ям, серии образцов радиоуглеродного датирования, датировки «восточного» клада.

Верхняя граница и датировка культурного слоя поселения, который перекрывал разрушенные курганы П-1 и П-2, устанавливаются на основании датировок массового и индивидуального материалов. Ровики и площадки этих курганов были потревожены 12 разнообразными по размеру и характеру ямами.

Ямы № 1, 2, 3, 4, 5, 8 содержали индивидуальные находки и круговую керамику, что позволяет предположительно датировать их временем не ранее второй четверти X в.[47] В яме № 3 были обнаружены также два фрагмента амфор. Набор бус в ямах № 2 и 3 относится ко времени не ранее 20–30-х гг. X – начала XI в.[48] В яме № 2 была обнаружена стрела типа 84/1 по типологии А. Ф. Медведева (см. **рис. 43, *14***). Подобные стрелы на территории Древней Руси датируются X – началом XI в. (*Медведев*, 1966. С. 81). Похожий наконечник, отличающийся треугольным сечением боевой головки, найден в погребении № 100 Тимерёвского могильника, которое датируется временем не ранее конца 970–980-х гг. (*Зозуля,* 2021. С. 45–46. Рис. 1, *2*).

Ключевыми в определении хронологии погребального комплекса являются радиоуглеродные даты для ям № 2, 3 и 8. В сочетании с датировками массового (развитые формы орнаментированной круговой керамики классического гнёздовского времени) и индивидуального материала они могут быть отнесены ко времени не ранее 30–50-х гг. X в.

---

46 Определение научного сотрудника Отдела теории и методики ИА РАН, к. и. н. Е. А. Клещенко и младшего научного сотрудника Лаборатории контекстуальной антропологии ИА РАН Н. Г. Свиркиной.

47 Определение керамики сотрудника кафедры археологии МГУ им. М. В. Ломоносова к. и. н. О. Л. Шаргановой.

48 Определение сотрудника Центра палеоэтнологических исследований О. П. Добровой.

Рис. 84. Обнаружение меча из кургана П-1.

Рис. 85. Шурф ЦС-XVIII на месте обнаружения меча.

Рис. 86. Извлечение меча.

Рис. 87. Навершие меча после находки.

Объект	Лаб. индекс	Матер.	Археологические периоды, гг.					
			760–850	850–900	900–920	920–950	950–1000	1000–1050
		Интервалы калиброванного возраста cal AD (1σ, 2 σ)						
Ровик *1*, погребение	$IGAN_{AMS}5850$	уголь	766(2σ) 789(1σ)	888(2σ) 868(1σ)				
Ровик *1*, погребение	$IGAN_{AMS}7112$	уголь	771(2σ) 789(1σ)	886(2σ) 868(1σ)				
Ровик *1*	IGAN7220	ОВП		879(2σ)		976(1σ)		1220(2σ) 1058(1σ)
Ровик *2*	$IGAN_{AMS}6490$	уголь	773(2σ) 802(1σ)	887(2σ) 843(1σ)				
Ровик *2*	IGAN7223	ОВП		859(2σ) 896(1σ)		926(1σ)		1050(2σ)
Ровик *3*	IGAN 7391	зубы	773(2σ) 777(1σ)	893(2σ) 886(1σ)		936(2σ)		
Ровик *3*	IGAN 7392	зубы	773(2σ) 777(1σ)	887(2σ) 877(1σ)				
Ровик *4*	IGAN7221	ОВП	767(2σ)	877(1σ)			1019(1σ)	1043(2σ)
Яма 8	$IGAN_{AMS}6483$	уголь		863(2σ)	919(1σ)		963(1σ)	976(2σ)
Яма 3	$IGAN_{AMS}6852$	уголь		878 (2σ)	919(1σ)		964(1σ)	982(2σ)
Яма 3	$IGAN_{AMS}7139$	зубы		868 (2σ)	919(1σ)		963(1σ)	981(2σ)
Яма 2	$IGAN_{AMS}6847$	уголь			963(2σ)		981(1σ)	1021(2σ) 1014(1σ)
	Датировка массового и индивидуального материала							
Меч типа E-1								
Яма 2, керамика круг.								
Яма 2, стрела								
Яма 3, керамика круг.								
Яма 8, керамика круг.								
Монета Византия								
Бусы								
Клад (дирхамы+вещи)								

Рис. 88. Датировка объектов в раскопе ЦС-XIX.

Рис. 89. Общий вид меча после находки.

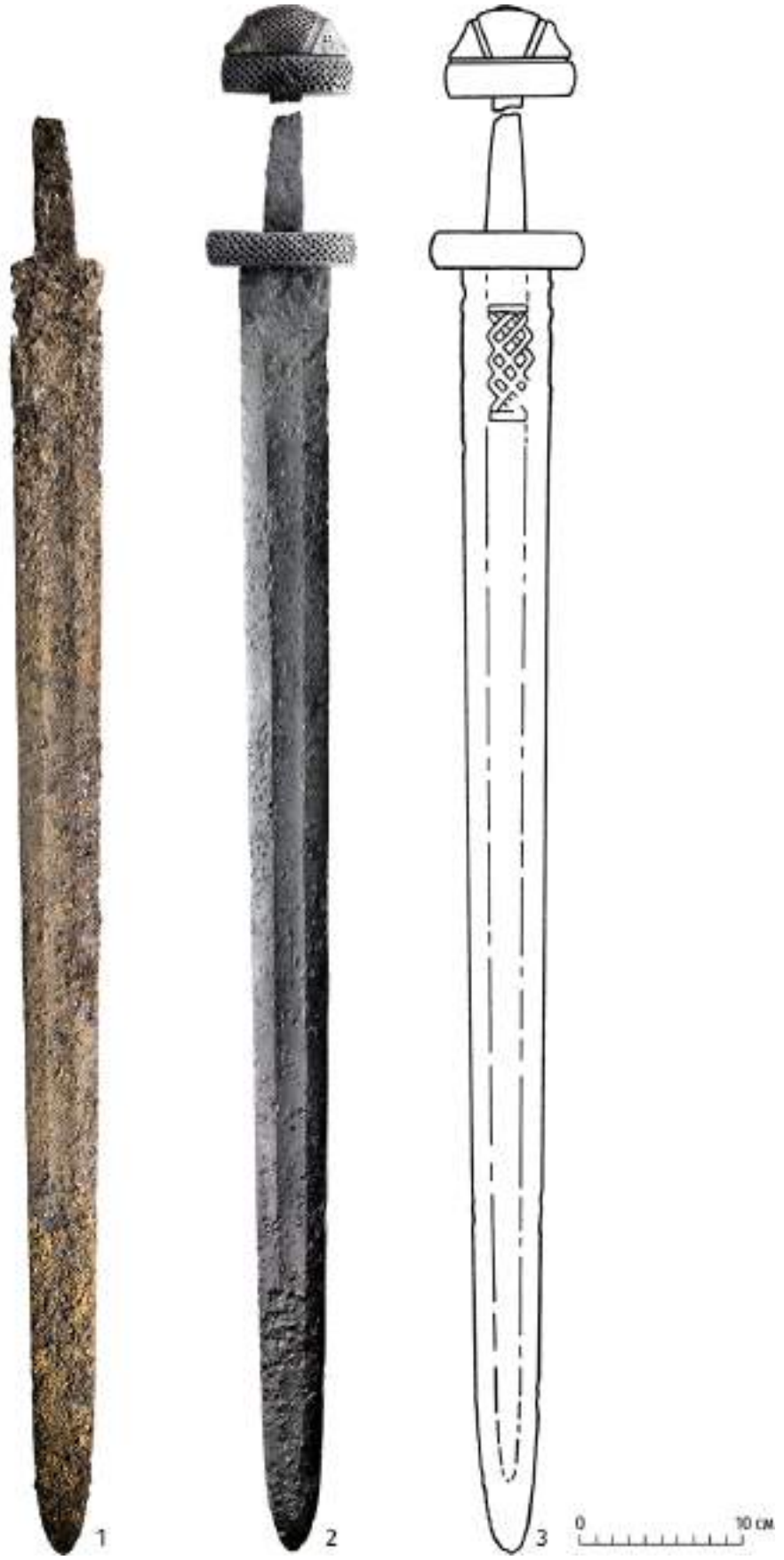


Рис. 90. Меч из кургана П-1: *1* – клинок меча до реставрации; *2* – общий вид меча после реставрации; *3* – рисунок меча (рисунок А. С. Дементьевой).

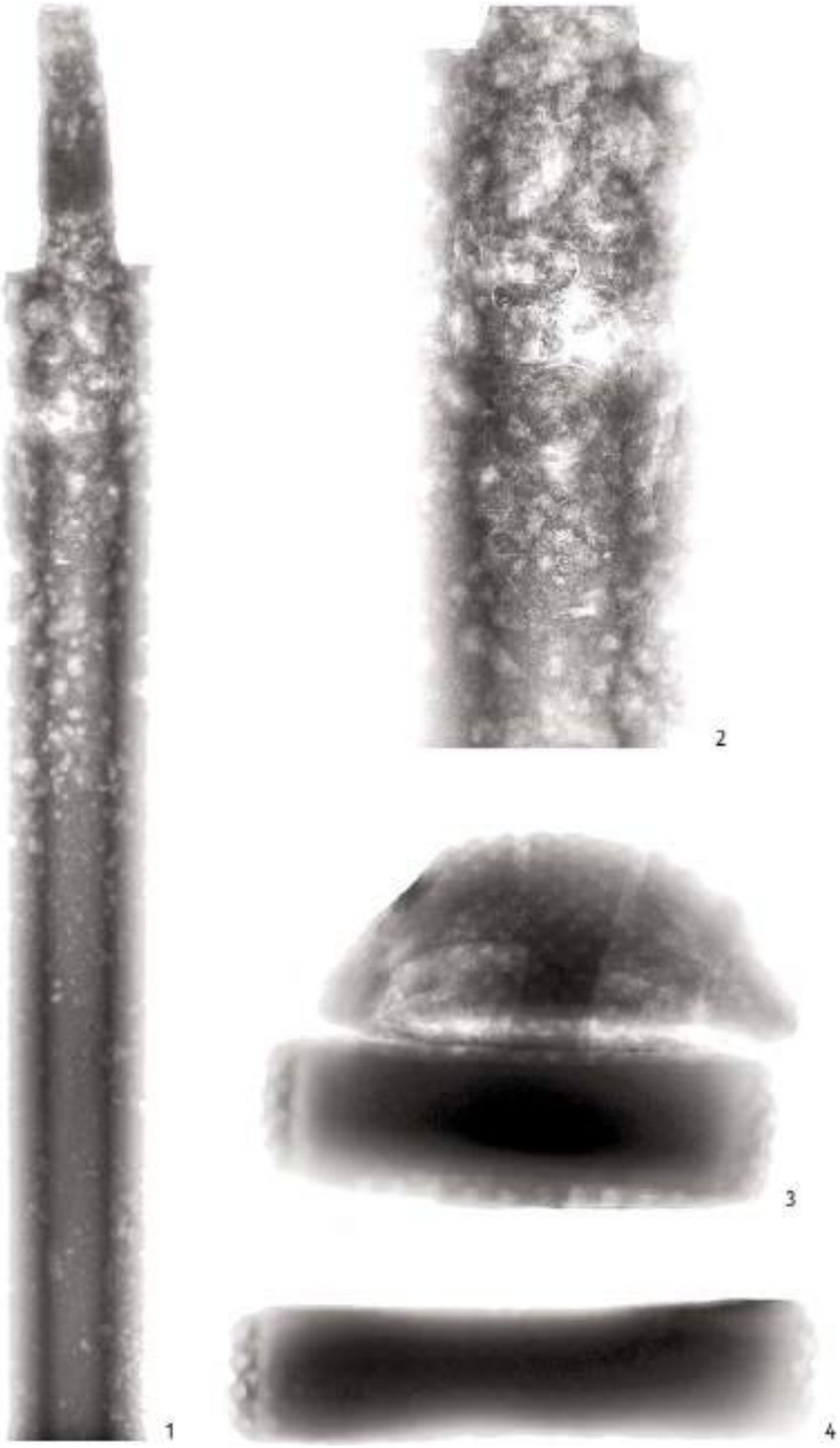


Рис. 91. Рентгенограмма деталей меча: *1* – верхняя часть клинка; *2* – клеймо; *3* – навершие; *4* – перекрестие.

Рис. 92. Поверхность лезвийной части клинка меча.

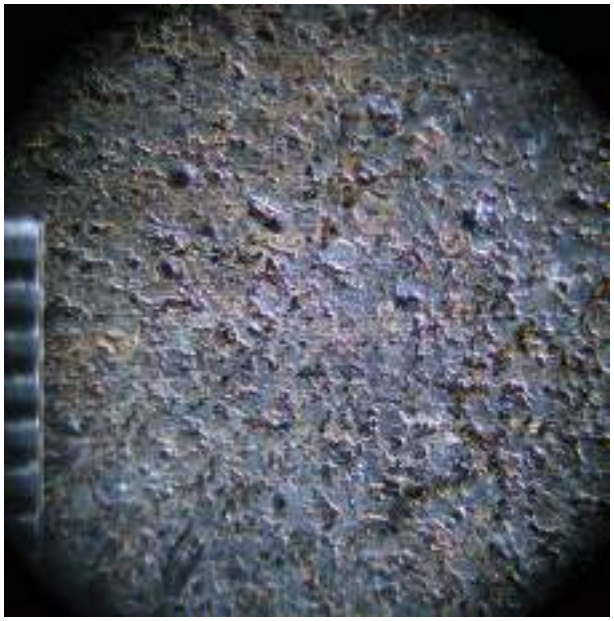


Рис. 94. Макрофото поверхности лезвийной части клинка.

Рис. 93. Острие клинка меча.

В верхнем пахотном горизонте раскопа ЦС–XIX, перекрывающем курган П-1, были собраны остатки денежно-вещевого клада. Дата его сокрытия по младшей монете – после 342 г. х. (953/954 гг.) (*Кулешов и др.*, 2021. С. 192).

Ровик кургана П-2 прорезал ровик более раннего кургана П-1. Для него были получены две даты из двух разных участков ровика 3 ($IGAN_{AMS}$ 7391, 7392; обе даты были получены из придонной части заполнения ровика 3 на разных участках). Наиболее вероятный период его сооружения относится ко времени не ранее 70–90-х гг. IX века.

Для кургана с мечом (П-1) было получено пять дат ($IGAN_{AMS}$ 5850, $IGAN_{AMS}$ 7112, IGANIGAN7220, $IGAN_{AMS}$ 6940, IGAN 7223), которые происходят из разных частей объекта — два образца угля из заполнения ямы с остатками погребения ($IGAN_{AMS}$ 5850, $IGAN_{AMS}$7112), ОВП из заполнения ровика 1 (IGAN 7220), уголь и грунт из разреза ровика 2 ($IGAN_{AMS}$ 6940, IGAN 7223). Они в совокупности предлагают очень широкую датировку от конца VIII до начала XI и даже XII в. Однако анализ стратиграфии вышележащих и перекрывающих ровиков, ям и культурного слоя позволяет предположить, что наиболее вероятным временем сооружения кургана П-1 оказывается период 860–880 гг. **(рис. 88)**.

Меч сохранился полностью, за исключением небольшого фрагмента черена клинка **(рис. 89, 90)**. Стоит отметить прекрасное состояние клинка, сохранившего даже острую заточку лезвий. Хорошая сохранность клинка подтверждается и рентгенограммой **(рис. 91, *1*)**. Значительно поврежден коррозией только участок клинка около перекрестия, находившийся в пахотном горизонте. Перекрестие на момент находки было значительно сдвинуто вверх по черену клинка. Детали навершия, крепившиеся на фрагменте черена, смещены относительно друг друга, вероятнее всего в результате воздействия плуга, отломившего навершие от клинка.

Вес клинка с перекрестием (после реставрации) – 1195 г, вес навершия (после реставрации) с фрагментом черена – 495 г. Общий вес двух фрагментов – 1690 г. Учитывая хорошую сохранность деталей меча и незначительные утраты, мы можем уверенно предположить, что общий вес этого меча (с учетом приблизительного веса накладок на рукоять) на момент изготовления составлял около 1800 г.

Общая длина меча – около 95,5 см, длина полотна клинка (от перекрестия до острия) – 79,5 см, полная длина клинка от плечиков до острия – 80,2 см, ширина полотна клинка у перекрестия – 57 мм, толщина полотна клинка на неповрежденном участке в 20 см от перекрестия – 5 мм. Клинок плавно сужающейся формы, с долом, в целом повторяющим форму клинка. Дол четкий, с хорошо обозначенным переходом к лезвиям **(рис. 92)**. Ширина дола (у перекрестия) – 24 мм. Глубина дола – около 1 мм. Дол заканчивается примерно в 5 см от острия клинка. Острие клинка округлой формы **(рис. 93)**. По морфологическим особенностям клинок меча относится к типу 3 по типологии А. Гайбига или к группе *{a2}* по типологии И. Хошека – И. Кошты – П. Жаковского.

Хорошая сохранность клинка и его профессиональная реставрация позволили проследить высокое качество финальной обработки – плоскости лезвий и дол ровные, без провалов. Макросъемка поверхности лезвий демонстрирует тонкие риски (царапины) от воздействия абразива **(рис. 94)**. Их расположение и длина предполагают финальную выводку лезвий клинка с помощью плоских камней. Сохранность верхней части полотна клинка не позволяет определить, заточены ли лезвия на всю длину – от перекрестия до острия.

Общая высота рукояти – около 17 см **(рис. 95–98)**. Навершие железное, двусоставное, состоит из головки и основания **(рис. 99–103)**. Общая высота навершия – 5,6 см. Основание навершия установлено на клинке в перевернутом виде. Данный факт свидетельствует о том, что детали рукояти подвергались перемонтировке, т. е. как минимум один раз детали рукояти снимали и устанавливали на новом клинке или на отремонтированном старом.

Головка навершия полукруглой формы, с двумя выступающими ребрами, подчеркивающими разделение головки на три части. Боковые части головки имеют вогнутую верхнюю грань. Длина головки навершия – 7,9 см, высота – 3,3 см, ширина – 3,3 см. Деталь пустотелая. Расчищенная поверхность внутренней полости демонстрирует следы работы зубилом, при помощи которого выбирали объем этой полости **(рис. 104)**.

Рис. 95. Рукоять меча.

Рис. 96. Рукоять меча.

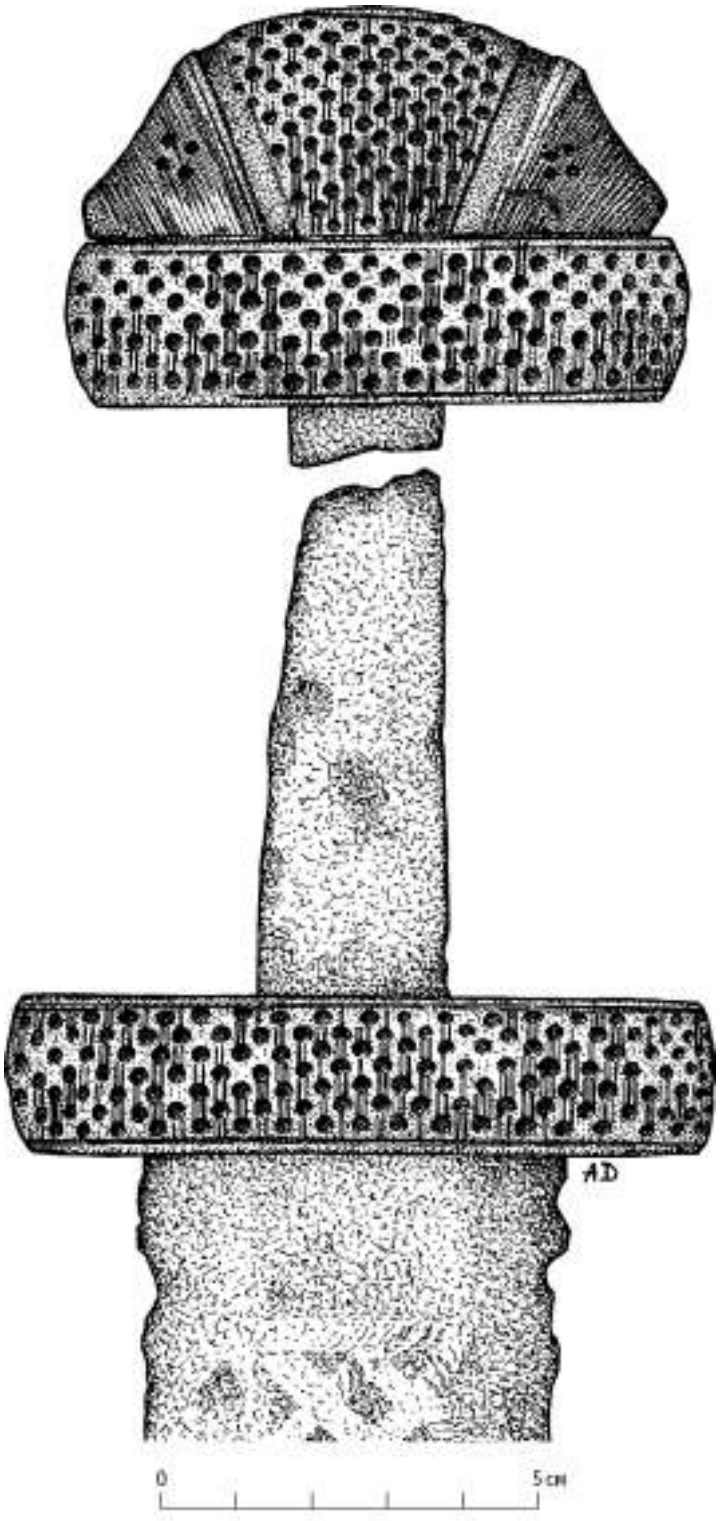


Рис. 97. Рукоять меча (рисунок А. С. Дементьевой).

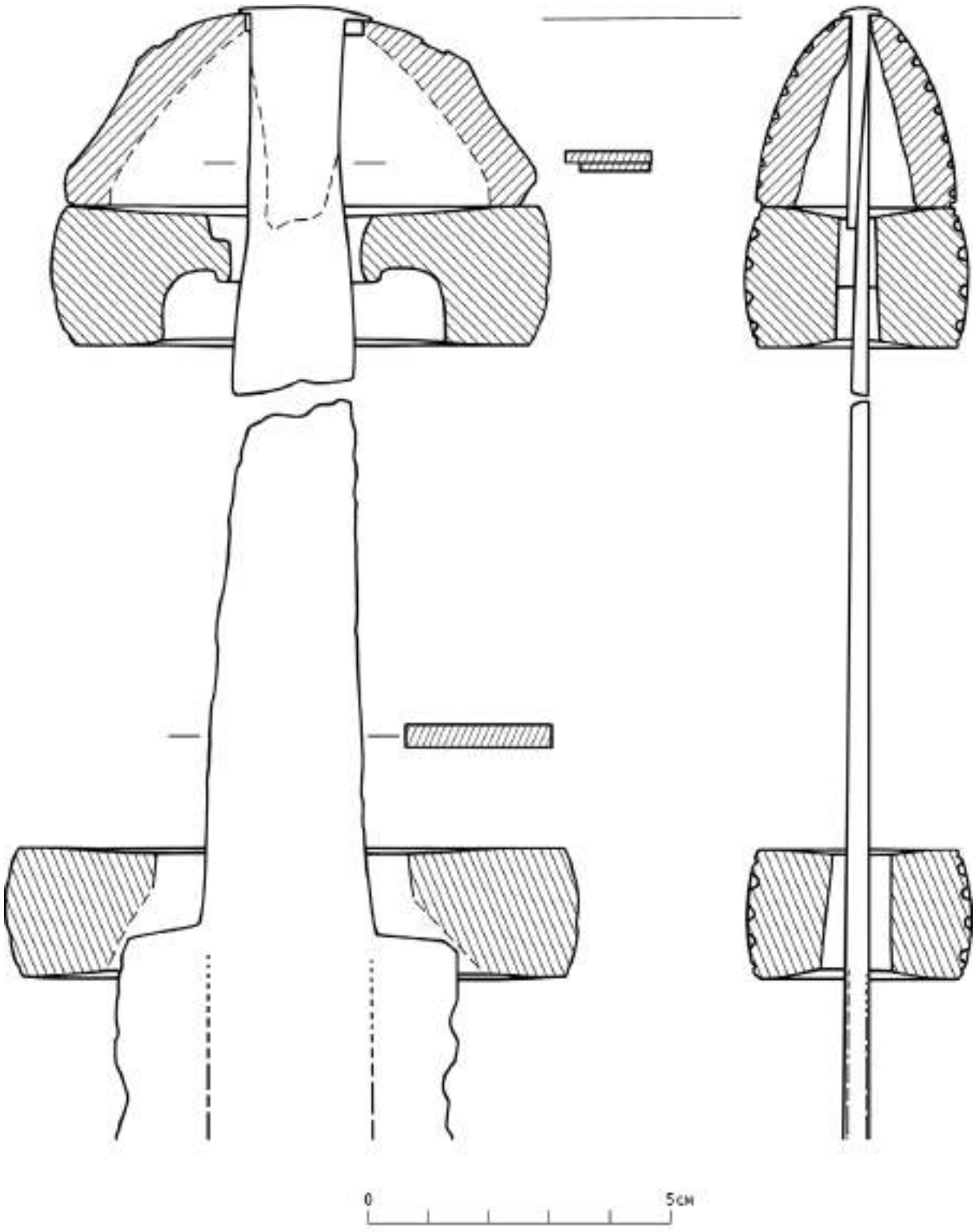


Рис. 98. Сечения деталей рукояти и черена клинка (рисунок А. С. Дементьевой).

Рис. 99. Навершие меча до реставрации. Фронтальные виды.

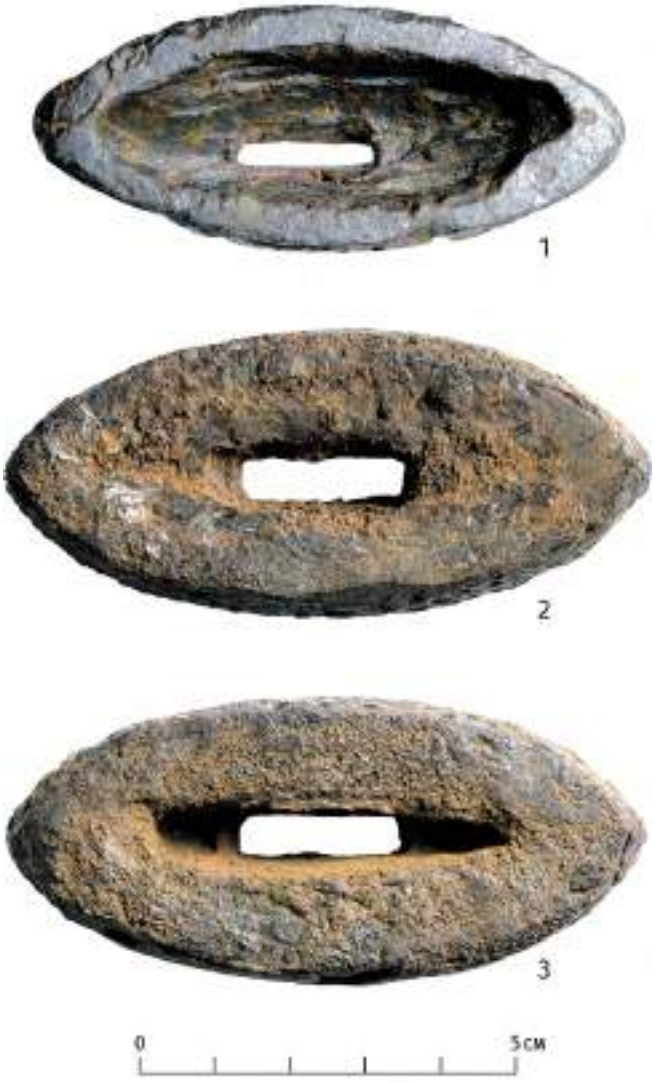


Рис. 100. Навершие меча: *1* – вид снизу на головку навершия; *2* – верхний торец основания навершия; *3* – нижний торец основания навершия.

Двумя широкими (4–5 мм) углублениями с плоским дном головка навершия разделена на три части **(рис. 105)**. В нижней части этих углублений, прилегающей к основанию навершия, фиксируются фрагменты проволоки желтого цвета **(рис. 106, *1*)**. Возможно, изначально они представляли собой скрученные жгутики, помещенные в два специальных пропила и подвернутые на торцевую часть головки навершия **(рис. 106, *2*)**. Рентгенофлюоресцентный анализ показал, что проволока изготовлена из латуни (Cu – 84%, Zn – 14%) **(рис. 106)**. По нижнему краю головки навершия проходит небольшая ступенька высотой около 1,0 мм, необходимая для размещения скрученного из проволочек жгутика (?), отсутствовавшего на момент находки.

Основание навершия прямое, ладьевидное в плане, в поперечном сечении – бочонковидное. Длина основания навершия по центру детали – 8,3 см, по основанию – 7,7 см, высота – 2,3 см, ширина по центру детали – 3,7 см, по основанию – 3,3 см. На торце, в настоящее время обращенном в сторону клинка, фиксируется щелевидная прорезь размерами 4,7×0,8 см, глубиной около 1 см. На обратной стороне – прямоугольное отверстие под черен клинка размерами 2,6×0,8 см.

Между собой головка и основание навершия соединены проходящим сквозь обе детали череном

Рис. 101. Навершие меча после реставрации. Фронтальные виды.

Рис. 102. Навершие меча: *1* – вид сверху; *2*, *3* – вид снизу.

клинка, расклепанным сверху головки навершия[49] **(рис. 108, *1*)**. Размеры расклёпа – 2,1×0,6 см, высота – 0,2 см. Никаких элементов, дополнительно соединяющих навершие и основание и фиксирующих их относительно друг друга, не выявлено.

На фрагменте черена, сохранившемся в навершии, зафиксирована наварка, увеличивающая его длину **(рис. 108, *2, 3*)**. Наиболее вероятно, что перед нами следы ремонта клинка, что хорошо согласуется с отмеченным выше перемонтажом деталей навершия.

Точное расстояние между навершием и перекрестием установить ввиду повреждения черена нельзя. Общая длина сохранившихся фрагментов черена составляет 8,3 см, что, вероятно, немногим меньше его изначальной длины. Черен клинка прямоугольный в сечении. Его размеры около навершия – 2,1×0,4 см, около перекрестия – 2,6×0,5 см.

Перекрестие прямое, в плане ладьевидной формы, в поперечном сечении – бочонковидное **(рис. 109, 110)**. Длина перекрестия по центру детали – 9,5 см, по основанию – 9,1 см, высота – 2,2 см, ширина по центру детали – 3,7 см, по основанию – 3,2 см. На верхнем торце расположено отверстие под черен клинка размерами около 4,0×1,2 см. Стоит отметить, что это отверстие значительно превосходит размеры черена клинка, оставляя зазоры в 3–7 мм. На нижнем торце фиксируется выем-

[49] Конструктивный тип I по А. Гайбигу или тип Ic по И. Хошеку – И. Коште – П. Жаковскому.

Рис. 103. Навершие меча, виды сбоку.

Рис. 104. Следы обработки внутренней полости в головке навершия.

ка под клинок ладьевидной формы, размерами около 6,3×1,3 см.

Фронтальные поверхности навершия и перекрестия покрыты так называемым ячеистым орнаментом – это круглые (округлые) углубления диаметром 2,0–3,2 мм, глубиной до 2,5 мм, расположенные на фронтальных поверхностях основания навершия и перекрестия в семь рядов в шахматном порядке, причем фиксируется разный диаметр углублений в зависимости от расположения **(рис. 111)**. На центральной части перекрестия и основания навершия диаметр отверстий составляет около 3 мм, ближе к краям этих деталей диаметр уменьшается до 2–2,5 мм **(рис. 112, *1, 2*)**. Центральная часть головки навершия полностью покрыта ячеистым орнаментом. По четыре

Рис. 105. Углубление, разделяющее головку навершия на части.

1

2

Рис. 106. Фрагменты проволоки от жгутиков, закрывающих углубления, разделяющие головку навершия: *1* – фрагменты проволоки в пропилах; *2* – расплющенные концы проволоки, подвернутые на торцевую часть головки навершия.

ячеи, сгруппированные в ромбы, нанесены на боковые части головки навершия. Диаметр ячеек на центральной части головки навершия в основном составляет 2,5 мм, в краевых зонах – 2,0 мм. Диаметр ячеек на боковых частях головки – 1,7–2,1 мм **(рис. 113)**.

Вряд ли орнаментация наносилась инструментами с разным диаметром рабочей части. Наиболее вероятно, что после пробития углублений поверхность деталей обрабатывалась напильниками для придания финальной формы. При этом часть глубины отверстий в зонах, где обработка была наиболее интенсивной, спиливалась. Наглядный пример того, что финальная обработка поверхности производилась уже после пробития отверстий, демонстрируют плоские углубления, разделяющие головку навершия. Хорошо видно, что при изготовлении этих углублений некоторые ячейки были частично спилены **(рис. 114)**.

Ячеистая орнаментация на основании навершия и перекрестии сверху и снизу ограничена канавками шириной 0,7–0,8 мм, в которые изначально инкрустировалась проволока (или скрученный из проволочек жгутик) **(рис. 112, *2*)**.

Пространство между ячейками, а также свободные от ячеек участки на боковых частях головки были покрыты инкрустированными отрезками проволоки желтого цвета. Они укладывались в канавки, пробитые в металле деталей. Плотность всечки составляет около 12 проволок на 1 см **(рис. 115)**. В основном всечка уложена так, что между отдельными отрезками сохраняется пространство, не закрытое цветным металлом. На поверхности деталей между ячейками расположено по 2–3 инкрустированные проволоки.

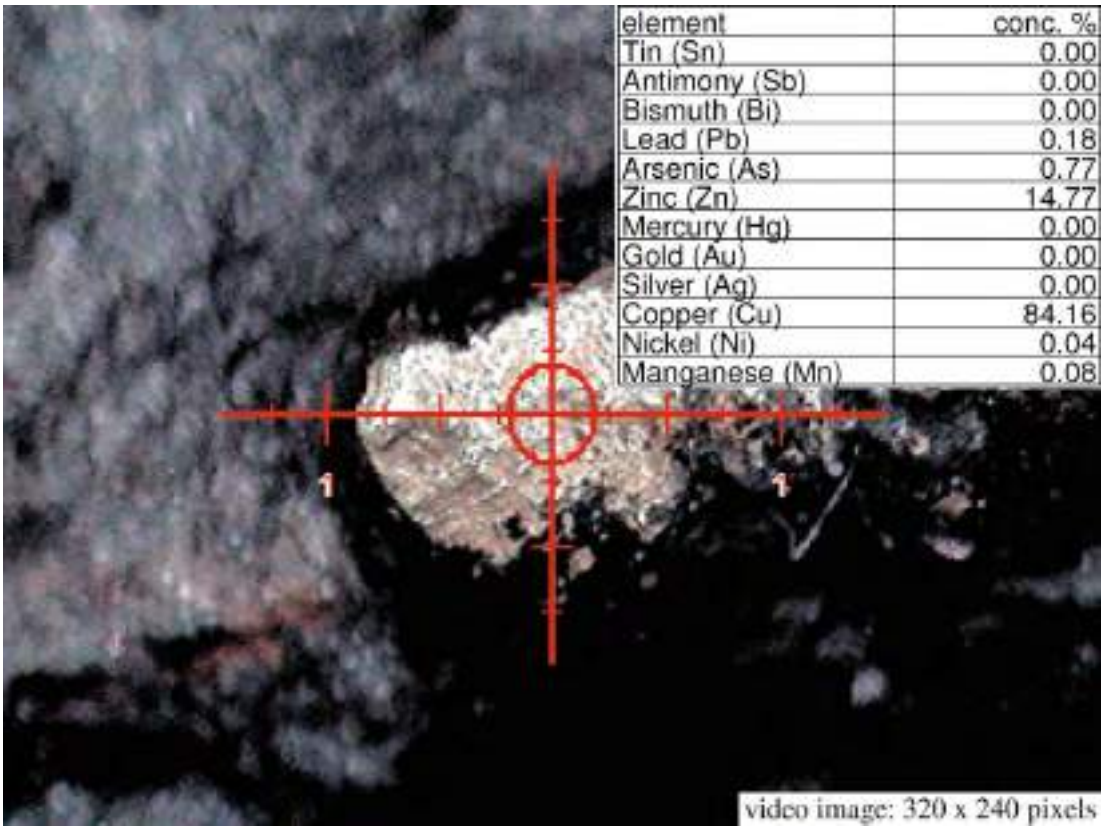


Рис. 107. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа проволоки от жгутиков, закрывающих углубления, разделяющие головку навершия.

Рис. 108. Головка навершия с фрагментом черена (*1*); наварка на фрагменте черена (*2*, *3*).

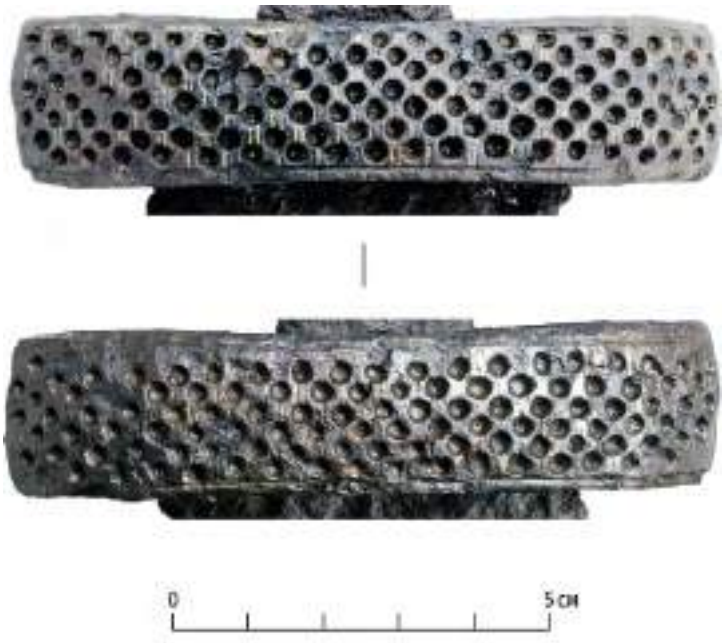


Рис. 109. Перекрестие меча. Фронтальные виды.

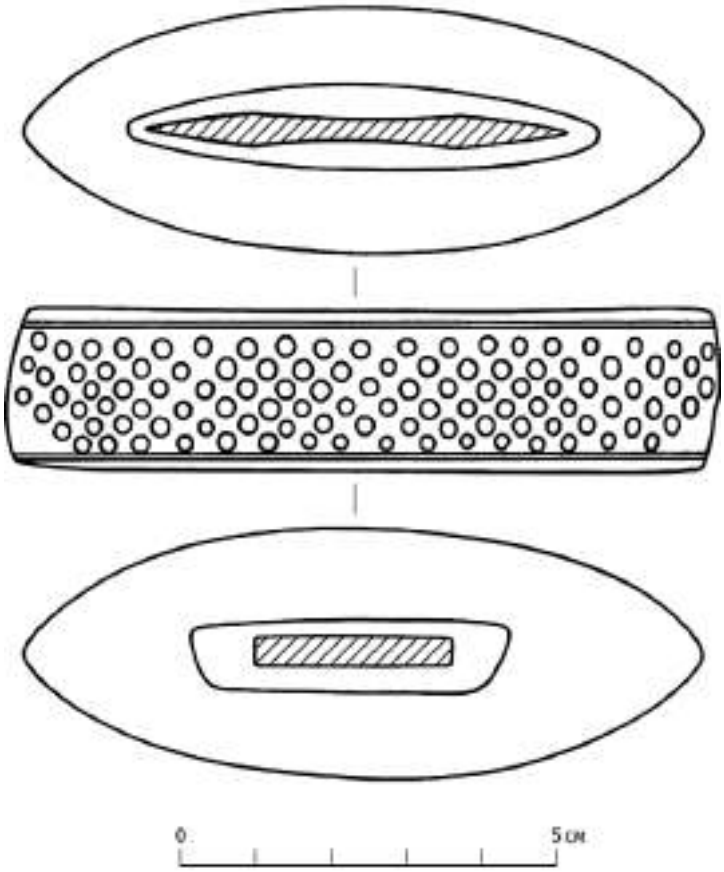


Рис. 110. Перекрестие меча (рисунок А. С. Дементьевой).

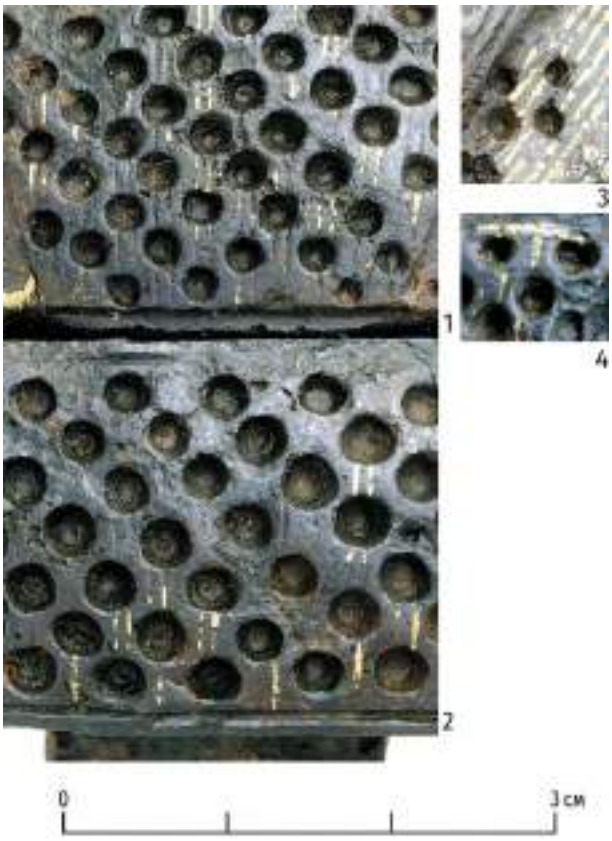


Рис. 111. Ячеистая орнаментация деталей рукояти меча: *1* – головка навершия; *2* – основание навершия; *3* – боковая часть головки навершия; *4* – перекрестие.

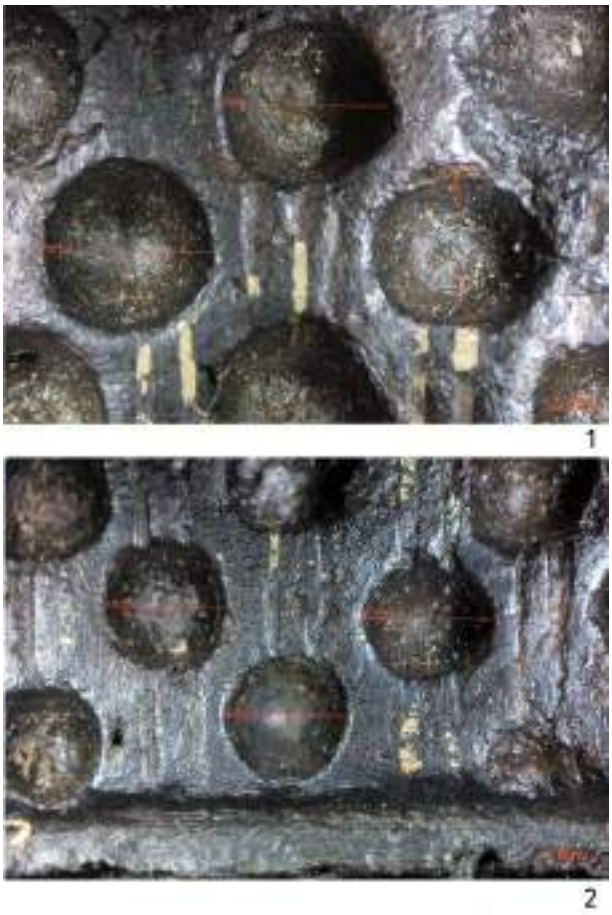


Рис. 112. Ячеистая орнаментация навершия: *1* – центральная часть головки навершия; *2* – краевая зона основания навершия.

Рис. 113. Ячеистая орнаментация боковой части головки навершия.

Рис. 114. Ячеистая орнаментация, поврежденная при изготовлении углубления, разделяющего головку навершия.

Рис. 115. Инкрустация на фронтальных поверхностях деталей рукояти меча.

Рис. 116. Инкрустация боковых частей головки навершия.

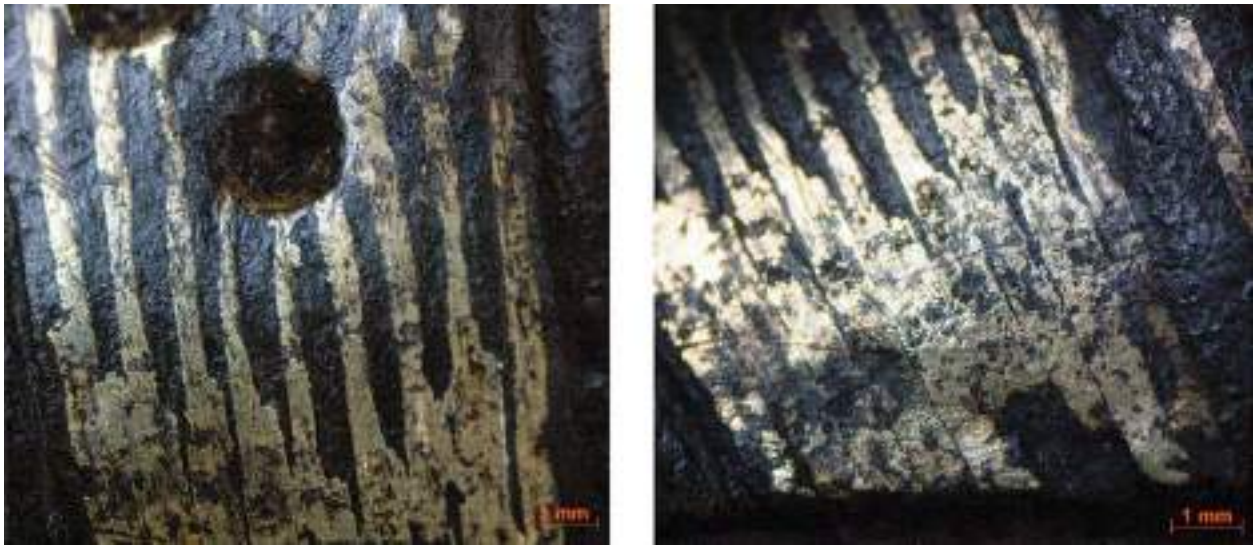


Рис. 117. Инкрустация боковых частей головки навершия.

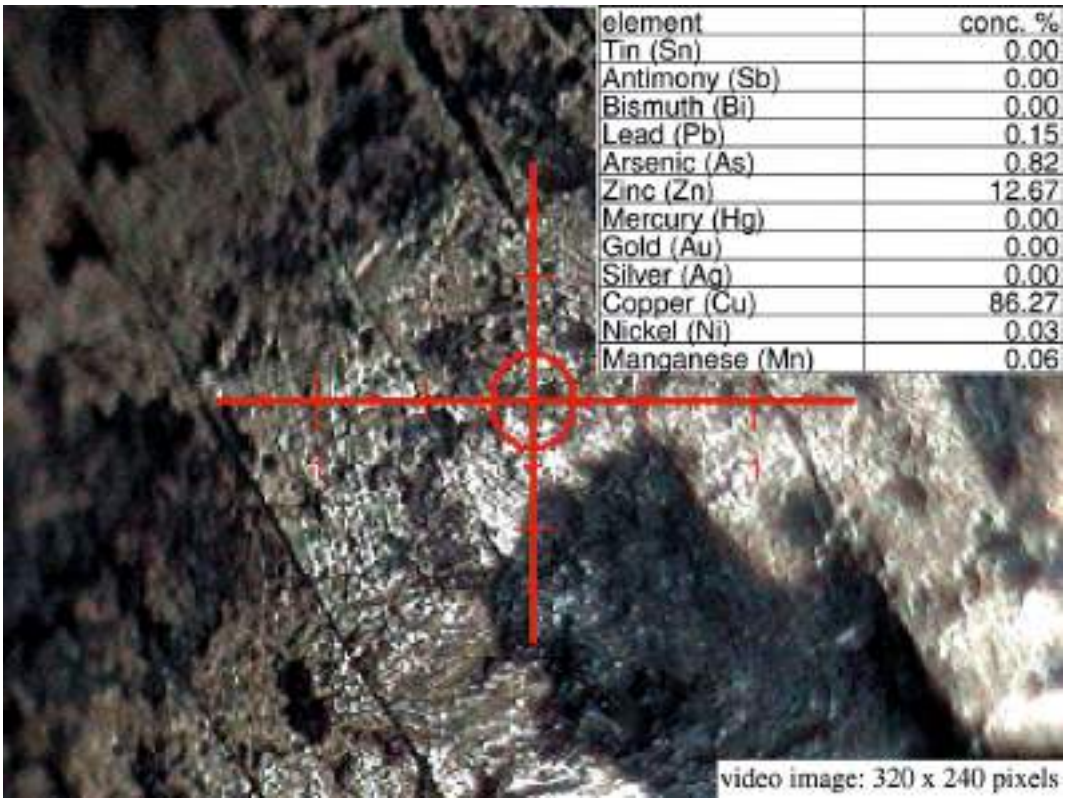


Рис. 118. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа инкрустации на боковой части головки навершия.

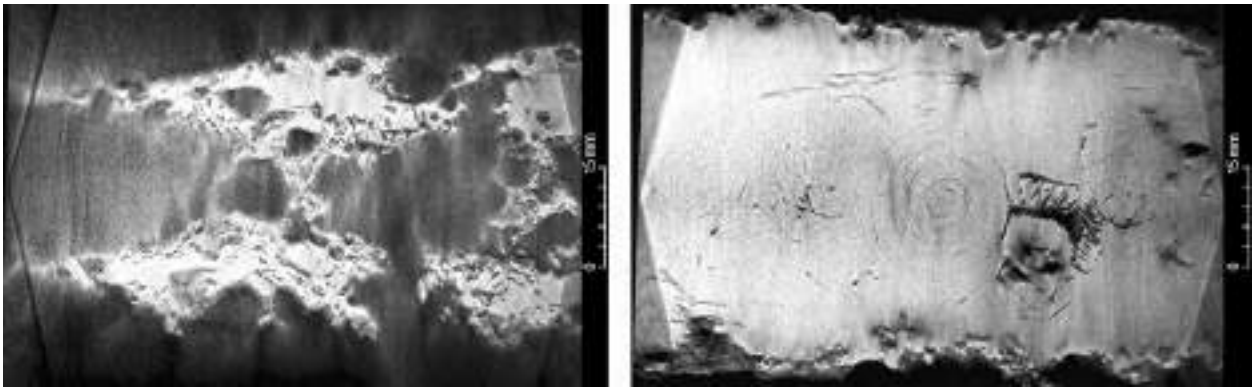


Рис. 119. Клеймо на клинке меча в ходе исследования с помощью рентгеновской микрофокусной компьютерной томографии.

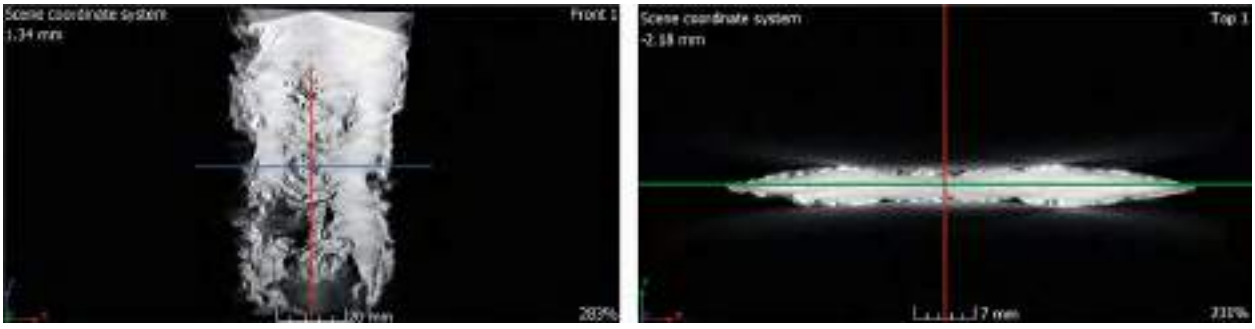


Рис. 120. Клеймо на клинке меча в ходе исследования с помощью рентгеновской микрофокусной компьютерной томографии.

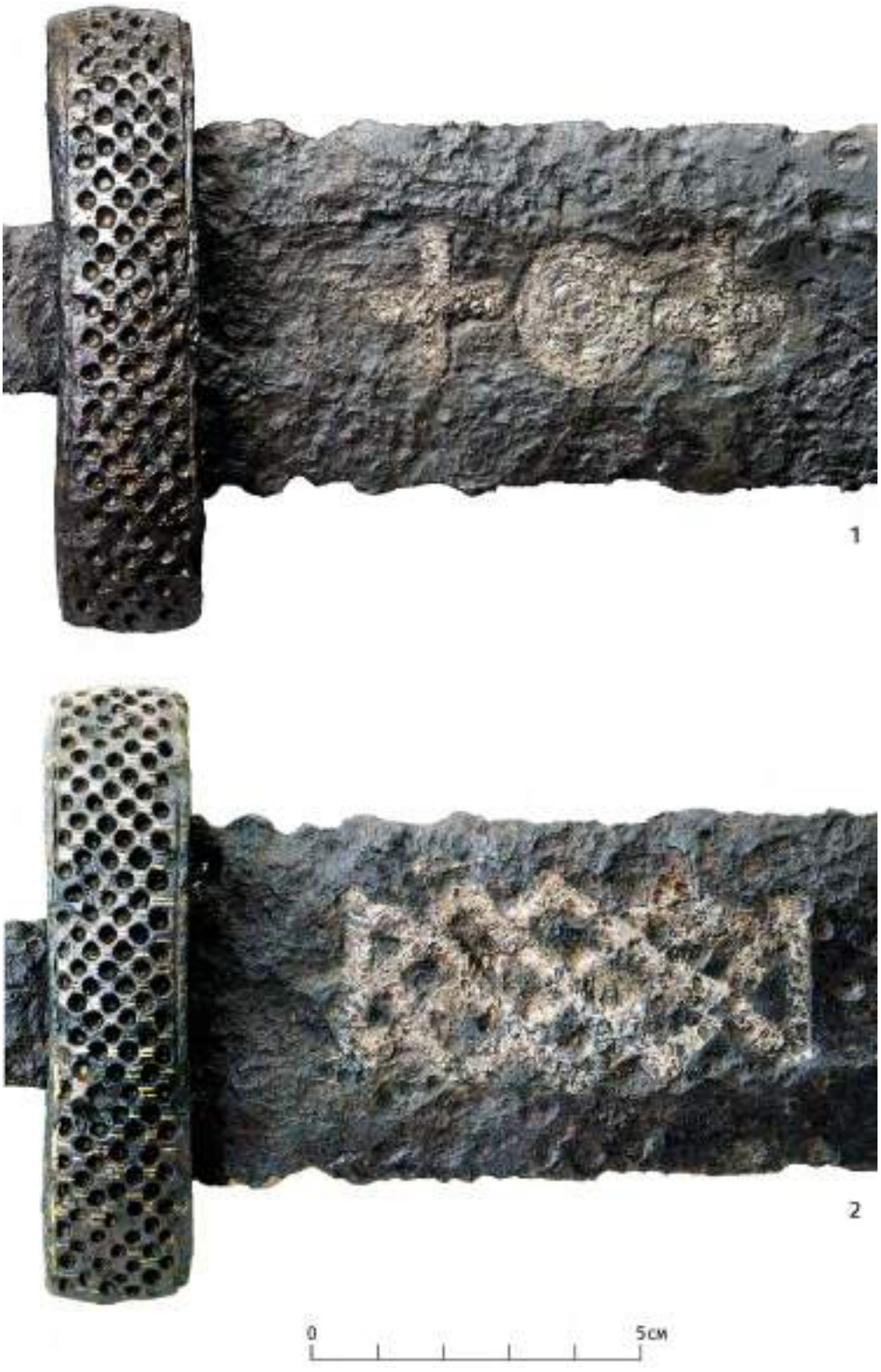


Рис. 121. Клеймо на клинке меча.

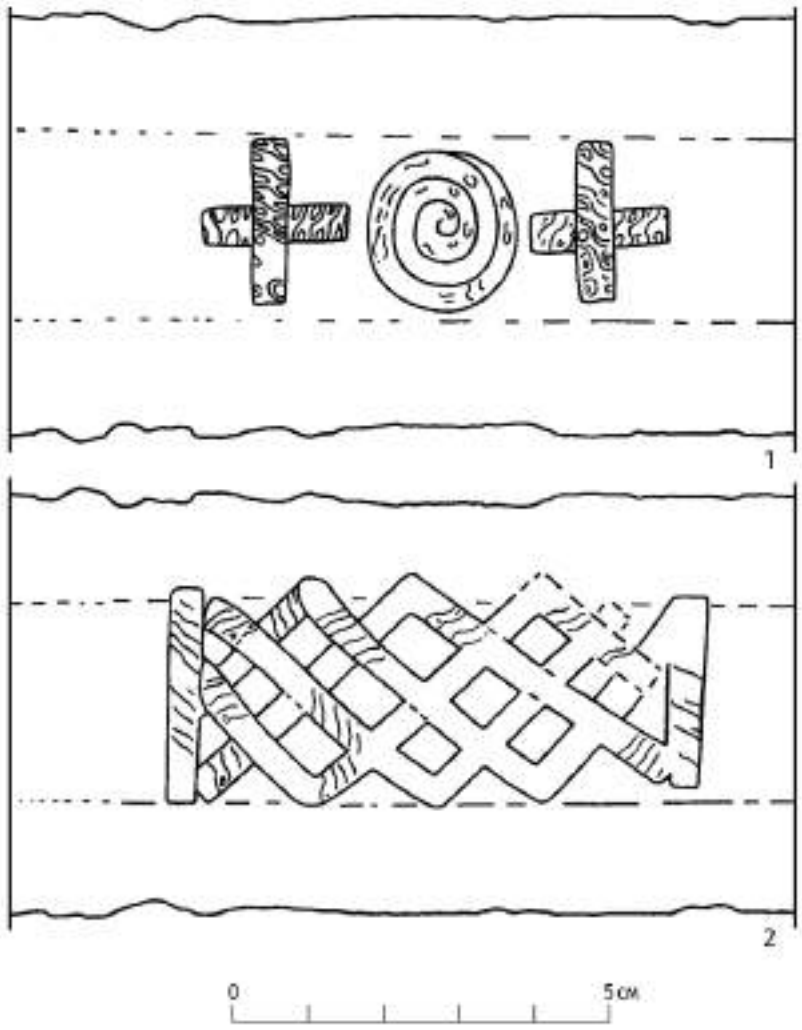


Рис. 122. Клеймо на клинке меча (рисунок А. С. Дементьевой).

В то же время на некоторых участках боковых частей головки навершия инкрустация изначально была уложена плотно, без промежутков, создавая монохромную поверхность **(рис. 116; 117, *1, 2*)**. Рентгенофлюоресцентный анализ показал, что инкрустированная проволока изготовлена из латуни (Cu – 86%, Zn – 13,5%) **(рис. 118)**.

Никакой орнаментации или элементов крепления накладных фальшголовок на торцевых сторонах основания навершия и перекрестия не выявлено.

В верхней части клинка в 2,5–2,7 см от перекрестия на обеих сторонах были расчищены клейма. Первичная информация об их наличии была получена в ходе простой рентгенографической съемки (см. **рис. 91, *2***), затем методом компьютерной томографии **(рис. 119, 120)**. Эти предварительные работы дали информацию для аккуратного вскрытия поверхности клейма с помощью механических инструментов[50]. В результате на обеих сторонах клинка в долах были выявлены и расчищены клейма, выполненные из отрезков дамаскированного металла **(рис. 121, 122)**. На одной стороне это сочетание спиральной фигуры, фланкированной двумя равноконечными крестами **(рис. 121, *1*; 122, *1*)**. На другой стороне – изображение «решетки», представляющее собой переплетенные ромбовидные и полуромбовидные фигуры, с двух сторон ограниченные вертикальными столбиками **(рис. 121, *2*; 122, *2*)**.

Морфология и, главное, ячеистая орнаментация поверхности позволяют уверенно отнести меч к варианту 1 типа E по типологии Я. Петерсена.

50 Способ выявления клейма при помощи обработки поверхности абразивом с последующей ее протравкой реактивом Гейна кажется нам излишне инвазивным. При зачистке поверхности могут быть уничтожены остатки клейма, которое не всегда глубоко вваривалось в поверхность.

3. Навершие меча обнаружено в результате металлодетекторного поиска по сетке квадратов в 2018 году в ходе исследований северо-восточной части Центрального поселения на некотором удалении от западной оконечности Лесной курганной группы (см. **рис. 41**).

Навершие сохранилось полностью. Оно цельножелезное, односоставное **(рис. 123, 124)**, в фас – полукруглой формы, в профиль – трапециевидной. Основание детали в плане почти прямоугольное с немного выпуклыми длинными сторонами.

Навершие должно было крепиться на черене клинка, проходившем сквозь деталь и расклепанном сверху[51]. Размеры верхнего отверстия под черен клинка – 14×2,5–4,0 мм, нижнего – 17×6,0–6,5 мм. Следов инкрустации на поверхности не выявлено. Длина навершия – 6,1 см, высота – 3,2 см, ширина – 2,1 см. Вес – 190 г.

Морфологические особенности четко определяют навершие как деталь рукояти меча типа X по типологии Я. Петерсена.

Важно отметить, что деталь не имеет визуально прослеживаемых следов монтировки на клинок. Это позволяет осторожно предполагать, что в Гнёздове могли как изготавливать детали рукоятей мечей (во всяком случае цельножелезные), так и просто монтировать привезенные детали на клинки. Косвенным свидетельством в пользу этого выступает обнаружение всего в 20 м от места находки навершия предполагаемой мастерской, связанной с металлообработкой[52].

Отсутствие фрагментов черена в крепежном отверстии и в целом отсутствие видимых следов закрепления навершия позволяют связывать эту находку не с разрушенным могильником второй половины IX – третьей четверти X века, а с функционированием на этой территории в последней четверти X – начале XI века поселенческой структуры, возможно связанной с металлообработкой.

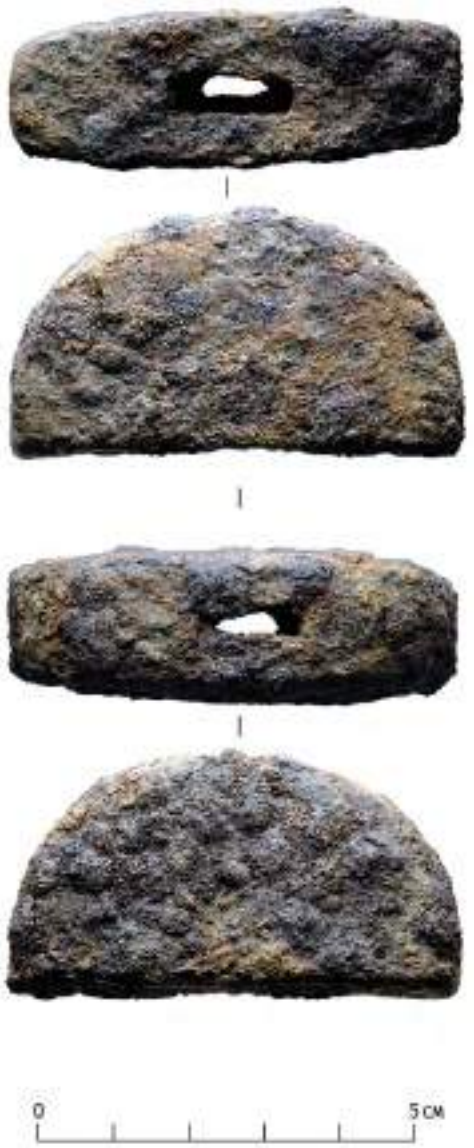


Рис. 123. Навершие меча, найденное в 2018 году. Вид до реставрации.

51 Конструктивный тип III по А. Гайбигу или тип IIIa по И. Хошеку – И. Коште – П. Жаковскому.

52 Работы на этом участке носят предварительный характер. Первоначально методами магнитной разведки здесь была обнаружена значительная аномалия до 8 м в поперечнике. В ходе разведочного бурения было подтверждено наличие ямы, насыщенной углем и обожженной глиной. Вокруг объекта в пахотном горизонте было обнаружено значительное число железных шлаков.

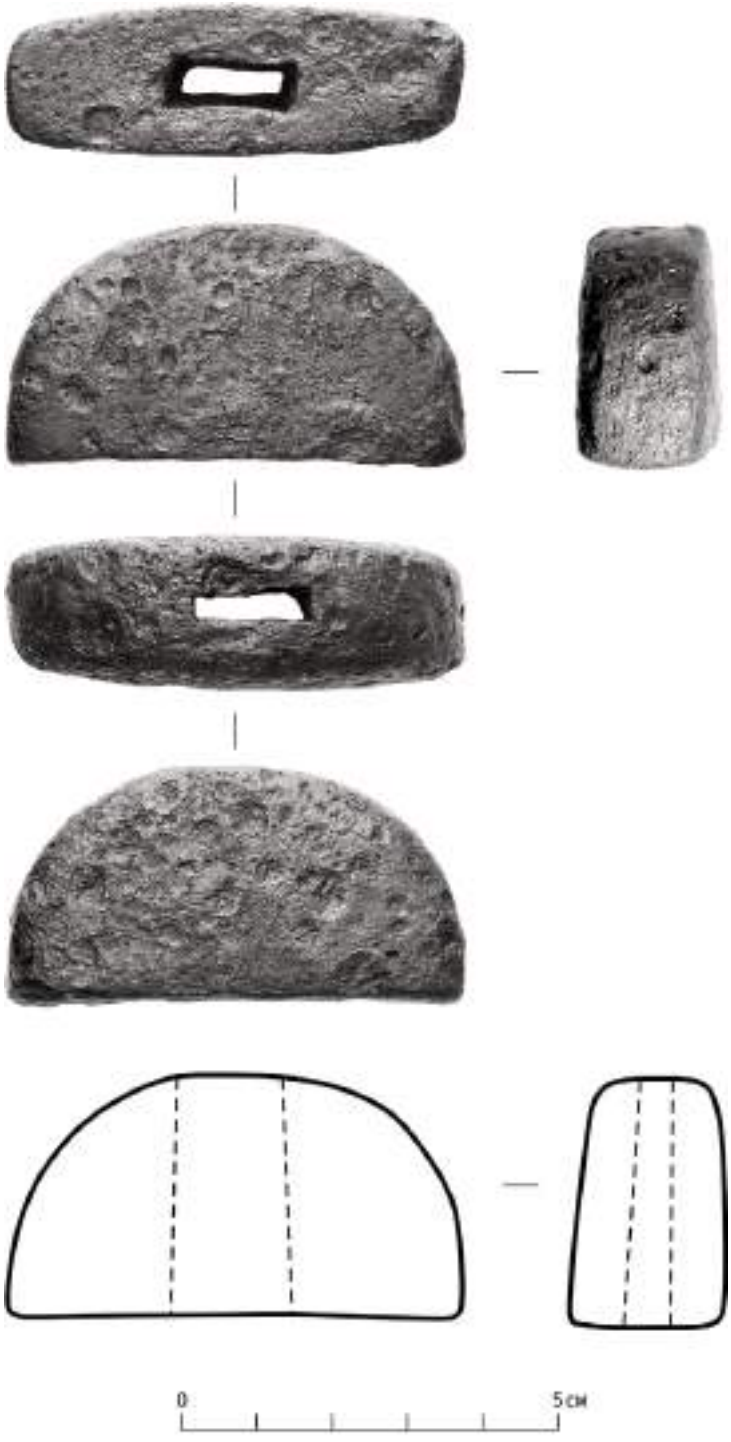


Рис. 124. Навершие меча, найденное в 2018 году. Вид после реставрации.

4. Целый меч (рис. 125–158) найден в 2018 году при раскопках кургана Л-210, расположенного в центральной части Лесной курганной группы (см. **рис. 4**).

Перед началом раскопок были проведены геофизические исследования курганной насыпи с применением метода электроразведки, заложено два профиля по линии север–юг. Первый профиль с шагом 0,25 м, второй – 0,5 м. Профили проходили через условный центр курганной насыпи и в целом совпадали с профилем север–юг, временно оставленным в процессе археологического изучения кургана. На профиле кострище отмечено высокоомными аномалиями между пикетами 10–16. Яма с мечом и копьем выделяется на профиле с шагом 0,25 м между пикетами 11–13 *(Новиков и др.*, 2021) **(рис. 125)**.

Под насыпью диаметром около 11 м и высотой до 1,1 м **(рис. 126)** находилось обширное кострище (остатки погребального костра, сложенного из дубовых и ясеневых бревен[53]), вытянутое по линии СЗ–ЮВ, размерами 4,5×3,0 м и мощностью до 30 см **(рис. 127)**. В центральной части насыпи под кострищем выявлена яма (100×75 см при глубине до 100 см), заполненная кострищным слоем вперемешку с материковым песком, вещами и кальцинированными костями. В южную стенку ямы были воткнуты меч и наконечник копья **(рис. 128)**. Западнее меча в полузасыпанную яму был поставлен лепной глиняный сосуд-урна **(рис. 129, *1*)**, наполовину заполненный кальцинированными костями, перемешанными с углем и фрагментами вещей. На кости были положены две железные гривны с подвешенными т. н. молоточками Тора **(рис. 129, *3*)**.

Общая масса собранных на кострище и в урне кальцинированных костей превышает 17,5 кг. По определению специалистов Института археологии РАН, кальцинированные кости из урны и погребального кострища принадлежат минимум трем индивидам: мужчине старше 40 лет, молодой женщине 15–20 лет и еще одному взрослому, скорее всего, женщине, учитывая количество женского инвентаря. Среди кремированных останков удалось определить кости животных, среди которых крупный и мелкий рогатый скот, свинья (минимум две особи), представитель семейства собачьих (собака или лиса), заяц, белка, птица, грызун (мышь?), рыба (*Клещенко и др.*, 2019). Исследованные археоботанические материалы, полученные при промывке кострищного слоя, представлены бобовыми и злаковыми сельскохозяйственными культурами – мягкой пшеницей, пшеницей двузернянкой, рожью, чечевицей, а также лесным орехом[54].

В результате тщательной разборки кострищного слоя с последующей промывкой грунта на мелкоячеистых ситах было собрано более 700 целых и фрагментированных каменных и стеклянных бус и бисерин, несколько сот фрагментов позумента, изготовленного из тончайшей серебряной и золотой проволоки, которым, скорее всего, украшали одежду. О большом количестве погребального инвентаря свидетельствуют несколько сотен оплавленных металлических шариков – уничтоженных огнем серебряных и бронзовых предметов. К счастью для исследователей, погребальный огонь уничтожил не все предметы. В настоящее время коллекция предметов находится в стадии обработки, но уже сейчас можно утверждать, что раскопанный курган – один из самых богатых в Гнёздове. Его богатство определяется как находкой в погребении золотых предметов (два слитка, золотая монета **(рис. 129, *4*)**, фрагменты золотого сканно-зерненого предмета (фибулы?), золотой позумент), предметов вооружения (меч, наконечник копья, сложносоставной лук с роговыми накладками и наконечник стрелы (см. **рис. 49, *4, 5***), предметов снаряжения верхового коня (удила с псалиями и наборными украшениями сбруи, орнаментированными в стиле Борре) **(рис. 129, *10, 11*)**, так и в целом количеством представленных категорий артефактов. Кратко перечислим еще не упомянутые выше предметы: фрагменты овальной фибулы (фибул) типа 51А, привеска-амулет с молоточком Тора, пружинные ножницы с серебряными деталями, серебряные оковки питьевого рога, фрагменты двух (?) стеклянных сосудов, фрагменты кольцевидной (?) фибулы, роговые игральные шашки и, возможно, накладка на игральную доску **(рис. 129, *8*)**, три или четыре составных роговых гребня, серебряные подвески от ожерелья **(рис. 129, *6, 7*)**, серe-

53 Определение угля осуществлено младшим научным сотрудником лаборатории контекстуальной антропологии ИА РАН Д. А. Куприяновым.

54 Определения старшего научного сотрудника лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН, к. и. н. Е. Ю. Лебедевой и младшего научного сотрудника лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН А. Ю. Сергеева.

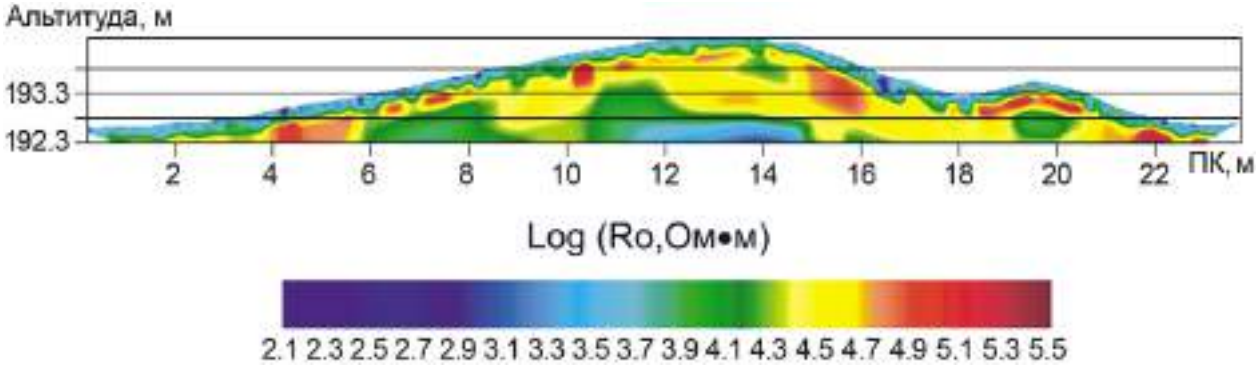


Рис. 125. Курган Л-210/2018. Профиль электроразведки, направление север–юг.

Рис. 126. Курган Л-210/2018 до начала раскопок.

Рис. 127. Кострище кургана Л-210/2018. Вид сверху.

Рис. 128. Курган Л-210/2018, верхняя часть подкострищной ямы. Меч, наконечник копья, погребальная урна и разбитый горшок.

бряные планки, к которым крепились бусинные ожерелья, нож, обувные шипы, многочисленные гвозди и заклёпки, фрагменты четырех глиняных сосудов. Особо стоит отметить впервые найденные в Гнёздове три сердоликовые геммы (возможно вставки в перстни) с арабскими надписями **(рис. 129, *9*)**. Большой удачей следует признать находку в погребении представительной нумизматической серии – золотого византийского солида и 20 целых и фрагментированных арабских дирхамов **(рис. 129, *4, 5*)**.

Специфический обряд обращения с оружием (вонзание в грунт меча и наконечника копья), связанный с североевропейской погребальной традицией, железные гривны и амулет с молоточками Тора, заметное количество украшений, орнаментированных в североевропейской стилистике, позволяют предполагать скандинавскую этническую принадлежность всех или части погребённых и/или людей, совершавших погребальную церемонию (*Каинов*, 2017). А значительные размеры насыпей, маркирующие высокий прижизненный статус, и исключительное богатство заупокойного инвентаря свидетельствуют, что перед нами захоронение представителя элиты гнёздовского общества. Интересно обнаружение в кургане трапециевидной подвески – элемента женского украшения, характерного для головного убора носителей культуры смоленских длинных курганов, отождествляемых с кривичами письменных

источников. Таким образом, нельзя исключать, что одна из женщин, погребенных в кургане, происходила из местных кривичей.

Первичный анализ погребального инвентаря ранее утвердил нас во мнении, что наиболее вероятная хронологическая локализация кургана – вторая половина (скорее, вторая четверть) X века, а также что он синхронен наиболее ранним курганам Лесной группы – Л-13/1949, Л-35/1949, Л-38/1949, Л-47/1950 и кургану Лб-1/1987 Левобережной курганной группы (*Каинов*, 2019а. С. 52). Основанием для такой датировки послужили найденные в погребении круговые сосуды и гребни группы II по типологии О. И. Давидан.

Но есть определенные сомнения в корректности подобной датировки. Круговые сосуды, скорее всего, имеют импортный характер, поэтому аргумент о появлении гончарного круга на рубеже первой и второй четвертей X века и широкого распространения круговой посуды не ранее второй четверти X века[55] при датировке кургана Л-210/2018 использован быть не может. Кроме того, можно поставить вопрос об отказе от привлечения гребней группы II для обоснования «поздней» датировки как этого комплекса, так и ряда других. В материалах Старой Ладоги гребни группы II обнаружены не только в горизонте $Д_{верхнее}$ Земляного городища, но и в слоях рубежа IX–X веков в раскопе на Варяжской улице (*Иванова, Иванова*, 2012. С. 128). По материалам шведской Бирки, гребни группы В, схожие с экземплярами, относящимися ко II группе по типологии О. И. Давидан появляются на рубеже IX–X веков, что подтверждается находками из Волина и Хедебю (*Ambrosiani*, 1981. P. 26. Fig. 9–10).

При поиске оснований для хронологической локализации в том числе кургана Л-210/2018 важной кажется и высказанная Е. Н. Носовым критика процедуры выделения стратиграфических горизонтов и строительных ярусов Старой Ладоги, а также разделения в них археологического материала. Она заставляет с большой осторожностью привлекать ладожский материал (в том числе бусы) для датирования гнёздовских комплексов (*Носов*, 2018. С. 58–64).

Неожиданные результаты были получены при анализе нумизматической серии. Предварительное определение серебряных монет-дирхамов выявило, что все «читаемые» монеты относятся к периоду 750–825 гг. (определение А. А. Гомзина и Вяч. С. Кулешова). К этому стоит добавить солид византийского императора Феофила, правившего в 829–842 гг. Значительная серия ранних монет, включающая как восточные, так и византийскую, предполагает середину – вторую половину IX века как наиболее вероятную датировку времени совершения погребения.

Разбор и анализ погребального инвентаря кургана Л-210/2018 продолжается. Но определенное несоответствие нумизматической серии и вещевого материала, а также сомнения в корректности ладожских датировок, очень возможно, приведут нас к пересмотру хронологической локализации части курганов «ранней группы». Не исключено, что их датировка удревнится до начала X или конца IX века. Такое развитие событий может привести к необходимости пересмотра наших представлений о гнёздовской и в целом древнерусской хронологии, построенной на археологических данных.

Начало определенной ревизии хронологии погребальных комплексов Гнёздова было положено при попытке скорректировать датировку кургана Л-13/1949 (*Каинов*, 2020). Повторное определение монет из этого комплекса дало неожиданный результат[56]. Всего в погребении было найдено 4 монеты и одна монета-подвеска. Ранее самой младшей монетой в комплексе считался дирхам, чеканенный в Мединет-ас-Селями в 295 г. х. (907–908 гг.). Соответственно, устанавливаемая им временная граница учитывалась при всех попытках хронологической локализации кургана Л-13. А. А. Гомзин пересмотрел атрибуцию этой монеты и определил ее следующим образом: «Аббасиды, имя халифа и выпускные сведения (по фото) неразличимы, по упоминанию Абу ʻАбдаллаха в поле л. с. под символом веры – ал-Мутаваккил'ала-ллах, 236–240 гг. х. (850–855 гг.)». Таким образом, самая младшая монета в нумизматической серии из кургана Л-13 хотя и остается таковой, но отчеканена на 50–55 лет ранее!

Передатировка самой поздней монеты из комплекса кургана Л-13/1949 позволяет оставить открытым вопрос о времени его сооружения. Скорее

55 Нельзя исключать, что принятая в настоящее датировка появления гончарного круга в Гнёздове нуждается в пересмотре.

56 Определение научного сотрудника Отдела средневековой археологии ИА РАН А. А. Гомзина.

Рис. 129. Курган Л-210/2018. Часть погребального инвентаря: *1* – лепная урна; *2* – круговой горшок; *3* – гривна с молоточками Тора; *4* – солид; *5* – дирхам; *6* – подвеска; *7* – бляшка, превращенная в подвеску; *8* – накладка на игральную доску (?); *9* – вставка с арабской надписью; *10* – фрагмент псалия; *11* – уздечная бляшка. *1, 2* – глина; *3* – железо; *4* – золото; *5, 6, 7* – серебро; *8, 10, 11* – медный сплав; *9* – сердолик.

Рис. 130. Курган Л-210/2018. Меч до реставрации: *1* – общие виды; *2* – рукоять.

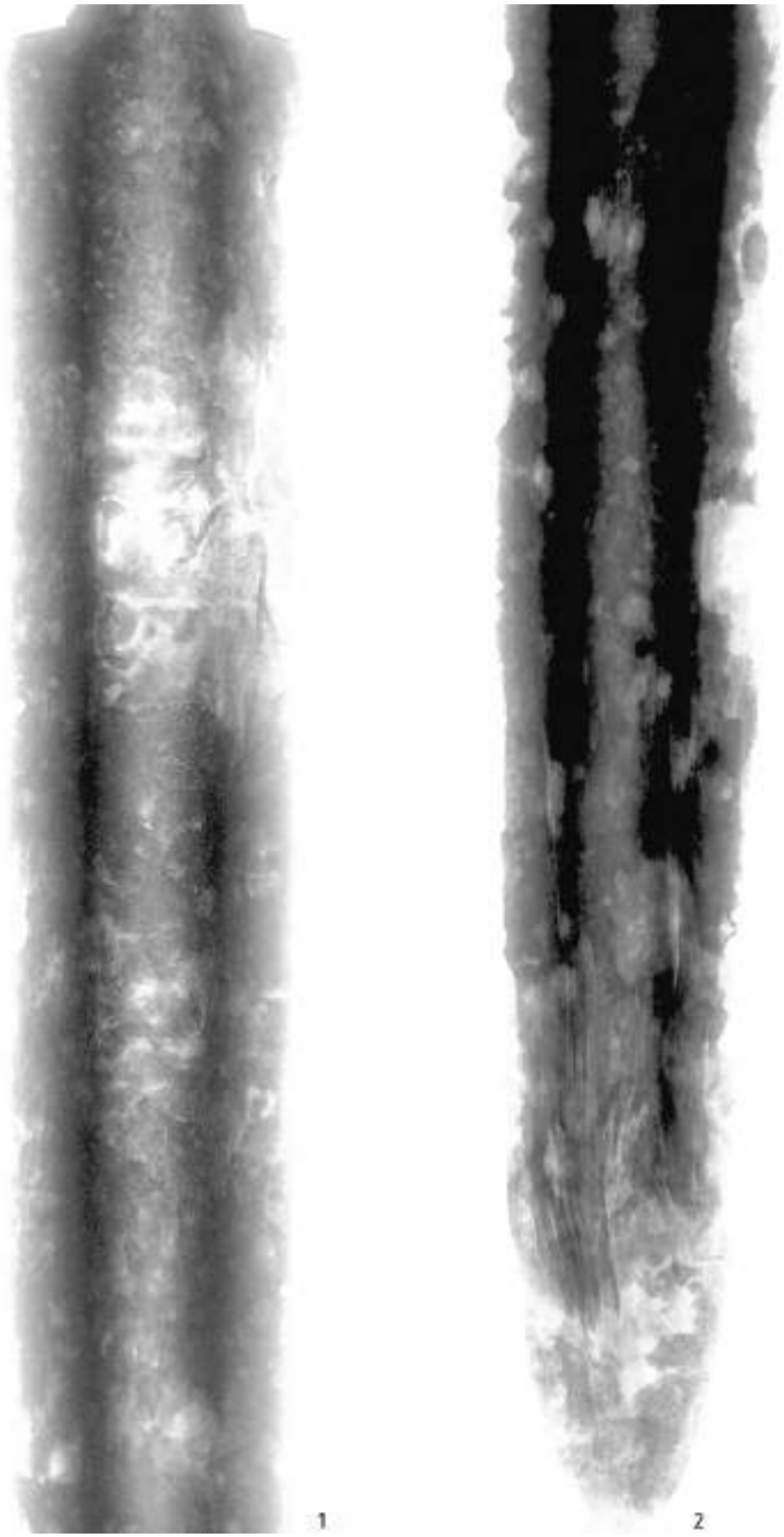


Рис. 131. Рентгенограмма клинка меча (*1, 2*).

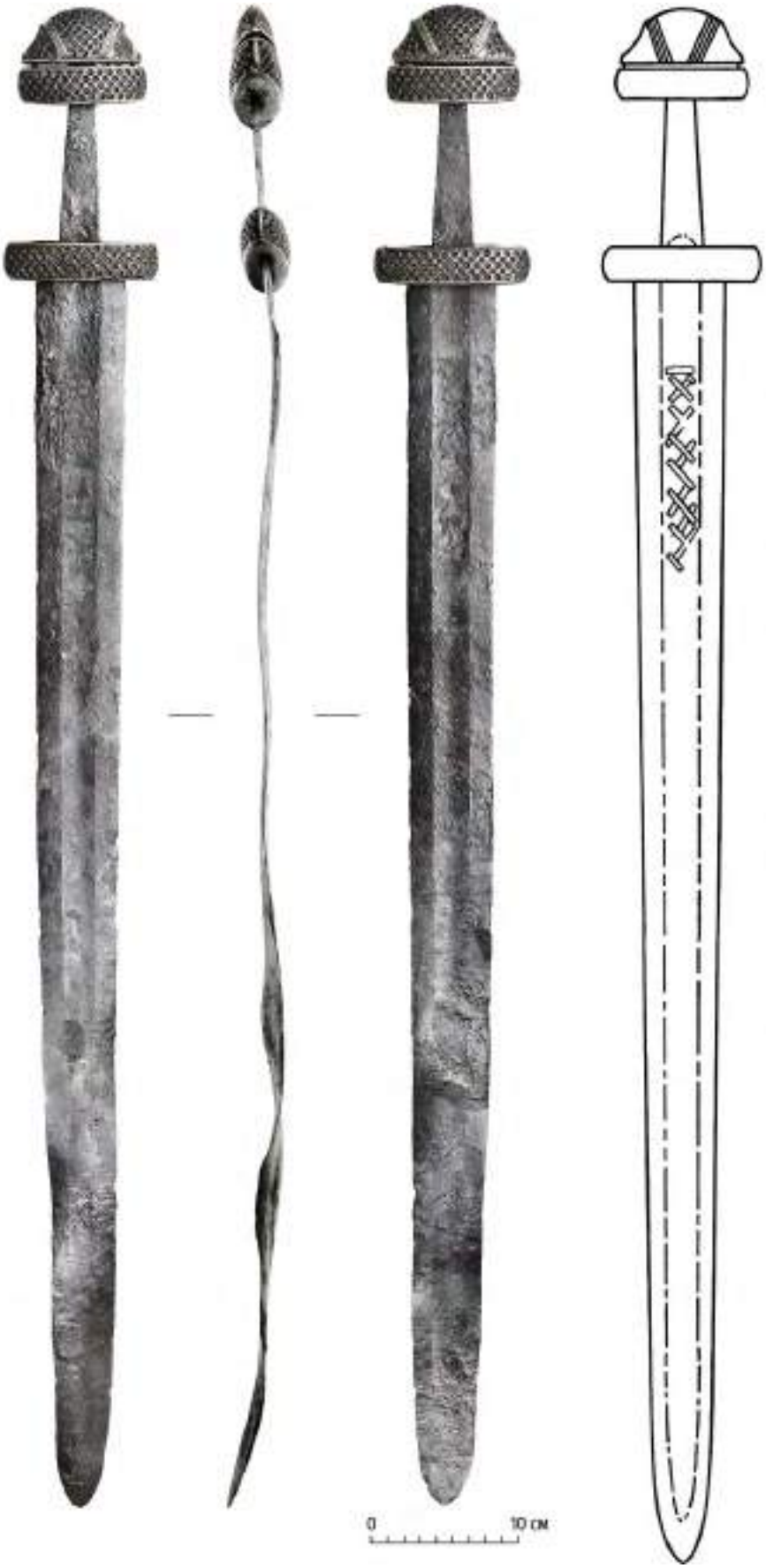


Рис. 132. Меч из кургана Л-210/2018 после реставрации (рисунок А. С. Дементьевой).

Рис. 133. Острие клинка меча.

Рис. 134. Рукоять меча.

Рис. 135. Рукоять меча.

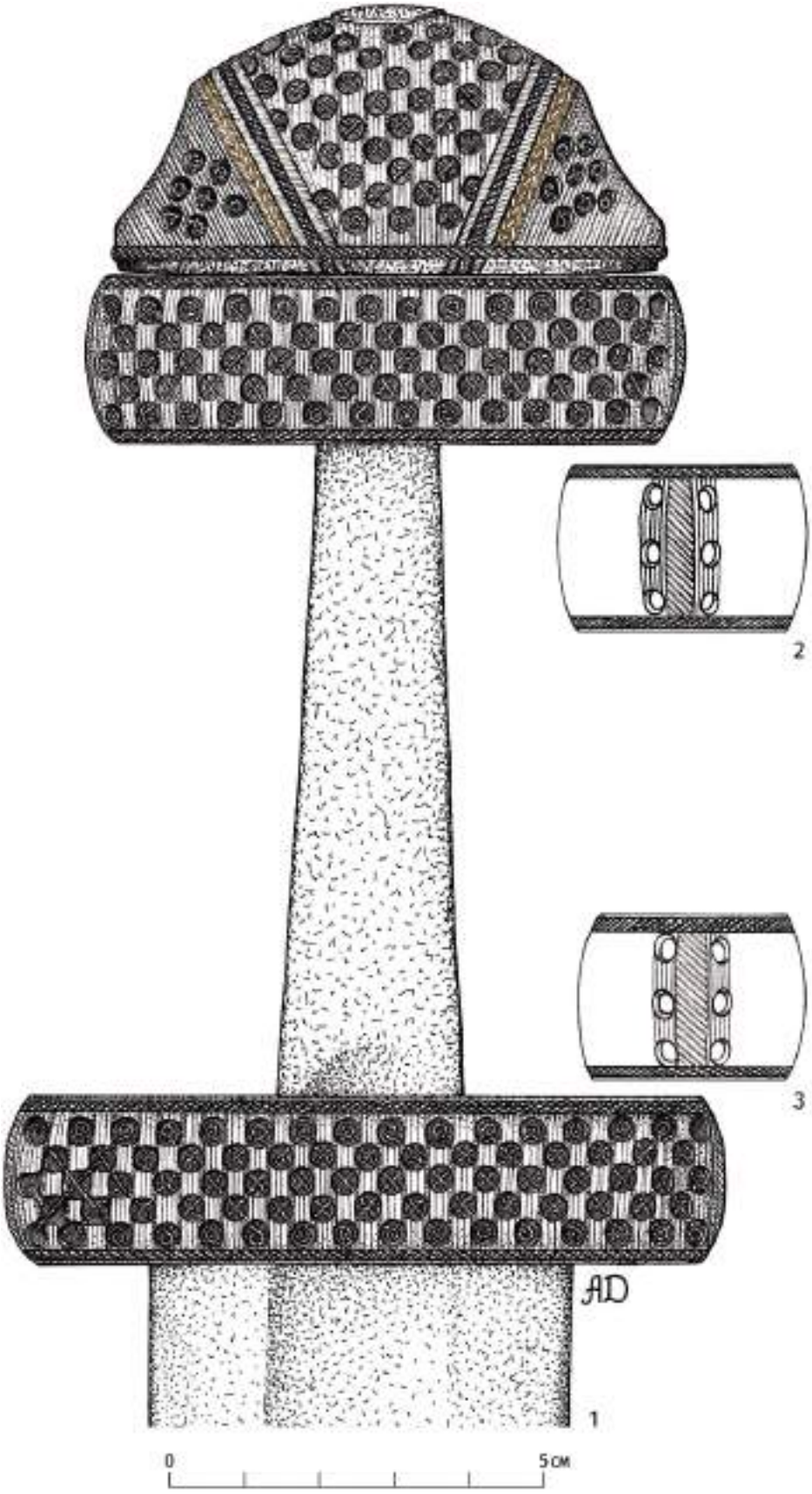


Рис. 136. Рукоять меча: *1* – общий вид; *2* – основание навершия, вид сбоку; *3* – перекрестие, вид сбоку (рисунок А. С. Дементьевой).

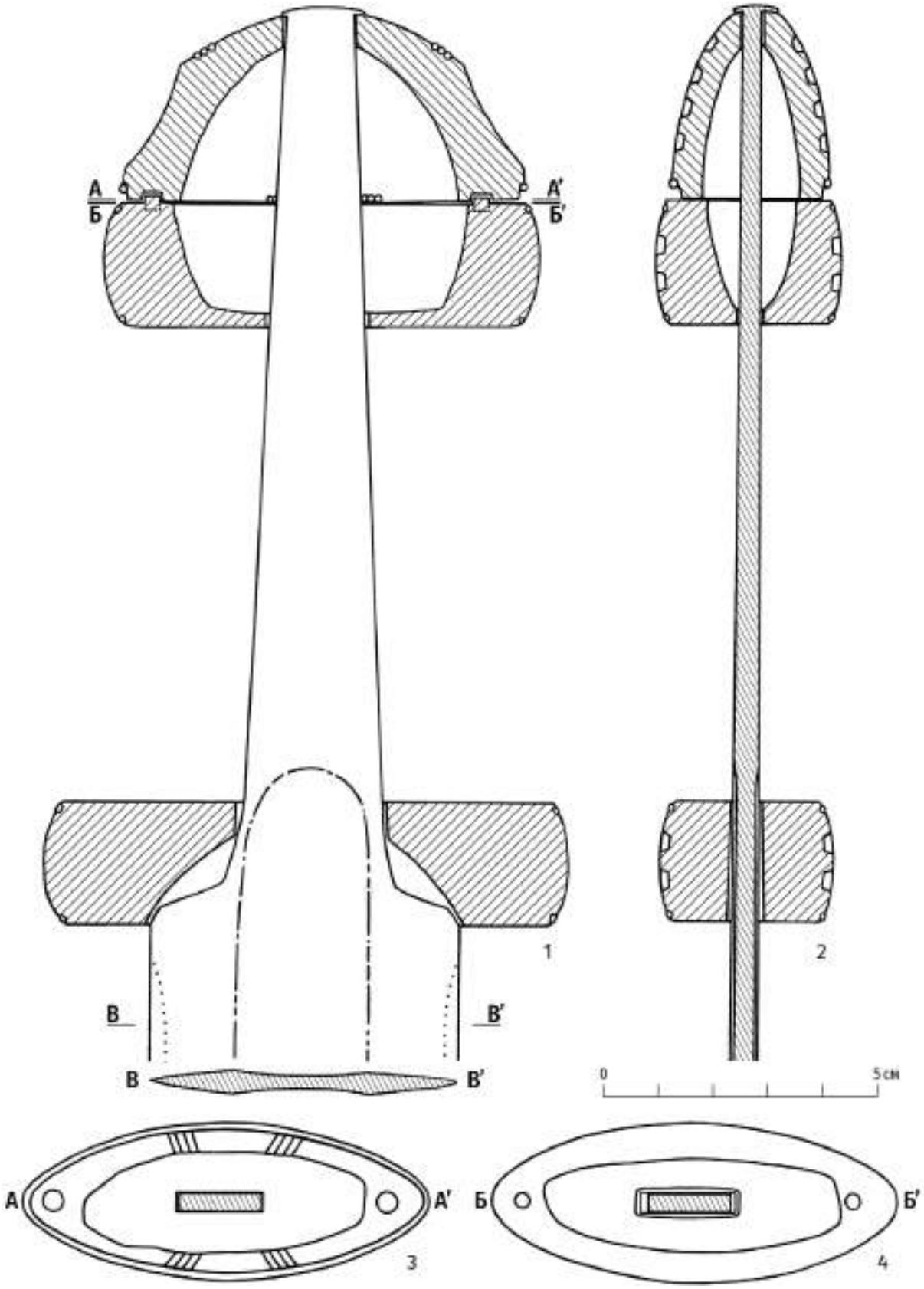


Рис. 137. Рукоять меча: *1, 2* – сечения деталей рукояти и клинка; *3* – сечение по торцу головки навершия; *4* – сечение по верхнему торцу основания навершия (*1* – пунктиром обозначено начало заточки лезвий) (рисунок А. С. Дементьевой).

Рис. 138. Навершие меча. Фронтальные виды.

Рис. 139. Внутренняя полость в головке навершия меча.

всего, речь идет не о второй четверти X века, как предполагалось ранее рядом исследователей, а о конце IX – начале X века[57] (*Пушкина*, 1991. С. 232; *Нефедов*, 2001. С. 65).

Хотелось бы подчеркнуть также, что отказ от жесткой опоры на староладожскую хронологию некоторых категорий вещей может привести как минимум к пересмотру хронологии ряда раскопанных ранее курганов (Л-35/1949, Л-38/1949, Л-47/1950 и др.) и датировке времени их сооружения в пределах последней четверти IX – начала X века. Очень вероятно, что и курган Л-210/2018 был сооружен в этом хронологическом интервале.

Меч из кургана Л-210/2018 сохранился полностью **(рис. 130)**. На момент находки перекрестие меча было значительно смещено вверх по черену клинка, а основание навершия смещено вниз. Вся поверхность меча была покрыта мощной коркой

57 Д. А. Авдусин первоначально датировал курган Л-13/1949 первой четвертью X века, но в более поздних работах относил курган к середине X века (*Авдусин*, 1951, С. 79; 1970. С. 113; 1974. С. 83).

Рис. 140. Жгутики из серебряной проволоки в углублении, разделяющем головку навершия меча.

окислов. Жар погребального костра и, возможно, какие-то воздействия на меч в ходе и после сожжения привели к деформации клинка – он в нескольких местах волнообразно изогнут. Подобные повреждения, с нашей точки зрения, возможны в результате, например, падения каких-то предметов (бревен, из которых был сложен погребальный костер) на раскаленный в пламени огня клинок.

Как демонстрирует рентгенография, металл клинка сохранился не везде, видны пустоты, заполнение окислами **(рис. 131)**. Данное обстоятельство, несмотря на хорошую внешнюю сохранность, не позволяет считать нынешний вес меча (1 430 г) близким к весу на момент его использования.

Общая длина меча – около 95,5 см, длина клинка (от перекрестия до острия) – 78 см, полная длина полотна клинка от плечиков до острия – 78,5 см, ширина клинка у перекрестия – 5,7 см, толщина клинка у перекрестия – около 5 мм **(рис. 132)**. Клинок имеет плавно сужающуюся форму, с долом, в целом повторяющим форму клинка. Дол четкий, с четко обозначенным переходом к лезвиям. Длина дола от перекрестия до окончания – 73,5 см, ширина дола у перекрестия – 2,3 см, глубина – около 1 мм. Дол заканчивается примерно в 4,5 см от острия. Острие клинка округлой формы **(рис. 133)**. По морфологическим особенностям клинок меча относится к типу 3 по типологии А. Гайбига или группе *{a2}* по типологии И. Хошека – И. Кошты – П. Жаковского.

Сохранность и произведенная расчистка клинка позволяют зафиксировать начало зоны заточки лезвий на расстоянии примерно 1 см от перекрестия.

Общая высота рукояти – около 17 см **(рис. 134–137)**. Навершие железное, двусоставное, состоящее из головки и основания навершия **(рис. 138)**. Общая высота навершия – 5,8 см. Между собой основание и головка прилегают неплотно, возникающую при этом щель, по всей видимости, изначально закрывал скрученный из проволоки жгут диаметром примерно 3–4 мм, отсутствовавший при находке меча.

Головка навершия имеет полукруглую форму с двумя выступающими ребрами, подчеркивающими разделение головки навершия на три части. Боковые части имеют вогнутую верхнюю грань. Длина головки навершия – 7,4 см, высота – 3,5 см, ширина – 3,0 см. При кремации сгорели деревянные планки, закрывающие черен клинка и формирующие хват рукояти, и основание навершия сместилось вниз[58], предоставив таким образом возможность изучить внутреннюю пустотелую часть навершия **(рис. 139)**. Размеры внутренней полости – 5,0×1,9 см, глубина – около 2,5 см. Следов грубой выборки полости зубилом, как отмечено в случае с мечом типа E, найденным в 2017 году, не обнаружено.

Головка навершия разделена на три части двумя углублениями шириной около 5 мм. В этих углублениях сохранились жгутики и одинарная проволока, сгруппированные по три в следующем порядке: в центре – жгутик из двух серебряных «бусинных» проволок, по бокам – одинарная бусинная серебряная проволока **(рис. 140)**. В нижней части жгутики подвернуты на торцевую часть головки навершия и находятся в специальных пропилах.

По нижнему краю головки навершия расположена широкая ступенька, в верхней части которой закреплен жгутик (диаметром около 2 мм), скрученный из двух серебряных профилированных («бусинных») проволочек, аналогичных проволочкам в центральном жгутике в разделителях головки навершия. Нижняя часть этой ступеньки и место соединения головки и основания навершия изначально закрывались, вероятно, таким же жгутиком или одинарной «бусинной» проволокой.

Основание навершия прямое, ладьевидное в плане, в поперечном сечении – бочонковидное. Длина основания навершия по центру детали – 8,1 см, по основанию – 7,5 см, высота – 2,3 см, толщина по центру детали – 3,4 см, по основанию – 3,0 см. Деталь пустотелая. Размеры внутренней выборки – 5,4×1,7 см, глубина – около 2,0 см. На внешнем торце расположено отверстие под черен клинка размерами 2,0×0,5 см. По периметру этого отверстия нанесены точечные углубления – следы ударов, необходимых, по всей видимости, для того чтобы сузить отверстие для более плотной «посадки» навершия на черен клинка **(рис. 141)**.

Основание и головка навершия соединены между собой проходящим сквозь обе детали череном клинка, расклепанным сверху головки навершия **(рис. 142)**. Размеры расклёпа – 1,5×0,7 см,

---

58 Свободное смещение деталей говорит о том, что никаких элементов, скрепляющих головку и основание навершия, не было. Фиксация основания навершия под головку осуществлялась только за счет деревянных обкладок черена рукояти.

Рис. 141. Навершие меча. Точечные углубления вокруг отверстия под черен клинка.

Рис. 142. Навершие меча. Расклеп черена клинка.

Рис. 143. Углубление в торце головки навершия.

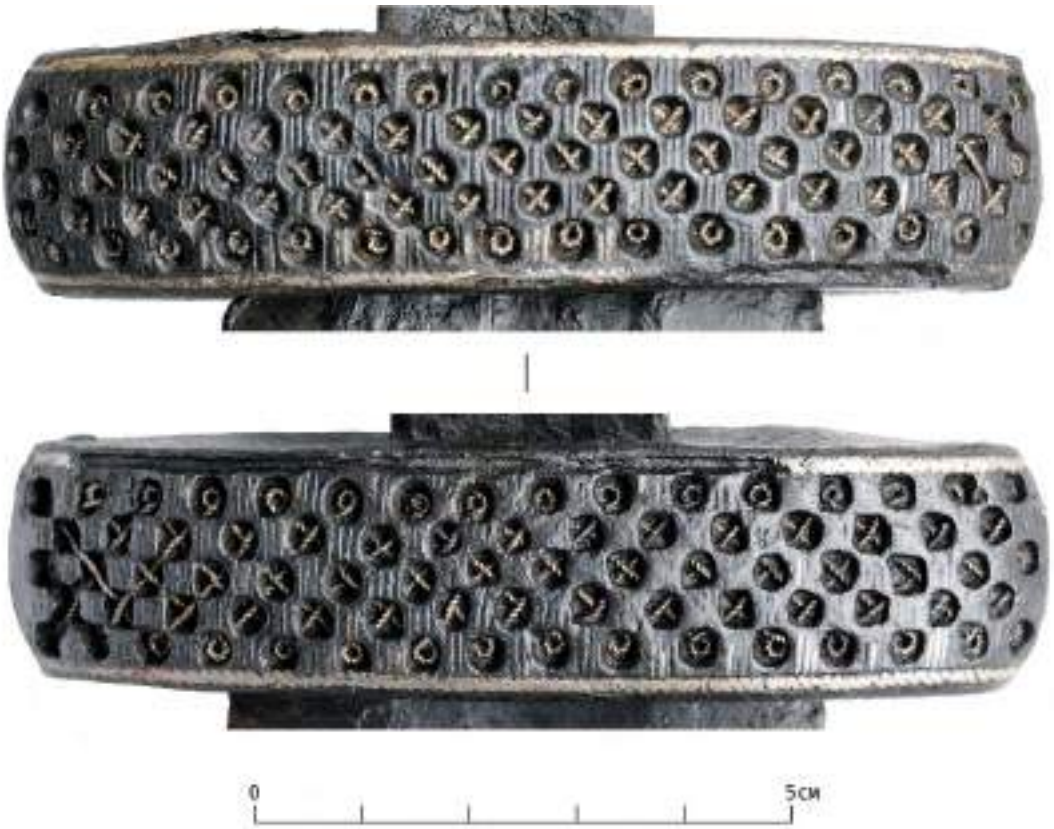


Рис. 144. Перекрестие меча. Фронтальные виды.

Рис. 145. Ячейки разной формы на фронтальных поверхностях деталей рукояти меча.

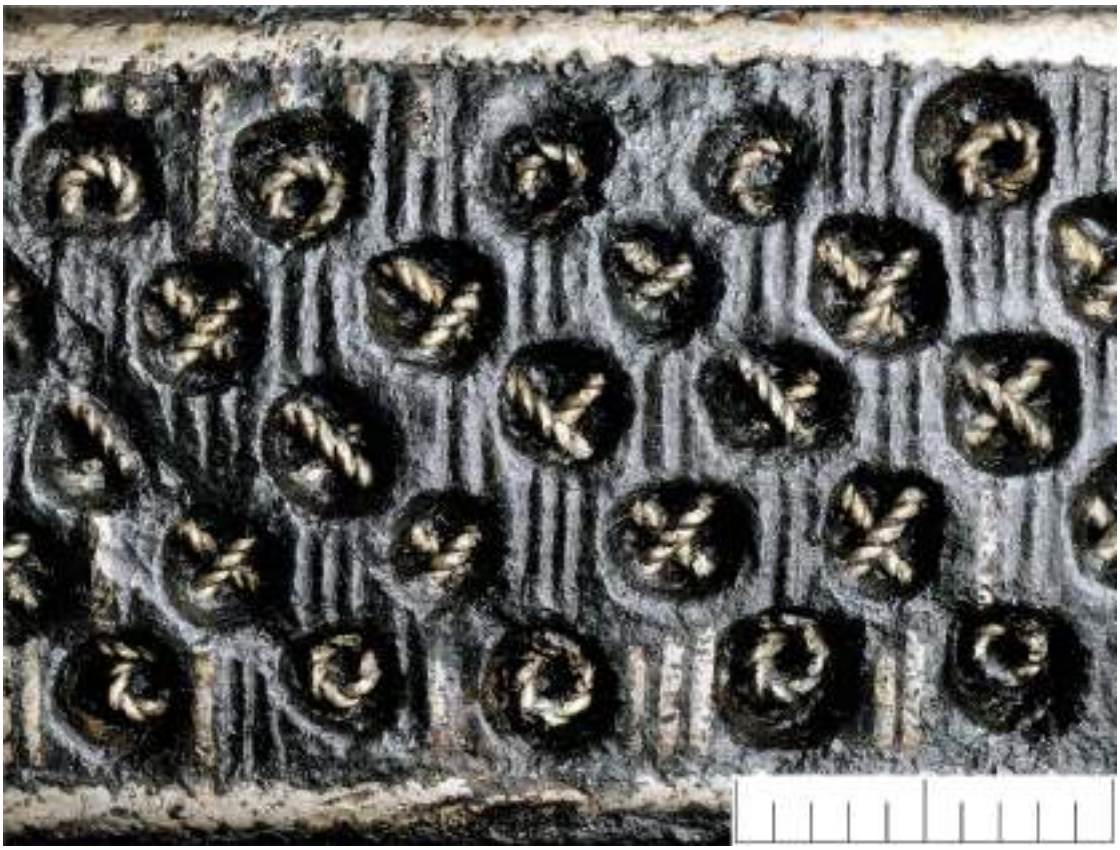


Рис. 146. Расположение ячеек на перекрестии меча.

Рис. 147. Расположение ячеек на центральной части головки навершия меча.

Рис. 148. Расположение ячеек на боковых частях головки навершия меча.

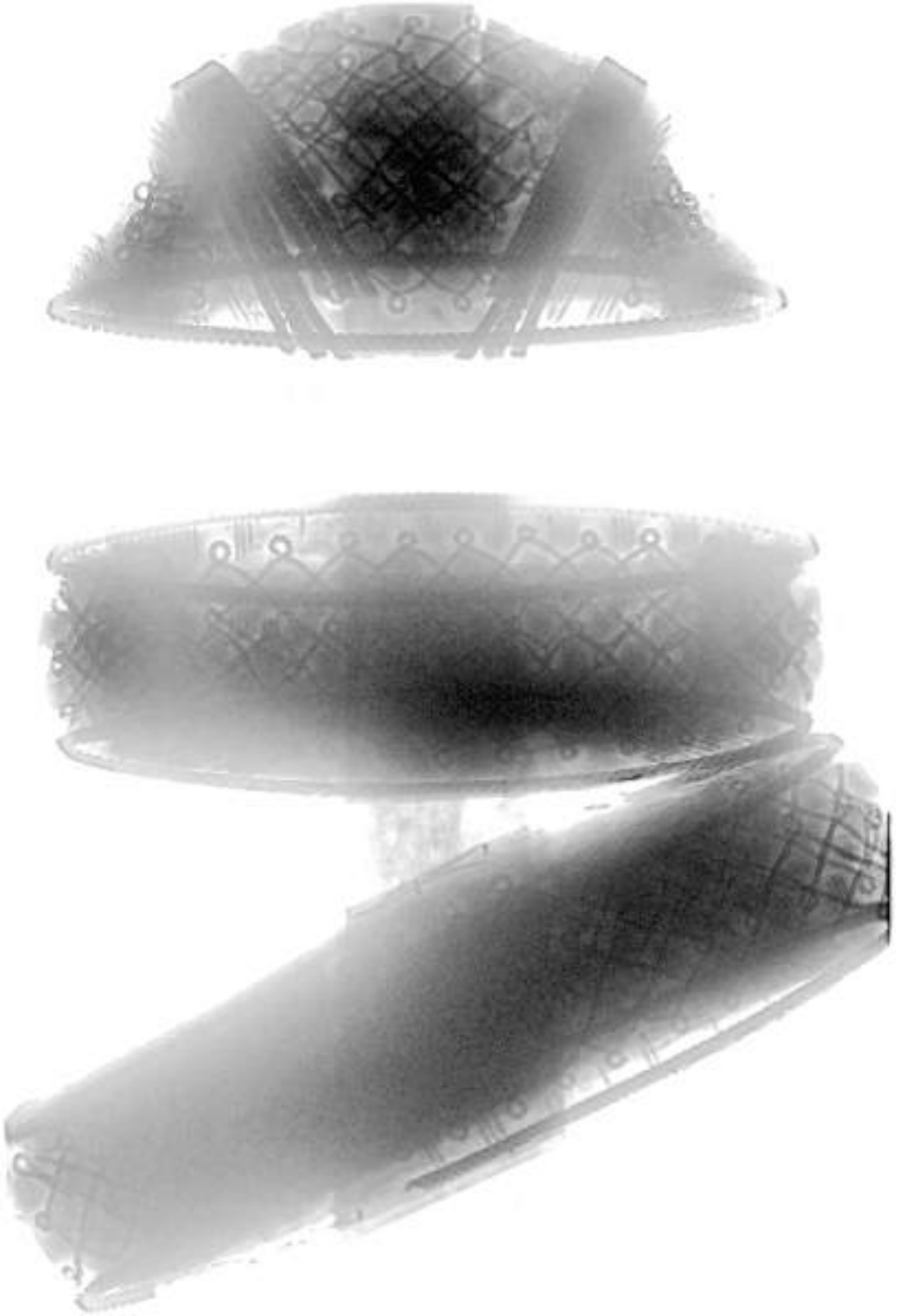


Рис. 149. Рентгенограмма деталей рукояти меча.

Рис. 150. Поврежденные ячейки на перекрестии меча.

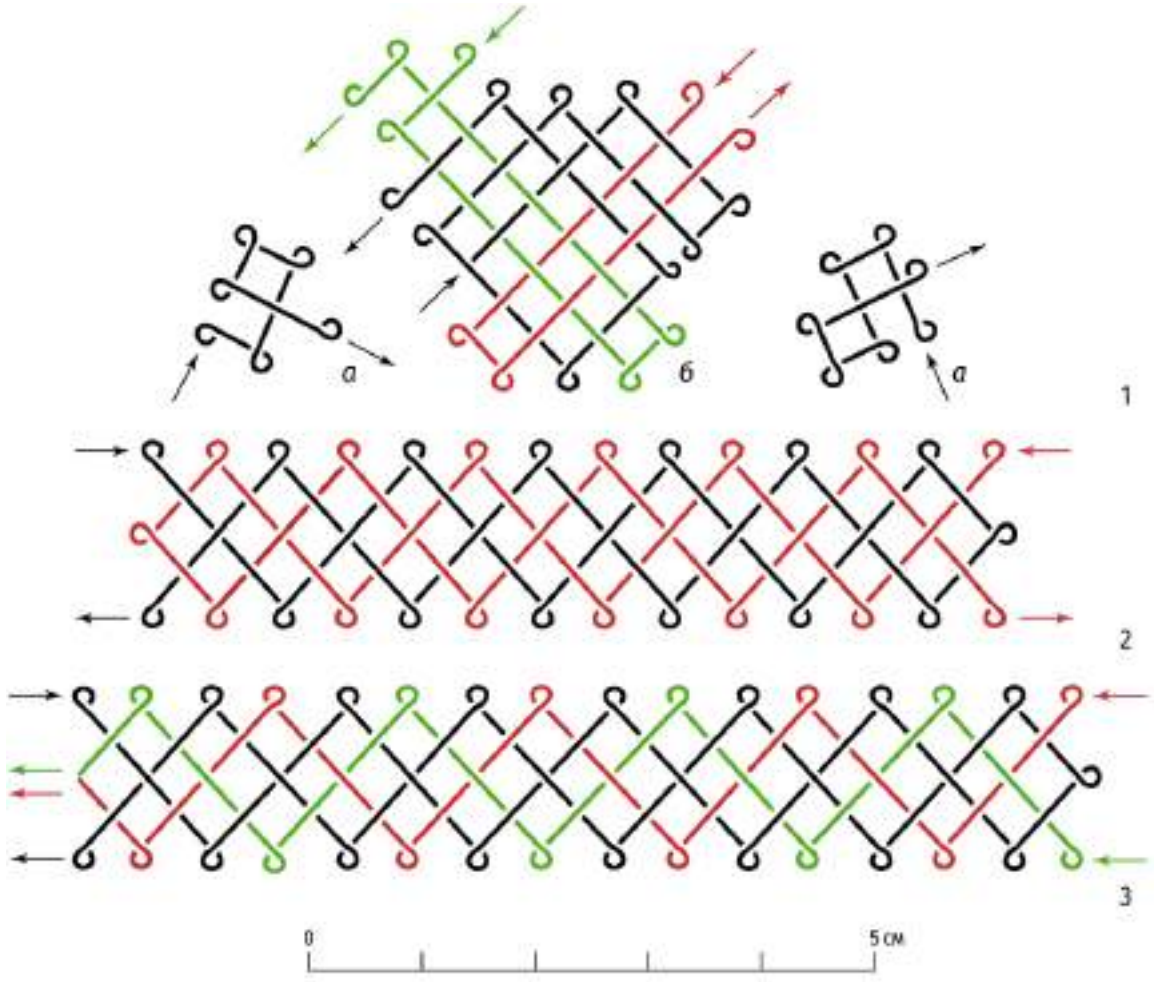


Рис. 151. Схема расположения жгутиков в ячейках на деталях рукояти меча: *1* – головка навершия, *а* – боковые части, *б* – центральная часть; *2* – основание навершия; *3* – перекрестие (рисунок А. С. Дементьевой).

высота – 0,2 см. Дополнительно, для предотвращения смещения деталей относительно друг друга в горизонтальной плоскости, в верхний торец основания навершия в боковые части вварены (?) железные штырьки диаметром 2,5 мм. При совмещении основания и головки навершия эти штырьки входят в углубления, расположенные на боковых частях торца головки навершия[59] **(рис. 143)**.

Расстояние между навершием и перекрестием – 8,9 см. Черен клинка прямоугольный в сечении, его размеры около навершия – 2,1×0,4 см, около перекрестия – 2,6×0,5 см.

Перекрестие прямое, в плане ладьевидной формы, в поперечном сечении – бочонковидное **(рис. 144)**. Длина перекрестия по центру детали – 9,7 см, по основанию – 9,2 см, высота – 2,2 см, ширина по центру детали – 3,2 см, по основанию – 2,8 см. На верхнем торце расположено отверстие под черен клинка размерами около 2,8×0,7 см. На нижнем торце фиксируется выемка под полотно клинка, она имеет ладьевидную форму и размеры около 5,8×0,7 см. Клинок входит в перекрестие неглубоко, всего на 4–5 мм.

Фронтальные поверхности навершия и перекрестия покрыты ячеистым орнаментом. Форма углублений от круглой (округлой) до подквадратной **(рис. 145)**. Углубления (диаметр круглых ячеек – 3,0–3,5 мм)[60] расположены на основании навершия и перекрестии в пять рядов в шахматном порядке **(рис. 146)**. Центральная часть головки навершия полностью покрыта ячеистым орнаментом, расположенным в шахматном порядке **(рис. 147)**. На боковые части головки навершия нанесено по 7–8 ячеек **(рис. 148)**.

Между собой ячейки соединены каналами диаметром около 1,5–2,0 мм, в которые пропущен жгутик, свитый из двух гладких серебряных проволочек. Схема укладки этих жгутиков хорошо видна на рентгенографическом снимке **(рис. 149)**. Технологическими особенностями пробития этих каналов объясняется, по всей видимости, близкая к квадратной форма некоторых углублений ячеистой орнаментации, а также разрушенные перемычки между ячейками **(рис. 150)**.

В крайних рядах ячеек жгут уложен в виде петли, в остальных он перекрещивается. На перекрестии для создания подобного декора было использовано три жгутика, на основании навершия – два, на центральной части головки навершия – три, на боковых частях головки навершия – по одному **(рис. 151)**.

Ячеистая орнаментация на основании навершия и перекрестии сверху и снизу ограничена канавками, в которые инкрустированы жгутики, скрученные из двух «бусинных» серебряных проволок.

Пространство между ячейками, а также свободное пространство на боковых частях головки навершия было покрыто инкрустированными отрезками серебряной проволоки (Ag > 90%). Плотность всечки составляет 12–13 проволок на 1 см. Проволока уложена неплотно, между отдельными отрезками сохраняется пространство, не закрытое цветным металлом (см. **рис. 146, 148**). Рельефно выступающие ребра на головке навершия подчеркнуты выделяющейся цветом инкрустацией. Здесь инкрустировано по три плотно размещенных жгутика, скрученных из серебряной и медносплавной проволок (см. **рис. 140**).

Боковые грани перекрестия и основания навершия инкрустированы поперечными отрезками серебряной проволоки, расположенными наклонно **(рис. 152)**.

На торцевые стороны деталей рукояти всечкой нанесена инкрустированная серебряной проволокой орнаментация геометрического характера **(рис. 153, 154)**. На нижнем торце основания навершия и верхнем торце перекрестия на боковых частях расположены сформированные ленточным плетением крестовидные фигуры с ромбовидными окончаниями. На нижнем торце перекрестия, ввиду отсутствия достаточного места, нанесены фигуры с тремя ромбовидными окончаниями. По всему остальному периметру торцевых сторон инкрустированы фигуры из сочетаний треугольников и ромбов.

Элементов крепления накладных фальшголовок на торцевых сторонах основания навершия и перекрестия не выявлено. Не находят своего

---

59 Данная особенность соединения головки и основания не отмечена в подробной схеме конструкций наверший в книге чешских исследователей. Но если рассматривать эти штырьки не как элемент скрепления двух деталей, а только как приспособление, исключающее разбалтывание деталей в горизонтальной плоскости, то конструктивный тип навершия можно определить как тип I по А. Гайбигу или тип Ic по И. Хошеку – И. Коште – П. Жаковскому.

60 У этого меча не прослеживается значительная разница между диаметрами углублений, как в случае с мечом типа E, найденным в 2017 году.

Рис. 152. Инкрустация боковых граней: *1* – основание навершия; *2* – перекрестие.

Рис. 153. Инкрустация на торцевых сторонах: *1* – основание навершия; *2*, *3* – перекрестие.

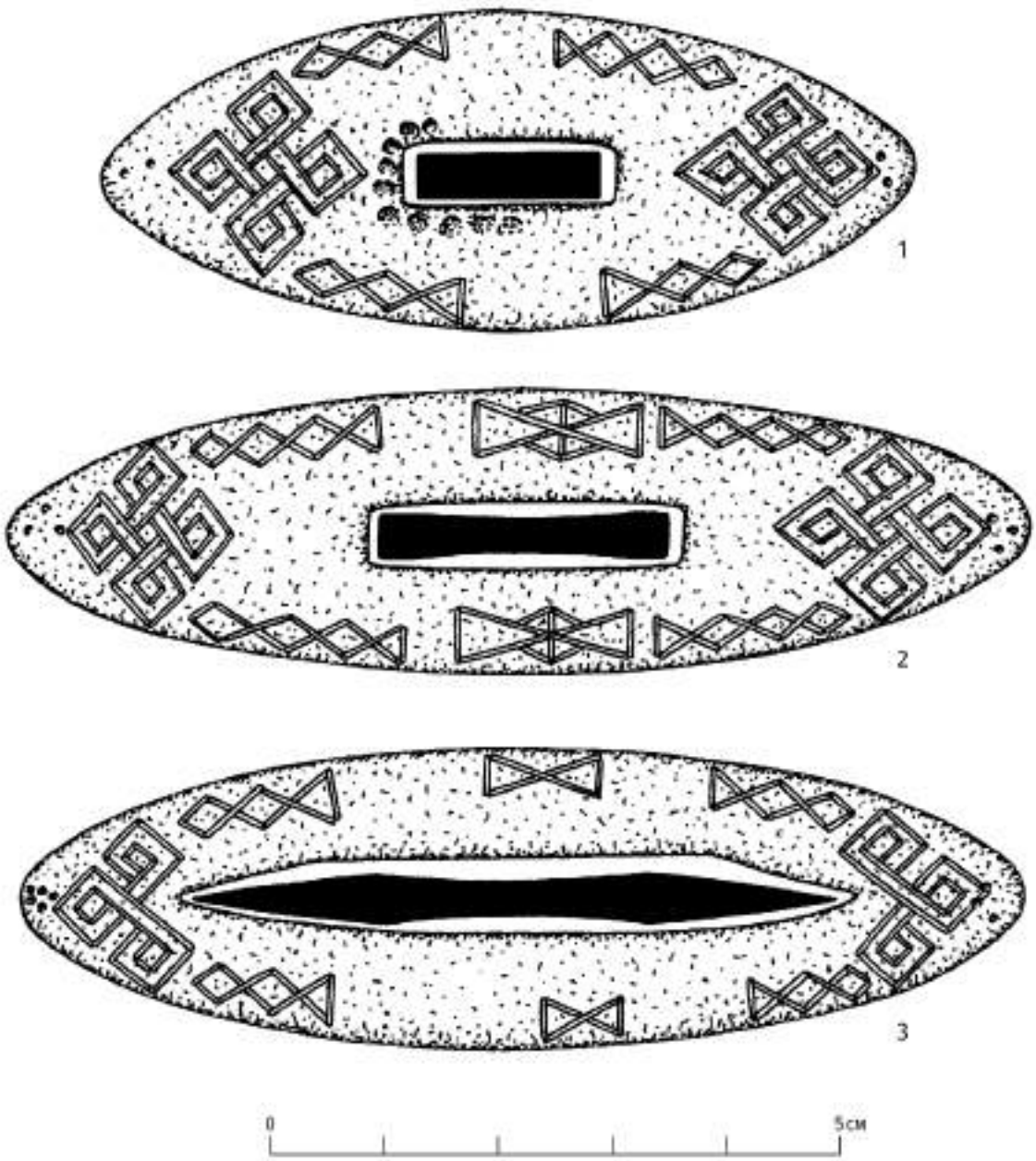


Рис. 154. Инкрустация на торцевых сторонах: *1* – навершия; *2*, *3* – перекрестия (рисунок А. С. Дементьевой).

функционального объяснения небольшие (меньше 1 мм) точечные углубления, расположенные по 3–5 штук на краях торцевых сторон перекрестия и основания навершия (см. **рис. 154**).

В верхней части клинка в 4,7–4,8 см от перекрестия на обеих сторонах были расчищены клейма. Предварительная информация об их наличии и особенностях была получена в ходе рентгенографической съемки (см. **рис. 131**). Вскрытие клейм производилось с помощью механических инструментов. В результате на обеих сторонах клинка четко в долах были расчищены клейма, выполненные из отрезков дамаскированного металла **(рис. 155, 156)**. К сожалению, сохранность металла клинка не позволила выявить все детали клейма. Тем не менее отчетливо видно, что на одной стороне клинка нанесена буквенная надпись, в полном виде реконструируемая как **(UL) FBERHT+**[61]. Буквы четкие, раздельные. На другой стороне клинка – изображение «решетки», состоящей из перекрещивающихся диагональных стол-

61 Ни визуально, ни на рентгенографическом снимке предшествующего надписи креста не выявлено.

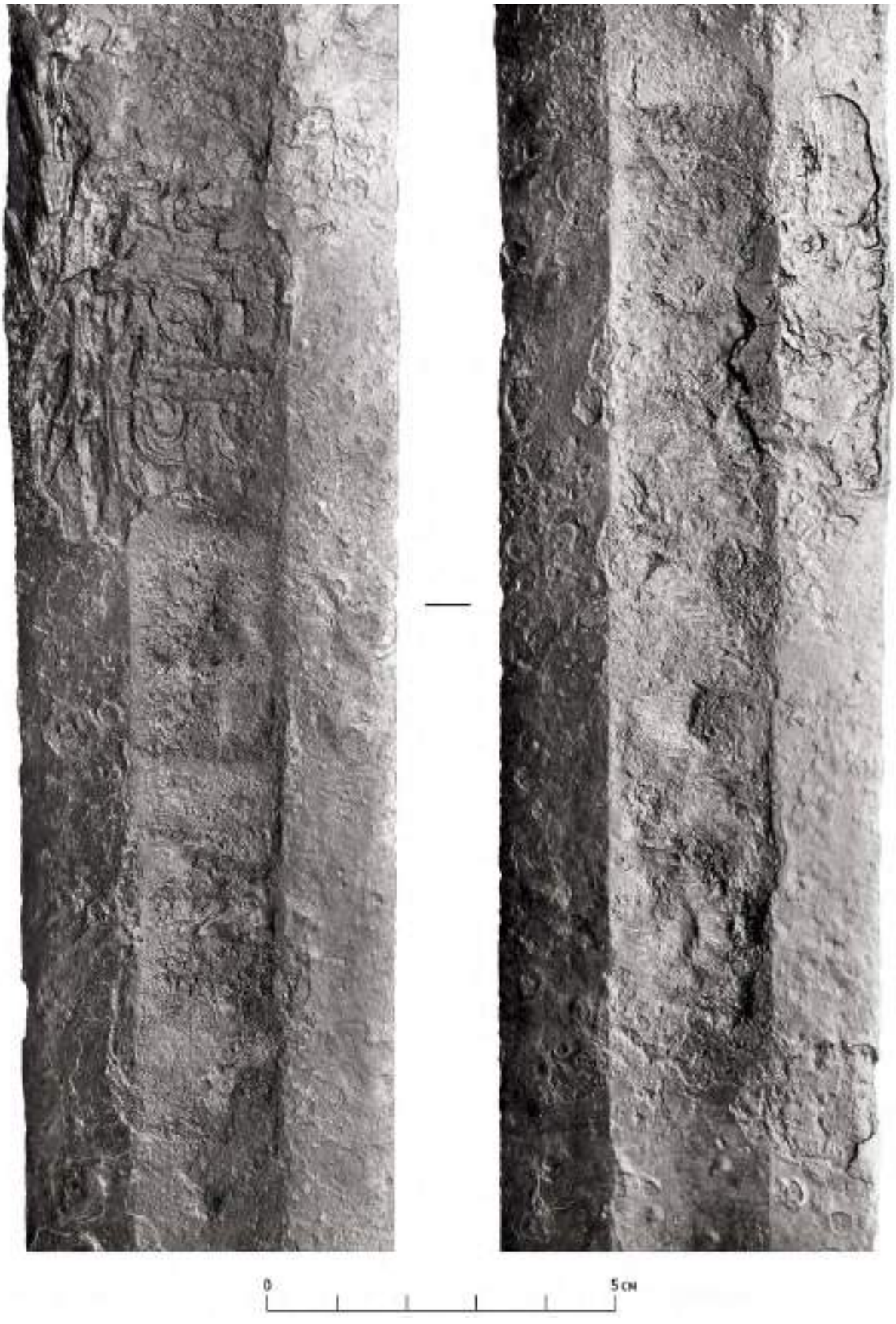


Рис. 155. Клеймо на клинке меча.

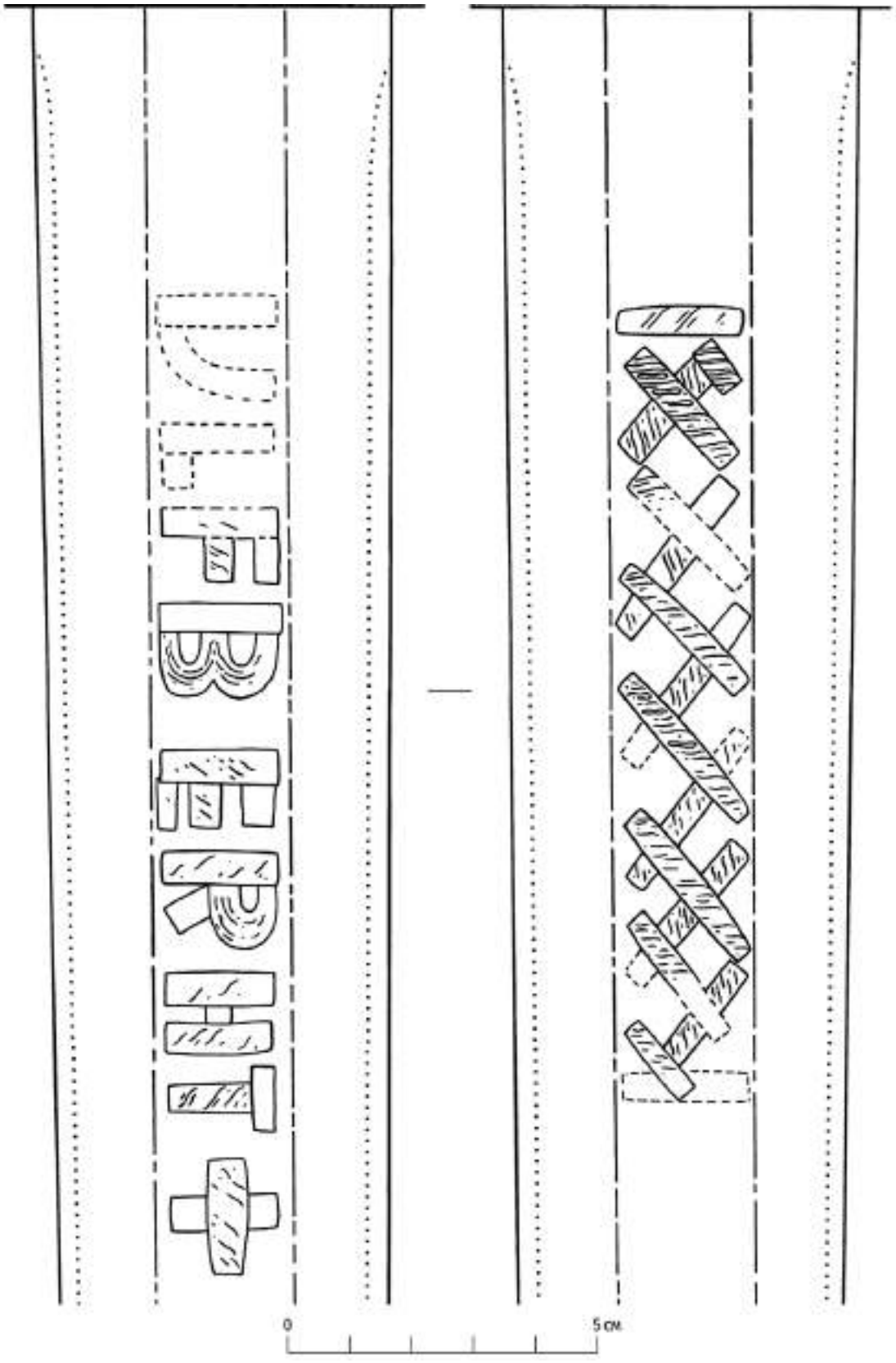


Рис. 156. Клеймо на клинке меча. Пунктирной линией обозначена зона заточки лезвий (рисунок А. С. Дементьевой).

биков, с двух сторон ограниченных вертикальными столбиками. Диагонали не соединяются между собой внизу и вверху, образуя углы, а накладываются, формируя перекрестия. Эта особенность отличает данное клеймо от большинства клейм в виде «решетки».

По классификации А. Стальсберг клеймо **ULFBERHT** без начального креста относится к варианту 3 (*Стальсберг*, 2010. С. 380. Рис. 1).

Морфология вместе с наличием орнаментации с пропущенной внутри ячеек скрученных из проволочек жгутиков позволяют уверенно определить меч как принадлежащий к варианту 2 типа E по типологии Я. Петерсена.

5. Отдельное навершие (рис. 157–161). В результате геофизических изысканий с применением магниторазведки была построена карта магнитных аномалий, с опорой на которую была проведена проверка некоторых участков. В ходе этих работ в 2020 году в западной части исследуемого участка среди прочего было обнаружено навершие меча (см. **рис. 41**). Находилось оно практически на поверхности, в куче металлического мусора разного размера и было, вероятнее всего, выброшено как непонятный предмет, найденный в ходе несанкционированных работ с применением металлодетектора в 2000-е гг. Обстоятельства находки не позволяют предложить ее хронологическую локализацию на основе археологического контекста.

Навершие сохранилось полностью **(рис. 157, 158)**. Сохранился также небольшой фрагмент черена клинка, закрепленный в навершии. Это свидетельствует о том, что деталь была отломана в ходе совершения погребения либо в результате воздействия сельскохозяйственной распашки, как в случае с мечом типа E из раскопок 2017 года. С нашей точки зрения, наиболее вероятно, что навершие также происходит из одного из разрушенных во второй половине X века курганов, располагавшихся на этой территории[62].

Поверхность навершия сильно пострадала от коррозии – фиксируются значительные утраты инкрустации и железной основы. Фрагмент черена

Рис. 157. Навершие меча, найденное в 2020 году.

62 Предположительно, часть клинка с перекрестием типа E, по непроверенной информации, была найдена в этой части поля (*Kainov*, 2012. P. 25, 29. Fig. 16) . Очень вероятно, что это части одного меча.

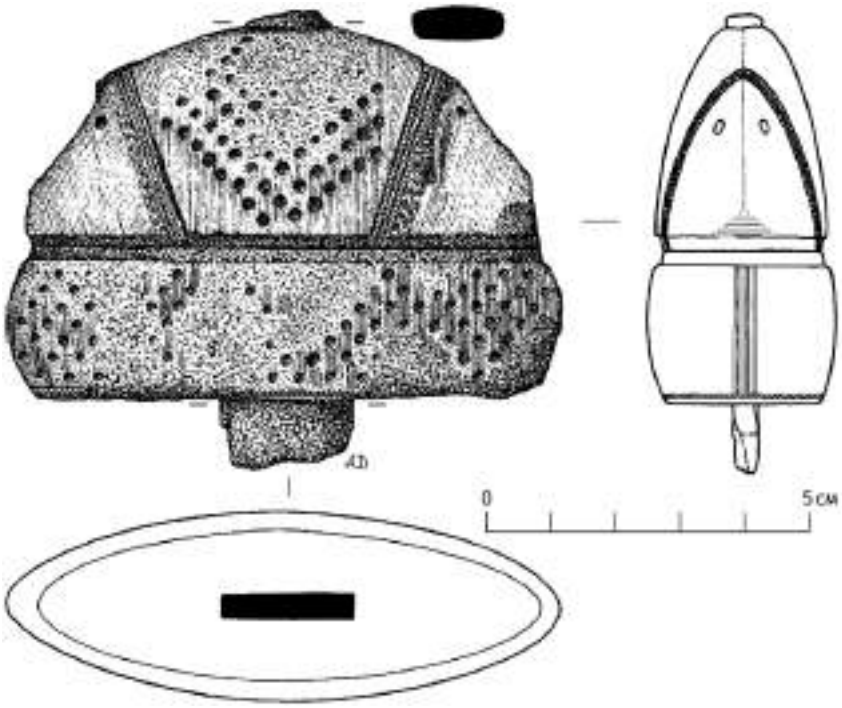


Рис. 158. Навершие меча, найденное в 2020 году (рисунок А. С. Дементьевой).

Рис. 159. Ячеистая орнаментация на головке навершия.

Рис. 160. Инкрустация: *1* – на основании навершия; *2* – в центральной части головки навершия.

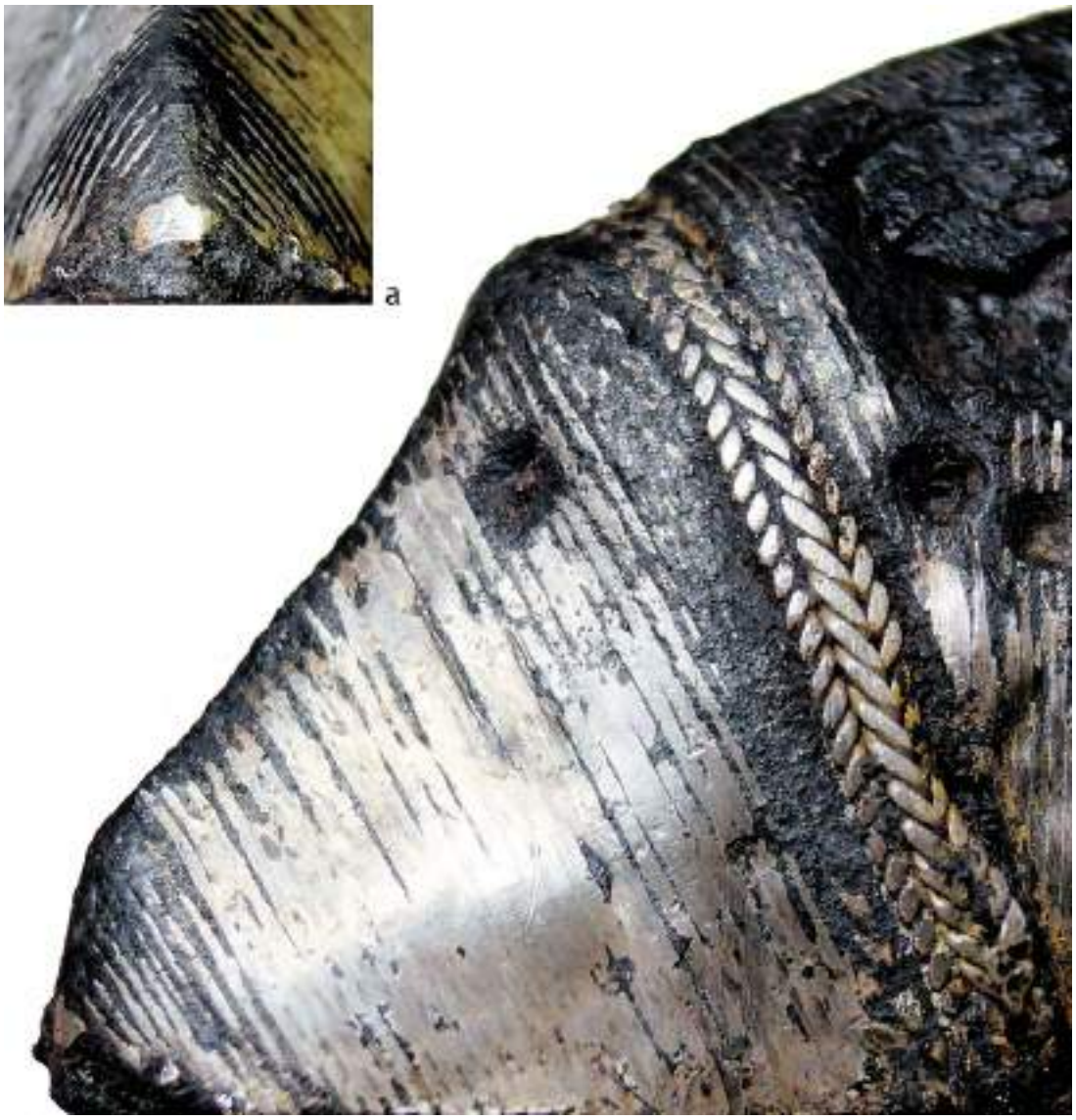


Рис. 161. Инкрустация боковой части головки навершия (*а* – горизонтальная инкрустация нижнего угла боковой части головки навершия).

клинка несколько изогнут (свернут) в горизонтальной плоскости, скорее всего, в результате попытки преднамеренного или непреднамеренного слома.

Навершие двусоставное, изготовлено из железа, состоит из головки и основания. Общая высота навершия – 5,8 см.

Головка навершия имеет полукруглую форму, с двумя выступающими ребрами, подчеркивающими разделение головки навершия на три части. Боковые части головки имеют вогнутую верхнюю грань. Длина головки навершия – 8,0 см, высота – 3,5 см, ширина – 2,7 см. Головка навершия разделена на три части двумя углублениями шириной около 5 мм. В эти углубления уложены сгруппированные по три жгутики, скрученные из гладкой серебряной (Ag > 94%) проволоки. По нижнему краю головки навершия расположена ступенька шириною 2,5 мм, которая после сборки навершия закрывалась, вероятно, несохранившимся скрученным из проволок жгутиком.

Основание навершия прямое, ладьевидное в плане, в поперечном сечении – бочонковидное. Длина основания навершия по центру детали – 8,6 см, по основанию – 7,8 см, высота – 2,3 см, ширина по центру детали – 2,9 см, по основанию – 2,4 см.

Детали скреплены между собой при помощи черена рукояти, который проходил сквозь обе детали и расклепывался сверху головки навершия[63]. Размеры расклёпа – 1,3×0,5 см. Длина выступающего фрагмента черена клинка – 1,1 см, размеры поперечного сечения черена около навершия – 2,1×0,4 см.

Фронтальные поверхности деталей навершия покрыты ячеистым орнаментом **(рис. 159)**. Круглые углубления диаметром 2,0–2,5 мм и глубиной до 2 мм расположены на основании навершия и перекрестии в семь рядов в шахматном порядке. На центральной части головки навершия ячеистая орнаментация сгруппирована в один большой ромб. На боковых частях головки навершия в их верхней части зафиксировано по одной ячейке.

На нижнем крае основания навершия, ограничивая ячеистую орнаментацию на фронтальной поверхности, пробита канавка, в которую инкрустирован скрученный из двух серебряных проволок жгутик. На верхнем крае основания навершия подобная канавка отсутствовала. Там расположена ступенька шириной 0,2 см, аналогичная расположенной на нижнем крае головки навершия.

Пространство между ячейками и не занятые ячеистой орнаментацией участки на головке навершия покрыты инкрустированными отрезками серебряной (Ag > 94%) проволоки, уложенными методом всечки. Изначально инкрустированная проволока формировала сплошное монохромное поле, но постепенно на некоторых участках верхний слой покрытия стирался и образовывалась поверхность, где чередовалось серебро инкрустации и железо поверхности детали **(рис. 160)**. Плотность всечки на разных участках составляет от 15 до 20 проволочек на 1 см. Удалось также проследить, что нижние углы боковых частей головки инкрустированы горизонтально уложенной проволокой, образуя треугольные фигуры[64] **(рис. 161)**. Рельефно выступающие ребра на головке навершия подчеркнуты полихромной инкрустацией – на одном ребре четыре плотно уложенных жгутика, скрученных из серебряной и медносплавной проволок, на втором – два таких жгутика.

Сохранность не позволила проследить наличие элементов крепления накладных фальшголовок на торцевой стороне основания навершия.

Морфология и ячеистая орнаментация поверхности позволяют уверенно определить навершие как принадлежащее мечу варианта 1 типа E по типологии Я. Петерсена.

Новая находка наконечника ножен

Для предохранения клинка меча от непогоды и повреждений, а также для безопасного ношения меча служили ножны. Основа ножен представляла собой деревянный футляр, сформированный из двух планок, который обтягивался/обматывался тканью или/и кожей. Внутрь деревянного футляра иногда помещалась вставка из ткани или шкуры с мехом, обращенным к клинку меча, а мездрой – к дереву футляра. Нижний конец ножен мог снабжаться металлическим наконечником **(рис. 162–166)**.

---

63 Конструктивный тип I по А. Гайбигу или тип Ic по И. Хошеку – И. Коште – П. Жаковскому.

64 При взгляде на головку навершия создается впечатление, что мастер, изготавливавший навершие, представлял боковые части головки навершия в виде морд животных. Это подчеркивалось как самой формой, так и отдельными деталями: одиночные ячейки – глаза, горизонтально инкрустированный треугольник – нос.

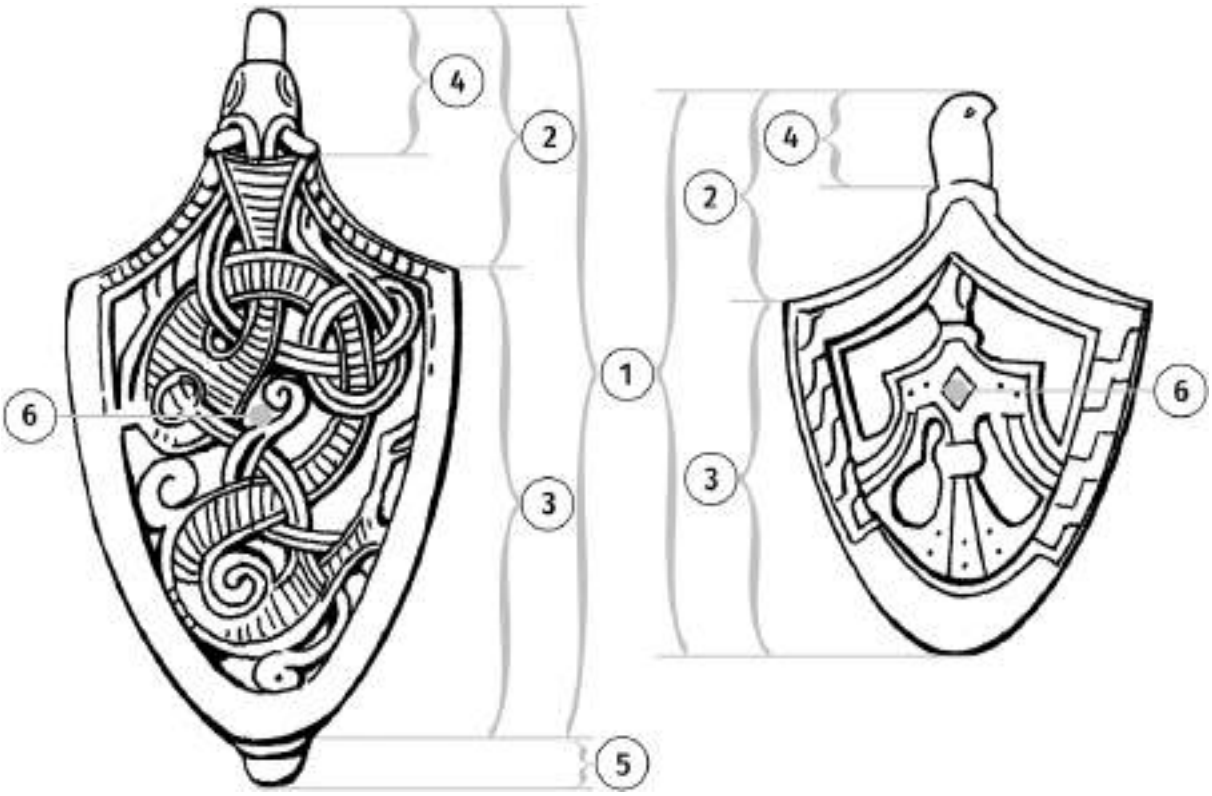


Рис. 162. Терминология для обозначения составных частей литых наконечников ножен мечей.

В ряде погребений по обряду трупоположения (например, гнёздовский курган Дн-4/1984 и тимерёвские курганы № 100 и 295), где на мечах точно зафиксированы фрагменты ножен, металлический наконечник отсутствовал, следовательно, этот предмет не был обязательной принадлежностью ножен.

Функционально наконечник предохранял нижнюю часть ножен меча от повреждений. В то же время, если учесть зачастую сакральный характер животных, изображенных на некоторых экземплярах (птица (сокол?), дракон, волк), вложение меча в ножны (и, соответственно, погружение клинка в тело сакрального животного) может рассматриваться как определенное магическое действие, призванное увеличить поражающую силу оружия.

Подавляющее большинство наконечников изготавливалось методом литья из медного сплава (*Ениосова*, 1994. С. 109). Поверхность таких наконечников могла полностью или частично покрываться оловом или золотиться (напр. *Каинов*, 2015. С. 628; *Michalak, Socha*, 2017. P. 165). Известны наконечники, изготовленные из серебра и орнаментированные с применением техник золочения и чернения (*Зоценко*, 1999; *Каинов, Олейников*, 2015. С. 217–221).

Выделяют ажурные (прорезные) наконечники, наиболее распространенные в эпоху викингов, и цельнолитые (непрорезные) наконечники, появляющиеся, по всей видимости, в конце X века. Причем некоторые из них орнаментально повторяют ажурные, что, возможно, следует рассматривать как упрощение технологии изготовления при сохранении сакральной нагрузки, заключенной в орнаментации.

Для ажурных наконечников ножен, относящихся к эпохе викингов, и производных от них цельнолитых образцов можно предложить рабочую терминологию составных частей **(рис. 162)**. У наконечника выделяются две основные части – рамка и декоративное поле, расположенное внутри рамки. У рамки в свою очередь – верхняя часть с окончанием (как правило, зоо- или орнитоморфным) и нижняя часть, иногда оканчивающаяся ножкой.

Являясь яркими и выразительными предметами материальной культуры, наконечники ножен

Наконечники с мотивом птицы (I)		**Наконечники с мотивом четвероногого зверя (II)**			
Скандинавская группа (1)	Шведско-варяжская группа (2)	Скандинавская группа (1)	Шведская группа (2)	Наконечники со звериным мотивом балтийского региона (3)	Наконечники со свернувшимся зверем и пальметтой (4)
I-1a	I-2a	II-1	II-2	II-3	II-4
I-1 (вариант)	I-2b	II-1 (вариант)	II-2 (вариант)		II-4 (вариант)
	I-2c				
	I-2d				

Рис. 163. Типология наконечников ножен мечей X века П. Паульсена (по: *Paulsen*, 1953).

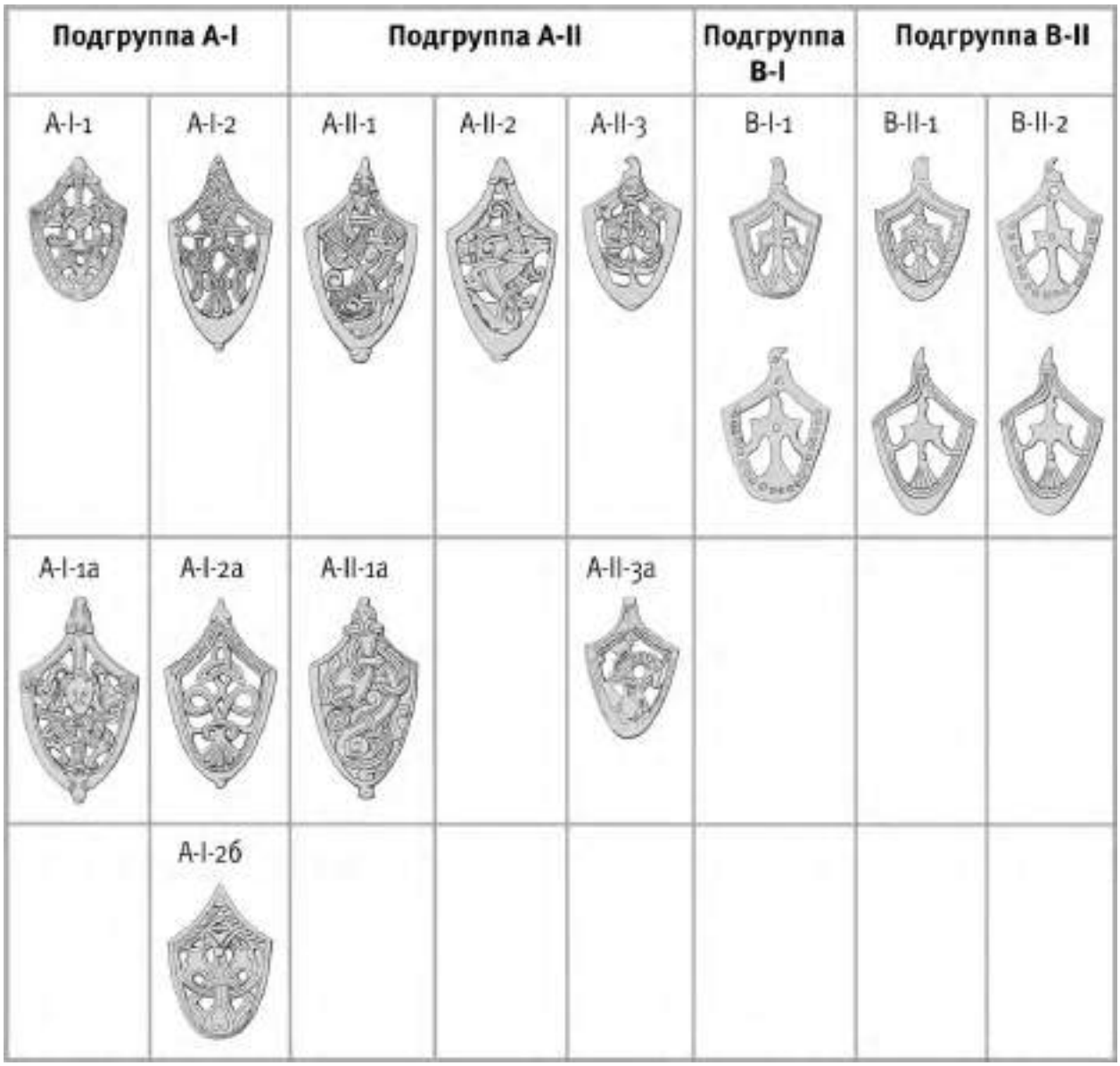


Рис. 164. Типология наконечников ножен мечей Н. В. Ениосовой (по: *Ениосова*, 1994).

мечей давно привлекали внимание исследователей. Отдельным вопросам распространения и хронологии наконечников посвящены многочисленные работы как российских, так и зарубежных исследователей (*Корзухина*, 1950*; Ениосова*, 1996; *Кулаков, Иов*, 2001; *Михайлов, Носов*, 2002; *Arne*, 1913; *Paulsen*, 1953; *Ambrosiani*, 2001; *Sikora*, 2003; *Janowski*, 2006; и др.). С нашей точки зрения, актуальной остается проблема учета максимального количества наконечников, происходящих со всего европейского пространства, и создание новой типологии на основе всего накопленного материала.

На сегодняшний день наиболее объемной остается монография немецкого исследователя П. Паульсена, в которой рассмотрено более 260 известных к середине XX века наконечников ножен мечей X–XIII веков, найденных на территории Европы (*Paulsen*, 1953). Исследователь выделил семь орнаментальных мотивов и распределил наконечники на группы в зависимости от особенностей орнаментации **(рис. 163)**. В ряде групп дальнейшее деление происходит в том числе на основании особенностей морфологии наконечников.

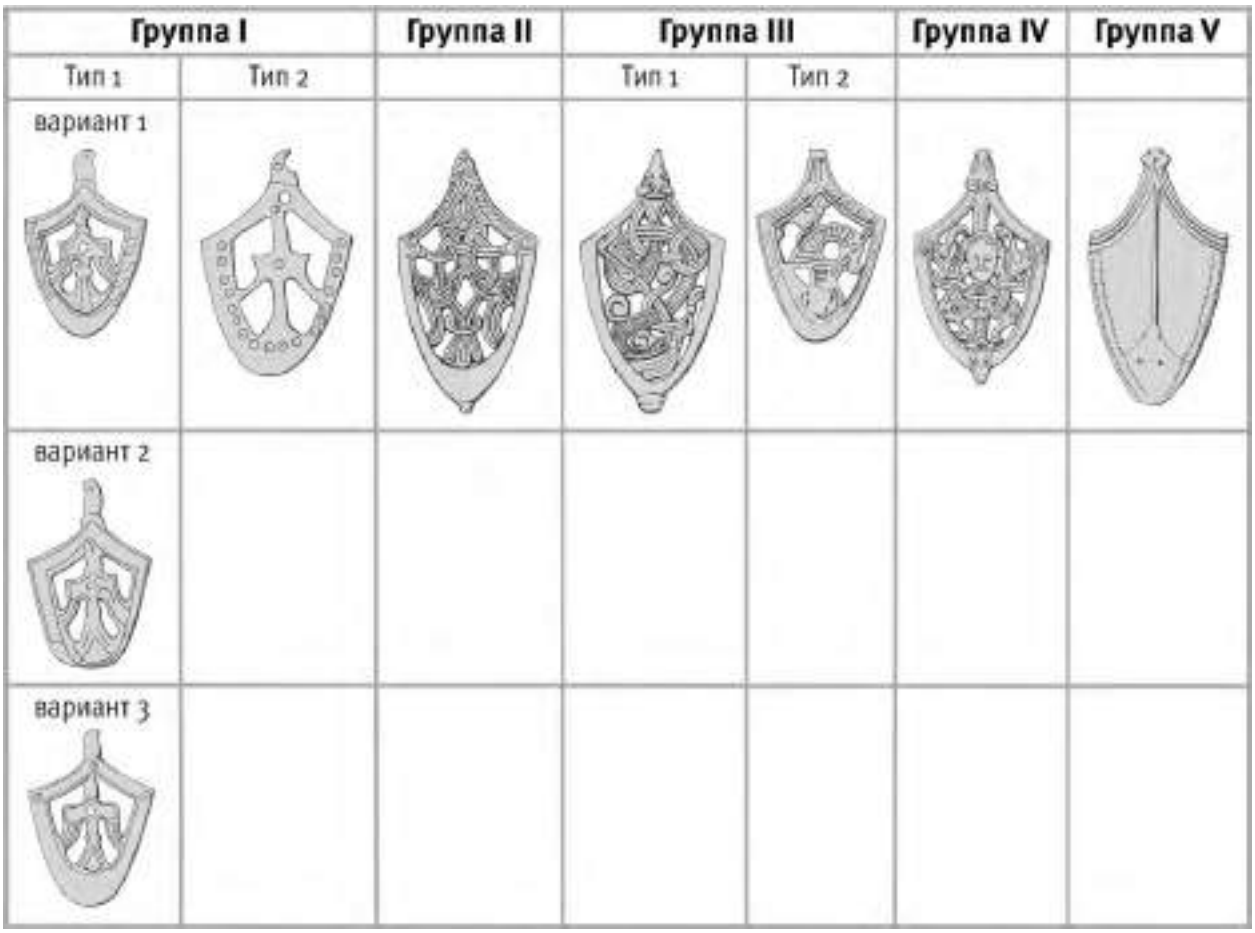


Рис. 165. Типология наконечников ножен мечей, найденных в Гнёздове (по: *Каинов*, 2009).

Предложенная П. Паульсеном типология до сих пор используется при анализе как отдельных наконечников, так и их региональных серий. Например, схема П. Паульсена легла в основу типологии, предложенной В. Казакявичусом для наконечников, происходящих с территории расселения балтских племен (*Kazakevičius*, 1998). Типология В. Казакявичуса отличается несколько иным распределением типов наконечников внутри групп, а также ввиду того, что в ней учитываются наконечники только с территории расселения балтов, другим цифровым обозначением типов. Помимо этого, в работе вводится несколько новых типов наконечников ножен, не учтенных типологией П. Паульсена.

В последние два десятилетия вышло большое количество работ польских исследователей, как посвященных отдельным находкам, так и обобщающих материал. П. Сикора на основе анализа 75 предметов предложил свою типологию наконечников ножен, происходящих с территории расселения западных и восточных славян (*Sikora*, 2003). Она также основана на особенностях орнаментального мотива и во многом схожа с типологией П. Паульсена. В то же время исследователь предлагает свое деление некоторых групп наконечников. А. Яновский на основе типологии В. Казакявичуса рассмотрел 27 бронзовых и серебряных наконечников ножен, найденных на территории Польши (*Janowski*, 2006).

Типологию ажурных наконечников ножен «эпохи викингов», основанную на отличном от типологии П. Паульсена подходе, предложила Н. В. Ениосова **(рис. 164)** (*Ениосова*, 1996. С. 100–121). В ней значительное место отведено учету морфологических признаков – таких, как форма нижней и верхней частей рамок, отсутствие или наличие прилива-ножки, соотношение высоты и ширины и т. д. Морфология наконечников сыграла важную роль уже при выделении групп и подгрупп.

Непосредственно типы и варианты наконечников внутри групп и подгрупп определяются на основании исключительно орнаментальных особенностей. Последнее обстоятельство привело к тому, что полученный результат (на уровне типов) по большей части схож с типологией П. Паульсена.

Ф. А. Андрощук, предпринявший попытку обобщить европейские находки наконечников эпохи викингов, в основу предложенной типологии наконечников ножен положил изменения мотива и стиля (*Андрощук*, 2013. С. 106–118). Материал был разделен на семь типов с вариантами и охватывает наконечники IX–XI веков – от образцов, орнаментированных в стиле III по Салину до наконечников в стиле Урнес. С нашей точки зрения, несмотря на большой объем использованного материала (174 экземпляра) и его значительный географический охват, далеко не все разновидности наконечников нашли отражение в типологии Ф. А. Андрощука. Работа также не лишена фактических ошибок[65].

Одним из авторов настоящей работы ранее также была предложена типология наконечников ножен мечей, найденных в Гнёздове (*Каинов*, 2009). В основу, как и в типологии Я. Петерсена, положен в первую очередь учет особенностей орнаментального мотива **(рис. 165)**. Морфологические признаки учитывались на уровне выделения вариантов наконечников. Ввиду относительно малочисленной коллекции наконечников, в работе 2009 года не ставилось задачи создания новой универсальной типологии. Имевшийся в распоряжении материал был разделен на группы в зависимости от орнаментального мотива. В ряде случаев, когда позволяет количество и сохранность материала, предложено подразделение наконечников внутри групп на типы и варианты с учетом орнаментальных особенностей.

Дальнейшая разработка новой типологии наконечников ножен должна будет осуществляться с учетом по возможности бóльшего количества находок, обнаруженных на территории Древней Руси и за ее пределами.

В ходе обследования северо-восточной части Центрального гнёздовского поселения с помощью металлодетектора по сетке квадратов в 2019 году был обнаружен фрагмент наконечника ножен меча (см. **рис. 41**). Он происходит из верхнего пахотного горизонта и, таким образом, лишен археологического контекста.

Находка представляет собой небольшой фрагмент створки цельнолитого наконечника, изготовленного из медного сплава **(рис. 166)**. На лицевой поверхности фрагмента можно различить рамку, ограничивающую часть орнаментального поля, украшенного ленточным плетением, состоящего из широкой ленты с двойным контуром, переплетенной с узкими двойными лентами.

Несмотря на фрагментарную сохранность, находку можно определить как обломок наконечника, входящего в «скандинавскую группу наконечников с германским мотивом четвероногого зверя», по типологии П. Паульсена (*Paulsen*, 1956. S. 35–42).

Учитывая, что находка сделана в пахотном горизонте, на ней отсутствуют следы пребывания в огне, а также принимая в расчет наиболее вероятную позднюю датировку этого варианта наконечников, мы можем уверенно утверждать, что фрагмент происходит из слоя поселения.

* * *

За период с 2017 по 2020 год на территории северо-восточной части Центрального гнёздовского поселения и прилегающей части Лесной курганной группы в ходе археологических работ были найдены три целых меча, два навершия и фрагмент наконечника ножен меча. Большинство артефактов точно или предположительно происходят из погребальных комплексов – два целых меча найдены в курганах Лесной курганной группы (курганы Л-207/2017 и Л-210/2018), один целый меч и отдельное навершие происходят из разрушенных в третьей четверти (?) X века курганов, позднее перекрытых слоем поселения, с периодом функционирования которого связаны еще одно навершие меча и наконечник ножен меча.

---

65 Например, в тип 5 включены наконечники из Рыбичижны (Польша) и могильника Кауп (Россия). При этом совершенно аналогичный наконечник из Франополя (Беларусь) включен в тип 4 (*Андрощук*, 2013. С. 254). Тип 5 проиллюстрирован наконечником из Швеции (Fors), включенным исследователем в тип 4 (Там же. С. 108, 254. Рис. 73). В тип 7 исследователь предложил включить наконечники, орнаментированные в стиле Урнес и «распространенные преимущественно на Готланде» (Там же. С. 109). При этом в «Каталоге наконечников ножен эпохи викингов» в тип 7 включены только наконечники, найденные в Польше, Болгарии и Пруссии, и их орнаментация не имеет отношения к стилю Урнес и т. д. (Там же. С. 256).

Рис. 166. Фрагмент наконечника ножен, найденный в 2019 году.

Новая информация, полученная при изучении найденных в 2017–2020 гг. предметов, их типовое определение и археологический контекст делают актуальным обращение к однотипным мечам и наконечникам ножен, ранее обнаруженным как на территории Гнёздовского археологического комплекса, так и на более широком пространстве.

5. Мечи и наконечник ножен из раскопок 2017–2020 гг. в контексте более ранних находок в Гнёздове и на территории Европы

Как уже отмечалось, всего в Гнёздове с учетом находок 2017–2020 гг. и выявленных фрагментов в старых коллекциях учтено не менее 32 целых и фрагментированных мечей, а также отдельных их деталей. Из 32 находок 5 обнаружены в ходе исследования Центрального городища, 3 связаны с культурным слоем селища, остальные происходят из погребений (в ряде случаев связь с погребением вероятна). К настоящему времени тип меча точно или предположительно определяется у 29 находок.

Тип по Я. Петерсену	Количество
2 особый	1
B	1
D	1
E	5+1?
H/I	7
O[а]	1
T	1
V	4+1?[б]
X	3
Y	1+1?[в]
Фрагменты клинков	2
Накладка на рукоять	1
Тип не ясен	1 (H или V)[г]
ВСЕГО	**32**

Примечания: ***а*** – фрагменты головки навершия меча типа O выявлены в коллекции материалов из кургана Л-5/1949, хранящейся в Смоленском музее-заповеднике (СОМ 6028/48, 56); ***б*** – по любезно предоставленной А. Ю. Щедриной информации, в картотеке мечей, составленной В. И. Равдоникасом и хранящейся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 1049. Оп. 1. № 12), тип меча, найденного в 1913 г. в одном из курганов Левобережной группы, определен как тип V. Фотографию меча В. И. Равдоникасу предоставил А. Н. Лявданский. К сожалению, эта фотография в архиве пока не найдена. Сам меч пропал в ходе Великой Отечественной войны; ***в*** – один меч, от которого сохранились только часть клинка и перекрестие, мог относиться как к типу Y, так и к типу X; ***г*** – фото меча из кургана Л-147/Сиз-1901, позволяет определить тип меча как V или H/I. Фото хранится в Смоленском музее-заповеднике (номер в Госкаталоге 8924247).

К мечам типов E, H и X, представленным в находках 2017–2020 гг., в более ранних материалах относятся соответственно 3 (4?), 6 и 2 находок (*Kainov*, 2012). Интересно отметить, что известные места находок мечей типа E (4 случая) концентрируются в восточной части памятника – в курганах Лесной и Полевой групп, за исключением одной находки, предположительно сделанной в Центральной курганной группе **(рис. 167)**. Три меча типа H/I найдены в курганах Лесной группы, один – Центральной группы, и еще две детали меча этого типа обнаружены в ходе исследования Центрального городища. Все три находки наверший мечей типа X происходят с территории центрального поселения – западной и восточной частей Центрального селища и Центрального городища.

Подробная публикация всех мечей планируется в рамках готовящейся монографии, посвященной клинковому оружию Гнёздовского археологического комплекса. В данной работе мы только относительно кратко охарактеризуем обнаруженные ранее в Гнёздове мечи типов E, H/I и X, а также попытаемся кратко обобщить информацию о мечах этих типов, найденных как на территории Восточной Европы, так и на более широком пространстве.

Тип E

В целом для этого типа характерны массивные перекрестье и трехчастная головка навершия, «крайние части которой напоминают по форме звериные головы» **(рис. 168–206)**. Я. Петерсен подчеркивал, что «тип неоднороден: перекрестья могут быть меньших размеров, а головка навершия

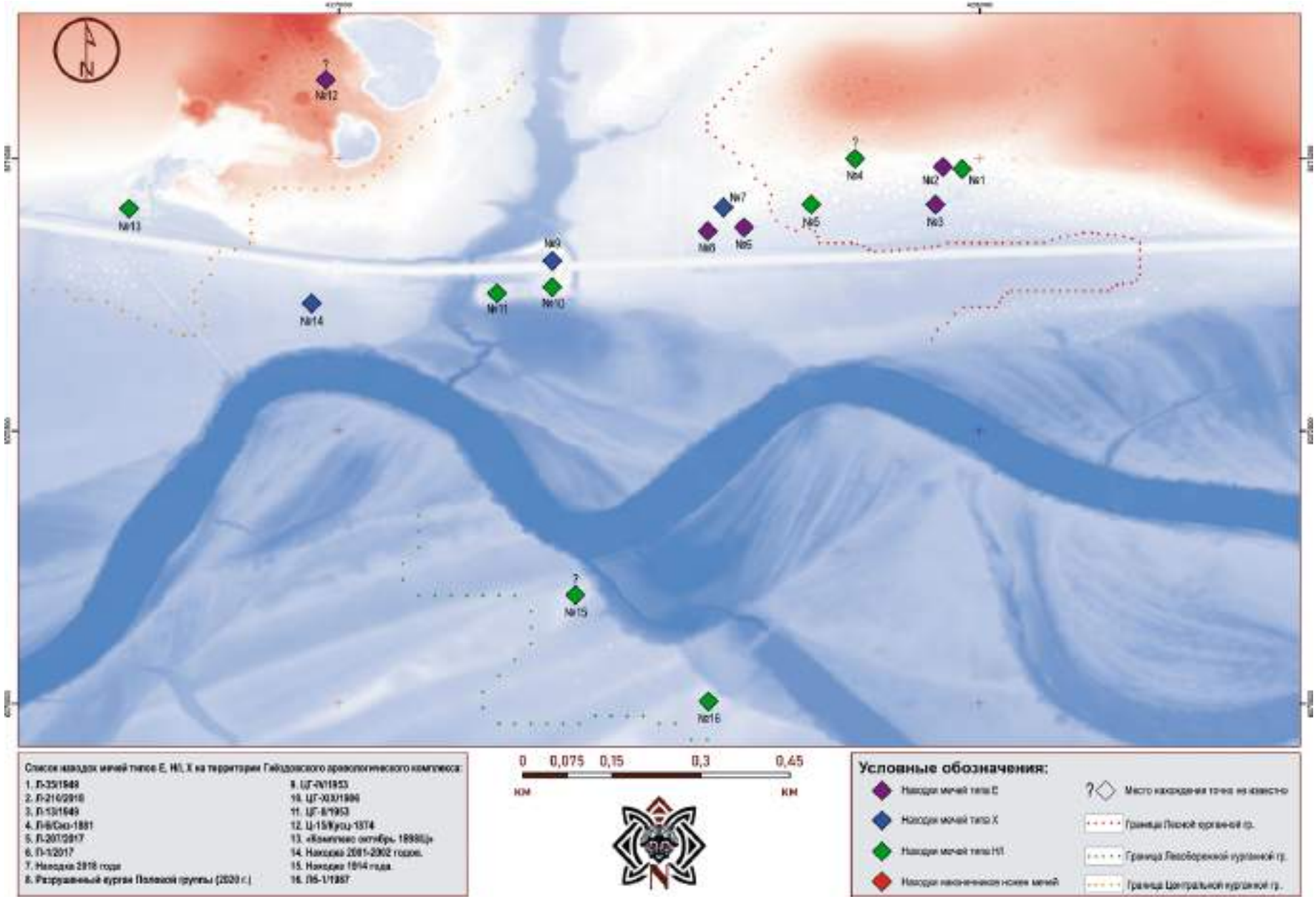


Рис. 167. Карта находок мечей типов Е, Н/I, Х на территории Гнёздовского археологического комплекса.

может утратить как свои выразительные формы, так и трехчастность» (*Петерсен*, 2005. С. 111). Навершия у мечей типа Е двусоставные, обе части крепятся на черене клинка[66]. Я. Петерсен считал, что мечи типа Е развиваются из мечей типа D.

Отличительной чертой мечей этого типа является наличие на фронтальных поверхностях перекрестия и навершия орнаментальных углублений круглой, овальной (листовидной) или квадратной формы. На основании анализа характера и группировки орнаментальных углублений, прослеженных на древнерусских находках, было предложено разделить этот тип на четыре варианта[67] **(рис. 168)** (*Каинов*, 2001. С. 56–58):

• вариант 1 (Е-1) характеризуется простой ячеистой орнаментацией, круглые ячейки, диаметром около 1,5–3 мм, расположены в шахматном порядке в 5–9 рядов[68];

• вариант 2 (Е-2) – ячейки круглые, диаметром около 3–4 мм, расположены в шахматном порядке в пять рядов. Основное отличие – дополнительная орнаментация ячеек. Во внутренних каналах между ячейками проложены проволочные жгутики таким образом, что в крайних рядах ячеек образуются петли, а во внутренних жгутики перекрещиваются;

• вариант 3 (Е-3) – ячейки овальной (листовидной) формы, расположены в виде трёх- или четырёхлистников;

• вариант 4 (Е-4) – ячейки круглой формы, сгруппированы в ромбы. Между ромбами на перекрестии и основании навершия расположены инкрустированные ступенчатые треугольники.

До работ 2017–2020 гг. в Гнёздове было известно три меча типа Е, еще один отнесен к этому типу предположительно (*Kainov*, 2012. S. 19–25, 60). Два меча найдены в погребениях по обряду трупосожжения – курганы Ц-15/Кусц-1874, Л-13/1949).

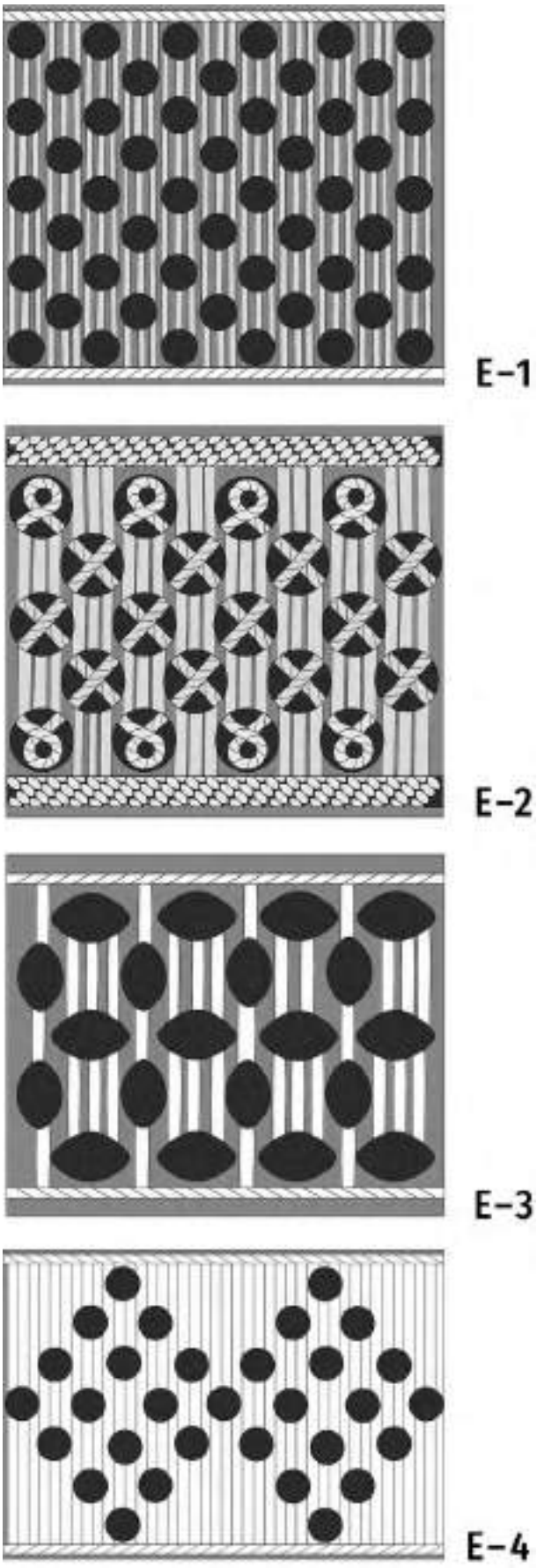


Рис. 168. Варианты типа Е (рисунок С. Ю. Каинова).

---

66 Конструктивный тип I по А. Гайбигу или тип Ic по И. Хошеку – И. Коште – П. Жаковскому.

67 Более дробное деление этого типа на варианты и подварианты было предложено Ф. А. Андрощуком (*Зоценко*, 2004. С. 100–101). Но в монографии 2013 г., посвященной мечам эпохи викингов, найденным в Швеции, Ф. А. Андрощук предпочел использовать деление на варианты, предложенное в статье С. Ю. Каинова (*Андрощук*, 2013. С. 50).

68 В большинстве случаев количество рядов нечетно – 5, 7 или 9. Но известны экземпляры, на основании наверший и перекрестиях которых нанесено по 6 рядов круглых ячеек (например, меч из собрания Оружейной палаты Московского Кремля – *Кирпичников, Каинов*, 2001. С. 169. Рис. 1).

Обломок еще одного такого изделия найден при несанкционированных работах предположительно летом 2001 г. на территории северо-восточной части центрального селища. Состояние клинка и черена в районах слома свидетельствует, что меч мог быть согнут и сломан еще в древности. Наиболее вероятно, что данный обломок меча происходит из разрушенного погребения по обряду трупосожжения Полевой курганной группы.

По сообщению В. И. Сизова, в коллекции графини П. С. Уваровой находился меч, найденный в гнёздовских курганах (*Сизов*, 1902. С. 69). Из описания В. И. Сизова: «Сделанные из железа крыж и верхушка рукояти меча графини Уваровой украшены были бронзовой накладной пластинкой с точечным орнаментом; такой же орнамент встречается на рукояти, найденной г. Кусцинским», – можно предположить, что детали рукояти меча относились к типу Е и были инкрустированы проволокой жёлтого металла (*Сизов*, 1902. С. 70). В настоящее время местонахождение этого меча неизвестно.

Основные метрические данные мечей типа Е, найденных в Гнёздове, приведены в таблице:

Меч из раскопок М. Ф. Кусцинского дошел до нас в целом виде и отличается хорошим состоянием как клинка, сохранившего заточку лезвий, так и деталей рукояти **(рис. 169, *1*; 170)**. Клинок меча из кургана Л-13/1949 сломан на две части **(рис. 169, *2*; 171)**. От третьего меча сохранилась только верхняя часть клинка с перекрестием и частью черена клинка **(рис. 169, *5*; 172)**. Только меч из кургана Ц-15/Кусц-1874 полностью отреставрирован. На клинке меча из кургана Л-13/1949 расчищены зоны клейм. Фрагмент третьего меча в настоящее время недоступен.

Оба сохранившихся клинка по форме можно отнести к типу 3 по типологии А. Гайбига или к группе *{a2}* по типологии И. Хошека – И. Кошты – П. Жаковского.

Особенности оформления ячеистой орнаментации позволяют отнести мечи из кургана Ц-15/Кусц-1874 и разрушенного кургана Полевой группы к варианту Е-1, а меч из кургана Л-13/1949 – к варианту Е-2.

На фронтальных поверхностях перекрестий и оснований наверший мечей из кургана Ц-15/Кусц-1874 и разрушенного комплекса с территории

Место находки и год находки	Общая длина, *мм*	Длина клинка, *мм*	Длина дола, *мм*	Ширина дола у перекрестия, *мм*	Ширина клинка у перекрестия, *мм*	Толщина клинка у перекрестия, *мм*	Длина перекрестия, *мм*	Высота перекрестия, *мм*	Ширина перекрестия, *мм*	Длина хвата рукояти, *мм*	Общая высота навершия, *мм*	Длина основания навершия, *мм*	Высота основания навершия, *мм*	Ширина основания навершия, *мм*	Длина головки навершия, *мм*	Высота головки навершия, *мм*	Ширина головки навершия, *мм*	Вес, *кг*
Курган Ц-15/Кусц-1874	ок. 985	820	770	26	64	5	94/99	22	25/31	88	57	78/84	22	25/30	80	36	26	1,6
Курган Л-13/1949	ок. 990	ок. 800	ок. 74	20	63	6	99/105	27	26/33	ок. 95	64	84/89	28	29/33	80	36	28	–
Центральное селище / разр. мог-ик, 2001, перекрестие и часть клинка	205	–	–	ок. 20	62	7	97/100	24	28/31	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Разрушенный курган П-1/2017	ок. 955	795	745	24	57	–	91/95	22	32/37	› 83	56	77/83	23	33/37	79	33	33	1,69
Курган Л-210/2018	ок. 955	780	735	23	57	5	92/97	23	30/34	89	58	75/81	23	30/34	74	35	30	1,43
Центральное селище / разр. мог-ик, 2020, навершие	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	58	78/86	23	23/29	80	35	27	0,43

Рис. 169. Мечи типа E, найденные в Гнёздове в 1874–2020 годах. *1* – курган Ц-15/Кусц-1874; *2* – курган Л-13/1949; *3* – разрушенный курган П-1/2017; *4* – курган Л-210/2018; *5* – Центральное селище, разрушенный курган (?) Полевой группы, 2001/2020.

Полевой группы ячейки круглой формы (диаметром около 2 мм в первом случае и 2–3 мм – во втором) расположены в шахматном порядке в девять и семь рядов соответственно. Меч из кургана Л-13/1949 отличается крупными круглыми ячейками диаметром 4,0–4,2 мм, расположенными на основании навершия и перекрестии в пять рядов в шахматном порядке. Между собой ячейки

Рис. 170. Меч варианта Е-1 из кургана Ц-15/Кусц-1874: *1* – общий вид; *2* – рукоять. Фотография по: Меч и златник, 2012. С. 84. № 189.

Рис. 171. Меч варианта Е-2 из кургана Л-13/1949: *1* – общий вид; *2* – рукоять. Фотографии по: *Kainov*, 2012. Fig. 13.

Рис. 172. Меч варианта Е-1, вероятно, из разрушенного кургана Полевой группы.

Рис. 173. Внутренние каналы для серебряного жгутика на перекрестии меча из кургана Л-13/1949.

соединены внутренними каналами диаметром около 2 мм **(рис. 173)**, в которые пропущен жгутик, свитый из двух гладких серебряных проволочек. Укладка жгутика аналогична прослеженной для меча из кургана Л-210/2018 – в крайних рядах ячеек жгут уложен в виде петли, в остальных он перекрещивается. В своем первоначальном виде проволочная укладка сохранилась только на основании и центральной части головки навершия. На перекрестии сохранность укладки фрагментарная.

Ячеистая орнаментация полностью покрывает центральную часть головки навершия у мечей из курганов Ц-15/Кусц-1874 и Л-13/1949. На боковых частях головки навершия первого меча по 15 ячеек сгруппировано в треугольные фигуры, у второго – ячеистая орнаментация на этих частях отсутствует.

Хорошая сохранность и подвижность деталей навершия меча из кургана Ц-15/Кусц-1874 позволяет изучить скрытые части основания и головки навершия. Внутренняя полость в головке навершия с гладкой поверхностью, без следов работы зубилом **(рис. 174)**. Качество обработки и, видимо, технология изготовления детали схожа с головкой навершия меча из кургана Л-210/2018. На торцевых сторонах головки навершия расположены круглые углубления (диаметром 2–3 мм) для несохранившихся штифтов, закрепленных на верхней торцевой стороне основания навершия (см. **рис. 174**). Аналогичные штырьки являлись конструктивным элементом навершия меча из кургана Л-210/2018, предотвращая смещение основания и головки навершия относительно друг друга в горизонтальной плоскости. Кроме того, на торцевой стороне головки навершия меча из кургана Ц-15/Кусц-1874 хорошо видны пропилы под несохранившиеся жгутики, изначально расположенные в углублениях, делящих деталь на три части.

По краям торцевых плоскостей перекрестия и основания навершия расположено по два железных штырька диаметром около 0,9–1,0 мм и длиной 2,0–2,5 мм, вставленных в круглые отверстия диаметром 1,5 мм **(рис. 175)**. Вокруг каждого из них видны 4–5 округлых углублений, видимо, предназначенных для более плотного закрепления штырьков **(рис. 176)**.

Подобные штырьки, диаметром 1,5–2,0 мм, удалось проследить и на торцевой плоскости перекрестия, обращенной к клинку, меча, найденного на селище и предположительно происходящего из разрушенного кургана.

На торцевой плоскости основания навершия меча из кургана Л-13/1949 при помощи шести серебряных заклёпок была закреплена серебряная пластина толщиной около 0,5 мм **(рис. 177)**. По краю пластины расположен гравированный

Рис. 174. Внутренняя полость и отверстия для штифтов на головке навершия меча из кургана Ц-15/Кусц-1874. Фотография – И. Разыграев.

Рис. 175. Штырьки для крепления головок декоративных заклепок на перекрестии меча из кургана Ц-15/Кусц-1874. Фотография – И. Разыграев.

орнамент в виде ленты со ступенчатой плетёнкой. Углубленная часть орнамента заполнена составом, визуально определяемым как чернь. От крепления подобных пластин на торцевых сторонах перекрестия сохранились отверстия (по 6 отверстий на каждой плоскости) под заклёпки. Крепёжные отверстия были окружены 4–7 округлыми углублениями, обеспечивающими фиксацию серебряных штырьков, крепивших пластины[69].

Фронтальные поверхности всех мечей покрыты инкрустацией серебряной проволокой. Плотность всечки на деталях меча из кургана Ц-15/Кусц-1874 – 25 проволочек на 1 см[70] **(рис. 178)**, Л-13/1949 – 12–13 проволок на 1 см (см. **рис. 173**), третьего меча – от 15 до 20 проволочек на 1 см **(рис. 179)**.

На клинках всех трех мечей выявлены клейма. В верхней части клинка меча из кургана Ц-15/Кусц-1874 на обеих сторонах находились клейма, выполненные простой железной проволокой: на одной стороне **+ULFBERH+T**, на другой – ком-

69 То есть сначала на торцевые плоскости закреплялись серебряные штырьки, на которые затем через отверстия надевалась серебряная пластина. Торчащие концы штырьков расклепывались.

70 Это единственный известный нам меч типа E с такой высокой плотностью всечки.

позиция из вертикальных полос и двух омегообразных знаков **(рис. 180, *1*)**. На клинке меча из кургана Л-13/1949 клейма выполнены дамаскированной проволокой – на одной стороне фигура человека (?), на другой два костыльковых креста (один сохранился фрагментарно) между которыми расположена спираль[71] **(рис. 180, *2*)**. На обломке меча из разрушенного кургана клеймо обнаружено только на одной стороне – одиночный омегообразный знак, выполненный из простой недамаскированной проволоки **(рис. 180, *3*)**.

Высказанные в предыдущей главе предположения позволяют датировать погребальные комплексы курганов Ц-15/Кусц-1874 и Л-13/1949 концом IX – первой четвертью X в.

Датировать обломок меча с территории селища сложно. Два обломка меча – фрагмент клинка с перекрестием и навершие – обнаружены на одном поле в 2001 и 2020 году соответственно. Они имеют схожие размерные характеристики и характер инкрустации (металл и плотность укладки). В этой связи мы можем с большой долей уверенности предполагать, что фрагменты принадлежат одному мечу **(рис. 181)**. Как уже было сказано, оба фрагмента предположительно происходят из одного разрушенного кургана Полевой группы, нижняя хронологическая граница которой пока определяется предложенной датировкой кургана П-1 – 860–880 гг., верхняя – в пределах третьей четверти X в.

Рис. 176. Углубления, нанесенные для закрепления штырьков на перекрестии меча из кургана Ц-15/Кусц-1874.

Рис. 177. Серебряная гравированная пластина на торце основания навершия меча из кургана Л-13/1949. Фотография по: *Kainov*, 2012. Fig. 14.

Таким образом, за весь период с 1874 по 2020 г. в Гнёздове найдено не менее пяти мечей типа E, если принимать версию о принадлежности двух фрагментов, найденных на территории северо-восточной части селища, одному мечу. Вероятно, к этому же типу относится и меч, кратко упомянутый В. И. Сизовым как хранящийся в собрании графини Уваровой.

На территории Восточной Европы (Беларусь, Россия[72], Украина) с учетом находок в Гнёздове, по нашим данным, обнаружено не менее 26 мечей типа E (см.: **рис. 182; табл.** на с. 167–168). Из них

71 В работе представлена новая прорисовка клейм этого меча, в деталях отличающаяся от представленной в книге А. Н. Кирпичникова (*Кирпичников*, 1966а. Табл. XVIII, *7*).

72 Мечи, происходящие с территории Калининградской области РФ, в этих подсчетах не учитываются.

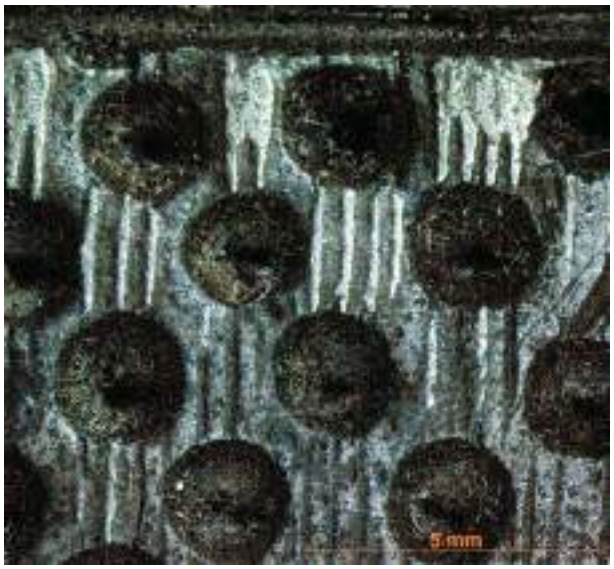
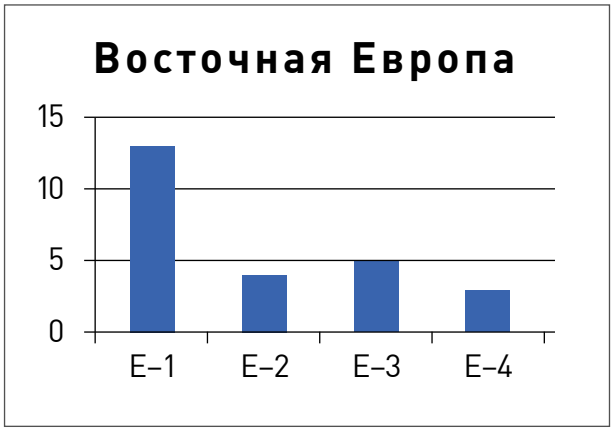


Рис. 178. Инкрустация на основании навершия меча из кургана Ц-15/Кусц-1874.

Рис. 179. Инкрустация на перекрестии меча, вероятно происходящего из разрушенного кургана Полевой группы.

к варианту E-1 относится 13 находок, к E-2 – 4, к E-3 – 5, к E-4 – 3. Еще один меч, предположительно отнесенный к типу E, известен только по описанию, не позволяющему установить его вариант.



Определение территории Древней Руси применительно к раннему периоду ее истории – вопрос сложный. Письменные источники не позволяют уточнить ни характер зависимости тех или иных поселений или территорий от центральной власти, ни саму степень централизации (особенно в конце IX – первой половине X в.). На памятниках, которые традиционно связывают с так называемой дружинной культурой Древней Руси X в., найдено не менее 11 мечей типа E – Гнёздово (6 (5+1?)), Киев (1), Михайловское (1), Рокот (1), Сарское (1), Тимерево (1).

Наиболее многочисленны мечи типа E-1 – 13 экз.[73] **(рис. 183–185)**. С погребальными памятниками уверенно можно связать 5 находок, с поселениями – только 2 (1+1?)[74], обстоятельства обнаружения еще 6 мечей неизвестны или неясны. Находки представлены как целыми экземплярами, так и обломками и отдельными деталями. У трех мечей отсутствует головка навершия (см. **рис. 183, *3, 4*; 184, *3***). Причем в двух случаях черен клинка был укорочен и расклепан на верхнем торце основания навершия. У меча из кургана у д. Рокот (см. **рис. 183, *4***) черен клинка сохранился на полную длину, что позволяет предположить, что головка навершия была утрачена в ходе совершения погребального обряда. Основание навершия у мечей с Билярского городища (?) и из Гнёздова (2017 г.) было поставлено в перевернутом виде, т. е. детали рукояти переустанавливали на новом клинке или на отремонтированном старом. При этой переделке, по всей видимости, был укорочен черен клинка у меча с Билярского городища (?).

Таким образом, минимум на трех мечах типа E-1 фиксируется перемонтировка деталей, в результате которой в двух случаях был укорочен черен клинка и в двух случаях – переставлено ос-

73 Только восемь мечей из тринадцати удалось изучить *de visu*, остальные известны только по изображениям, что сильно сократило количество и качество полученной информации.

74 Сарское городище и предположительно Биляр.

№ п/п	Место находки	Вариант	Источник информации	Место хранения	Рисунок
1	Биляр (?)[а] (Татарстан, РФ)	E-1	*Кирпичников*, 1966а. С. 33. Рис. 8, *2*	ГИМ	183, *3*
2	Гнёздово (курган Ц-15/1874) (Смоленская обл., РФ)	E-1	*Kainov*, 2012. P. 21	ГИМ	171
3	Гнёздово (курган П-1/2017) (Смоленская обл., РФ)	E-1	*Новиков, Зазовская*, 2021. P. 286. Рис. 2, *1*	ГИМ	95
4	Гнёздово (разрушенный курган?), Полевая курганная группа?)[б] (Смоленская обл., РФ)	E-1	*Kainov*, 2012. P. 60	?	157, 172
5	Михайловское (курган 18/1897) (Ярославская обл., РФ)	E-1	*Недошивина*, 1963. С. 55	ГИМ	185
6	«Новгородская губ.» (Юго-Восточное Приладожье?, РФ)	E-1	*Каинов*, 2008. Рис. 2, *5*	?	184, *3*
7	Ратчино (разрушенное погребение?) (Ленинградская обл., РФ)	E-1	*Михайлова и др.*, 2016. Рис. 6, *2*[в]	?	183, *1*
8	Рокот (разрушенный курган) (Смоленская обл., РФ)	E-1	*Кирпичников*, 1966а. Табл. VI, *1*	СГМЗ	183, *4*
9	Сарское (Ярославская обл., РФ)	E-1	*Каинов*, 2011	ГМЗРК	184, *2*
10	Ур. Плоское-Яковенково (разрушенное погребение)[г] (Донецкая обл.)	E-1 (?)[д]	*Сібільов*, 1950. С. 102; *Гопак, Дьяченко*, 1984; *Дедов, Швецов*, 1987; *Кравченко*, 2020. С. 204	СГИАЗ[е]	184, *1*
11	Украина, отдельная головка навершия	E-1	–[ж]	?	184, *5*
12	Хотин (разрушенное погребение) (Черновицкая обл., Украина)	E-1	*Кирпичников*, 1992. Рис. 14, *1*; *Зоценко*, 2004. С. 100	МЗКМ	184, *4*
13	Юго-Восточное Приладожье (?) (разрушенный курган?) (Ленинградская обл., РФ)	E-1	*Кирпичников, Каинов*, 2001; *Новоселов*, 2019. С. 35–36	ОПМК	183, *2*
14	Гнёздово (курган Л-13/1949) (Смоленская обл., РФ)	E-2	*Kainov*, 2012. P. 21–25	СГМЗ	171
15	Гнёздово (курган Л-210/2018) (Смоленская обл., РФ)	E-2	*Мурашева, Каинов*, 2020. С. 121	ГИМ	132
16	Усть-Рыбежно (курган XIX) (Ленинградская обл., РФ)	E-2	*Кирпичников*, 1966а. Табл. I, *2*	ГИМ	186, *1*
17	Украина	E-2 (?)	–[з]	?	186, *2*
18	Гавриково[и] (Пермский край, РФ)	E-3	*Данич*, 2012. С. 82, 102. Рис. 6, *58*	ЧКМ[к]	190, *4, 5*
19	Залахтовье (курган 131) (Псковская обл., РФ)	E-3	*Хвощинская*, 2004. С. 93. Табл. XXIX, *9*	ГМИСПб	190, *2*
20	Киев (курган 117[л]) (Украина)	E-3	*Андрощук, Зоценко*, 2012. С. 56	НМИУ	190, *1*
21	Сморгонь (разрушенное погребение?)[м] (Гродненская обл., РБ)	E-3	«Краіна Беларусь. Вялікае Княства Літоўскае. Ілюстраваная гісторыя». 2012. С. 32.	?	190, *3*
22	Украина, отдельное перекрестие	E-3	–[н]	?	190, *6*
23	Балымеры (курган) (Татарстан, РФ)	E-4	*Штукенберг*, 1892. С. 155–160	?	193
24	Тимерево (курган) (Ярославская обл., РФ)	E-4	*Кирпичников, Дубов*, 1982. С. 150–152	ЯМЗ	192
25	Юго-Восточное Приладожье (?) (Ленинградская обл., РФ)	E-4	–[о]	?	194
26	Гнездово (курган?) (Смоленская обл., РФ)	?	*Kainov*, 2012. P. 60	?	–

Примечания: ***а*** – в Главной инвентарной книге Исторического музея меч записан как входящий в коллекцию «древностей, найденных при подымании нови под лен на поле около с. Старо-Альметьево и Ново-Альметьево, Чистопольского у., Казанской губ., при истоках р. Мурасы». Меч поступил в собрание музея в марте 1897 г. в дар от П. И. Сизова. Но И. Л. Измайлов предполагает, что меч происходит с городища Биляр, а вся коллекция, якобы найденная при распашке у сел Старое и Новое Альметьево, собрана на Билярском городище скупщиками древностей из села Старое Альметьево (*Измайлов*, 1997. С. 34); ***б*** – комплектность этого меча установлена предположительно; ***в*** – меч происходит из несанкционированных раскопок. Благодарим И. В. Стасюка за предоставленную информацию; ***г*** – нам кажется очень вероятной версия, предложенная Э. Е. Кравченко, о тождественности меча, найденного в 30-х гг. XX в. в разрушенном погребении в урочище Плоское-

Яковенково между селами Пришиб и Татьяновка Донецкой области и меча, якобы найденного в 1977 г. на горе Артема около с. Татьяновка (*Сібільов*, 1950. С. 102; *Гопак*, *Дьяченко*, 1984; *Андрощук*, *Зоценко*, 2012. С. 315; *Кравченко*, 2020. С. 204); ***д*** – поверхность деталей рукояти не расчищена, и, возможно, после реставрации определение варианта будет скорректировано; ***е*** – благодарим А. Ю. Щедрину за указание места хранения находки; ***ж*** – точное место находки неизвестно. Фотография предмета зафиксирована в социальных сетях; ***з*** – меч происходит из кладоискательских раскопок и известен по фотографиям из социальных сетей; ***и*** – в книге *Белавин А. М.* Камский торговый путь. Пермь. 2000. С. 152–153 упомянуто перекрестие от меча, аналогичное найденному у д. Гавриково и происходящее из д. Модоровой (Модороб?). К сожалению, никакой дополнительной информации или изображения перекрестия найти не удалось; ***к*** – благодарим А. В. Данича за информацию о месте хранения меча; ***л*** – курган 117 по нумерации М. К. Каргера, погребение А16 по Каталогу погребений X в. Киева В. Г. Ивакина (*Каргер*, 1958. С. 190–191; *Ивакин*, 2011. С. 35); ***м*** – меч происходит из кладоискательских раскопок, известен по фото в книге, где обозначен как найденный «паблізу Смаргоні» («Краіна Беларусь. Вялікае Княства Літоўскае. Ілюстраваная гісторыя». 2012. С. 32). Благодарим Е. В. Власовца за указание на эту находку; ***н*** – точное место находки неизвестно. Фотография предмета зафиксирована на кладоискательском форуме; ***о*** – находка происходит из кладоискательских раскопок. По фотографиям известен набор деталей рукояти.

нование навершия[75]. Если удаление головки навершия и более короткий черен клинка можно объяснить переделкой после слома черена либо попыткой изменить весовой баланс меча, то необходимость переустановки основания навершия в перевернутом виде при сохранении комплектности деталей объяснения пока не находит.

Фронтальная поверхность деталей рукояти всех мечей была покрыта ячеистым орнаментом. Во всех случаях ячейки круглой формы, за исключением меча, найденного на Сарском городище, где ячейки имели квадратную форму[76] (*Каинов*, 2011). На фронтальных поверхностях оснований наверший и перекрестий ячейки располагались в шахматном порядке в 9 рядов (1 экз.), 7 рядов (6 экз.), 6 рядов (1 экз.), 5 рядов (2 экз.). Ячейки покрывали всю центральную часть головки навершия у семи мечей и в одном случае формировали ромбовидную фигуру. На боковых частях головки навершия ячейки отсутствовали в одном случае, формировали треугольную или ромбовидную фигуру (по три случая).

Фронтальные поверхности деталей рукояти между ячейками были покрыты всечной инкрустацией в виде вертикальных полос. У двух мечей (без учета найденных в 2017–2020 гг.) она была желтого цвета (Биляр (?), Сарское), у четырех – белого цвета (Ц-15/Кусц-1874, Гнёздово (разрушенный курган?), Рокот, Юго-Восточное Приладожье (?)). На мече с Сарского городища боковые части головки навершия были инкрустированы желтым металлом в виде перекрещивающихся полос, формирующих диагональную сетку.

Кроме уже описанных гнёздовских мечей, плотность инкрустации определена для меча с Сарского городища (около 10 проволочек на 1 см) и для меча, предположительно найденного в Юго-Восточном Приладожье и хранящемся в Оружейной палате Московского Кремля (10–12 на 1 см). На этом же мече на ребрах, подчеркивающих разделение головки, зафиксированы инкрустированные серебряно-медные жгутики, ранее отмеченные на выступающих ребрах навершия меча из кургана Л-210/218 и навершия, найденного в 2020 г.

На открытом верхнем торце основания навершия меча из Рокота расположен один штифт высотой и диаметром около 2 мм. От второго штифта сохранилось только отверстие, где он был когда-то закреплен. Аналогичные штифты находились на основаниях наверший мечей из гнёздовских курганов Ц-15/Кусц-1874 и Л-210/2018. Штифты входили в отверстия в основании головки навершия и предотвращали разбалтывание деталей относительно друг друга в горизонтальной плоскости.

На боковых частях торцевых плоскостей перекрестий и нижних торцах оснований наверший трех мечей (Ц-15/Кусц-1874, Гнёздово (разрушенный курган?), Рокот) зафиксированы железные штырьки или их остатки. Визуальное обследование

75 Было ли перевернуто основание навершие у меча из «Новгородской губернии» (см. **рис. 184, *3***) неизвестно, так как сам меч пока не обнаружен.

76 Меч с Сарского городища включен в этот вариант предварительно. Оригинальность его орнаментации служит основанием для выделения этого меча в отдельный вариант или подвариант (*Каинов*, 2011). Помимо отмеченной квадратной формы ячеек, от других мечей типа Е сарский меч отличает сетчатая орнаментация боковых частей головок, бусинная проволока, закрывающая сочленение головки и основание навершия и диагональные канавками, соединяющие углы ячеек. Инкрустация в этих канавках отсутствует и пробиты они были уже после нанесения инкрустации (*Каинов*, 2011. С. 148–149. Рис. 1–9).

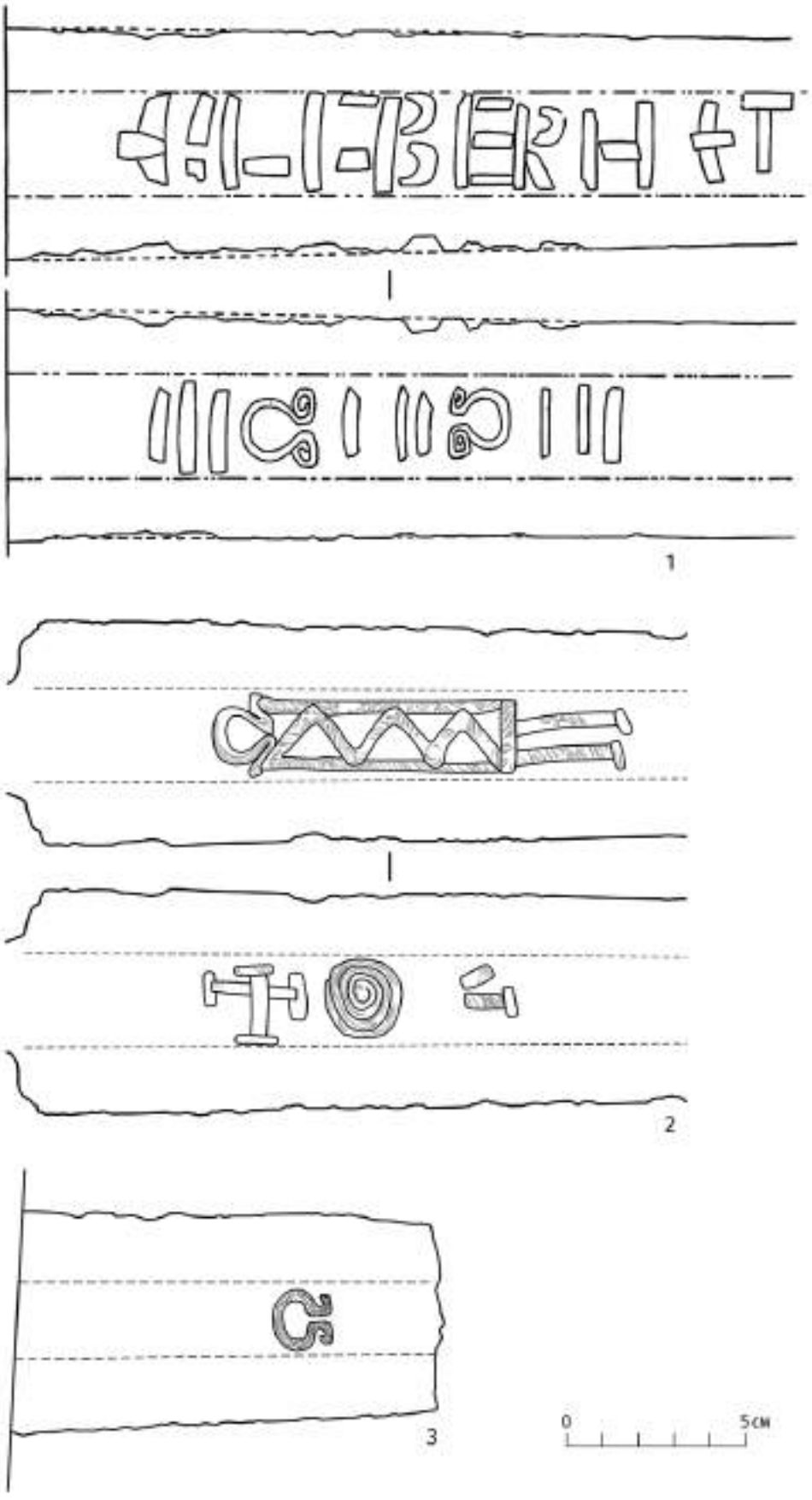


Рис. 180. Клейма на клинках мечей из курганов: *1* – Ц-15/Кусц-1874; *2* – Л-13/1949; *3* – Полевой группы (?) (рисунки: *1*, *3* – А. С. Дементьевой, *2* – С. Ю. Каинова).

позволяет утверждать, что подобных штырьков не было на мечах, найденных в Биляре, на Сарском городище, и, возможно, не было на мече, хранящемся в Московском Кремле. Из новых находок штифты отсутствовали на мече из кургана П-1/2017.

На торце основания навершия меча, предположительно найденного в ур. Плоское-Яковенково, сохранились фрагменты накладной пластины из медного сплава (?)[77]. Данная деталь у мечей варианта Е-1 ни разу не зафиксирована, но в то же время в единичном случае известна на мече варианта Е-2 (Гнёздово Л-13/1949).

Клейма выявлены на восьми мечах, включая три уже описанных из Гнёздова. Кроме меча из кургана Ц-15/Кусц-1874, к группе буквенных относятся еще три экземпляра. На мече из собрания Московского Кремля фиксируется хорошо сохранившаяся надпись, фланкированная двумя равноконечными крестами, – **+ULFBERHT+** (*Кирпичников, Каинов*, 2001. Рис. 2). На мече из кургана у д. Рокот клеймо **ULFBERHT** сохранилось фрагментарно, но, тем не менее, уверенно читается (*Кирпичников*, 1966. Табл XVI, *4*). На обратной стороне клинков этих двух мечей располагалось клеймо в виде «решетки». На мече с Сарского городища на одной стороне выявлено клеймо **+LUNVECIT+**, на другой – знак в виде развернутых горизонтально «песочных часов»[78], с каждой стороны фланкированных вертикальными столбиками (*Кирпичников*, 1992. С. 65. Рис. 4, *2*). На мече из Хотина на одной стороне клинка расположено клеймо, состоящее из буквообразных знаков, обрамленных вступительным и заключительным крестами (*Кирпичников*, 1992. С. 66. Рис. 4, *3*). С нашей точки зрения, набор изображенных знаков имел целью имитировать надпись **ULFBERHT.** С обратной стороны расчищено клеймо – дважды повторенный знак в виде развернутых горизонтально песочных часов, на пересечении диагоналей усложненных дополнительными элементами. Клеймо с обеих сторон фланкировано двумя вертикальными столбиками, такой же столбик нанесен между знаками.

Клейма в виде знаков, помимо двух вышеописанных гнёздовских мечей, выявлены на клинке меча, предположительно найденного на Биляр-

Рис. 181. Совмещение фрагментов, предположительно принадлежащих одному мечу и происходящих из разрушенного кургана Полевой группы (находки 2001 и 2020 годов).

ском городище *(Кирпичников*, 1966а. Табл. XVIII, *5*). С одной стороны – развернутый горизонтально S-видный знак с закрученными в спирали концами, с двух сторон которого расположены спирали с длинными «ножками». На другой стороне клинка – фрагментарно сохранившееся плохо читаемое клеймо.

Из комплексов с сохранившимся контекстом, кроме гнёздовских находок, происходит меч, найденный в кургане 18/1897 вместе с овальными фибулами типа 51k по типологии Я. Петерсена,

77 Благодарим за информацию А. Ю. Щедрину, обратившую внимание на эту деталь.

78 Этот знак можно рассматривать как не усложненную дополнительными элементами «решетку».

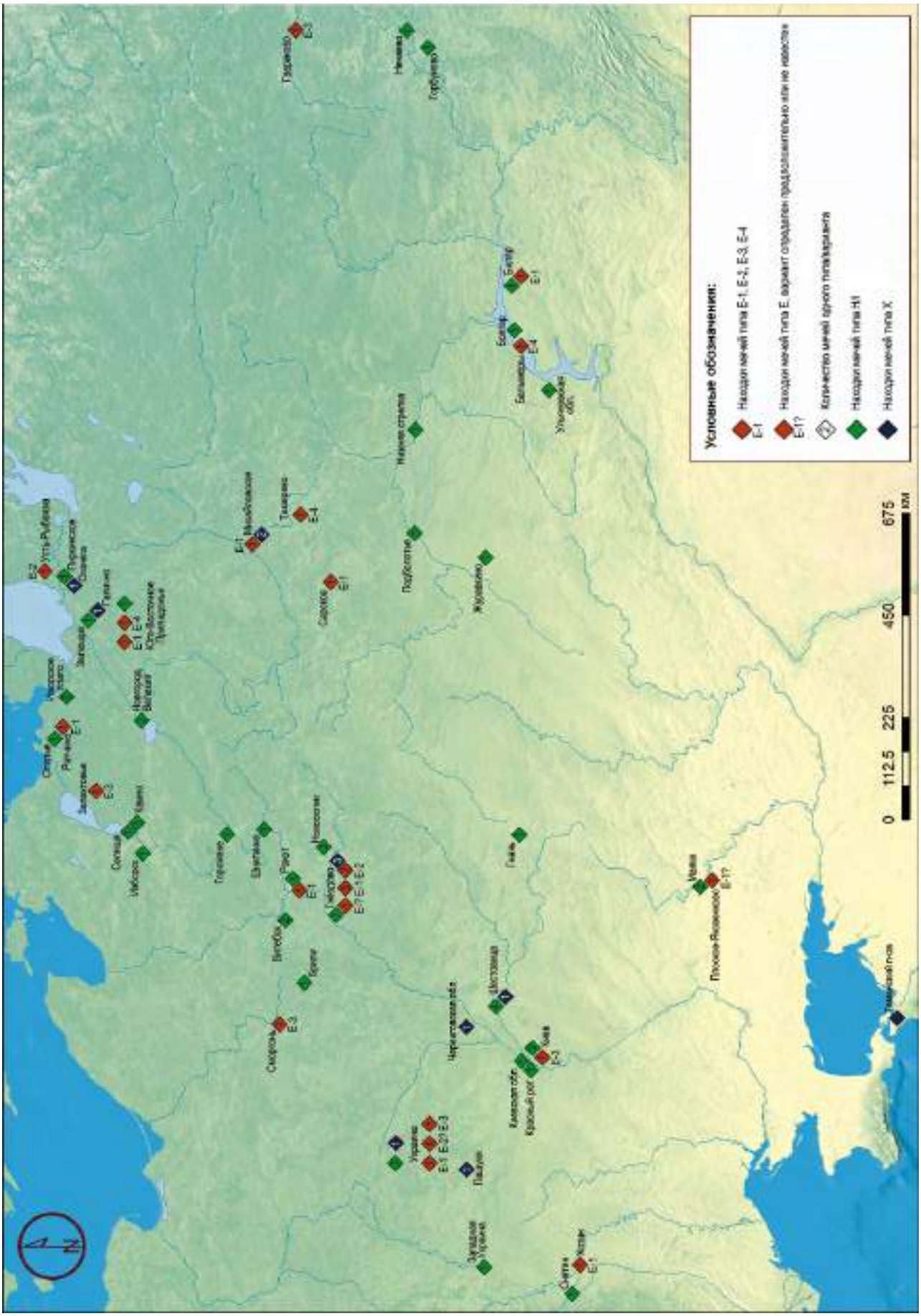


Рис. 182. Карта находок мечей типов E, H/I, X на территории Восточной Европы.

Рис. 183. Мечи варианта E-1 с территории Восточной Европы: *1* – Ратчино (Ленинградская обл., РФ); *2* – Юго-Восточное Приладожье (?) (Ленинградская обл., РФ); *3* – Биляр (?) (Татарстан, РФ); *4* – Рокот (Смоленская обл., РФ) (*2* – фотография по: *Новоселов*, 2019. С. 36–35).

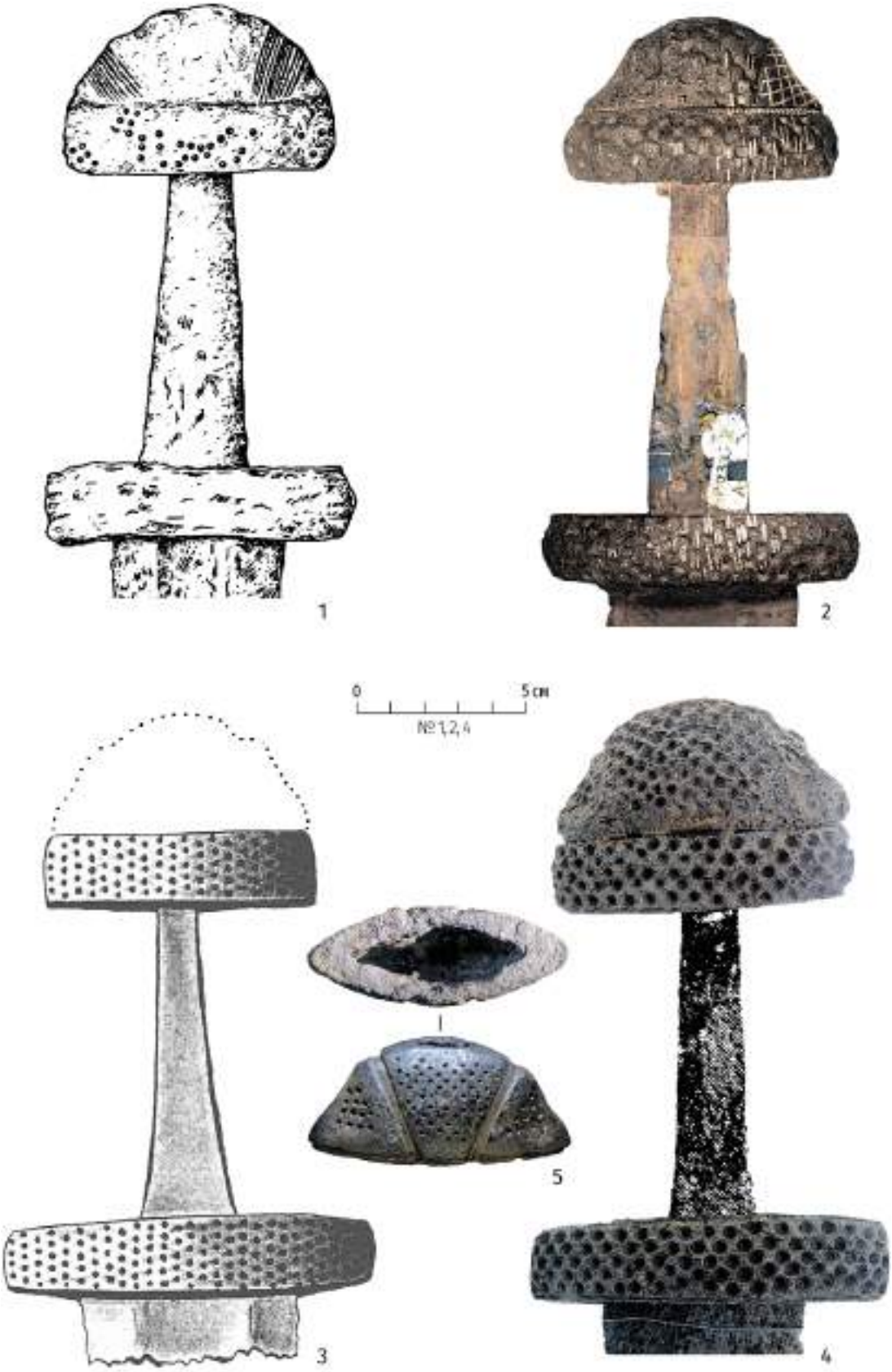


Рис. 184. Мечи варианта Е-1 с территории Восточной Европы: *1* – Ур. Плоское-Яковенково (Донецкая обл.); *2* – Сарское (Ярославская обл., РФ); *3* – «Новгородская губ.» (Юго-Восточное Приладожье ?, РФ); *4* – Хотин (Черновицкая обл., Украина); *5* – Украина (*1* – по: *Дедов, Швецов*, 1987. С. 262. Рис. 1; *3* – по В. В. Арендту (*Каинов*, 2008. Рис. 2, *5*)).

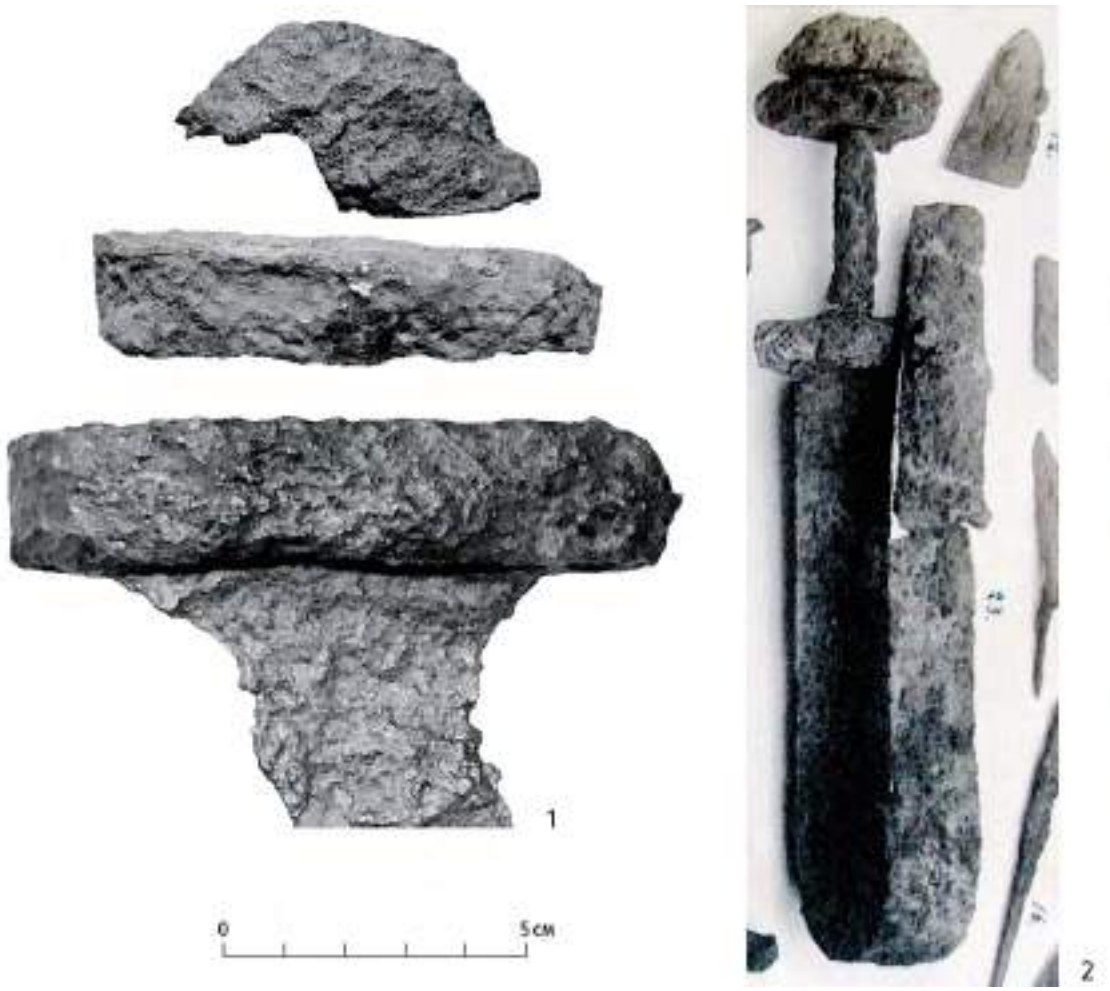


Рис. 185. Меч варианта E-1 из кургана 1897/18 Михайловского могильника (Ярославская обл., РФ): *1* – современное состояние; *2* – состояние на момент находки (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1897. Д. 52, л. 44).

относящимся ко второй половине X в. (*Фехнер*, 1963. С. 83. Табл. I; *Petersen*, 1928. P. 67–71). Меч, предположительно относящийся к варианту E-1 и, наиболее вероятно, происходящий из разрушенного погребения в урочище Плоское-Яковенково, найден вместе с пряжкой, наконечником копья и стременем (*Сібільов*, 1950. С. 103. Рис. 4). Последнее относится к типу I по типологии А. Н. Кирпичникова, характерному для IX–XI вв. (*Кирпичников*, 1973, С. 47). Предположительно меч, найденный на Сарском городище, может датироваться IX в. (*Каинов*, 2011. С. 149–150). Основаниями для этого послужила «сеточная» орнаментация боковых частей головки навершия и разделение верхней и нижней частей навершия бусинной проволокой, аналогии чему можно найти на мечах типа Mannheim, которые датируются второй половиной VIII – началом IX в. (*Thunmark-Nylen*, 1998. Taf. 221, *1, 2*; *Menghin*, 1980. Abb. 6, *1–4*).

К варианту E-2, кроме двух гнёздовских находок, относятся еще два меча, один из них предположительно. Первый меч найден в кургане XIX, раскопанном Н. Е. Бранденбургом в Юго-Восточном Приладожье у д. Усть-Рыбежно (сейчас Ленинградская обл., РФ) **(рис. 186, *1*)**. Второй меч обнаружен в ходе кладоискательских работ на территории Украины и известен по фотографиям, размещенным в интернете **(рис. 186, *2, 3*)**. Качество имеющихся в распоряжении фотографий не позволяет однозначно определять данную находку как подлинную и относить к варианту E-2[79]. Предметно изучен был только меч из Юго-Восточного Приладожья.

[79] Только большой диаметр ячеек служит основанием для определения меча как относящегося к варианту E-2. Но в то же время этот меч в некоторых деталях (количество рядов ячеек на перекрестии и основании навершия, ромб из ячеек (3×3) на головке навершия) схож с мечом из погребения «А» могильника Секешфехервар (Венгрия) (*Bakay*, 1967. Abb. 8, *1*). Венгерский меч разные исследователи от-

Рис. 186. Мечи варианта E-2 с территории Восточной Европы: *1* – Усть-Рыбежно (Ленинградская обл., РФ); *2*, *3* – Украина.

Конструктивно оба меча сохранились полностью, клинок и детали рукояти меча из Усть-Рыбежно имеют утраты и покрыты окислами.

На фронтальную поверхность деталей рукояти обоих мечей нанесена ячеистая орнаментация. Диаметр ячеек на приладожском мече – около 3 мм. Между собой ячейки соединены внутренними каналами, в которые пропущен жгутик, свитый из двух гладких серебряных проволочек. Как и на мечах из гнёздовских курганов Л-13/1949 и Л-210/2018, в краевых ячейках жгутик уложен в виде петель, в центральных – крест-накрест.

На мече из Усть-Рыбежно на перекрестии и основании навершия ячейки расположены в пять рядов в шахматном порядке, на мече с территории Украины – в три ряда. На центральной части головки навершия в обоих случаях ячейки формируют ромб: на приладожском мече – 5×5 ячеек, на украинском – 3×3 ячейки. На боковых частях головки навершия у обоих мечей ячейки отсутствуют.

Фронтальные поверхности деталей рукояти меча из Усть-Рыбежно покрыты вертикально расположенной всечной инкрустацией серебром. Плотность инкрустации – примерно 10–11 проволок на 1 см[80]. На центральной части головки навершия подобная инкрустация покрывает все пространство, не занятое ячейками.

Всечная (?) инкрустация располагалась также на торцевых сторонах перекрестия и основания

носят или к типу E или к типу T-1 по типологии Я. Петерсена (*Bakay*, 1967. P. 164; *Kovács*, 1995. P. 299). В рамках типологии Я. Петерсена мы склонны относить этот меч к типу T-1.

80 Оплавленность инкрустации под воздействием погребального костра не позволяет утверждать, было ли покрытие серебром сплошное или серебро чередовалось с железом.

навершия. Металл инкрустации сильно пострадал от воздействия погребального костра, и установить ее орнаментальные особенности в этих зонах нет возможности. Скорее всего, как и фронтальные поверхности, торцевые стороны были также покрыты серебром. Плотность канавок под всечку, нанесенных на железную основу деталей, составляет 10–11 канавок на 1 см. Четко прослеживаются одиночные гравированные линии, расположенные по всему периметру торцов на расстоянии примерно 2 мм от края деталей[81]. Было ли какое-то заполнение в гравированных линиях, установить пока не удалось.

На головке навершия меча из Усть-Рыбежно в одном из углублений, делящих деталь на три части, расположены плотно уложенные жгутики, свитые из двух серебряных проволок. Во втором разделителе жгутики не сохранились, но присутствует тонкая медносплавная пластина, покрывающая все пространство разделителя[82].

На клинке меча из Усть-Рыбежно выявлены клейма, представляющие собой композиции из символов (*Кирпичников*, 1966а. Табл. XVIII, *8*). На одной стороне – равноконечный крест с Т-образными окончаниями, фланкированный двумя омегообразными фигурами, на другой – два равноконечных креста с Т-образными окончаниями.

Комплекс кургана XIX у д. Усть-Рыбежно С. И. Кочкуркина датировала концом IX – началом X в., а О. И. Богуславский относил к 920–950 гг. (*Кочкуркина*, 1989. С. 106; *Богуславский*, 1991. С. 108). Но, по нашему мнению, курган датируется не ранее середины X в., а скорее несколько позже. Основанием для этого служит находка в том же погребении топора типа IV по типологии А. Н. Кирпичникова (*Бранденбург*, 1895. Табл. XIII, *7*). По своим пропорциям топор хотя и несколько отличается от классических образцов этого типа, тем не менее обладает основными его признаками: обух, снабженный щекавицами и обушными выступами, и оттянутое вниз лезвие[83]. По имеющимся в нашем распоряжении данным, кроме топора из Усть-Рыбежно к ранним образцам типа IV относятся находки из четырех курганов Гнёздовского некрополя (Л (Гл)-122/Сиз-1896–97; Л-56/1950; Ц-86/1963; ПОль-4/1978), двух курганов Шестовицкого могильника (73, 76) и из черниговского кургана «Черная могила» (*Каинов*, 2019б. С. 148). Погребальный обряд и сопровождающий инвентарь не позволяют датировать эти погребения ранее второй половины X в. В случае с курганом «Черная могила» не исключена и датировка в пределах первой четверти XI в. (*Шишлина и др.*, 2017. С. 399).

Три изученных меча варианта Е-2, помимо дополнительной орнаментации ячеек, отличались от основного количества мечей типа Е орнаментацией торцевых сторон перекрестия и основания навершия. Во всех случаях она была разной. У меча из гнёздовского кургана Л-13/1949 торцы были закрыты серебряными пластинами (сохранилась одна) с гравированной орнаментацией, заполненной чернью, на торцы меча из кургана Л-210/2018 был нанесен всечной орнамент геометрического характера, на мече из Усть-Рыбежно вся поверхность торцов была закрыта серебряной инкрустацией.

Ранее к варианту Е-2 относили и меч, найденный в кургане Гульбище (Чернигов, Украина) **(рис. 187)**. Но ряд особенностей позволяет пересмотреть эту атрибуцию (*Щедрина*, 2018. С. 26; *Каинов*, 2022. С. 50–51). Помимо характерных для варианта Е-2 признаков (жгутики внутри крупной ячеистой орнаментации, расположенной в шахматном порядке на фронтальных поверхностях деталей рукояти), у меча из Гульбища есть ряд особенностей, отличающих его как от варианта Е-2, так и в целом от мечей типа Е. Основное отличие состоит в гравированном по серебряной инкрустации орнаменте, расположенном на фронтальных и торцевых поверхностях деталей рукояти: контуры вокруг ячеек, плетенка на боковых частях головки навершия, гравировка на торцевых поверхностях и т. д. Не исключено, что гравированные линии изначально были заполнены чернью. На боковых частях головки навершия, где у большинства мечей типа Е располагались сгруппированные в ромбы или треугольники ячейки, у меча из Гульбища под коррозионными окислами просматриваются треугольные углубления. Удалось также проследить, что для укладки металла на боковых гранях перекрестия и основания навершия использовались горизонтально располо-

81 Гравировка по сплошной инкрустированной серебром поверхности станет характерной чертой для мечей типа Т-1.

82 Подобная деталь, насколько известно, ранее у мечей не фиксировалась.

83 С нашей точки зрения, вопросы о времени, месте и этапах сложения классической формы топоров типа IV требуют пристального внимания и дальнейшей разработки (см.: *Kotowicz*, 2018. P. 98–100).

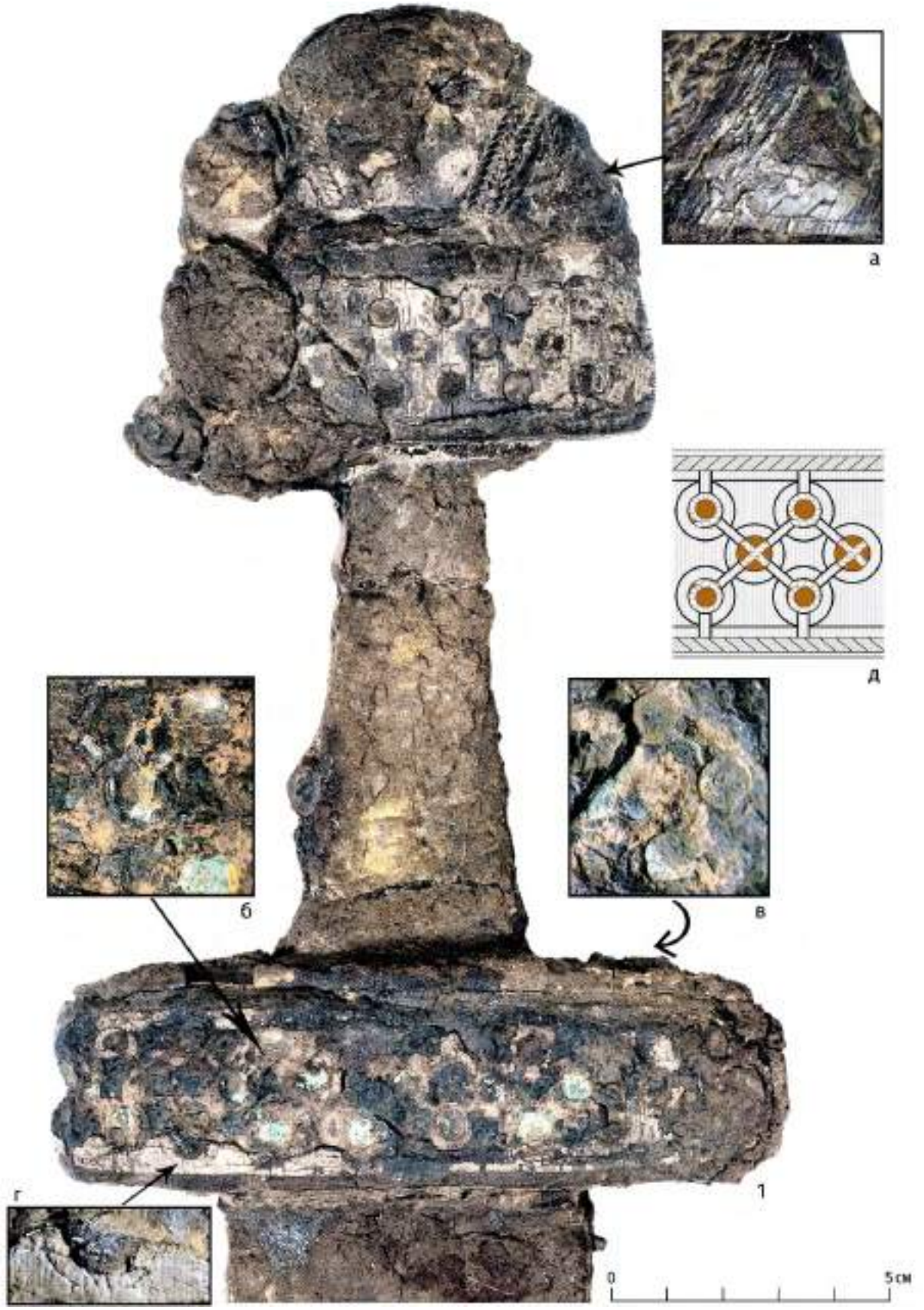


Рис. 187. Рукоять меча из кургана Гульбище (Черниговская обл., Украина) (*1*): *а* – оформление боковой части головки навершия; *б, в* – дно ячеек; *г* – орнаментация поверхности вокруг ячейки; *д* – вариант реконструкции орнаментации поверхности перекрестия и основания навершия (*1* – по: Меч и златник, 2012. С. 102. № 260; *д* – рисунок С. Ю. Каинова).

женные канавки, а на дне ячеек проложены тонкие пластины из медного сплава. К сожалению, сохранность меча не позволяет выявить все особенности, поэтому приведенные сведения и реконструкция орнаментации **(рис. 187, *д*)** носят отчасти предварительный характер. В том числе пока сложно утвердительно говорить о технологии нанесения инкрустации на поверхность деталей, но с учетом гравированного орнамента наиболее вероятна укладка инкрустации в технике *насечки*.

Использование гравированного орнамента по сплошному серебряному покрытию в сочетании с ячеистой орнаментацией, дополненной проложенной внутри проволокой, характерно для небольшой группы мечей, выделенных Я. Петерсеном в тип Т-1. В работе, посвященной детали меча этого варианта, хранящейся в Харьковском историческом музее (далее – ХИМ), А. Ю. Щедрина собрала информацию о мечах этого варианта (*Щедрина*, 2018). По ее данным, на территории Восточной Европы найдено не менее шести экземпляров мечей варианта Т-1, включая меч из Гульбища. В связи с мечом из Гульбища интерес представляют три из них, орнаментированные ячеистым орнаментом, расположенным рядами: меч из р. Днепр, меч (без навершия) из б. Спасского уезда Казанской губернии и основание навершия из ХИМа, происходящие с территории Харьковской обл. **(рис. 188)**. На перекрестиях и основаниях наверший ячейки нанесены в одном случае в три ряда, в двух случаях – в четыре ряда. На боковых частях головки навершия меча из Днепра фиксируются такие же треугольные углубления, как и у меча из Гульбища. Детали всех трех мечей монтировались на черен клинка, который проходил сквозь них и расклепывался на головке навершия. На верхнем, открытом торце основания навершия из ХИМа фрагментарно сохранились два отверстия для штифтов, которые располагались в торцевой части головки навершия. Металл на поверхность деталей рукояти уложен в технике *насечки*. Железная поверхность детали из ХИМа была насечена параллельными канавками, серебряная проволока уложена под углом к ним.

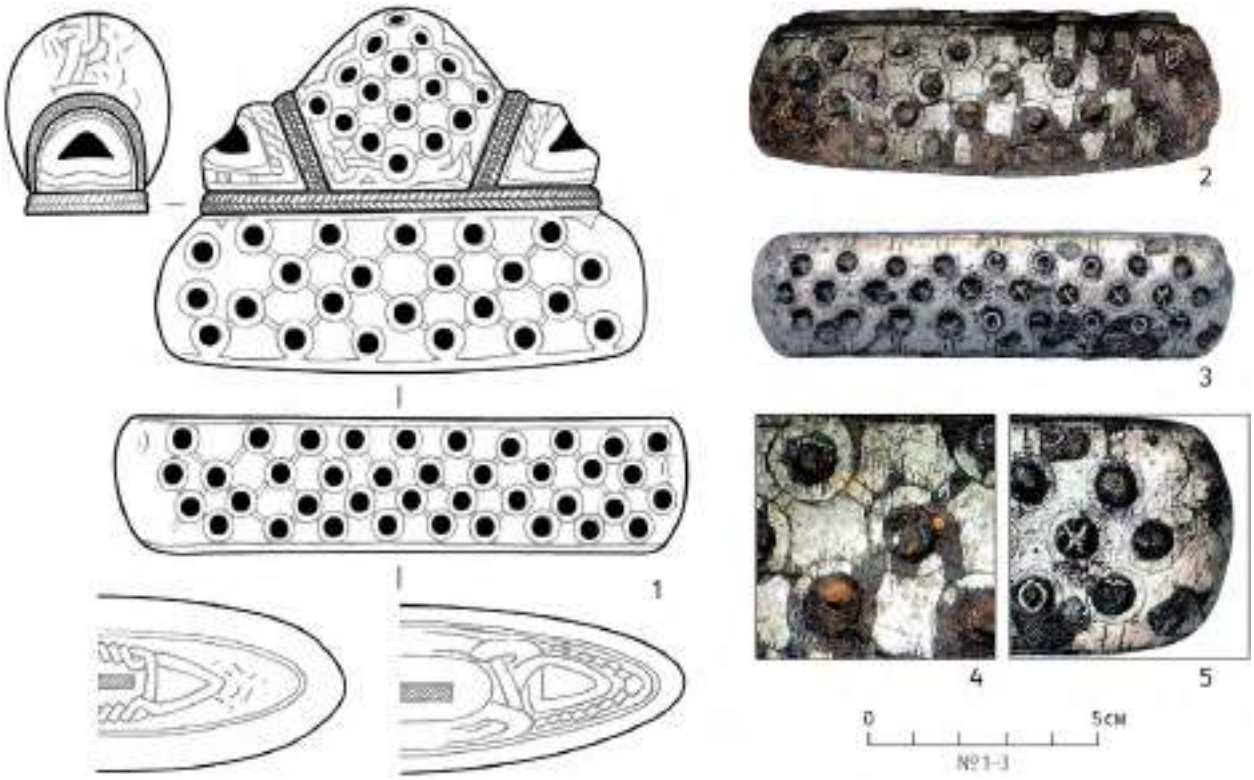


Рис. 188. Мечи типа Т-1 с ячеистой орнаментацией с территории Восточной Европы: *1* – р. Днепр; *2* – фонды Харьковского исторического музея; *3* – б. Спасский уезд Казанской губернии; *4* – инкрустация на основании навершия меча из ХИМа; *5* – инкрустация на перекрестии меча из б. Спасского уезда Казанской губернии (*1*, *2*, *4* – по: *Щедрина*, 2018. Рис. 1; 3а; 5, *3*).

Рис. 189. Детали наверший мечей типа Т-1 из кладоискательских раскопок на территории Украины: *1* – Харьковская обл.; *2* – Черниговский р-н, Черниговская обл.

На деталях меча из б. Спасского уезда серебро было уложено на сетку из прочерченных на железной основе линий **(рис. 188, *4, 5*)**.

К обсуждаемой разновидности мечей (с крупной ячеистой орнаментацией, дополненной проложенной внутри проволокой) относятся найденные в ходе кладоискательских работ на территории Украины верхние части двух наверший **(рис. 189)**. Судя по отверстиям сверху, обе головки наверший крепились на черен клинка. Центральная часть деталей украшена ромбовидной фигурой, сформированной ячеистым орнаментом. В одном случае **(рис. 189, *1*)**, судя по разрушениям, можно утверждать наличие внутренних каналов, в которые когда-то пропускался жгутик, во втором наличие таких каналов очень вероятно. На боковых частях обеих головок наверший расположены треугольные углубления. На одной детали четко прослеживается поверхность, гравированная параллельными канавками, в которых сохранился белый металл. Способ нанесения инкрустации неясен. На торцевых сторонах деталей фрагментарно сохранились отверстия для штифтов. Наиболее вероятно, что обе детали принадлежат к мечам типа Т-1.

К *варианту Е-3* относятся пять мечей, найденных на территории Восточной Европы. Находки представлены целыми экземплярами, а также обломком и отдельной деталью **(рис. 190)**. Два из них (Залахтовье и Киев) происходят из погребальных памятников, еще один (Сморгонь) предположительно происходит из трупосожжения, контекст двух находок (Гавриково[84], тер. Украины) неясен. У меча из Гаврикова отсутствует головка навершия, черен клинка расклепывался на торце основания навершия[85]. Непосредственно изучен был только меч из погребения в Киеве, мечи из Залахтовья и Гавриково известны по серии фотографий. Фрагмент меча из Сморгони и перекрестие с территории Украины известны по одной фотографии.

84 Благодарим ведущего специалиста Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета А. В. Данича за уточнение информации о находке и предоставленные фотографии.

85 В настоящее время перекрестие и основание навершия свободно снимаются с черена клинка и сложно понять, как было расположено основание навершия на момент находки. Наиболее вероятно, что основание было перевернуто открытым торцом вниз, как у мечей из Рокота и Биляра. Такая установка необходима была для более удобного расклепывания черена клинка на торце.

Рис. 190. Мечи варианта Е-3 с территории Восточной Европы: *1* – Киев (Украина); *2* – Залахтовье (Псковская обл., РФ); *3* – Сморгонь (Гродненская обл., РБ); *4, 5* – Гавриково (Пермский край, РФ); *6* – территория Украины (*3* – по: Краіна Беларусь, 2012. С. 32).

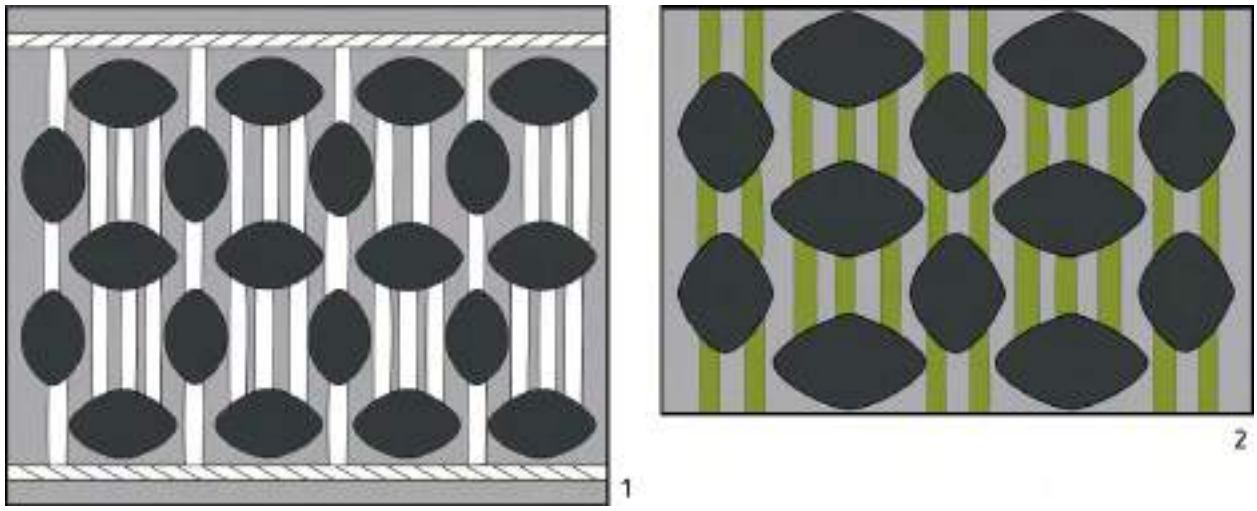


Рис. 191. Разновидности орнаментации мечей варианта E-3: *1* – изящная; *2* – грубая (рисунки С. Ю. Каинова).

Рис. 192. Меч варианта E-4 из разрушенного кургана Тимерёвского могильника (Ярославская обл., РФ): *1* – общий вид; *2* – перекрестие.

Отличительной особенностью этого варианта является овальная (листовидная) форма ячеек, которые формируют трех- и четырехлистники. Детали меча из Киева отличаются более грубым исполнением. Ячейки на них крупные, ромбовидной формы. Крайние ячейки на перекрестии и основании навершия выходят за границы деталей. У трех других мечей (Залахтовье, Сморгонь, Гавриково) ячейки более аккуратные и меньших размеров. Крайние ряды ячеек отделяют от краев деталей гравированные канавки для размещения жгутиков. Как показывает изучение более многочисленных серий мечей варианта E-3, найденных в Норвегии, Швеции и на территории бывшей Пруссии, актуально разделение основного количества мечей этого варианта на две разновидности – изящную и грубую **(рис. 191, *1, 2*)**.

Ячеистая орнаментация полностью покрывает центральную часть головки навершия у мечей из Сморгони и Залахтовья и предположительно из Киева. На боковых частях головки меча из Киева нанесено по ромбовидной фигуре, сформиро-

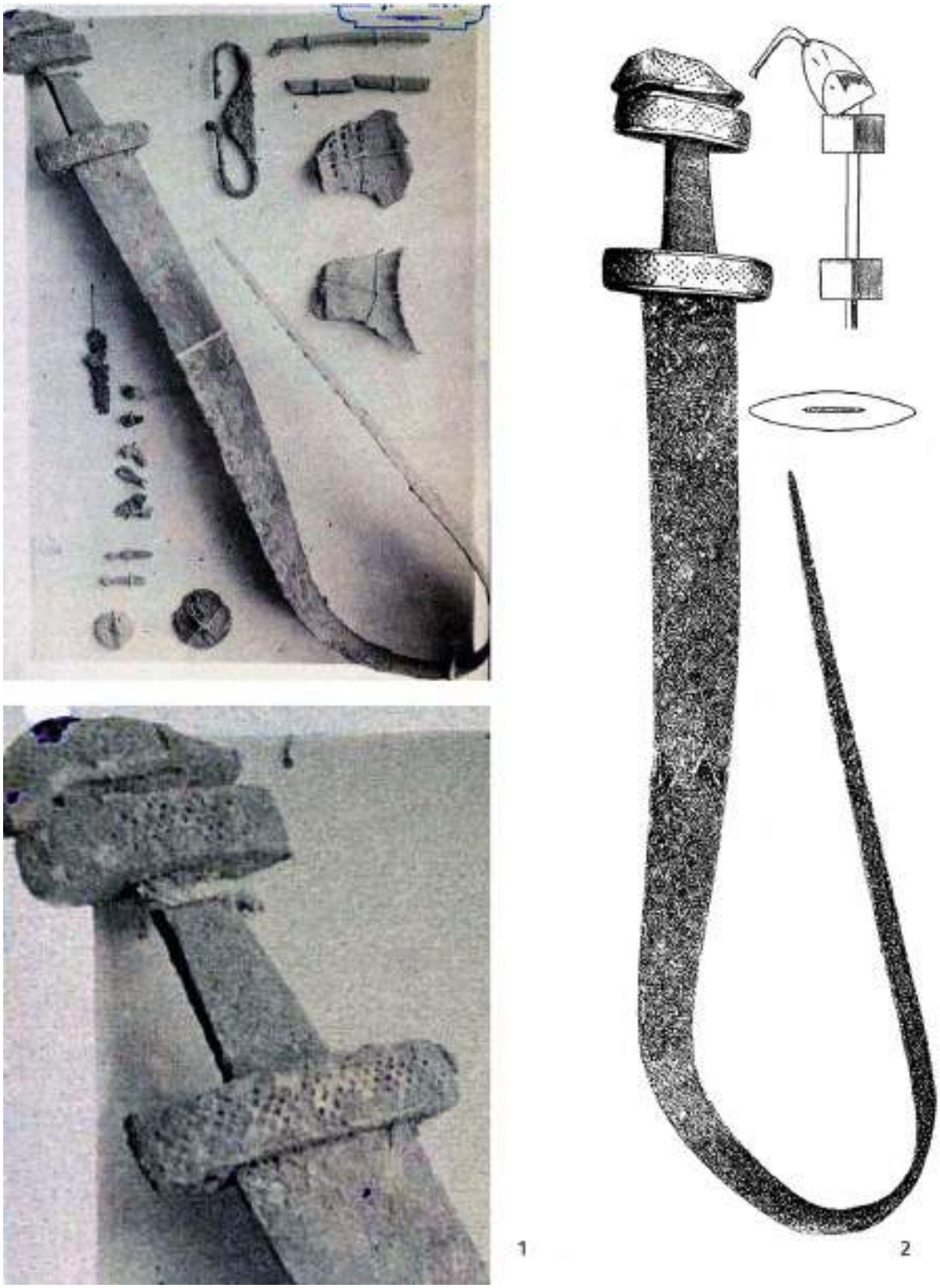


Рис. 193. Меч варианта E-4 из кургана Балымерского могильника (Татарстан, РФ): *1* – фотография по: *Штукенберг*, 1892; *2* – рисунок по: *Posta*, 1905. Abb. 13.

Рис. 194. Детали рукояти меча варианта Е-4 из Юго-Восточного Приладожья (?) (Ленинградская обл., РФ): *1* – головка навершия; *2* – основание навершия; *3* – перекрестие.

ванной из четырех ячеек. У меча из Залахтовья по одной листовидной ячейке нанесено в верхних половинах боковых частей головки навершия. Насколько позволяет судить фотография, на боковых частях головки меча из Сморгони ячеистая орнаментация отсутствовала.

У меча из погребения в Киеве на поверхности деталей прослежена всечная орнаментация проволокой желтого цвета. Плотность инкрустации, нанесенной очень грубо, составляет около 5 проволочек на 1 см поверхности. На поверхности деталей меча из Сморгони сохранились только канавки под инкрустацию. У мечей из Залахтовья и Гаврикова инкрустация на деталях рукояти отсутствовала.

На торцевых сторонах основания навершия и перекрестия меча из Киева фрагментарно сохранились железные штырьки. Подобные детали отсутствовали на торцах деталей мечей из Залахтовья и Гаврикова.

Клеймо расчищено только на мече из Киева (*Кирпичников*, 1966. Табл. XVII, *7*). На обеих сторонах клинка выявлены клейма в виде сложных знаков из перекрещивающихся полос – т. н. решеток.

Погребение с мечом варианта Е-3 из Залахтовья автор раскопок Н. В. Хвощинская датирует началом XI в. (*Хвощинская*, 2004. С. 134). Киевский курган № 117/1876 входил некрополь II, часть которого, расположенную под горой, А. В. Комар относил к первой половине – середине X в., а само погребение в кургане 117 – к середине X в. (*Комар*, 2012. С. 322–323).

К *варианту Е-4* относятся три меча, происходящие с территории Восточной Европы **(рис. 192–194)**. Находки представлены целым мечом, фрагментом меча и набором деталей рукояти еще одного меча. Два меча (Тимерёво и Балымер) найдены при исследовании погребальных памятников (*Кирпичников, Дубов*, 1982. С. 150–151; *Штукенберг*, 1892. С. 155–160). Контекст еще одной находки, предположительно из Юго-Восточного Приладожья, неясен, но, судя по сохранности, детали происходят из кремационного погребения. Изучить непосредственно удалось фрагмент меча из Тимерёвского могильника и детали рукояти из Юго-Восточного Приладожья (?). Местонахождение меча из Балымерского могильника неизвестно (*Измайлов*, 2000. С. 195). Вариант типа Е у этого меча определен на основании фотографии и рисунка[86] *(Штукенберг*, 1892. С. 155–160; *Posta*, 1905. Abb. 13).

Мечи варианта Е-4 отличаются ячеистой орнаментацией, сгруппированной в ромбы, расположенные в линию на перекрестии и основании навершия.

На перекрестиях всех мечей круглые ячейки сгруппированы в 7 ромбов (4×4 ячейки). На основании навершия меча из Юго-Восточного Приладожья (?) – в 6 ромбов (4×4 ячейки). На головке меча из Юго-Восточного Приладожья (?) в центральной части ячейки также формируют ромб (7×7), а на боковых частях – ромб из 4 ячеек. Диаметр ячеек на деталях меча из Тимерёвского могильника – 2,0–2,5 мм, из Юго-Восточного Приладожья (?) – около 2 мм.

Пространство между ячейками у меча из Тимерёвского могильника инкрустировано в технике всечки серебряной проволокой. Серебряная инкрустация также хорошо сохранилась на участках между ромбами. Здесь она формирует сплошные ступенчатые треугольники. Плотность инкрустации – 16–17 проволочек на 1 см. На деталях меча из Юго-Восточного Приладожья (?) инкрустация отсутствует.

Орнаментальное поле на перекрестиях всех трех мечей ограничено канавками, в которых по крайней мере в двух случаях сохранился скрученный из двух проволок жгутик: у меча из Тимерёва – серебряный, у меча из Юго-Восточного Приладожья (?) – из медного сплава. У последнего одна канавка со жгутиком нанесена на основание навершия, ограничивая орнаментальное поле, и фрагменты схожих жгутиков фиксируются в разделителях, делящих головку навершия на три части.

На торцах перекрестия тимерёвского меча сохранились фрагменты железных штырьков диаметром около 1,5 мм. Подобные штырьки точно отсутствовали у меча из Юго-Восточного Приладожья (?).

---

86 В статье А. Штукенберга, опубликовавшего материалы раскопок 1882 г., приведены метрические данные меча: длина – 90 см, длина рукояти – 13 см, ширина клинка у перекрестия – 5 см, длина перекрестия – 9 см, высота перекрестия – 2 см, ширина перекрестия – 1,5 см, общая высота навершия – 6 см, длина основания навершия – 7 см, длина головки навершия – 7 см. Следов серебряной инкрустации не сохранилось (*Штукенберг*, 1892. С. 157). Указанная незначительная длина рукояти объясняется тем, что часть черена клинка, как видно на рисунке в работе Б. Пошты, загнута и навершие смещено вниз **(рис. 192, *2*)**.

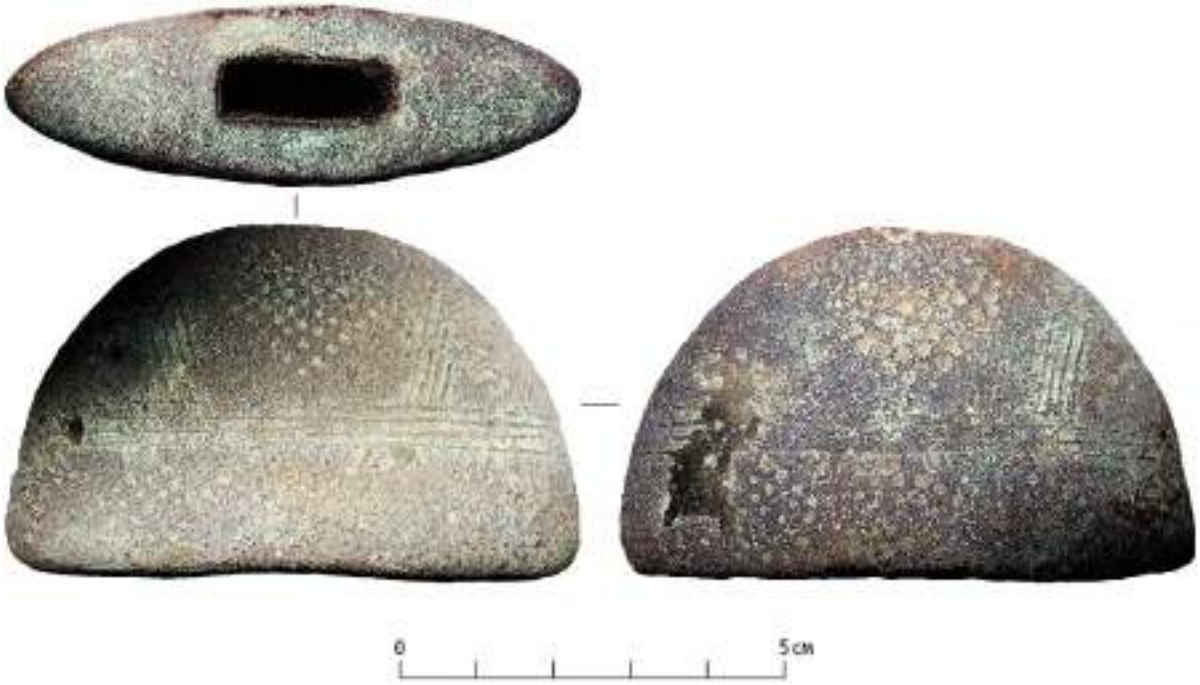


Рис. 195. Навершие меча гибридного типа W/E с территории Украины.

На клинке меча из Тимерёва расчищено клеймо (*Кирпичников, Дубов*, 1982. С. 151. Рис. 3). На одной стороне – **+ULFBERHT+**, на другой – «решетка».

Стоит отметить нехарактерные для всех вариантов типа Е незначительные размеры деталей меча из Юго-Восточного Приладожья (?) [87] и Балымерского могильника, а также отсутствие инкрустации поверхности, не занятой ячейками, на мече из Приладожья (?).

И. Л. Измайлов на основании находок меча типа Е и ременных накладок с бордюром из пальметт датировал погребение с мечом Балымерского могильника первой половиной X в. (*Измайлов*, 2000. С. 196). А. В. Комар предлагает более позднюю датировку этого комплекса – в пределах 950–970 гг. (*Комар*, 2018. С. 231).

Комплекс вещей, найденных вместе с мечом, из разрушенного погребения Тимерёвского могильника не дает возможности обосновать узкую датировку этого комплекса (*Дубов*, 1982. С. 128–129. Рис. 6). А. Н. Кирпичников и И. В. Дубов на основании характера ячеистой орнаментации предположительно датировали меч «после середины X в.», чему, по мнению исследователей, не противоречат и другие находки из этого комплекса (*Кирпичников, Дубов*, 1982. С. 152).

Относительно позднюю датировку этого варианта типа Е, с нашей точки зрения, косвенно подтверждает образец меча гибридного типа – навершие меча из кладоискательских находок на территории Украины. Предмет сочетает в себе форму, материал и технологию изготовления, характерные для деталей мечей типа W, и орнаментацию, характерную для мечей варианта Е-4: фронтальная поверхность детали орнаментирована небольшими ячейками, на основании навершия сгруппированных в горизонтально расположенные ромбы (6), а на центральной части – в одну ромбовидную фигуру **(рис. 195)**. Я. Петерсен, датировавший мечи типа W «прежде всего» первой половиной X в., отмечал слабую доказательную базу для хронологических построений (*Петерсен*, 2005. С. 186). Поэтому важными для датировки типа являются две находки мечей типа W из закрытых комплексов с территории Древней Руси, которые датируются последней четвертью X в. (*Зозуля, Каинов*, 2022. С. 124). На этом основании мы считаем, что вторая половина X в. – время, когда мечи типов W и Е-4 сосуществовали и могла воз-

87 Перекрестие: длина – 8,8 см, высота – 1,8 см, ширина – 2,3 см; основание навершия: длина – 7,3 см, высота – 1,6 см, ширина – 2,2 см; головка навершия: длина – 7 см, высота – 2,6 см, ширина – 1,9 см.

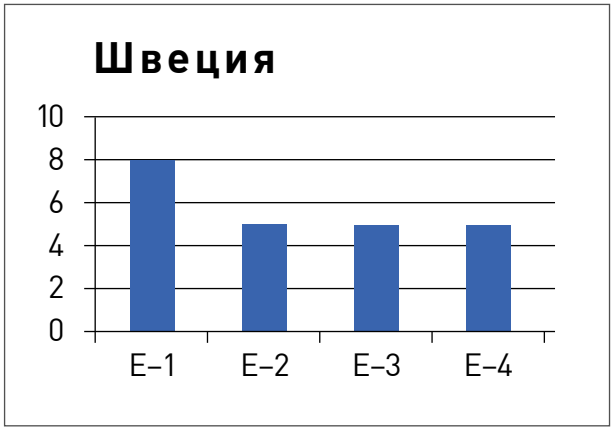
никнуть идея создания гибрида, сочетающего в себе признаки мечей этих двух типов.

На территории остальной Европы (без учета Восточной ее части) известно не менее 126 находок мечей типа E[88].

Страна, регион	Количество	Источник информации
Швеция	41	*Андрощук*, 2013. С. 51, 234–235
Норвегия	40	unimus.no[а]
Финляндия (с учетом Карелии)	«около 20»	*Kivikoski*, 1973. P. 112. Abb. 829
Ирландия	4	*Walsh*, 1998. P. 228–229
Калининградская обл. РФ	9[б]	*Гуревич*, 1963, С. 203. Рис. 5; *Kazakevicius*, 1996. P. 26–28, 102–103, 150; *Goßler, Jahn*, 2019. P. 173–176
Эстония	6	*Mandel*, 1991. P. 114–115, 131
Германия	1	*Müller-Wille*, 1977. P. 43, 73
Дания	1	*Jakobsson*, 1992. P. 209; *Androshcuk*, 2014. P. 280; *Андрощук*, 2013. С. 256
Польша	1	*Janowski et al.*, 2008
Латвия	1	*Tomsons*, 2018. P. 49–51
Литва	1[в]	–
Франция	1	*Arbman, Nilsson*, 1968. P. 166–168. Fig. 5
Всего	около 126	

Примечания: ***а*** – очень вероятно количество мечей типа E выше указанной цифры, так как ряд фотографий не позволил точно определить тип. При подсчете не учтены перекрестие и основание навершия из Нордокер (Норвегия, C3669), отличающиеся изготовлением из медного сплава и нехарактерной шестиугольной формой ячеек (*Петерсен*, 2005. Рис. 63); ***б*** – указанная цифра носит приблизительный характер, так как до сих пор нет сводки мечей, найденных в этом регионе. Она основана на учете следующих данных. В. Казакявичус в монографии 1996 г. привел информацию о шести мечах, найденных на территории Пруссии: Ржевское (Linkuhnen) – 3 экз., Кауп (Wiskiauten) – 1 экз., Ветрово (Ekritten) – 1 экз., Междуречье (Norkitten) – 1 экз. (*Kazakevicius*, 1996. P. 26–28, 102–103, 150). В публикации материалов могильника Ржевское (Linkuhnen) указано пять мечей, но принадлежность части из них типу E основана лишь на описаниях (*Goßler, Jahn*, 2019. P. 173–176). Еще один меч найден в могильнике Кауп (Wiskiauten) в ходе раскопок Ф. Д. Гуревич в 1958 г. (*Гуревич*, 1963, С. 201, 203); ***в*** – расплющенное навершие меча типа E-1 было выставлено на экспозиции Военного музея Витовта Великого в Каунасе. В качестве места находки указана д. Мастейкяй (Литва).

К сожалению, для крупных коллекций в исследовательской литературе отсутствует разделение мечей типа E по вариантам. Такая информация приведена только применительно к 23 мечам из 41[89], найденного в Швеции (*Андрощук*, 2013. С. 51. Табл. II, *3*). Распределение по вариантам представлено на диаграмме[90], и в целом соотношение вариантов схоже с зафиксированным для Восточной Европы:



Из 40 представленных на портале unimus.no норвежских мечей типа E вариант удалось определить для 38 экземпляров. В отличие от Швеции и Восточной Европы, территория Норвегии отличается значительным количеством мечей варианта E-3 (15 экз.) и почти полным отсутствием мечей вариантов E-4 (2 экз.) и E-2 (1 экземпляр предположительно определен на основании крупных круглых ячеек):

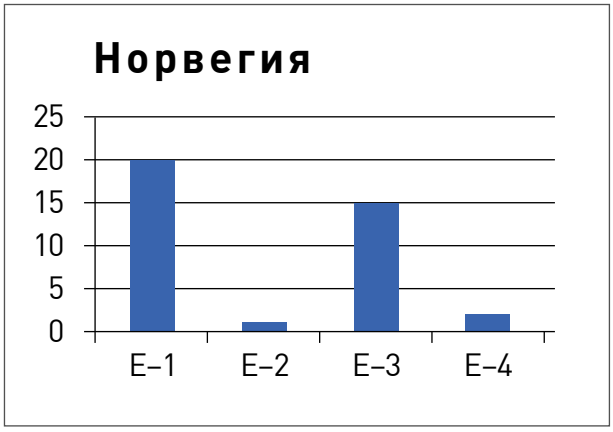
88 Некоторые мечи можно отнести к типу E довольно условно – только на основании схожести общей формы и наличия ячеистой орнаментации. Например, меч из Радимно (Польша) или навершие меча из бывшего музея «Пруссия» (Ident. Nr. – (MVF) PM 9120; Берлин, Германия) (*Janowski et al.*, 2008; https://smb.museum-digital.de/singleimage?resourcenr=138587; дата обращения: 01.06.2023)).

89 Непосредственно в тексте указано 39 мечей типа E, найденных на территории Швеции, в Приложении – уже 41 (*Андрощук*, 2013. С. 50, 235).

90 Ф. А. Андрощук к варианту E-2 отнес пять мечей только на основании крупных ячеек, расположенных в 3–5 рядов на перекрестии и основании навершия. При этом такой важный признак для этого варианта, как проволока, уложенная внутри ячеек, точно зафиксирован только у двух из пяти мечей (*Андрощук*, 2013. С. 50). С нашей точки зрения, именно дополнительная орнаментация ячеек – определяющий признак для выделения варианта E-2. Таким образом, три шведских меча отнесены к варианту E-2 предположительно.

Рис. 196. Мечи варианта E-1 с территории Норвегии: *1* – Еллэ (B6748); *2* – Сэтер Ёстра (T13791); *3* – Санднес (T11677); *4* – Мерокер (T11870). Фотографии: *1–4* – портал unimus.no; *4* – Ole Bjørn Pedersen. Здесь и далее в подрисуночных подписях и тексте в скобках указан номер хранения меча.

Рис. 197. Мечи вариантов E-3 (*1–3, 5*), E-4 (*4, 6*) с территории Норвегии и варианта E-1 с территории Швеции (*7*): *1* – Ульне (C27096); *2* – Ховинсхольм (C154); *3* – Бъёрке (C9707); *4* – Виннэ (T21943); *5* – Хольбё (C8632); *6* – Шервен (C1415); *7* – Бредарюд (SHM 20112). Фотографии: *1–6* – портал unimus.no; *1, 2, 3, 5* – Olav Heggø; *4* – Torkel Johansen; *6* – Eva Brænd; *7* – Jenny Nyberg.



В целом мечи типа E, найденные за пределами Восточной Европы, насколько можно судить по фотографиям, схожи с восточноевропейскими. Тем не менее в деталях демонстрируется большее разнообразие форм и пропорций, что, несомненно, связано с более значительным хронологическим периодом бытования этого типа **(рис. 196, 197)**. К сожалению, не удалось найти качественных изображений мечей, отнесенных к варианту E-2. Меч из Бредарюд (Швеция), который Ф. А. Андрощук определил как вариант E-2, таковым, по нашему мнению, не является. Крайние ячейки на перекрестии и основании навершия расположены способом, исключающим нахождение в них дополнительной проволоки (*Андрощук*, 2013. Табл. 29). Недавно была опубликована информация, что ячеистая орнаментация на деталях меча типа E, найденного в погребении 581 могильника Бирки (Швеция), дополнительно украшена пропущенными внутри ячеек серебряными жгутиками (*Wåhlander*, 2023. P. 120–121).

Фиксируются случаи использования меча без головки навершия, переустановки основания навершия, сборки с использованием деталей мечей других типов **(рис. 197, *3*; 198)** (*Андрощук*, 2013. Табл. 29; *Петерсен*, 2005. Рис. 66). На двух мечах варианта E-3 на перекрестии и основании навершия сохранились декоративные шляпки, имитирующие головки заклепок, которые скрепляли детали перекрестия и основания навершия между собой на более ранних мечах **(рис. 199)**. В большинстве случаев от декоративных шляпок сохраняются только железные штырьки, на которых они были закреплены. В одном случае на торцевой стороне основания навершия (и, возможно, на торцевых сторонах перекрестия) меча варианта E-4 расположены вертикальные канавки для инкрустации **(рис. 197, *6а*)**.

Рис. 198. Торцевая сторона меча варианта E-1 из кургана 2/1958 могильника Кауп.

Рис. 199. Головки декоративных заклепок на мече варианта E-3 из Кваккестад (Норвегия, C17315). Фотография: портал unimus.no; Kirsten Helgeland.

Рис. 200. Мечи типа Т-1: *1* – Квесте (Норвегия, C24621); *2* – Косгорен (Норвегия, C 3210); *3, 4* – Хангастинмаки (Финляндия, KM 39993:1); *5* – Секешфехервар (Венгрия). Фотографии: *1, 2* – портал unimus.no (*1* – Olav Heggø, *2* – Kirsten Helgeland); *3, 4* – по: *Pienimäki*, 2016. App. 8, *1(22), 3(22), 4(22)*; *9*, *1(10)*; *5* – по: *Bakay*, 1967. Abb. 8.1.

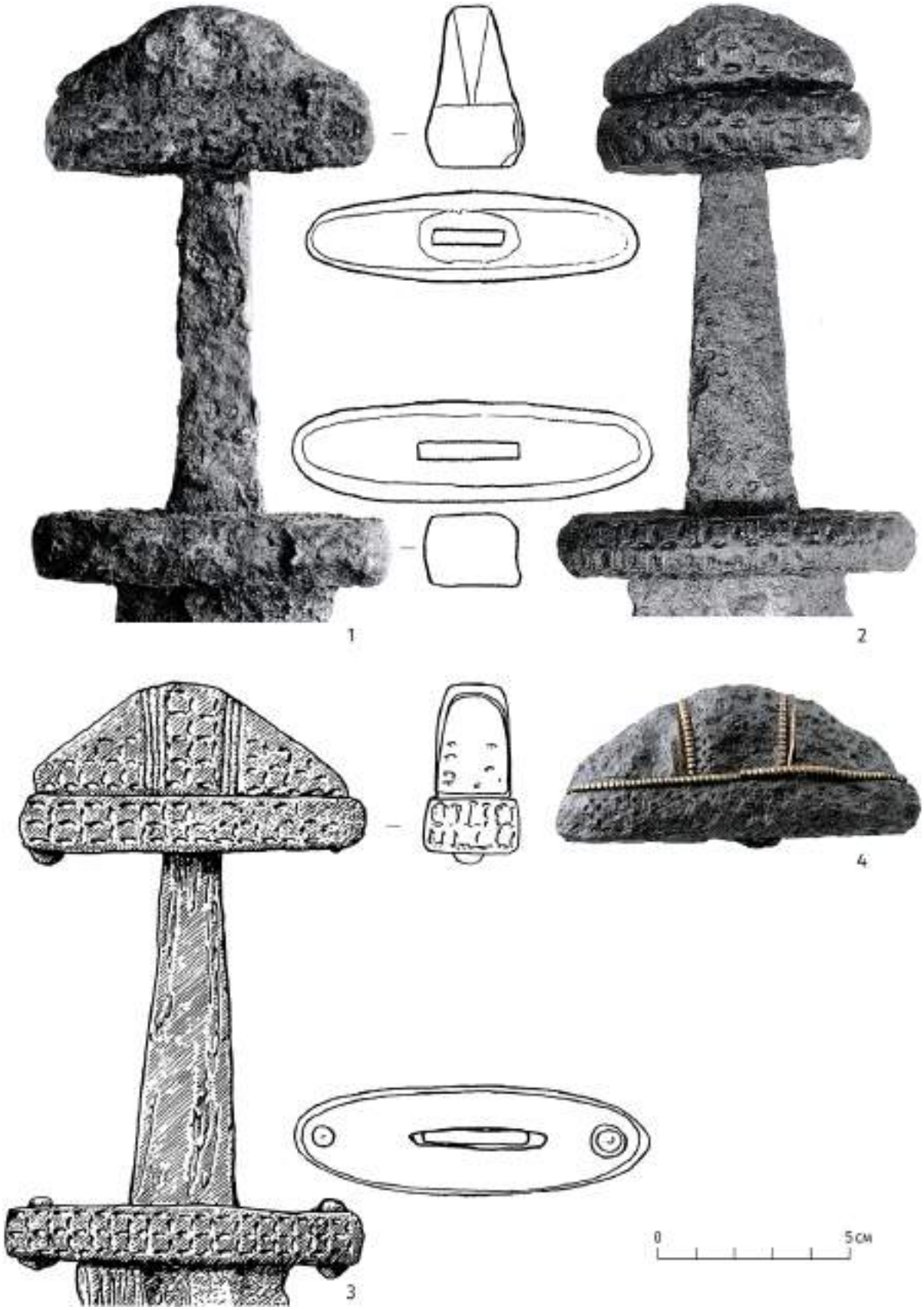


Рис. 201. Мечи ранней группы варианта E-3: *1* – Ире (Швеция); *2* – Сала (Финляндия, KM 7752:1); *3* – р. Эльба (Германия); *4* – Хольбё (Норвегия, C8598/a). Фотографии: *1* – по: *Андрощук*, 2013. Табл. 26а; *2* – по: *Moilanen*, 2018. P. 59; *3* – по: *Müller-Wille*, 1977. Abb. 12, *7*; *4* – по: портал unimus.no, Kirsten Helgeland.

Родственные типу E мечи типа T-1 с ячеистой орнаментацией вне Восточной Европы представлены также незначительным количеством находок: Норвегия – 4 экз., Финляндия – 1 экз., Венгрия – 1 экз. (*Bakay*, 1967. P. 167–168; *Петерсен*, 2005. С. 179; *Pienimäki*, 2016. App. 8; *Щедрина*, 2018. С. 23). Мечи не образуют какой-то однородной группы, различаясь особенностями формы и орнаментики **(рис. 200)**. Объединяют их способ монтировки на черене клинка, использование ячеистой орнаментации, усложненной проложенными внутри проволочными жгутиками, инкрустированная серебром в технике насечки поверхность с последующей гравировкой орнамента, заполняемого чернью (?).

Я. Петерсен относил норвежские комплексы, в которых найдены мечи типа E, «главным образом» к первой половине IX в. (напр., **рис. 196, *3***) (*Петерсен*, 2005. С. 114. Рис. 65). В составе комплексов присутствуют топоры типа B и D (по типологии Я. Петерсена), наконечники копий типа E (по типологии Я. Петерсена) и умбоны щитов типа R564. Три комплекса (с топорами типа E и наконечниками копий типа F), содержавшие мечи «упрощенного варианта», исследователь относил ко второй половине IX в. Один меч происходит, по замечанию Я. Петерсена, из недостоверного комплекса, который датируется X в. **(рис. 197, *5*)** (*Петерсен*, 2005. С. 115).

При датировке типов мечей Я. Петерсен учитывал хронологическую локализацию других предметов, найденных в одном комплексе с мечами, главным образом предметов вооружения. Но представления о датировке тех или иных предметов изменяются. Например, Б. Солдберг расширила верхнюю хронологическую границу для наконечников копий типов E и F (по Я. Петерсену) до середины X в. (*Solberg*, 1984. P. 68, 92). Вне всякого сомнения, обоснованное суждение о датировке этого типа мечей на территории Норвегии возможно только после тщательного анализа максимального количества данных.

На территории Швеции, где собрана схожая по численности коллекция мечей типа E, по мнению Ф. А. Андрощука, подобные мечи датируются X в. Исключение представляет один меч из погребения 351 могильника Ире на Готланде, который «по сочетанию находок в погребении, а также местоположению с уверенностью может быть отнесен к началу IX века» (*Андрощук*, 2013. С. 51). Очень важным является замечание Ф. А. Андрощука, что ранний меч относится к варианту E-3 – с деталями, украшенными ячейками, сгруппированными в виде трех- и четырехлистников **(рис. 201, *1*)**, и именно этот вариант исследователь признает самым ранним из четырех. В качестве близкого по датировке и орнаментации Ф. А. Андрощук приводит меч из могильника Сала в Финляндии **(рис. 201, *2*)** (*Андрощук*, 2013. С. 51)[91]. Шведский меч отличается от подавляющего большинства мечей типа E рядом особенностей формы – низкой головкой навершия, по высоте примерно равной высоте основания, овальным продольным сечением основания навершия и перекрестия и сужающимся кверху поперечным сечением головки навершия. Такие особенности формы сближают находку из Ире с мечом, найденным в р. Эльба (Германия) **(рис. 201, *3*)** (*Müller-Wille*, 1977. P. 43, 73). У этого меча головка навершия имеет еще более выраженную треугольную форму, совсем не характерную для мечей типа E. Нехарактерна для этого типа и узкая, по сравнению с боковыми, центральная часть головки навершия в сочетании с вертикальными разделительными углублениями. Единственным основанием для отнесения этого меча к типу E является орнаментация фронтальных поверхностей ячейками, сгруппированными в виде трех- и четырехлистников, и, возможно, бронзовые головки декоративных заклепок, расположенные на торцевых сторонах перекрестия и основания навершия. С нашей точки зрения, определенное сходство с деталями навершия меча из р. Эльба обнаруживают некоторые образцы мечей типа A (по Я. Петерсену) с трехчастным делением головки навершия и мечей особого типа 1 (по Я. Петерсену) (*Петерсен*, 2005. Рис. 52). В. Менгин внутри мечей типа 1 выделил особую группу, в которую включил мечи, подобные найденным в Маннгейм-Фризенгеймер-Инзель и в р. Рейн около г. Шпайер (*Menghin*, 1980). Мечи этой группы отличаются трехчастной головкой навершия с возвышающейся центральной частью и боковыми частями, напоминающими звериные головы. Части головки навершия, а также головка

91 Но М. Муланен указывает, что хотя меч и происходит из грунтового могильника, но найден он не в процессе раскопок, а во время транспортировки горных пород (происходящих из разработок на территории могильника?) (*Moilanen*, 2015. P. 385). Данное замечание ставит под вопрос основания для датировки меча.

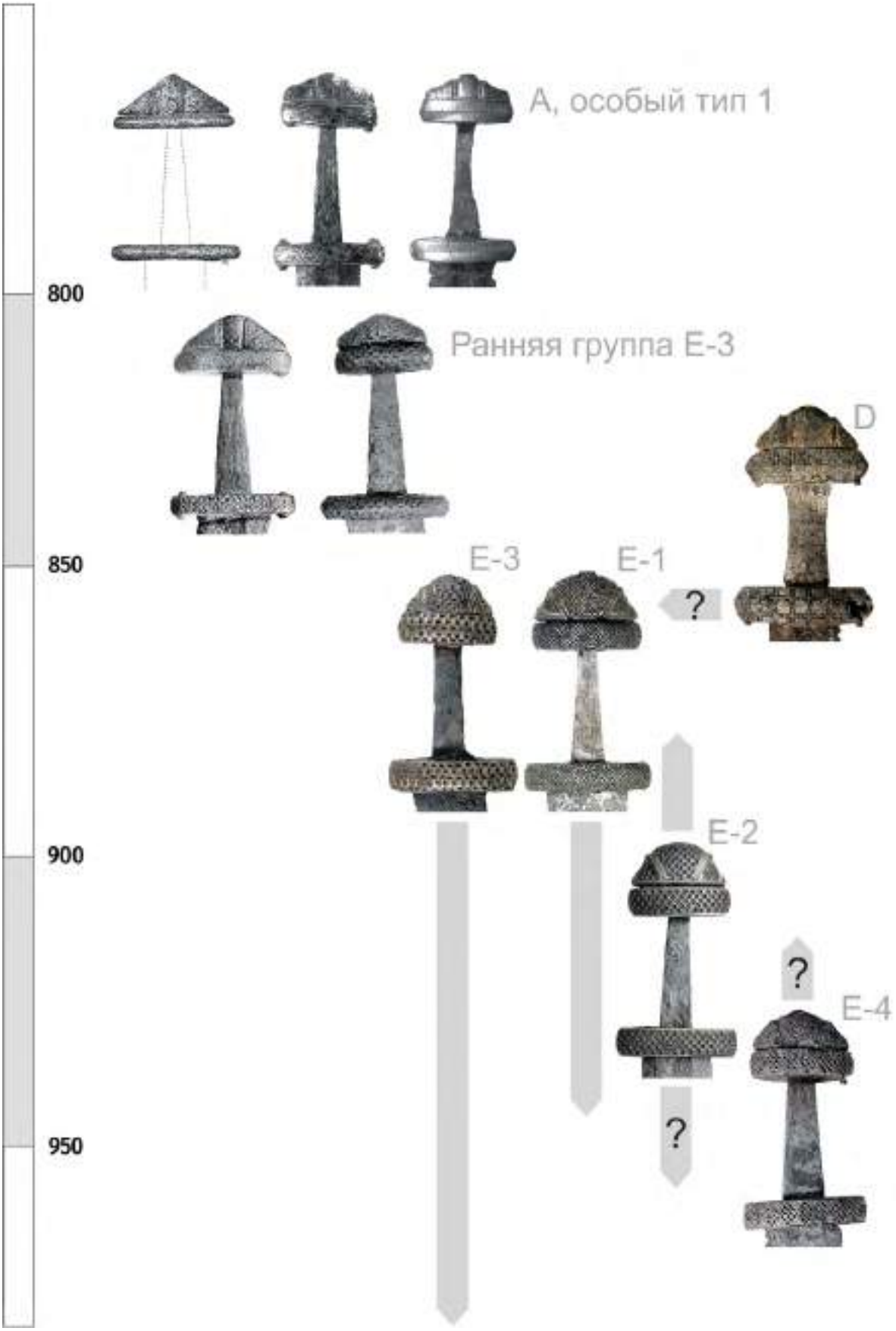


Рис. 202. Вариант развития мечей типа E в VIII–X вв. (схема составлена С. Ю. Каиновым).

и основание навершия разделены бусинной проволокой. Исследователь предполагал возможность развития мечей типов D и E из этой группы мечей, а также под влиянием мечей типа Маннгейм с трехчастным делением головки навершия (*Menghin*, 1980. P. 251–252).

К сожалению, отсутствие археологического контекста затрудняет датировку меча из р. Эльба. Но, учитывая отмеченное сходство с мечами ранних типов, а также с мечом из могильника Ире, найденном в археологическом контексте, меч из р. Эльба мы можем датировать в рамках первой половины IX в.

К ранней группе типа E относится и навершие меча, происходящее из Хулбё (Норвегия), найденное, к сожалению, вне археологического контекста **(рис. 201, *4*)**. Интересно, что разделение деталей и частей навершия подчеркнуто бусинной проволокой, что, как было уже отмечено, характерно для мечей группы Маннгейм-Фризенгеймер-Инзель.

Если особенности формы выделенной ранней группы мечей типа E позволяют предполагать образцы для подражания, то истоки возникновения листовидного орнамента пока непонятны. М. Муланен, подчеркивая своеобразие меча варианта E-3 из Сала (Финляндия), считал, что подобные мечи развились из типа D со схожей ячеистой орнаментацией в форме крестов (*Moilanen*, 2015. P. 245). Но в этой связи стоит отметить, что ни один меч типа D не орнаментирован листовидными ячейками.

Я. Петерсен считал, что мечи типа E развиваются из типа D. При этом исследователь в качестве признаков, унаследованных от типа D, указывал массивные перекрестия и трехчастность головки навершия, боковые части которой напоминают звериные морды (*Петерсен*, 2005. С. 111). Но ранняя группа мечей типа E, описанная выше, мало схожа с мечами типа D. По всей видимости, влияние типа D на формирование особенностей формы классических мечей типа E стало ощущаться в более позднее время, предположительно в рамках второй половины IX в.

Находки с территории Финляндии Е. Кивикоски относила к IX в. (*Kivikoski*, 1973. P. 112). Экземпляры с территории Пруссии, по мнению Б. Мюлена, датируются X в. (*Mühlen*, 1975. P. 31). Найденный в одном из погребений прусского могильника Линкунен (125/1931) вместе с мечом типа E-3 (грубой разновидности) наконечник ножен меча, относящегося к типу IIIb по типологии В. Казакявичуса, фиксирует бытование мечей варианта E-3 по крайней мере на рубеже X–XI вв. или даже в первой половине XI в. (*Goßler, Jahn*, 2019. S. 176, 217. Taf. 70; *Каинов, Макушников*, 2022. С. 163). Один из эстонских мечей типа E происходит из погребения, датируемого X в. (*Mandel*, 1991. P. 131).

Недостаточное количество информации о мечах типа E пока не позволяет предложить детализированную картину эволюции мечей этого типа. Выскажем несколько наблюдений предварительного характера, которые, несомненно, могут быть скорректированы или уточнены при появлении новой информации **(рис. 202)**.

Наиболее ранние мечи типа E украшены листовидными ячейками, сгруппированными в трёх- и четырёхлистники (вариант E-3). Они отличаются головкой навершия подтреугольной формы с вертикально расположенными разделителями. Центральная часть головки по ширине меньше или равна боковым частям. Различия с классическими мечами типа E фиксируются также для продольных и поперечных сечений. Мечи этой группы найдены в Норвегии, Швеции, Финляндии и Германии. Особенности формы деталей рукояти мечей ранней группы типа E позволяют видеть влияние на ее формирование со стороны мечей типа A и особого типа 1 (группа Маннгейм-Фризенгеймер-Инзель).

Сложно сказать, где именно возникают мечи этого типа. С нашей точки зрения, наиболее вероятно их появление и развитие на территории Скандинавии (Норвегии?) под влиянием континентальных мечей. Уже с территории Скандинавии тип распространяется по остальной части Европы. В дальнейшем на сложение классической формы мечей типа E, возможно, оказала влияние форма рукоятей мечей типа D.

Мечи типа E второй половины IX в. уже обладают массивными деталями рукояти, характерными для типа D. В это время, помимо мечей варианта E-3, существуют мечи варианта E-1. Ближе к концу IX в. появляются мечи варианта E-2. Вариант E-4 – самый поздний из мечей этого типа. Появляется он в пределах первой половины X в. и существует по крайней мере до третьей четверти X в. включительно.

Мечи типа E доживают до конца X – начала XI в., возможно в формате архаичных предметов. Изготавливались также различные низкокаче-

Рис. 203. Подражания мечам типа E (*2, 4*) и гибридные типы (*1, 3*): *1* – Скаттебю (Норвегия, C26494a); *2* – коллекция музея Пруссия; (PM Pr 9120) *3* – Хаттула (Финляндия); *4* – Радимно (Польша). Фотографии: *1* – портал unimus.no, Kirsten Helgeland; *2* – портал global.museum-digital.org. E. Krüger; *4* – по: *Janowski et al.*, 2008. Рис. 3.

Рис. 204. Варианты оформления центральной части головки навершия мечей типа E (схема составлена С. Ю. Каиновым).

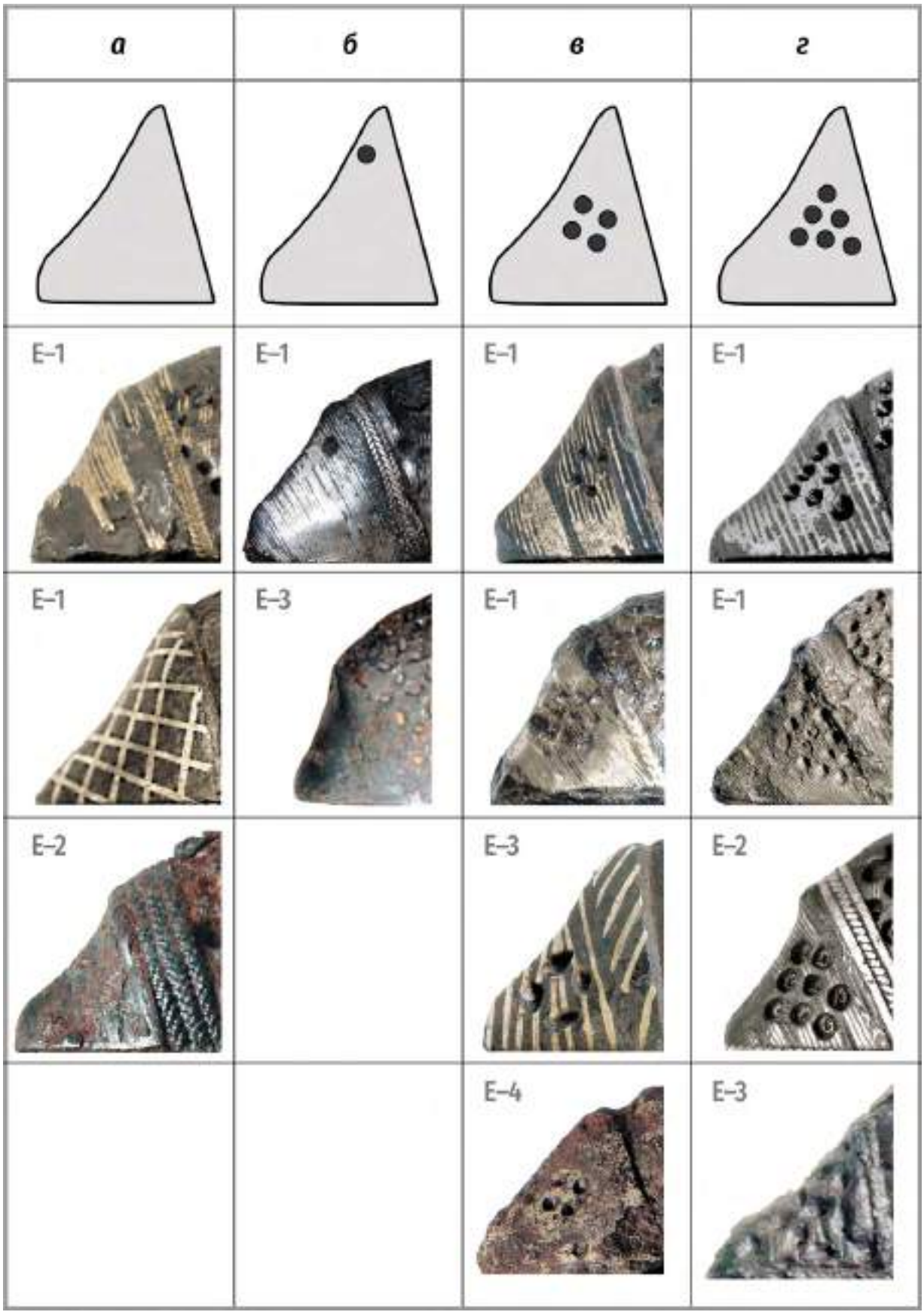


Рис. 205. Варианты оформления боковых частей головки навершия мечей типа E (схема составлена С. Ю. Каиновым).

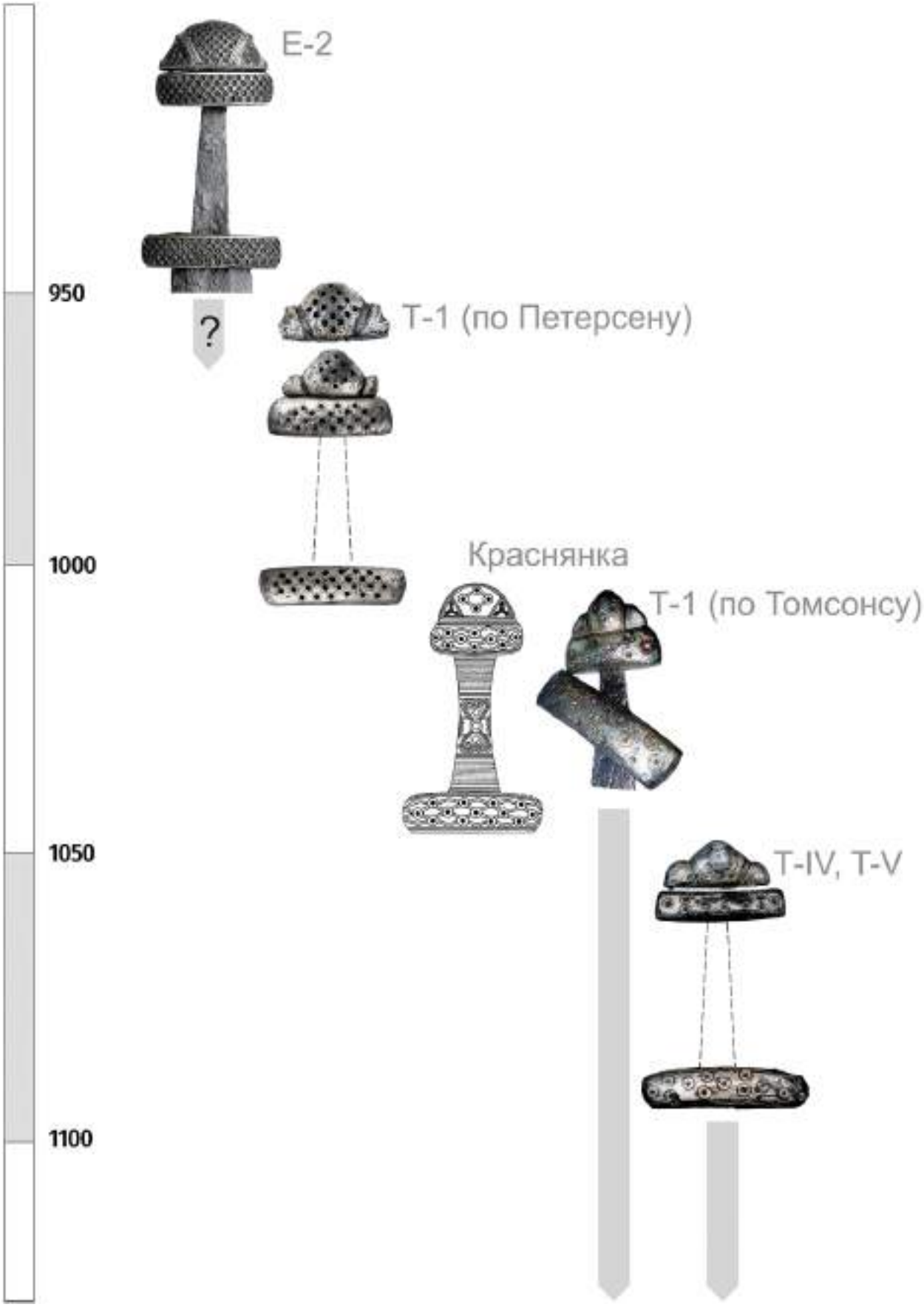


Рис. 206. Развитие мечей с ячеистой орнаментацией в X–XIII вв. (схема составлена С. Ю. Каиновым).

ственные подражания – например, мечи из Радимно (Польша) и из коллекции музея «Пруссия»[92] **(рис. 203, *2, 4*)**, и гибридные формы – меч типа X/E из Скаттебю (Норвегия) и меч типа H (V?)/E-4 из Хаттула (Финляндия) **(рис. 203, *1, 3*)** (*Janowski et al.*, 2008; *Peirce*, 2004. P. 116–117; *Moulanen*, 2018. P. 74–75).

Мечи типа E в основной своей массе представляют собой довольно однородную по орнаментальным особенностям группу. Ячеистый орнамент, помимо уже отмеченных вариантов группировки на фронтальных поверхностях перекрестия и основания навершия, и на головке навершия также формирует устойчивые комбинации. Центральная часть головки навершия может быть полностью покрыта ячейками, расположенными в шахматном порядке (А), либо ячейки сгруппированы в один большой ромб (Б) **(рис. 204)**. Боковые части головки навершия могут быть полностью лишены ячеистой орнаментации (*а*), украшены одной ячейкой в верхней части (*б*), украшены ромбом (*в*) или треугольником (*г*) из ячеек **(рис. 205)**.

Интересно проследить дальнейшее развитие типа E **(рис. 206)**. Оно связано с трансформацией мечей варианта E-2 в вариант мечей типа T-1 с ячеистой орнаментацией. Помимо собственно ячеистого орнамента, типы E и T-1 сближает способ монтировки навершия, когда черен клинка проходит сквозь основание и головку навершия и расклепывается сверху. Сохраняется также дополнительное скрепление головки и основания с помощью двух боковых штырьков[93]. Возможно, мечи, схожие с мечами из Гульбища (Украина) и Хангастинмаки (Финляндия), с менее выделенной по высоте центральной частью головки навершия относятся к раннему этапу развития мечей от варианта E-2 к типу T-1.

Мечи типа T-1 с ячеистой орнаментацией Я. Петерсен датирует второй половиной X – началом XI в. (*Петерсен*, 2005. С. 180). В пределах первой половины XI в. на основе типа T-1 возникает группа мечей, А. Ю. Щедриной объединенная в «тип Краснянка» (*Shchedrina*, 2020). Головки навершия мечей этого типа имеют четкую полукруглую форму с делением небольшими углублениями на три части. Поверхность деталей в технике насечки инкрустирована серебряной и медносплавной проволоками, формирующими полихромный рисунок. Перекрестие и основание навершия украшены тремя рядами углубленных круглых ячеек диаметром около 3 мм, расположенных в шахматном порядке. На центральной части головки навершия ячейки формируют ромб. Боковые части головки украшены полихромной инкрустацией, которая может дополняться ячейками, формирующими треугольные фигуры. Проволока внутри ячеек отсутствует, но между собой ячейки соединены орнаментально – инкрустированными линиями. Дно ячеек проложено пластинами из медного сплава. Вокруг ячеек с помощью инкрустированной проволоки нанесен контур.

По сравнению с мечами типа T-1 мечи типа Краснянка более простые, хотя, благодаря полихромной орнаментации, визуально более эффектные. Упрощение выражается главным образом в отсутствии внутренних каналов, в которых размещаются проволочные жгутики. Изменяется форма деталей, орнаментальные решения достигаются полихромной инкрустацией без гравировки с последующим заполнением линий чернью. В то же время от мечей типа T-1, помимо ячеистой орнаментации и ее расположения, наследуется орнаментальное соединение ячеек парными линиями и медносплавные пластины на дне ячеек.

А. Ю. Щедрина, исходя из географии находок и некоторых сходных орнаментальных решений на мече из Краснянки и топорике с княжескими знаками из Шекшова (Владимирская обл., РФ), не исключает местное, древнерусское, производство мечей типа Краснянка (*Shchedrina*, 2020. P. 214–215).

Еще одна линия развития мечей с ячеистым орнаментом связана с Балтийским регионом и, по всей видимости, демонстрирует местное пере-

---

92 Предмет хранится в Музее доисторического периода и ранней истории (Ident. Nr. – (MVF) PM 9120; Берлин, Германия) – https://smb.museum-digital.de/singleimage?resourcenr=138587; дата обращения: 01.06.2023).

93 Особо стоит отметить, что способ монтировки деталей навершия кардинально отличается у мечей вариантов T-1 и T-2. В первом случае обе детали монтировались на черене клинка (конструктивный тип I по А. Гайбигу), во втором на черене закреплялось только основание навершия, к которому при помощи двух штырей или U-образной скобы крепилась головка (конструктивный тип II А. Гайбигу). С учетом отличий в общей морфологии деталей и их орнаментации, с нашей точки зрения, правильно говорить, что в выделенном Я. Петерсеном типе T искусственно объединены мечи, относящиеся к разным типам. Мечи варианта T-1 с ячеистой орнаментацией продолжают линию развития мечей типа E, а мечи типа T-2, по всей видимости, связаны с мечами типа V. Тем не менее в данной работе, во избежание путаницы, мы сохраняем деление на типы, предложенное Я. Петерсеном.

осмысление мечей типа T-1 по типологии Я. Петерсена. А. Томсонс в своей работе, посвященной мечам VII–XVI вв., найденным на территории Латвии, отнес мечи с железными деталями рукояти, орнаментированными круглыми ячейками, к трем различающимся между собой по форме типам T-I, T-IV и T-V[94] (*Tomsons*, 2018. P. 59–62, 83–89). С классическим типом T-1 балтийские мечи сближают ячеистая орнаментация, расположенная в 2–3 ряда на перекрестии и основании навершия, контуры вокруг ячеек и выраженная трехчастная структура головки навершия с высокой центральной частью и низкими боковыми. Наиболее ранними и близкими по форме к норвежским образцам являются мечи типа T-I (по типологии А. Томсонса[95]), которые датируются исследователем в рамках X–XII вв.[96] Мечи типов T-IV-1 и T-V-1 относятся к XII–XIII вв.

Общие и отличительные особенности у мечей с ячеистой орнаментацией, продолжающие линию развития мечей варианта E-2, представлены в следующей таблице:

Тип меча	E-2 (по Я. Петерсену/ С. Каинову)	T-1 (по Я. Петерсену)	Краснянка (по А. Щедриной)	T-I, T-IV и T-V (по А. Томсонсу)
Ячейки	+	+	+	+
Способ монтировки навершия – тип I по А. Гайбигу	+	+	+	+
Дополнительная орнаментация ячеек жгутиком	+	+	–	–
Контуры вокруг ячеек	–	+	+	+
Технология инкрустации	Всечка	Насечка	Насечка	Насечка
Хронология	Конец IX – первая половина X в.	Вторая половина X – начало XI в.	Первая половина XI в.	X(?)–XIII вв.

Тип H/I

Отличительной чертой мечей этого типа является навершие с головкой треугольной формы. Описывая мечи типа H, Я. Петерсен указывал на широкие перекрестье и основание навершия, элипсовидные в продольном сечении, их фронтальные поверхности чаще всего «слегка скруглены, но для ранних экземпляров характерны четко выраженные ребра, реже встречаются перекрестья без ребра, прямоугольные в сечении» (*Петерсен*, 2005. С. 125–126) **(рис. 207–222)**. Наиболее массивные экземпляры типа H, по мнению Я. Петерсена, являются ранними. Поверхность деталей мечей украшает инкрустация, формирующая монохромное поле или различные полихромные композиции, образованные инкрустированными в железную поверхность отрезками проволоки из цветного металла. На торцевых сторонах перекрестия и основания навершия иногда сохраняются гладкие пластины из медного сплава, в одном случае (Гардер, Норвегия, C15917) зафиксирован фрагмент серебряной пластины с гравированным геометрическим орнаментом. У нескольких мечей между головкой и основанием навершия сохранилась проволока (проволочные жгутики), закрывающая щель между этими двумя деталями (*Петерсен*, 2005. С. 126, 265).

Ян Петерсен в качестве «особых форм» мечей типа H указывал образцы с неорнаментированными деталями рукояти[97] и с деталями, изготов-

94 Ячеистая орнаментация также фиксируется на медно-литых деталях рукояти мечей варианта 1 подтипа I курского типа (по А. Томсонсу), которые датируются XII–XIII вв. (*Tomsons,* 2018. P. 94–96).

95 А. Томсонс считает мечи, найденные на территории Латвии и отнесенные им к типу T-1, аналогичными норвежским мечам типа T-1 по Я. Петерсену. Но с этим сложно согласиться. Отличия прослеживаются как в форме деталей, так и в отсутствии проволоки, пропущенной внутри ячеек.

96 Раннюю датировку А. Томсонс обосновывает массивностью деталей рукояти у некоторых мечей этого типа (*Tomsons*, 2018. P. 60–61). С нашей точки зрения, необходима более развернутая система доказательств.

97 Упомянутые Я. Петерсеном три норвежских меча с неинкрустированными деталями рукояти, по нашему мнению,

ленными из медного сплава (*Петерсен*, 2005. С. 126–128).

В особый вариант мечей типа H Я. Петерсен выделял мечи типа I, настолько схожие с образцами типа H, что «зачастую трудно определить, к какому именно из этих двух типов принадлежит тот или иной меч»[98] (*Петерсен*, 2005. С. 135. 138). Отличают мечи типа I от типа H меньшие размеры перекрестия и основания навершия. «Головка навершия более заужена к вершине и может быть слегка вогнутой. Поверхность перекрестий довольно плоская» (*Петерсен*, 2005. С. 135). Приводит Я. Петерсен и некоторые метрические данные, отличающие мечи типа I: ширина основания навершия в пределах 1,8–2,3 см, высота основания навершия и перекрестия, «как правило, составляет 1 см».

По мнению Л. Толин-Бергман и Б. Архениус, изучивших мечи из могильника Бирки с помощью рентгена, мечи типов H и I различаются способом соединения основания и головки навершия (*Thålin-Bergman, Arrhenius*, 2005. P. 38. Tabl. 5). Для мечей типа H, имеющих широкое основание навершия (до 3,6 см), характерно соединение при помощи двух штырей (конструктивный тип IIb по А. Гайбигу), навершия мечей типа I с шириной основания 1,8–2,3 см соединялись при помощи скобы (конструктивный тип IIa по А. Гайбигу). Ф. А. Андрощук, исследовавший при помощи рентгена уже 40 мечей типа H/I, найденных на территории Швеции, пришел к выводу об отсутствии четкой границы между размерными характеристиками (в данном случае ширины основания навершия) мечей типа H/I с разными конструктивными схемами крепления головки навершия к основанию (*Андрощук*, 2013. С. 53–55). Тем не менее исследования Ф. А. Андрощука в общем подтвердили наблюдение, сделанное Л. Толин-Бергман и Б. Архениус: для мечей с широким основанием навершия *более характерно* соединение основания и головки при помощи штырей, для мечей с узким основанием – соединение при помощи скобы[99].

Разделяя мнение, что мечи типа I представляют собой вариант мечей типа H, мы предлагаем при описании археологического материала по возможности выделять мечи этого варианта (по традиции сохраняя обозначение «тип I»). Выразим уверенность, что с накоплением данных признаки, отличающие мечи типа I, можно будет определить более подробно и четко. Перечислим критерии, имеющиеся на данный момент. Для перекрестия и основания навершия мечей типа I характерны:

• узкая, ладьевидная в продольном сечении форма,

• ширина – 1,8–2,3 см, высота – около 1 см,

• уплощенная фронтальная поверхность.

Кроме того, для наверший мечей типа I *более характерно* соединение деталей при помощи U-образной скобы, впаянной во внутреннюю полость головки навершия. Ее концы проходят в отверстия в основании навершия и расклепываются на торцевой стороне. Перекрестия мечей, которые можно отнести к типу I, часто не равновеликие по высоте, а немного сужающиеся от центра к концам.

В типологии А. Гайбига типу H/I по Я. Петерсену соответствует вариант I комбинационного типа 5 (*Geibig*, 1991. P. 39. Abb. 6).

До цикла работ 2017–2020 годов в Гнёздове было известно по крайней мере шесть мечей этого типа – три с полным набором деталей рукояти и еще три отдельные детали (*Kainov*, 2012. P. 25–35) **(рис. 207)**. Два меча найдены в погребениях, совершенных по обряду трупосожжения – курганы Л-35/1949 и Лб-1/1987 **(рис. 209, 210)**, один – в разрушенном при строительных работах трупоположении в деревянной камере («комплекс октябрь 1898/Ц») **(рис. 208)**. Кроме того, из кремационного погребения происходит отдельная головка навершия – курган Л-6/Сиз-1881 **(рис. 211, *1*)**. Еще две отдельные детали – головка навершия (раскоп ЦГ-XIX/1986) и перекрестие (раскоп ЦГ-II/1953) найдены в ходе работ на Центральном городище **(рис. 211, *2, 3*)**. Кажется наиболее вероятным, что

нельзя относить к типу H/I. В двух случаях (С14732, С13572) односоставное навершие закреплено на черене, расклепанном сверху треугольной части, в одном (С9820) – навершие, вероятно, было двусоставным, но его детали соединялись не с помощью штырей или скобы, а крепились на черене клинка. Тем не менее, мечи, конструктивно совпадающие с типом H, но лишенные инкрустации, известны. Например, головка навершия с поселения Трусо (Польша) (*Biborski et al.*, 2010. P. 25, 28–29).

98 По мнению Я. Петерсена, «тип I является особым вариантом типа H» (*Петерсен*, 2005. С. 138). Ф. А. Андрощук также предлагает объединить в один тип (H/I) мечи типов H и I, а также мечи особого типа 20 (*Андрощук*, 2013. С. 56). Стоит отметить, что по крайней мере один из мечей, отнесенных Я. Петерсеном к особому типу 20, – это, наиболее вероятно, меч типа V без головки навершия (*Петерсен*, 2005. С. 201. Рис. 135).

99 Всего лишь у одного меча (и еще одного предположительно) с шириною основания головки навершия менее 2,3 см было зафиксировано скрепление деталей навершия при помощи штифтов (*Андрощук*, 2013. С. 54. Табл. II:4).

и меч, найденный в 1901 году в кургане 147 Лесной группы (Л-147/Сиз-1901), также относился к типу H[100] (*Kainov*, 2012. P. 60–61). Таким образом, с учетом находки 2017 года (курган Л-207), всего в Гнёздове найдено не менее 7 мечей типа H/I, еще один меч отнесен к этому типу предположительно.

Основные метрические данные мечей типа H/I приведены в таблице:

Место и год находки	Общая длина, *мм*	Длина клинка, *мм*	Ширина дола у перекрестия, *мм*	Ширина клинка у перекрестия, *мм*	Толщина клинка у перекрестия, *мм*	Длина перекрестия, *мм*	Высота перекрестия, *мм*	Ширина перекрестия, *мм*	Длина хвата рукояти, *мм*	Общая высота навершия, *мм*	Длина основания навершия, *мм*	Высота основания навершия, *мм*	Ширина основания навершия, *мм*	Длина головки навершия, *мм*	Высота головки навершия, *мм*	Ширина головки навершия, *мм*	Вес, *г*
Курган Л-6/Сиз-1881, головка навершия	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	68	30	20	72
Курган «комплекс Ц/октябрь 1898»	351	–	ок. 30	61	5	97	18	28	97	52	84	17	37	77	35	34	–
Курган Л-35/1949	960	788	ок. 25	57	5	103	21	37	96	57	90	17	37	87	41	33	–
Городище (ЦГ-II/1953), головка навершия	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	71	29	29	90
Городище (ЦГ-XIX/1986), перекрестие	–	–	–	–	–	93	16	22	–	–	–	–	–	–	–	–	182
Курган Лб-1/1987	–	–	ок. 25	66	6	100	15	25	ок. 95	48	79	14	25	75	34	24	–
Курган Л-207/2017	950	785	–	ок. 57	–	ок. 100	ок. 12	ок. 22	100	40	81	10	19	78	30	17	–

Исходя из приведенных в таблице параметров, к типу I можно отнести только меч, найденный в кургане Л-207/2017. Помимо размерных характеристик и уплощенных фронтальных поверхностей перекрестия и основания навершия, совпадает и скрепление деталей навершия при помощи U-образной скобы. Близок к типу I меч из кургана Лб-1/1987, у которого размеры, определенные для этого типа, превышены всего на несколько миллиметров. Тем не менее, с учетом формы сечений перекрестия и основания навершия, а также крепления головки навершия с помощью двух штырей **(рис. 210, *3*)**, мы относим этот меч к типу H.

Все находки были непосредственно изучены в музейных собраниях. К сожалению, клинки трех конструктивно целых[101] мечей (из найденных до 2017 года) к настоящему времени сохранились частично, что не всегда позволяет определить их тип. Клинок меча из кургана Лб-1/1987 был согнут и сломан, а также сильно поврежден коррозией. Неудачная реставрация меча из кургана Л-35/1949 (также сломанного при совершении погребального обряда) исказила форму клинка. Меч из разрушенного погребения по обряду ингумации («комплекс октябрь 1898/Ц») в коллекцию музея посту-

100 В целом виде меч известен только по фотографиям. Отсутствующая головка навершия не позволяет точно определить тип меча. Он может относится и к типу V по типологии Я. Петерсена. В собрании Смоленского государственного музея-заповедника сохранились только обломки клинка этого меча (СОМ 7141/5). Рукоять исчезла во время оккупации Смоленска в годы Великой Отечественной войны. Публикация всей имеющейся информации по этому мечу находится в стадии подготовки.

101 Под термином «конструктивно целый» понимаются мечи с сохранившимися (полностью или частично) основными конструктивными частями – клинком и деталями рукояти.

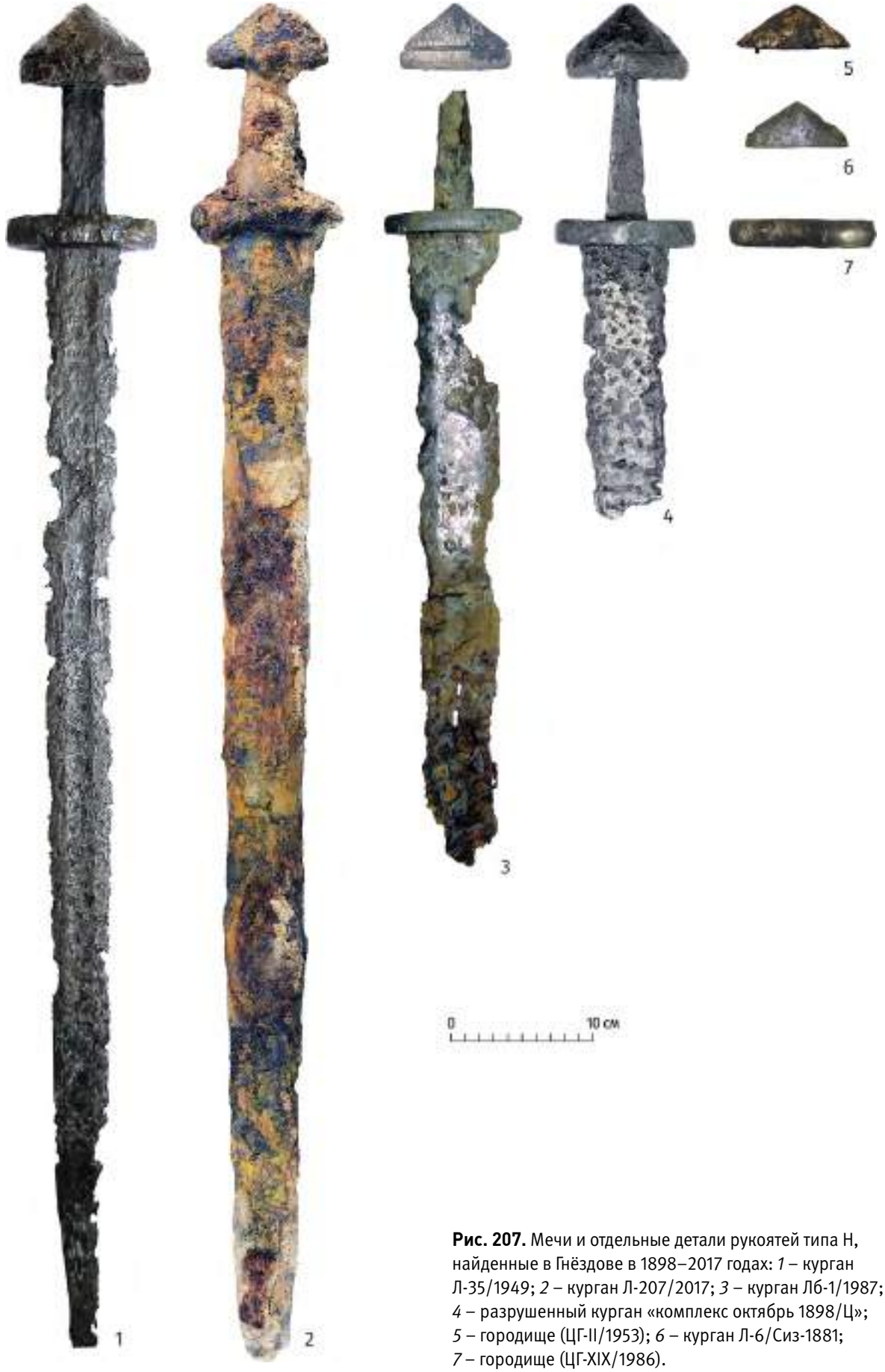


Рис. 207. Мечи и отдельные детали рукоятей типа H, найденные в Гнёздове в 1898–2017 годах: *1* – курган Л-35/1949; *2* – курган Л-207/2017; *3* – курган Лб-1/1987; *4* – разрушенный курган «комплекс октябрь 1898/Ц»; *5* – городище (ЦГ-II/1953); *6* – курган Л-6/Сиз-1881; *7* – городище (ЦГ-XIX/1986).

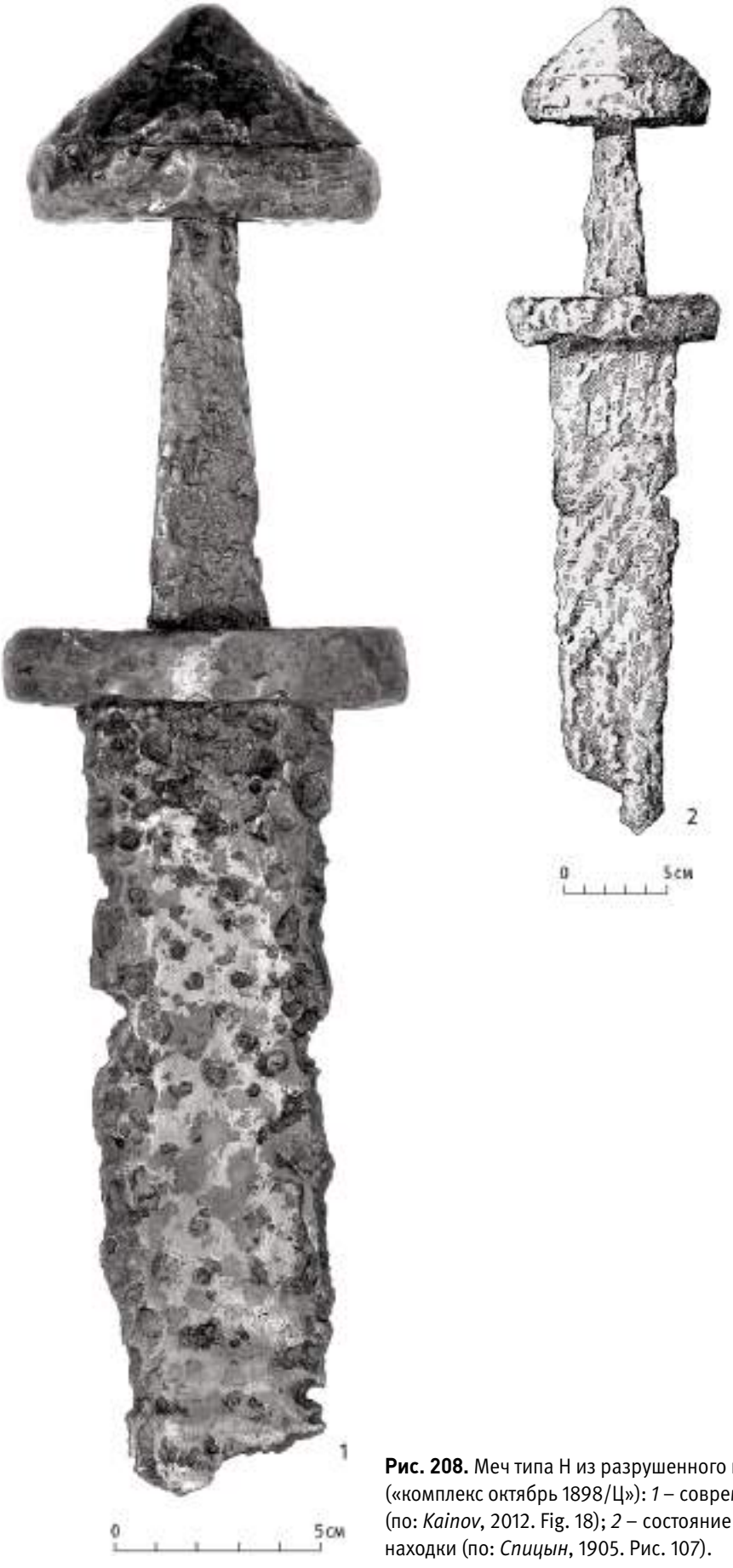


Рис. 208. Меч типа H из разрушенного кургана («комплекс октябрь 1898/Ц»): *1* – современное состояние (по: *Kainov*, 2012. Fig. 18); *2* – состояние на момент находки (по: *Спицын*, 1905. Рис. 107).

Рис. 209. Меч типа H из кургана Л-35/1949:
1 – общий вид; *2* – рукоять (по: *Kainov*, 2012. Fig. 20).

Рис. 210. Меч типа H из кургана Лб-1/1987: *1* – общий вид; *2* – рукоять (*а* – серебряное покрытие на основании навершия меча); *3* – рентгенограмма навершия (*1, 2* – фотографии по: *Каинов, Щедрина,* 2019. Рис. 5, *1*).

Рис. 211. Детали рукоятей мечей типа H: *1* – головка навершия из кургана Л-6/Сиз-1881; *2* – головка навершия из раскопок Центрального городища (раскоп ЦГ-XIX/1986); *3* – перекрестие из раскопок Центрального городища (раскоп ЦГ-II/1953) (*1–3* – по: *Kainov*, 2012. Fig. 26–28).

пил с отсутствующей нижней половиной клинка (см. **рис. 208, *2***).

Всечная инкрустация в разной степени сохранности выявлена на поверхности всех деталей рукоятей, кроме головки навершия из кургана Л-6/Сиз-1881 и деталей рукояти меча из Лб-1/1987.

Отдельно найденная головка навершия из кургана Л-6/Сиз-1881 отличается сильно скошенными и закругленными нижними углами, а также отсутствием ступеньки, расположенной по нижнему краю головки навершия и служившей для размещения там проволочного жгутика, закрывающего щель между основанием и головкой навершия. На поверхности детали, несмотря на относительно хорошую сохранность, не выявлено ни инкрустированного металла, ни канавок под инкрустацию. Тем не менее на отдельных участках зафиксировано тонкое покрытие медным сплавом. Способ покрытия неясен. Особенности этой головки навершия – форма, способ покрытия поверхности цветным металлом, отсутствие ступеньки – позволяют предполагать, что мы имеем дело с редкой разновидностью, по своим морфологическим особенностям наиболее близкой деталям мечей типа H/I.

Вызывает вопросы способ покрытия серебром (с большой долей примеси меди) деталей рукояти меча из кургана Лб-1/1987 **(рис. 210, *2а*)**. Цветным металлом покрыты поверхности навершия, которые были не видны – например, верхний торец основания навершия, уходящий под головку, а также ступенька под укладку скрученной проволоки. В работе 2019 года была предложена реконструкция способа нанесения металла на поверхность (*Каинов, Щедрина*, 2019. С. 71–72). Сначала фронтальные поверхности перекрестия и навершия были гравированы тонкими (ширина около 0,3 мм, плотность 17–18 канавок на 10 мм) параллельными линиями. Затем железные детали с наложенными на поверхность обрезками серебра обматывались тканью, получившийся сверток обмазывали глиной и помещали в огонь. В результате воздействия большой температуры цветной металл напаивался на железную основу. Применение вышеописанного способа покрытия объясняет и наличие металла на поверхностях, которые на собранном мече не видны. После нанесения слоя цветного металла на фронтальных поверхностях деталей по ранее прорезанным в железной основе канавкам были продавлены параллельные углубления. В результате этого механического воздействия затекший в канавки металл был частично выдавлен на поверхность, и по бокам от канавок сформировались характерные валики. Торцевые стороны перекрестия и основания навершия остались гладкими, покрытыми тонким слоем сплава серебра и меди.

Остальные детали мечей были покрыты характерной для типа H всечной инкрустацией цветным металлом: в одном случае (Л-35/1949) – серебром, в трех («комплекс октябрь 1898/Ц», перекрестие и головка навершия, найденные на городище) – латунью. Характер орнаментации на деталях меча из разрушенного комплекса 1898 года из-за состояния сохранности определить невозможно, в остальных случаях это было монохромное латунное покрытие, на перекрестии – сплошное, на головке навершия – чередующееся с железом детали. Плотность инкрустации у меча из кургана Л-35/1949 – около 22 проволочек на 10 мм, меча из комплекса 1898 года – около 18 проволочек, на головке навершия (ЦГ-XIX/1986) – 16–17 проволочек, на перекрестии (ЦГ-II/1953) – около 16 проволочек на 10 мм.

По ребрам хорошо сохранившейся головки навершия, найденной на городище, инкрустировано по три латунные проволочки. Торцевые стороны перекрестия, найденного на городище, покрыты тонкими латунными(?) пластинами. Способ закрепления пластин неясен.

На клинках трех мечей были выявлены клейма. На мече из Лб-1/1987 клейма выполнены дамаскированной проволокой. На одной стороне клинка нанесена надпись **+ULFBERHT**, на другой – «решетка», с двух сторон ограниченная тремя вертикальными столбиками **(рис. 212, *1*)**. На фрагменте клинка из разрушенного комплекса 1898 года клейма также выполнены дамаскированной проволокой: на одной стороне – буквообразные знаки, на другой – «решетка» (*Кирпичников*, 1966а. С. 262. Рис. 3, *2*) **(рис. 212, *2*)**. На клинке меча из кургана Л-35/1949 на одной стороне расчищено клеймо в виде спирали из простой железной проволоки, на другой – фрагменты креста с Т-образными окончаниями (?)[102] **(рис. 212, *3*)**.

---

102 Была выполнена новая прорисовка оставшихся после реставрации фрагментов клейм, в деталях отличающаяся от прорисовки А. Н. Кирпичникова (*Кирпичников*, 1966. Табл. XVIII, *9*).

Форма клинка может быть реконструирована только у одного меча типа H – из кургана Л-35/1949. Клинок относится к типу 3 по типологии А. Гайбига или к группе *{a2}* по типологии И. Хошека – И. Кошты – П. Жаковского.

Были проведены металлографические исследования лезвийной части клинка из разрушенного погребения по обряду трупоположения в деревянной камере («комплекс октября 1898 г.»), а также лезвийной части и черена клинка из кургана Лб-1/1987 (*Каинов, Щедрина*, 2019. С. 67, 72–73). В первом случае была выявлена однородная ферритная структура. Лезвийная часть меча из кургана Лб-1/1987 была изготовлена по технологии пакета: на трехслойный сердечник с торцов были наварены кромки из высокоуглеродистой стали. Черен, вероятно, был сформирован из сердечника клинка или только из его внешних слоев.

Как представляется, наиболее ранние датировки могут быть предложены для двух комплексов с мечами типа H – курган Л-35/1949 (конец IX – первая четверть X в.) и курган Лб-1/1987 (первая четверть X века). Остальные мечи и их детали (кроме головки навершия из трудно датируемого кургана Л-6/Сиз-1881) можно отнести ко второй четверти – второй половине X века. Причем мечи с самыми крупными деталями рукояти (из комплекса 1898 года и кургана Л-35/1949) найдены как в одном из самых ранних, так и в позднем комплексах.

На территории Восточной Европы (Беларусь, Россия[103], Украина) найдено не менее 52 мечей типа H/I (см. **рис. 198; 213–217**). На памятниках, которые можно связать с территорией Древней Руси X – начала XI в., найдено не менее 24 мечей этого типа:

К сожалению, очень значительное количество находок происходит из кладоискательских раскопок, лишено достоверного археологического контекста и известно лишь по нескольким фотографиям.

Учтенные мечи типа H/I представлены как целыми экземплярами, так и обломками и отдельными деталями. Минимум в пяти случаях у мечей отсутствовала головка навершия. В отличие от мечей типа E, где удаление головки навершия приводило к необходимости укорачивать черен клинка, в случае с мечами типа H/I снять головку можно было, просто спилив на торце основания навершия расклепанную часть штырей/скобы. Интересный вариант пересборки деталей рукояти демонстрирует меч из кургана 58 могильника Шестовица (Черниговская обл., Украина) **(рис. 215, *4*)**. Детали головки навершия скреплены не классическим для этого типа способом (при помощи штырей или скобы), а крепятся на черене рукояти, который проходил сквозь основание и головку навершия и расклепывался. Схожим образом закреплена головка навершия на мече из Подболотьевского могильника, но у данного экземпляра отсутствует основание навершия (*Бейлекчи*, 2000. С. 65. Рис. 1, *9*). Следы переустановки деталей рукояти фиксируются и на мече из Биляра (?). Укороченные при разборе навершия штифты стали непригодны для новой монтировки головки, и их заменили на довольно грубые заклепки. Причем шляпки заклепок находились на торце основания навершия, и стержни проходили сквозь основание и головку и расклепывались сверху в специальных пропилах на ребрах головки **(рис. 213, *2а, 2б*)**.

Исходя из имеющейся в нашем распоряжении информации, среди восточноевропейских находок

	Место находки	Источник информации	Место хранения	Рисунок
1	Биляр? (Татарстан, РФ)[a]	Русские и немцы, 2012. С. 18. № 3	ГИМ	213, *2*
2	Болгар (Татарстан, РФ)	Русские и немцы, 2012. С. 18. № 4	ГИМ	213, *3*
3	Брили (Минская обл., РБ)	*Плавінскі*, 2009. С. 14. Мал. 3; *Курганов и др.*, 2019. Рис. 9–12	НИМРБ	215, *1*
4	Великий Новгород? (Новгородская обл., РФ)	Русские и немцы, 2012. С. 18. № 2	НМЗ	214, *4*

103 Мечи, происходящие с территории Карелии и Калининградской области РФ, в этих подсчетах не учитываются.

	Место находки	Источник информации	Место хранения	Рисунок
5	Великий Новгород (Новгородская обл., РФ), отдельная головка навершия	–[б]	НМЗ	–
6	Витебск (Витебская обл., РБ)	*Плавінскі*, 2009. С. 15. Мал. 5	?	–
7	Витебск, округа (Витебская обл., РБ)	*Плавінскі*, 2009. С. 14–15. Мал. 4	ВОКМ	–
8	Гнань (Курская обл., РФ)	*Стародубцев*, 2011. С. 69–70	ГКМ г. Железногорска	–
9	Гнёздово (курган Л-6/Сиз.-1881) (Смоленская обл., РФ), отдельная головка навершия	*Kainov*, 2012. S. 32. Fig. 26	ГИМ	211, *1*
10	Гнёздово («комплекс 1898 г.») (Смоленская обл., РФ)	*Kainov*, 2012. S. 28. Fig. 17, 18	ГИМ	208
11	Гнёздово (курган Л-35/1949) (Смоленская обл., РФ)	*Kainov*, 2012. S. 28. Fig 19–21	СГМЗ	209
12	Гнёздово (курган Лб-1/1987) (Смоленская обл., РФ)	*Kainov*, 2012. S. 31–32. Fig 22–24	МГУ Фонды КА	210
13	Гнёздово (курган Л-207/2017) (Смоленская обл., РФ)	–	ГИМ	67
14	Гнёздово (городище) (Смоленская обл., РФ), отдельное перекрестие	*Kainov*, 2012. S. 32. Fig. 27	МГУ Фонды КА	211, *3*
15	Гнёздово (городище) (Смоленская обл., РФ), отдельная головка навершия	*Kainov*, 2012. S. 32. Fig. 28	МГУ Фонды КА	211, *2*
16	Горбуново (Пермская обл., РФ)	–[в]	?	–
17	Горожане (Псковская обл., РФ) отдельное основание навершия	–[г]	ПГОИАХМЗ	–
18	Журавкинский II могильник (погр. 37), Мордовия, РФ)	*Шитов*, 1994. С. 44–45. Рис. XVII	?	–
19	Збаражский замок, экспозиция (Тернопольская обл., Украина)	–[д]	Збаражский замок	217, *6*
20	Залющик (курган 1/1874) (Ленинградская обл., РФ)	*Кирпичников*, 1966а. С. 74. № 6	НМФ	–
21	Изборск (Псковская обл., РФ), отдельное основание навершия (?)	*Седов*, 2007. С. 337. Рис. 192, *11*	ПГОИАХМЗ	–
22	Камно, (Псковская обл., РФ), отдельное основание навершия	*Плоткин*, 1974. С. 14. Рис. 4, *8*	ПГОИАХМЗ	–
23	Киев (Украина)	*Андрощук, Зоценко*, 2012. С. 55. Рис. 22	НМИУ	215, *2*
24	Киев (Украина)	*Андрощук, Зоценко*, 2012. С. 109. Рис. 73	АМ ИА НАНУ	215, *5*
25	Киевская обл., Украина, навершие и черен клинка	–[е]	–	217, *7*
26	Красный Рог (Киевская обл., Украина)	*Андрощук, Зоценко*, 2012. С. 144. Рис. 96	МИК	–
27	Маяки (городище) (Донецкая обл.), отдельное перекрестие	*Кравченко*, 2020. С. 203–204. Рис. 6, *4*	?	–
28	Маяки (городище) (Донецкая обл.), отдельное основание навершия	*Кравченко*, 2020. С. 204. Рис. 6, *3*	?	–
29	Нечаево (Пермский край, РФ)	*Данич,* 2012. С. 87. Рис. 6, *59*	?	–
30	Нижняя Стрелка, погребение 15 (Марий Эл, РФ)	*Акилбаев*, 2019. С. 14. Рис. 32	?	–
31	Новосёлки (курган 4) (Смоленская обл., РФ)	*Шмидт,* 2005б. С. 159–160. Ил. 23, *1*	СГМЗ	213, *1*

	Место находки	Источник информации	Место хранения	Рисунок
32	Новосёлки (курган 13) (Смоленская обл., РФ)	*Шмидт,* 2005б. С. 159–160. Ил. 23, *2*	СГМЗ	214, *1, 2*
33	Ополье (разрушенное погребение) (Ленинградская обл., РФ)	*Михайлова и др.*, 2016. Рис. 6, *3*[ж]	?	216, *1, 2*
34	Пиркинское (курган 1879 г.) (Ленинградская обл., РФ)	*Кирпичников*, 1966а. С. 74. Табл. V, *1*	НМФ	–
35	Подболотье (разрушенное погребение) (Владимирская обл., РФ)	*Бейлекчи*, 2000. С. 65. Рис. 1, *9*[з]	МИХМ	–
36	Селище (разрушенное погребение) (Псковская обл., РФ)	*Михайлов, Романовский*, 2016[и]	?	216, *3*
37	Рокот (разрушенное погребение) (Смоленская обл., РФ), отдельная головка навершия	–[к]	?	214, *3*
38	б. С.-Петербургская губ., Россия, Ижорское плато	*Стасюк*, 2010. С. 398. Рис. 1, *3*	ГЭ	–
39	б. С.-Петербургская губ., Россия, Ижорское плато	*Стасюк,* 2010. С. 398. Рис. 1, *8*	ГЭ	–
40	Место находки неизвестно[л]	*Каинов,* 2008. С. 147. Рис. 2, *6*	ГИМ	213, *4, 5*
41	Снятин (Ивано-Франковская обл., Украина)	*Снятинщина*, 2014. С. 80	?	217, *4*
42	Украина (Западная)	–[м]	?	217, *2, 3*
43	Украина, отдельная головка навершия	–	?	217, *5*
44	Украина	–	?	217, *1*
45	Украина, отдельная головка навершия	–	?	217, *8*
46	Ульяновская обл., РФ, отдельные навершие и перекрестие	–	?	216, *4*
47	Шестовица (курган 36) (Черниговская обл., Украина)	*Андрощук, Зоценко*, 2012. С. 186. Рис. 130	ЧОИМ	–
48	Шестовица (курган 58) (Черниговская обл., Украина)	*Андрощук, Зоценко*, 2012. С. 228. Рис. 165	АМ ИА НАН	215, *4*
49	Шестовица (курган 83) (Черниговская обл., Украина)	*Андрощук, Зоценко*, 2012. С. 250. Рис. 188	АМ ИА НАН	–
50	Шестовица курган 2006 г.) (Черниговская обл., Украина)	*Андрощук, Зоценко*, 2012. С. 339. Рис. 21	ЧОИМ	215, *3*[н]
51	Шниткино (Тверская обл., РФ), отдельная головка навершия	–[о]	ГИМ	–
52	Юго-Восточное Приладожье	*Кирпичников*, 1966а. С. 74–75. № 8	?	–

Примечания: ***а*** – в Главной инвентарной книге Исторического музея меч записан как найденный на поле около с. Старо-Альметьево и Ново-Альметьево, Чистопольского у., Казанской губ. Но И. Л. Измайлов предполагает, что меч происходит с городища Биляр (*Измайлов*, 1997. С. 34); ***б*** – деталь найдена при археологических работах на раскопе Тр-VII в 1986 году. Благодарим сотрудника Новгородского музея-заповедника А. Н. Каменского за предоставленную информацию; ***в*** – меч происходит из кладоискательских раскопок и известен по фотографиям из социальных сетей; ***г*** – основание навершия найдено в ходе кладоискательских работ на территории археологического памятника. Впоследствии передано сотрудникам Археологического центра Псковской обл. Благодарим А. В. Михайлова за предоставленную информацию о находке. Отнесено к типу H/I предположительно, так как на фронтальных поверхностях отсутствуют следы инкрустации. Но это может объясняться и плохой сохранностью; ***д*** – целый меч типа H (без головки навершия) выставлен в экспозиции Збаражского замка. Место находки неизвестно; ***е*** – навершие с фрагментом черена клинка происходит из кладоискательских раскопок и известно по фотографиям из социальных сетей; ***ж*** – меч с согнутым клинком, происходящий, вероятно, из погребения по обряду трупосожжения, найден в ходе кладоискательских работ. Информация любезно предоставлена И. В. Стасюком. Существует очень большая вероятность, что этот меч в отреставрированном виде **(рис. 216, *2*)** продавался в одном из российских антикварных интернет-магазинов; ***з*** – второй меч из Подболотьевского могильника относится к типу B, а не к типу H/I (*Кирпичников*, 1966а. С. 76; *Бейлейчи*, 2000. С. 65. Рис. 1, 11); ***и*** – меч происходит из кладо-

искательских раскопок грунтового могильника около д. Селище в окрестностях Пскова и известен по фотографиям из социальных сетей. Изъятая часть вещей из этих раскопок в 2013 году передана Управлением ФСБ России по Псковской области на временное хранение в Археологический центр Псковской области (*Михайлов, Романовский*, 2016); ***к*** – головка навершия меча типа H найдена на месте распаханного курганного могильника; ***л*** – меч поступил в собрание Государственного исторического музея в 1917 году в качестве дара от графини П. С. Уваровой (Оп. В 2380/2). На рисунке в каталоге В. В. Арендта меч изображен с перекрестием и основанием навершия **(рис. 213, *5*)**. В настоящее время основание навершия отсутствует; ***м*** – мечи и их детали №№ 41–46 происходят из кладоискательских раскопок и известны по фотографиям из социальных сетей; ***н*** – фотографии меча после реставрации размещены на сайте Национального научно-исследовательского реставрационного центра Украины – http://restorer.kiev.ua/?p=9055; ***о*** – благодарим научного сотрудника Отдела археологических памятников ГИМ С. А. Стефутина за предоставленную информацию.

к типу I можно отнести лишь мечи из Биляра (?) и разрушенного погребения у д. Ополье **(рис. 213, *2*; 216, *1, 2*)**. Поверхность деталей меча из Биляра (?) украшена полихромным геометрическим орнаментом, состоящим из двух обращенных друг к другу рядов, вытянутых в вертикальной проекции ступенчатых треугольников и расположенных между ними ромбов. Треугольники сформированы отрезками серебряной проволоки, ромбы – отрезками проволоки из медного сплава. Характер инкрустации на мече из Ополья остался неизвестен.

По своим параметрам к типу I близки три кладоискательские находки, сделанные на территории Республики Карелия (РФ) **(рис. 218)**. Известно, что один из этих мечей был найден около скалы на холме Ханнукайнен (о-в Кильпола, Ладожское озеро) **(рис. 218, *2, 3*)**, а отдельное навершие обнаружено на одном из островов архипелага Кильпола[104] **(рис. 218, *4*)** (*Бельский*, 2018. С. 156). Насколько позволяет судить сохранность, фронтальные поверхности навершия инкрустированы проволокой белого металла, не образуя при этом сплошной поверхности. В центральной части и по краям головки и основания навершия различимы инкрустированные белым металлом поля с размещенными внутри вытянутыми в вертикальной развертке ромбами, возможно выложенными проволокой медного сплава в сочетании с серебром. Подобная схема напоминает орнаментацию на деталях меча из гнёздовского кургана Л-207/2017.

Фронтальная поверхность деталей рукояти подавляющего числа восточноевропейских мечей типа H/I была покрыта всечной инкрустацией[105]. Инкрустация чаще всего монохромная, как правило выполненная проволокой из медного сплава **(рис. 213, *1, 4*; 214, *3*; 216, *1–4, 6*)**. Выявлены и более сложные, полихромные композиции геометрического характера, сочетающие проволоку белого, желтого и красного цвета **(рис. 213, *2*; 214, *1, 2, 4*; 215, *1, 5*)**. Плотность укладки проволоки варьировалась от 6–7 до 25 проволочек на 1 см **(рис. 213, *3а, 2в*)**. На нескольких мечах зафиксировано покрытие торцевых сторон перекрестия и основания навершия тонкими пластинами. На мече, предположительно найденном в Великом Новгороде, сохранился жгутик, скрученный из двух латунных проволочек и уложенный в канавку между основанием и головкой навершия **(рис. 214, *4*)**.

Клинки по крайней мере шести восточноевропейских мечей с деталями рукояти типа H дамаскированы (Витебск, Горбуново, Пиркинское, Подболотье, Западная Украина, Шестовица (к. 83)) **(рис. 217, *2*)** (*Кирпичников*, 1966а. С. 75, 77; *Плавінскі*, 2009. С. 14. Мал. 5).

На восьми клинках мечей типа H (без учета найденных в Гнёздове) выявлены клейма (*Кирпичников,* 1966. С. 75, 77; *Еремеев, Дзюба*, 2010. Рис. 385, *2*). В шести случаях на одной стороне клинка присутствовало клеймо **ULFBERHT** (в разных вариантах написания), на другой стороне – «решетка» (Болгары, Великий Новгород (?), округа Витебска, Залющик, Красный Рог, Ополье (?)). На клинке меча из Биляра (?) на одной стороне выявлено клеймо **+LEUTLRIT**, на другой – клеймо в виде «решетки» (*Кирпичников*, 1966а. С. 39. Табл. XIX, *2*). На клинке еще одного меча (Брили) наличие клейма определено с помощью рентгена, но оно пока остается непрочтенным (*Курганов и др.*, 2019. С. 53. Рис. 8).

К сожалению, из 52 учтенных восточноевропейских находок мечей типа H/I только 17 (без учета мечей из Гнёздова) происходят из известного археологического контекста. Большинство

104 Благодарим старшего научного сотрудника Отдела археологии Музея антропологии и этнографии к. и. н. С. В. Бельского за предоставленную информацию.

105 Не зафиксировано ни инкрустации, ни канавок под нее на головке навершия, найденной на Троицком VII раскопе в Великом Новгороде и на основании навершия с поселения Горожане.

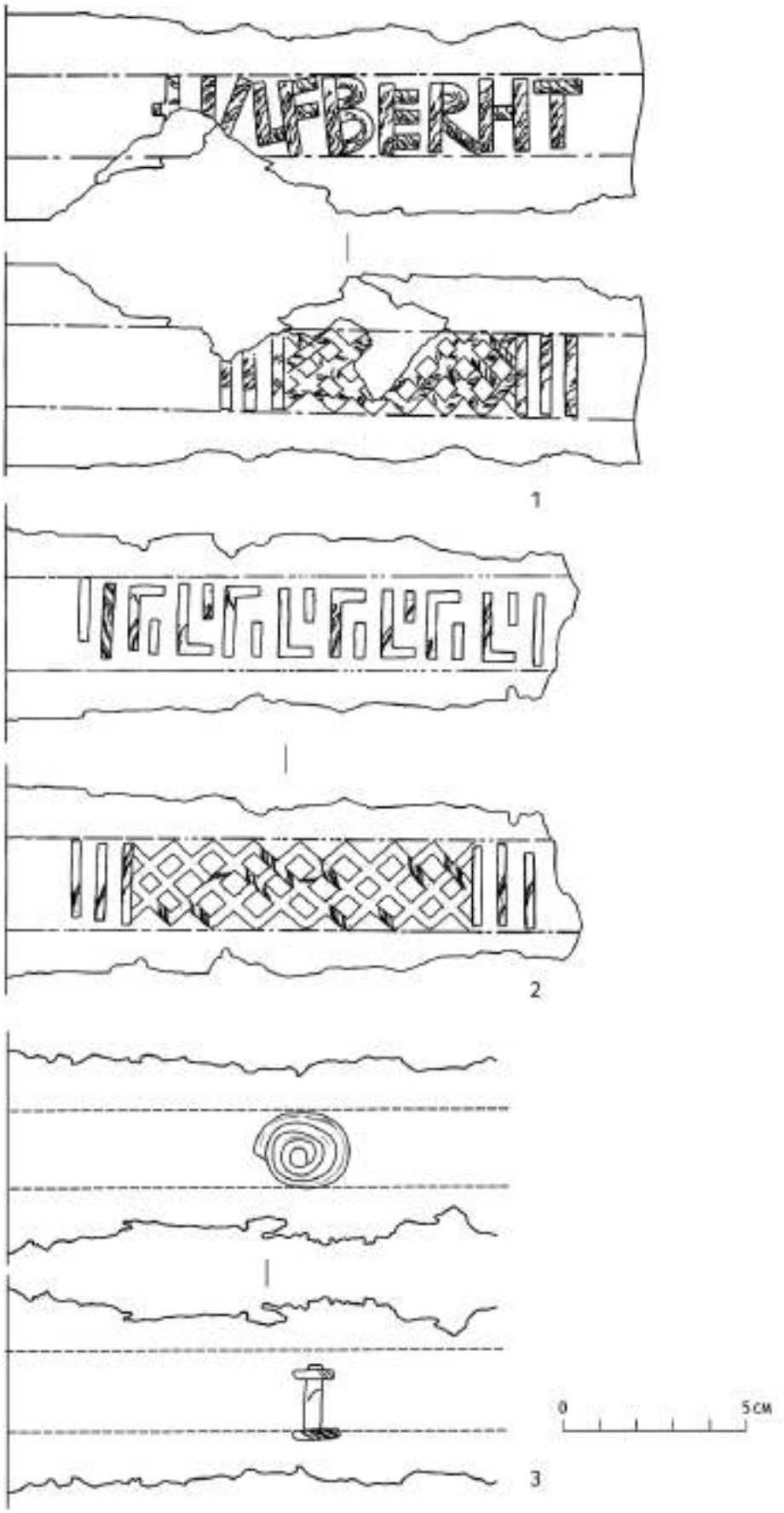


Рис. 212. Клейма на клинках мечей из курганов: *1* – Лб-1/1987; *2* – «комплекс октябрь 1898/Ц»; *3* – Л-35/1949 (рисунки: *1, 2* – А. С. Дементьевой; *3* – С. Ю. Каинова).

Рис. 213. Мечи типа H/I с территории Восточной Европы: *1* – Новоселки (Смоленская обл., РФ); *2* – Биляр? (Татарстан, РФ) (*а* – расклепанная заклепка, скрепляющая головку и основание навершия, *б* – шляпки заклепок на торце основания навершия; *в* – инкрустация на перекрестии); *3* – Болгар (Татарстан, РФ) (*а* – инкрустация на перекрестии); *4, 5* – место находки неизвестно (*5* – по В. В. Арендту (*Каинов*, 2008. Рис. 2, *б*)).

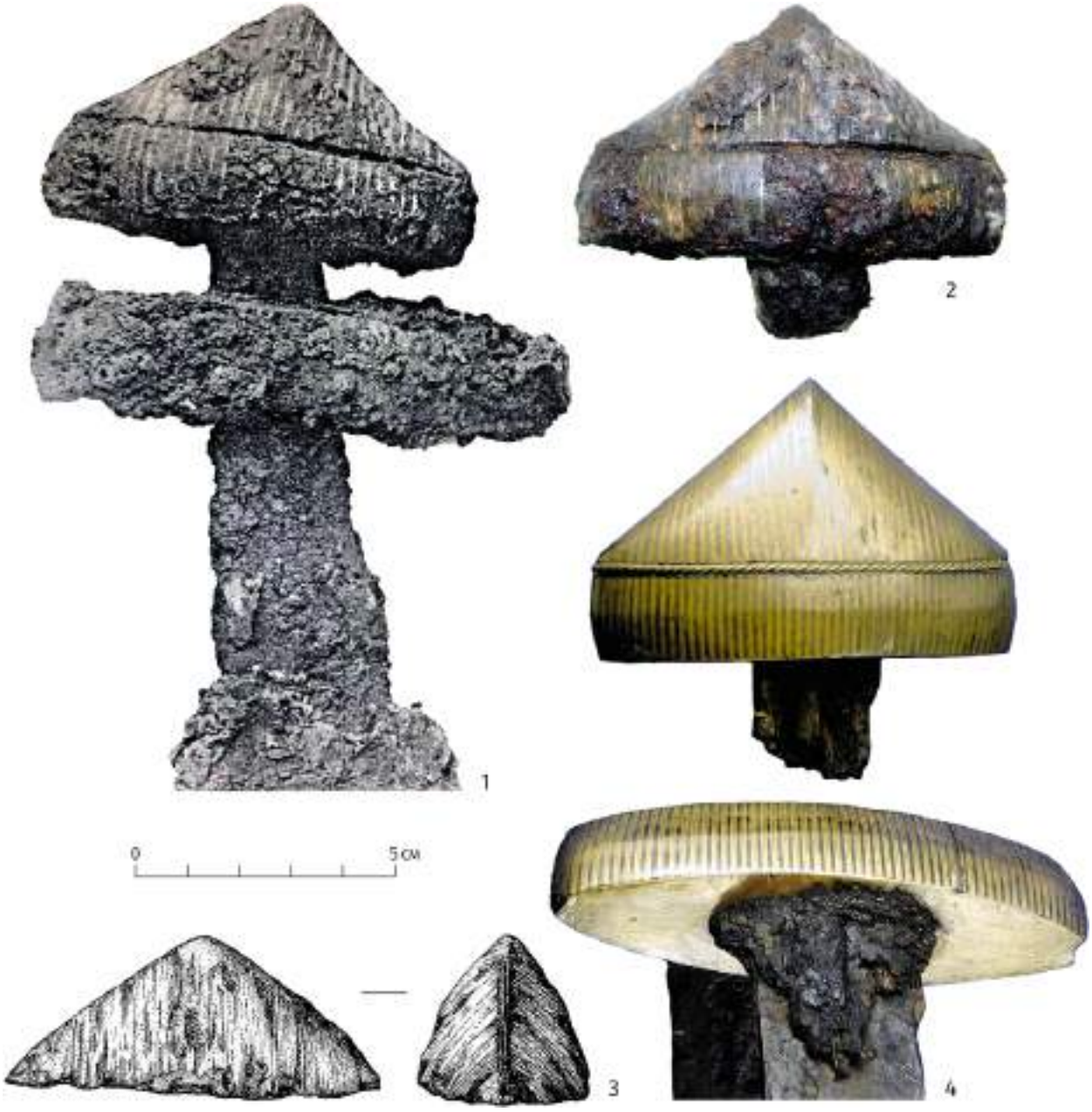


Рис. 214. Мечи типа H с территории Восточной Европы: *1*, *2* – Новоселки (Смоленская обл., РФ) (*1* – по: *Шмидт*, 2005б. Ил. 23, *1*); *3* – Рокот (Смоленская обл., РФ) (рисунок А. С. Дементьевой); *4* – Великий Новгород? (Новгородская обл., РФ).

из них датируется в рамках X века. К IX веку можно *предположительно* относить основание навершия и перекрестие меча (мечей) типа H, найденные на городище Маяки[106] (*Кравченко,* 2020. С. 203–204; *Андрощук, Зоценко*, 2012. С. 316. Рис. 250). В. К. Михеев предполагал, что в конце IX века поселение было разгромлено печенегами, и, хотя жизнь на нем продолжилась и в последующее время, его экономическая роль значительно снизилась (*Михеев*, 1985. С. 23, 24). Концом IX века (с нашей точки зрения, нельзя исключать и начало X в.) датируют кладовый комплекс, содержавший находку меча типа H, найденный у д. Брили в пойме р. Березины (Минская обл., РБ) (*Плавінскі,* 2009. С. 14). Поздняя датировка (вторая четверть XII –

106 Основание навершия найдено случайно на поверхности городища, перекрестие – в ходе археологических работ.

Рис. 215. Мечи типа H с территории Восточной Европы: *1* – Брили (Минская обл., РБ) (по: *Курганов и др.*, 2019. Рис. 10); *2* – Киев (Украина); *3* – Шестовица (Черниговская обл., Украина); *4* – Шестовица (Черниговская обл., Украина); *5* – Киев (Украина) (*а* – инкрустация на перекрестии).

Рис. 216. Мечи типа H/I с территории Восточной Европы: *1, 2 (?)* – Ополье (Ленинградская обл., РФ) (*2* – фотографии меча с сайта антикварного интернет-магазина); *3* – Селище (Псковская обл., РФ); *4* – Ульяновская обл., РФ.

Рис. 217. Мечи типа H с территории Восточной Европы: *1* – Украина; *2, 3* – Западная Украина; *4* – Снятин (Ивано-Франковская обл., Украина) (по: Снятинщина, 2014. С. 80); *5* – Украина; *6* – экспозиция Збаражского замка (Тернопольская обл., Украина); *7* – Киевская обл., Украина; *8* – Украина.

Рис. 218. Мечи типа H/I с территории Карелии: *1* – место находки неизвестно; *2*, *3* – о-в Кильпола, Ладожское озеро (РФ); *4* – один из о-ов архипелага Кильпола, Ладожское озеро (РФ).

третья четверть XIII века) предложена И. В. Стасюком для подкурганных погребальных комплексов с мечами, в том числе двух с мечами типа H, исследованных на Ижорском плато (*Стасюк,* 2017. С. 119).

Так же, как и в Восточной Европе, мечи типа H/I являются наиболее массовыми и на территории остальной Европы – здесь найдено более 800 экземпляров таких мечей (*Щедрина,* 2022*а*. С. 63–64 *с дополнениями авторов*):

Страна, регион	Количество	Источник информации
Норвегия	339	*Hernæs*, 1985, P. 102–106; *Jakobsson,* 1992. P. 209
Швеция	242	*Андрощук,* 2013. С. 235–240
Финляндия (с учетом Карелии и Аландских о-в)	78[а]	*Kivikoski*, 1973. P. 107, 112. Abb. 831, 832
Ирландия	27	*Walsh*, 1998. P. 229–230; *Harrison, O'Floinn*, 2014. Tab. 3. P. 83–86
Калининградская обл. РФ	25	*Kazakevicius,* 1996. P. 103–105, 150–152; *Goßler, Jahn*, 2019. P. 176–181
Эстония	21	*Mandel,* 1991. P. 130 (с корректурой *Щедрина*, 2022*а*. С. 63-64)
Польша	18	*Klimek et al.,* 2009-2010. P. 306–307[б]
Великобритания	14	*Evison,* 1969, Fig. 1; *Wheeler,* 1927, P. 36–37; *Żabiński,* 2007, P. 31, 37, 39–43, 50, 54–57[в]
Латвия	13	*Tomsons*, 2018. P. 45–49 (с корректурой *Щедрина*, 2022*а*. С. 63–64)
Литва	9	*Kazakevicius,* 1996. P. 103–105, 150–151
Нидерланды	7	*Ypey,* 1984. P. 222
Германия	6	*Geibig*, 1991. P. 186
Дания	4	*Андрощук,* 2013. С. 256
Венгрия	3	*Bakay*, 1967. P. 164 (с корректурой *Щедрина*, 2022*а*. С. 63–64)
Франция	3	*Arbman, Nilsson*, 1968. P. 168–171
Чехия	3	*Hošek et al.,* 2019. P. 160–162, 241–242, 246–247
Словакия	2	*Ruttkay*, 1976. P. 248
Хорватия	2	*Vinski,* 1977–78, P. 207
Босния и Герцеговина	1	*Vinski,* 1977–78, P. 208
Швейцария	1	*Jacobsson,* 1992. P. 210
Всего	**818**	

Примечания: ***а*** **–** учтены три экземпляра, происходящие из кладоискательских работ на территории Республики Карелия (РФ) и приведенные на **рис. 218**; ***б*** – судя по сноске 13, были учтены только мечи типа H (*Klimek et al.*, 2009–2010. P. 306–307). Две найденные в Трусо (Польша) головки навершия, отнесенные авторами к типу I (в одном случае H/I), в подсчеты не включены. Таким образом, мечей типа H/I на территории Польши найдено минимум 18 экземпляров; ***в*** – деталь, которую Г. Жабинский трактует как основание навершия меча типа I, таковой, по нашему мнению, не является и поэтому не включена в подсчеты (*Żabiński*, 2007, P. 63. Fig. 30. No. 31).

Таким образом, суммируя известные данные, можно предположить, что на территории Восточной Европы мечи типа H начинают попадать в археологический контекст в конце (?) IX века. Подавляющее большинство находок мечей этого типа относится к X веку. Второй половиной этого столетия датируется единственная находка меча типа I, происходящая из закрытого комплекса, – меч из кургана Л-207 Гнёздовского могильника. Отдельные экземпляры мечей типа H доживают на сельских территориях до XIII века.

Европейские мечи типа H/I демонстрируют большую вариабельность как формы, размеров и пропорций, так и орнаментации деталей рукояти **(рис. 219–222)**. Встречаются образцы с разным соотношением высоты головки и основания навершия (от 1:1 до 1:3), с разным оформлением фронтальных поверхностей основания навершия и перекрестия (от образцов с очень четко выделенным ребром до совершенно плоских), с разными боковыми сторонами головки навершия (от выпуклых до вогнутых) и т. д. Также сильно

Рис. 219. Мечи типа H с территории Норвегии (*1, 2, 5*), Германии (*3*), Швеции (*4, 6*), Нидерландов (*7*): *1* – Байберг (S6190); *2* – Флёло (B11622/b); *3* – Толленсталь; *4* – оз. Нэвельсьё (SHM 4388); *5* – Льо Недре ог Вестре (T22798); *6* – Кульстэде (SHM 14065); *7* – Литсе Хэм. Фотографии: *1, 2, 5* – портал unimus.no (*1* – Annette Øvrelid; *2* – Svein Skare; *5* – Per E. Fredriksen); *4, 6* – портал samlingar.shm.se (*4* – Christer Åhlin; *6* – Elisabet Pettersson).

Рис. 220. Мечи типа H с территории Норвегии (*1, 3, 4*) и Швеции (*2*): *1* – Бельде (B6741/a); *2* – Броа (SHM 19734:36); *3* – Каупанг (C57018/1); *4* – Дален (T20736). Фотографии: *1, 3, 4* – портал unimus.no (*1* – Svein Skare; *3* – Kirsten Helgeland; *4* – Izabela Rzadeczka-Juga); *2* – портал samlingar.shm.se (Sören Hallgren).

Рис. 221. Мечи типа H/I с территории Норвегии (*1, 3, 6*) и Швеции (*2, 4, 5*): *1* – Нес (C23127); *2* – Бирка (SHM 34000:886); *3* – Опдаль Престегард (T21291a); *4* – Баркарбю (SHM 19844:26); *5* – Готланд (GF C 4613); 6 – Килде (C4094). Фотографии: *1, 3, 6* – портал unimus.no (*1* – Kirsten Helgeland; *3* – Per E. Fredriksen; *6* – Mårten Teigen); *2, 4* – портал samlingar.shm.se (*2* – Павел Воронин; *4* – Gunnar Andersson).

Рис. 222. Мечи типа H/I с территории Калининградской обл., РФ (*1*, *2*) и Норвегии (*3*, *4*): *1* – Восточная Пруссия (PM Pr 10753); *2* – Восточная Пруссия (PM Pr 10744); *3* – Эйде (B6685a); *4* – Холтер (C56532/1). Фотографии: *1*, *2* – портал global.museum-digital.org (E. Krüger); *3*, *4* – портал unimus.no (*3* – Svein Skare; *4* – Olav Heggø).

варьируются орнаментальные решения – от монохромных до различных полихромных композиций геометрического характера.

Наиболее систематизирована информация о мечах типа H/I, найденных на территории Швеции (*Андрощук*, 2013. С. 53–61). Плотность инкрустации, измеренная Ф. А. Андрощуком у 71 меча типа H/I, варьировалась от 8 до 28 проволочек на 1 см и в большинстве случаев составляла 14–20 проволочек. На деталях рукояти одного меча инкрустация отсутствовала. На 11 шведских мечах на торцевые стороны основания навершия и пере-

крестия были установлены пластины из цветного металла. Детали навершия меча из Сэтуна собраны на черен клинка[107], как на мече из кургана 58 могильника Шестовица (*Андрощук*, 2013. С. 60, 386–387, 577. Табл. 101). Несколько мечей были найдены с отсутствующими головками навершия (напр. *Андрощук*, 2013. Табл. 36, 39–41, 50–54 и др.). Следы ремонта и отдельные детали, найденные в культурном слое поселений, свидетельствуют, по мнению Ф. А. Андрощука, что двусоставное навершие мечей этого типа было «проблемным местом и подвергалось частым ремонтам» (*Андрощук*, 2013. С. 60). Все шведские мечи, кроме четырех, имели двулезвийные клинки. Вес 16 мечей колебался от 604 до 1652 граммов. Вес еще одного шведского меча – самого тяжелого «меча Швеции эпохи викингов» – 1799 г. Была измерена также длина рукояти (расстояние между основанием навершия и перекрестием) 62 мечей типа H/I. При средней длине в 9,5 см были зафиксированы образцы как с очень короткими рукоятями – 6,7, 7,1, 7,8 см, так и с длинными – 10–10,5 см. Такой большой разброс, по мнению Ф. А. Андрощука, говорит в пользу того, что большинство мечей изготавливалось индивидуально и длина рукояти приспосабливалась под конкретную ширину ладони (*Андрощук*, 2013. С. 57).

Мечи типа H/I из других регионов Европы, насколько позволяет судить количество и качество опубликованного материала, в целом соответствуют шведским мечам этого типа. Стоит отметить характерную для деталей рукоятей заметного количества мечей типа H с территории расселения балтских племен незначительную плотность инкрустации, иногда составлявшей всего 4 проволочки на 1 см (напр. **рис. 222, *1, 2***). В Норвегии известно четыре находки мечей типа H с деталями рукояти (или отдельных деталей) из медного сплава (C6685a, C56532, T1441, Ts15731). Целый такой меч с деталями, по своим параметрам схожими с деталями мечей типа I, найден в Латвии. Фрагменты перекрестия и основания навершия подобных мечей известны в Чехии и России (*Зозуля, Каинов*, 2022. С. 111. Рис. 4, *1–3*). Характерный для мечей типа W орнамент на деталях позволяет относить эти находки к гибридной разновидности мечей типа I/W.

Точного количества мечей типа I, найденных на территории Европы, ни в одной работе не приводится ввиду уже отмеченной сложности в определении таких мечей. Исключение составляет работа П. Харнеса, где указано количество мечей типа I, найденных в Восточной Норвегии – 27 экземпляров (*Hernæs*, 1985, P. 37).

Имеющийся в распоряжении иллюстративный материал позволяет предполагать, что для мечей типа I характерна полихромная инкрустация, что можно считать еще одним признаком этой разновидности мечей. На перекрестии, найденном на острове Готланд (Швеция[108]), встречена орнаментация, аналогичная орнаментации меча из кургана Л-207/2017 **(рис. 221, *5*)**. Основная часть поверхности занята чередующимися отрезками проволоки красного и белого цвета. По центру детали и в боковых зонах расположены три прямоугольных белых поля с вписанными в них ступенчатыми ромбами красного цвета.

Возникновение мечей классического типа H предположительно связано с Каролингской империей, откуда в конце VIII – первой половине IX века тип меча проникает восточнее, в том числе и в Скандинавию, где начинается его местное производство (*Hošek et al.,* 2021. P. 283)[109].

Я. Петерсен подчеркивал, что тип H – это самый многочисленный тип мечей, существовавший длительный период времени, в течение которого с ним происходили изменения (*Петерсен*, 2005. С. 125). По мнению исследователя, в Норвегии мечи типа H с перекрестием и основанием навершия с ярко выраженным ребром появились в начале эпохи викингов или немного раньше. Наибольшее распространение тип получает в первую половину IX века и существует до середины X века (*Петерсен,* 2005. С. 133). Для ранних мечей типа H характерны массивные перекрестие и основание навершия, всегда с выраженным ребром, отсутствующие у поздних мечей этого типа. Мечи типа I, по мнению Я. Петерсена, развиваются из типа H, «вероятно, в восточно-скандинавской области» во второй половине IX века, сосуществуют с поздними мечами типа H и доживают до середины X века (*Петерсен*, 2005. С. 137).

---

107 Ф. А. Андрощук упоминает еще две перекрещивающиеся медные проволоки, служившие для скрепления деталей навершия (*Андрощук*, 2013. С. 60).

108 Точное место и обстоятельства находки неизвестны. Перекрестие хранится в Готландском историческом музее (GF C 4613) (*Андрощук*, 2013. С. 310–311. № 206).

109 В монографии представлено наиболее полное на настоящее время изложение историографии вопроса о возникновении мечей типа H.

Ф. А. Андрощук считает, что ни шведский, ни восточноевропейский материалы не подтверждают датировки, предложенные Я. Петерсеном, и датирует мечи типа H/I, «за некоторыми исключениями», X веком (*Андрощук*, 2013. С. 60).

Стоит отметить, что орнаментация некоторых мечей типа I – два противопоставленных ряда треугольников и ромбы межу ними (см. **рис. 213, *2*; 221, *1***) – характерна для мечей типа V, и можно предположить, что мечи этих типов в какой-то период сосуществовали. По мнению Ф. А. Андрощука, мечи типа V появляются в середине – второй половине X века (*Андрощук*, 2013. С. 74).

Очевидно, что за различиями в хронологии стоят не только разные подходы к датировке материала, но и возможные региональные особенности, в результате которых мечи определенного типа на одной территории выходят из моды и их использование/производство прекращается, но в то же время они становятся популярными в других регионах. Так, например, в Скандинавии тип H выходит из употребления только во второй половине X столетия, а в континентальной Европе – уже в IX веке (*Hošek et al.*, 2021. P. 283).

Учитывая значительное количество и разнообразие форм и орнаментации мечей типа H/I, можно предвидеть, что в результате обработки и полноценного ввода в научный оборот максимального количества как самих мечей, так и их археологического контекста будет выработано детализированное представление о развитии мечей этого типа. В настоящей момент наиболее логичной кажется эволюция от крупных экземпляров с четко выделенным ребром на основании навершия и перекрестии, с равновеликими (или почти) по высоте деталями навершия к мечам с низкими основанием навершия и перекрестием и высокой головкой (тип I).

Тип X

Основной типообразующей деталью мечей этого типа является односоставное навершие полукруглой формы. Нижняя грань навершия прямая или немного изогнутая[110] (*Петерсен*, 2005. С. 186) **(рис. 223–234)**. Черен клинка проходит через навершие и расклепывается сверху (конструктивный тип III по А. Гайбигу). Я. Петерсен выделял два варианта типа X – ранний и поздний. У раннего варианта «навершие выше и тоньше, нижнее перекрестье также более высокое, слегка изогнутое, …в продольном сечении часто с зауженными концами». Поздний вариант мечей типа X «имеет более низкое, толстое и короткое навершие, более низкое и широкое перекрестие, которое, в свою очередь, может быть довольно длинным и коротким… В продольном сечении перекрестья одинаковой ширины с закругленными концами…». Я. Петерсен приводит также метрические характеристики раннего и позднего вариантов типа X:

	Длина навершия, *мм*	Высота навершия, *мм*	Длина перекрестия, *мм*	Высота перекрестия, *мм*
Ранний вариант	78	51	–	до 20
Поздний вариант	50–65	27–35	107–177	7–14

В типологии А. Гайбига мечи, соответствующие типу X по Я. Петерсену, включены в комбинационный тип 12, вариант I (*далее* – 12-I), который представлен значительным разнообразием форм продольного и поперечного сечений навершия и перекрестия (*Geibig*, 1991. Abb. 13) **(рис. 223)**.

Ф. А. Андрощук скептически отнесся к разделению Я. Петерсеном мечей типа X на ранний и поздний варианты, отметив, что оно скорее отражает «его представление о возможной эволюции типов и вариантов мечей, нежели какие-то хронологические изменения» (*Андрощук*, 2013. С. 76). Стоит отметить, что критике Ф. А. Андрощука подверглось именно хронологическое разделение вариантов на ранний и поздний. При этом отмеченные для каждого варианта размерные характеристики не рассматривались. По нашему мнению, выделение вариантов, предложенное Я. Петерсеном, вполне рабочее, но, несомненно, нуждается в уточнении и, возможно, расширении критериев. Указанные для мечей раннего варианта параметры навершия – длина 7,8 см, высота 5,1 см – по нашему мнению, представляют размеры конкретного навершия (скорее всего, меча С5386), и вряд ли их стоит применять для определения пороговых значений при выделении этого вари-

110 Навершие с изогнутой нижней частью, по мнению Я. Петерсена, является переходной формой к средневековым мечам (*Петерсен*, 2005. С. 193).

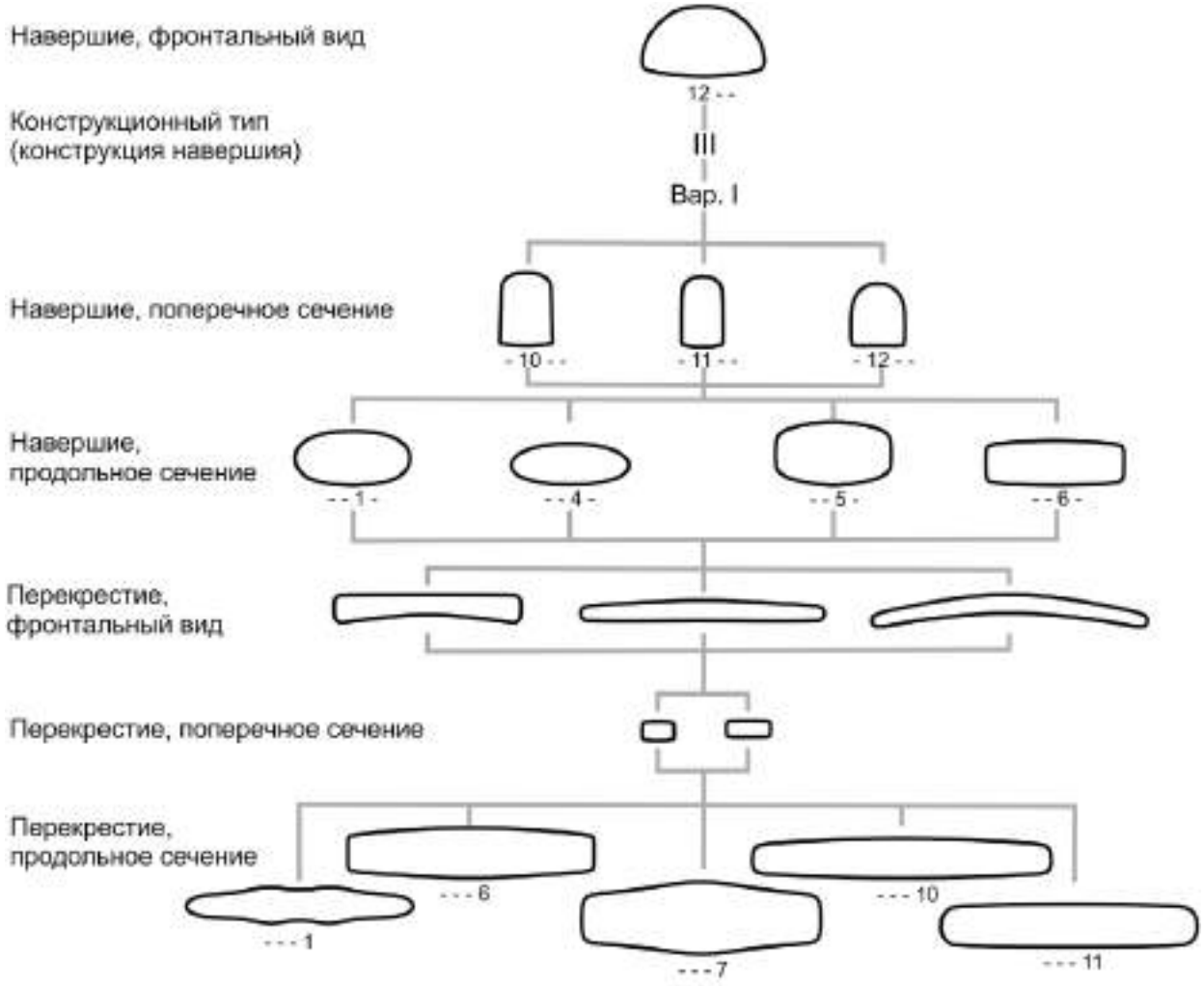


Рис. 223. Детали рукояти мечей конструкционного типа 12 варианта 1 (по: *Gaibig*, 1991. Abb. 13).

анта. Более того, размеры навершия второго меча, указанного Я. Петерсеном в качестве примера раннего варианта – С280, меньше этого порогового значения. Длина навершия составляет «всего» 6,5 см, а высота 4,0 см. Учитывая мнение Ф. А. Андрощука, предлагаем сохранить разделение на варианты, но заключить их обозначения в кавычки – «ранний» и «поздний». «Ранний» вариант (X-1) отличается длинной и узкой в сечении головкой навершия, навершия «позднего» варианта (X-2) более короткие и широкие.

До работ 2017–2020 годов в Гнёздове было известно две находки деталей мечей типа X (*Kainov*, 2012. P. 54–56. Fig 40–41). Еще один фрагментированный меч может относиться как к типу X, так и к типу Y.

Обе находки мечей типа X в Гнёздове связаны с культурным слоем поселения и представлены фрагментами – в одном случае найдено навершие меча, закрепленное на обломанном черене клинка **(рис. 224, *1*)**, в другом – отдельное навершие **(рис. 224, *2*)**. Фрагментированный меч, тип которого не может быть определен более точно, чем X или Y, ранее приписывался к составу так называемого Большого Гнёздовского клада, найденного в 1867 году **(рис. 225)**. Но, как показала в своем исследовании Т. А. Пушкина, к кладовому комплексу меч отношения не имеет, а найден он был в кургане (вероятно, в Лесной группе) весной 1867 года (*Пушкина*, 1998. С. 373).

Метрические данные сохранившихся частей мечей приведены в таблице (см. **табл.** на с. 228):

Все три навершия мечей типа X, найденные в Гнёздове, отличаются друг от друга **(рис. 224)**. При сохранении общей полукруглой формы продольное и поперечное сечения позволяют отнести

Место и год находки	Общая длина, *мм*	Ширина дола у перекрестия, *мм*	Ширина клинка у перекрестия, *мм*	Толщина клинка у перекрестия, *мм*	Длина перекрестия, *мм*	Высота перекрестия, *мм*	Ширина перекрестия, *мм*	Высота навершия, *мм*	Длина навершия, *мм*	Ширина навершия, *мм*	Вес, *г*
Городище (ЦГ-IV/1953), навершие с череном клинка	105	–	–	–	–	–	–	30	51	30	219
Восточная часть селища, навершие (2000-е гг.)	–	–	–	–	–	–	–	34	55	26	229
Северо-восточная часть селища, навершие (2018 г.)	–	–	–	–	–	–	–	32	61	21	190
Курган Л(?)/1867	597	ок. 20	57	5	ок. 120	7	22	–	–	–	–

каждый экземпляр к разным вариантам по типологии А. Гайбига. Навершие с городища можно определить как тип 12-12-1, навершие с восточной части селища – 12-10-5, навершие, найденное в 2018 году, – 12-11-6. Если следовать разделению типа X по вариантам, предложенному Я. Петерсеном, и учитывать наше замечание про пороговые значения, навершие 2018 года можно отнести к «раннему» варианту, остальные – к «позднему».

Точно определить тип фрагментированного меча (Л(?)/1867) из-за отсутствия навершия не представляется возможным. Перекрестие в виде тонкой изогнутой пластины встречается как на мечах типа Y **(рис. 226)**, так и типа X **(рис. 229, *4*; 231, *3, 5*)**. На клинке гнёздовского меча расчищены клейма. На одной стороне – имя **ULEN**, на другой – косой крест и примыкающие к нему с разных сторон фигуры в форме буквы В **(рис. 225, *4*)** (*Кирпичников*, 1966а. Табл. XVII, *3*).

На территории Восточной Европы обнаружено более 12 (+1?) мечей типа X, которые датируются X – началом XI века (см. **рис. 182**). Из них с древнерусских памятников X – начала XI веков происходит не менее 7(+1?) мечей этого типа:

Большинство учтенных мечей типа X происходит из археологических раскопок. Из девяти мечей (без учета гнёздовских) шесть связаны с погребальными памятниками, контекст еще трех остался неизвестен. Находки представлены как целыми и фрагментированными мечами, так и отдельными навершиями. Непосредственно удалось исследовать, кроме гнёздовских находок, мечи из Михайловского могильника и кургана у д. Сязнега.

Восемь наверший, изображения которых известны, характеризуются полукруглой формой разных очертаний и сечений. У шести наверший нижняя грань прямая, у двух (Сязнега, Пашуки) – немного изогнутая. Перекрестия прямые, у меча из Галича – немного сужающееся от центра к краям, у меча из Пашук – со слегка вогнутой нижней стороной.

Все находки можно отнести к «позднему» варианту этого типа, за исключением меча из Сязнеги, который относится к «раннему» варианту. Навершие этого меча отличается уникальной для типа X длиной – 8,4 см **(рис. 227, *4*)**.

Крайне редкий пример орнаментации деталей рукояти мечей тип X представляет меч из Галича

	Место находки	Источник информации	Место хранения	Рисунок
1	Галично (курган I/1974, комплекс 7), (Ленинградская обл., РФ)	*Кирпичников*, 1992. С. 79		227, *1*
2	Гнёздово (городище) (Смоленская обл., РФ), навершие и черен клинка	*Kainov*, 2012. S. 56. Fig. 40	МГУ, Фонды КА	224, *1*
3	Гнёздово (селище) (Смоленская обл., РФ), отдельное навершие	*Kainov*, 2012. S. 56. Fig. 41	?	224, *2*

	Место находки	Источник информации	Место хранения	Рисунок
4	Гнёздово (селище) (Смоленская обл., РФ), отдельное навершие	–	ГИМ	224, *3*
5	Михайловское (курган 10/1897) (Ярославская обл., РФ)	*Зозуля*, 2007. С. 26–27	ГИМ	227, *2, 3*
6	Михайловское (курган 34/1898)[а] (Ярославская обл., РФ)	*Зозуля*, 2007. С. 26–27. Рис. 8, *3*	ГИМ	228, *1*
7	Пашуки (из кургана) (Ровенская обл., Украина)	*Liwoch*, 2003; *Liwoch*, 2008. P. 52. Ryc. 3, *1*	МАК	227, *5*
8	Сязнега (курган LX, комплекс 2) (Ленинградская обл., РФ)	–[б]	ГИМ	227, *4*
9	Таманский п-ов (?), (Краснодарский край, РФ)	*Кирпичников*, 1966а. С. 82–83. № 73	?	–
10	Украина, отдельное навершие	–[в]	?	228, *4*
11	Черниговская обл., Украина, отдельное навершие	–	?	228, *3*
12	Шестовица (из кургана) (Черниговская обл., Украина), навершие с фрагментом черена клинка	*Андрощук*, 2004. Рис. 1	НМИУ	228, *2*

Примечания: ***а*** – в некоторых работах этот меч неправильно определяли как тип V по типологии Я. Петерсена (*Недошивина*, 1963. С. 55; *Кирпичников*, 1966а. С. 80 № 57; *Дубов*, 1999. С. 28); ***б*** – благодарим А. Ю. Щедрину за уточнение места находки этого меча; ***в*** – отдельные навершия (№ 10, 11) происходят из кладоискательских раскопок и известны по фотографиям из социальных сетей.

(рис. 227, *1*). Все фронтальные и торцевые стороны навершия и перекрестия покрыты всечной инкрустацией проволокой из медного сплава, образующей монохромную поверхность.

Из четырех мечей, сохранившихся с клинками, клейма выявлены на двух. Оба изготовлены из дамаскированной проволоки. На мече из Сязнеги на одной стороне расчищено плохо сохранившееся клеймо, написание которого восстанавливается как **+ULFBERH+T**, на другой – «решетка». На мече из Галича на одной стороне выявлено клеймо **+IILFRIHFECIT**, на другой – «решетка» (*Кирпичников*. 1966. Табл. XIV, *5*[111]; *Кирпичников*, 1992. С. 79. Рис. 4, *1*).

Из комплексов с археологическим контекстом, кроме гнёздовских, происходят четыре меча (Галично, Сязнега, Михайловское 10/1897, 34/1898). Н. Г. Недошивина отнесла комплекс Михайловское 10/1897 на основании датировки кольцевидной фибулы к середине X века, Михайловское 34/1898 она датировала в целом X веком (*Недошивина*, 1963. С. 55). И. В. Дубов, посвятивший погребениям с мечами в Ярославских могильниках отдельную статью, оба погребения отнес ко второй половине X века (*Дубов*, 1999. С. 27–28). С. И. Кочкуркина датировала оба комплекса из Юго-Восточного Приладожья в целом X веком (*Кочкуркина*, 1989. С. 59, 147–148). Более узкие датировки для приладожских комплексов предложил О. И. Богуславский. Курган в Сязнеге он датировал 920–950 годами, в Галичне – 890–920 годами (*Богуславский*, 1991. Рис. 2). Стоит отметить, что методический подход к датировке приладожских комплексов, продемонстрированный в работе О. И. Богуславского, вызывает вопросы. Предложенные датировки в ряде случаев противоречат хронологической локализации комплексов, полученной на основании подробного анализа предметов, входящих в него (*Лесман*, 1995; *Щедрина*, 2022*б*. С. 133).

На территории Европы найдено более 290 (без учета восточноевропейских находок) мечей типа X (*Щедрина*, 2022*а*. С. 106–107 *с дополнениями авторов*)[112]:

111 В монографии А. Н. Кирпичникова содержится опечатка, связывающая клеймо на мече из Сязнеги с мечом, найденным в Новгороде и представленным только рукоятью без клинка.

112 В работе чешских исследователей указано, что всего зарегистрировано 370 мечей типа X (*Hošek et al.*, 2021. P. 304).

Страна, регион	Количество	Источник информации
Норвегия	60	*Hernæs*, 1985, P. 102–106; *Jakobsson*, 1992. P. 213
Швеция	36	*Андрощук*, 2013, С. 242–243
Калининградская обл. РФ	29	*Kazakevičius*, 1996, P. 67–70, 115–117, 158; *Goßler, Jahn*, 2019. P. 193–199
Чехия	29	*Hošek et al.*, 2021. P. 305
Финляндия	26	*Kivikoski*, 1973. P. 113. Abb. 837
Венгрия	21	*Bakay*, 1967. P. 164
Германия	14	*Geibig*, 1991. P. 187
Великобритания	13	*Bjorn, Shetelig*, 1940, P. 23; *Żabiński*, 2007. No. 5, с корректурой *Щедрина*, 2022*а*. С. 106
Литва	13	*Kazakevičius*, 1996. P. 67–70, 115–117, 158
Словакия	13	*Ruttkay*, 1976. P. 250
Польша	11	*Marek*, 2005. P. 126–135, с корректурой *Щедрина*, 2022*а*. С. 106; *Kucypera et al.*, 2021. P. 105–107
Нидерланды	7	*Ypey*, 1984. P. 222. Tab. 1
Ирландия	6	*Walsh*, 1998. P. 232–233; *Harrison, O'Floinn*, 2014. P. 92–93. Tab. 3
Дания	3	*Андрощук*, 2013. С. 257
Латвия	3	*Kazakevičius*, 1996. P. 67–70, 115–117, 158
Франция	3	*Arbman, Nilsson*, 1969. P. 201. Fig. 29
Эстония	2	*Mandel*, 1991. P. 119, 131
Хорватия	2	*Vinski*, 1983. P. 10. Tab. II
Исландия	1	*Eldjárn*, 2016. P. 330
Сербия	1	*Vinski*, 1983. P. 10. Tab. III, *2*
Всего	**293**	

Так же, как в случае с мечами типа H/I, европейские мечи типа X демонстрируют большое разнообразие форм и пропорций наверший и перекрестий, которое не укладывается даже в очень подробную схему А. Гайбига **(рис. 229–231)**.

Информация о шведских мечах типа X обобщена Ф. А. Андрощуком (*Андрощук*, 2013. С. 75–76. Табл. II:9). Длина измеренных наверший составляет 4,7–7,5 см, высота – 2,4–4,1 см, ширина – 1,6–3,5 см. Длина перекрестий – 11–15,5 см, высота – 0,8–2,2 см, ширина – 1,5–2,8 см.

Стоит отметить несколько орнаментированных мечей типа X. В большинстве случаев орнаментация заключается в разделении горизонтальными гравированными линиями, что должно имитировать двухчастное навершие (*Петерсен*, 2005. С. 126). Известны также навершия, у которых, помимо горизонтального деления на основание и головку навершия, последняя разделена еще на три части, что, возможно, имитирует головки мечей типов D, E, V и др. **(рис. 229, *1*)**. Поверхность навершия и перекрестия одного из таких мечей (C26494a) дополнительно декорирована точечной орнаментацией **(см. рис. 203, *1*)**. Небольшие, хаотично расположенные углубления округлой формы прослеживаются и на навершии меча из Хагер, Норвегия (C1292) **(рис. 231, *1*)**. На одной стороне навершия из Орса, Швеция, нанесен штампованный орнамент в виде восьми треугольников с тремя окружностями внутри (*Андрощук*, 2013. Табл. 145) **(рис. 229, *3*)**.

По мнению Я. Петерсена, мечи типа X «раннего» варианта появляются в первой половине X века. Существует тип до конца «эпохи викингов» (*Петерсен*, 2005. С. 192–193). Признаками поздних мечей типа X, переходных к романским, исследователь считал длинные прямые перекрестия и скругленную нижнюю часть навершия (*Петерсен*, 2005. С. 192–193).

Как мы уже отмечали, Ф. А. Андрощук отрицал хронологическое развитие от «раннего» варианта мечей к «позднему». Приведенные Я. Петерсеном аргументы, по мнению Ф. А. Андрощука, «не позволяют датировать ни одно из названных им погребений IX веком» (*Андрощук*, 2013. С. 76).

В свою очередь, в качестве примера погребения конца IX – начала X века с мечом типа X, исследователь привел комплекс из Ларне, Ирлан-

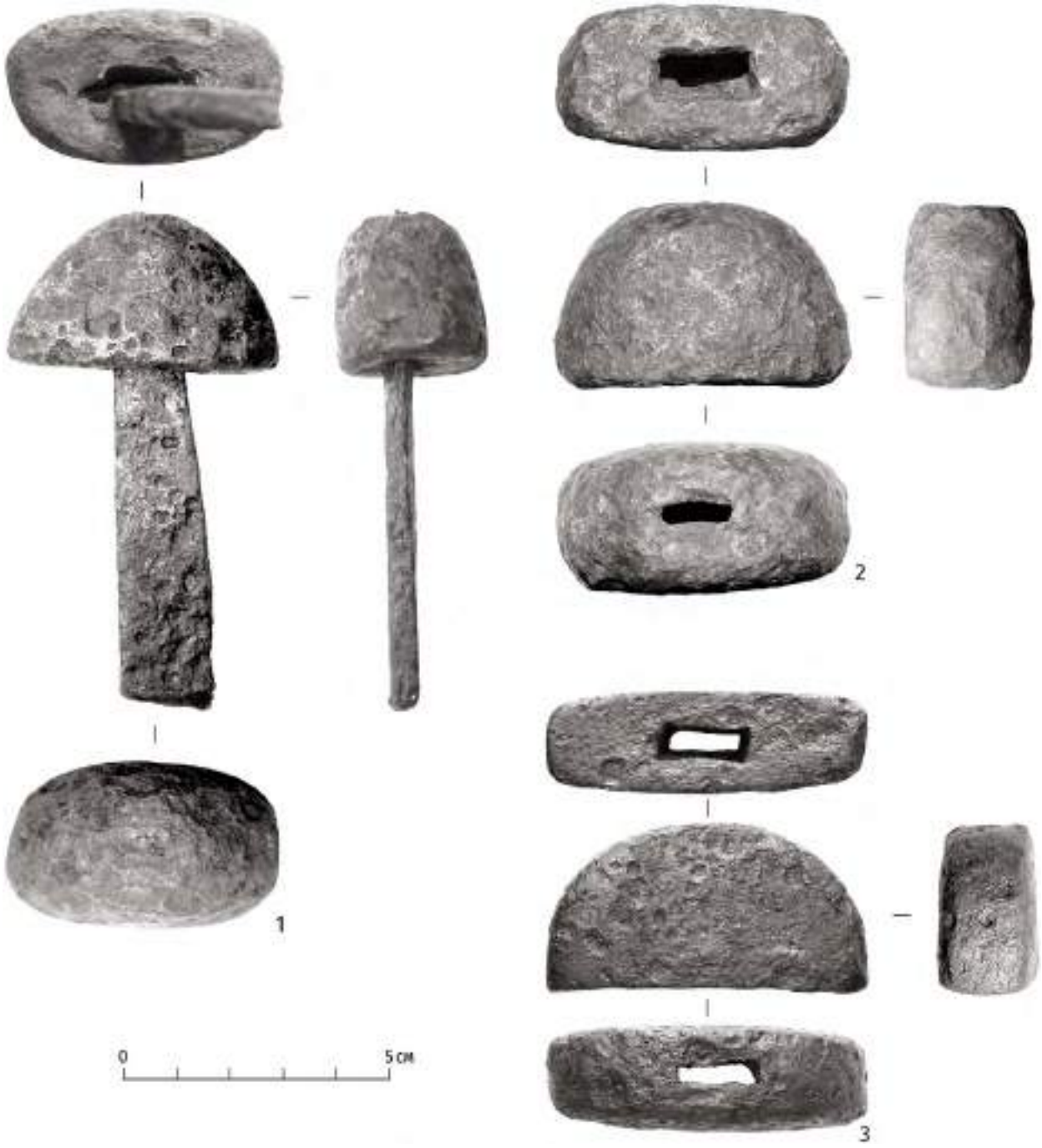


Рис. 224. Детали рукоятей мечей типа X, найденные в Гнёздове в 1953–2018 годах: *1* – навершие с фрагментом черена клинка (ЦГ-IV/1953); *2* – навершие (восточная часть селища/2000-е гг.); *3* – навершие (северо-восточная часть селища/2018). Фотографии: *1, 2* – по: *Каинов, Щедрина*, 2019. Рис. 11, 15.

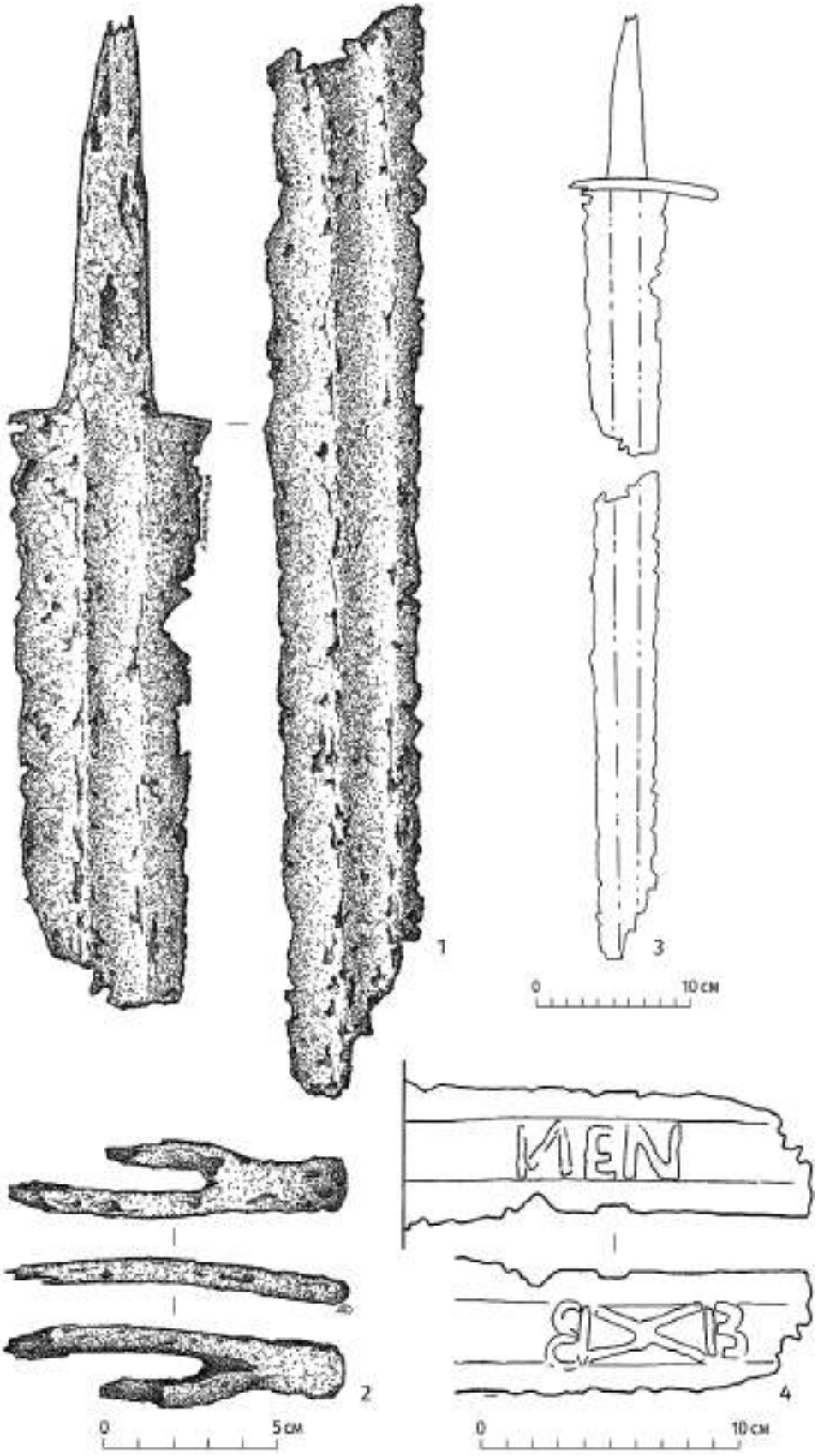


Рис. 225. Фрагменты меча из разрушенного в 1867 году кургана Лесной группы («комплекс 1867/Л?»):
1 – фрагменты клинка; *2* – фрагмент перекрестия; *3* – реконструкция расположения фрагментов; *4* – клейма на клинке;
(*1–3* – рисунки А. С. Дементьевой; *4* – рисунок по: *Кирпичников*, 1966а. Табл. XVII, *3*).

Рис. 226. Мечи типа Y с территории Норвегии: *1* – Стрюн (C7980); *2* – Ре (C1066). Фотографии: *1*, *2* – портал unimus.no, Olav Heggø.

дия (*Fanning*, 1970). Меч, по мнению Ф. А. Андрощука, относится к «позднему» варианту, и это противоречит построениям Я. Петерсена[113] (*Андрощук,* 2013. С. 76). В статье 2010 года хронология «раннего» варианта мечей типа X была определена в рамках второй четверти – середины X века (*Янссон и др.*, 2010. С. 578). Шведские погребальные комплексы с мечами типа X Ф. А. Андрощук относит «преимущественно» к X веку (*Андрощук*, 2013. С. 76).

А. Гайбиг, опираясь на находки с территории бывшей Чехословакии, отнес появление мечей типа 12-I к середине IX века (*Geibig,* 1991. P. 145. Abb. 39). Эта датировка была поддержана и более надежно обоснована И. Коштой и И. Хошеком на основании находок на территории Великой Моравии (погр. 438, 805 и 1347 в Микульчице, погр. 2 в Моркувки, погр. 174 и 257 в Бржецлав-Поганско)[114] (*Košta, Hošek,* 2009. P. 109–111; *Košta, Hošek*, 2014. P. 250) **(рис. 232)**. По их мнению, такая ранняя датировка подтверждается и находками с других территорий. Так, выделенные Я. Петерсеном в материалах Норвегии мечи особых типов 10, 11, 12, датируемые IX веком, по мнению чешских ученых, относятся к типу X **(рис. 233)**. К IX веку также относится погребение с мечом типа X из Ларне, Ирландия (*Košta, Hošek*, 2014. P. 250–251).

Мечи типа X по данным И. Кошты и И. Хошека, возникают на территории Франкского государства в результате эволюции мечей типа K и N, имевшей место с конца VIII до середины IX века **(рис. 234)**, и затем постепенно распространяются по остальной европейской территории *(Košta, Hošek*, 2009. P. 110). Я. Петерсен считал тип «общегерманским», характерным «как для Центральной, так и для Северной Европы», и предполагал его производство в том числе и в Скандинавии (*Петерсен*, 2005. С. 194). По его мнению, на появление типа X, с учетом ранних мечей этого типа с разделением навершия на две части, оказали влияние отдельные экземпляры типа N (*Петерсен*, 2005. С. 192).

А. Гайбиг считал, что мечи типа 12-I выходят из употребления в конце X века (*Geibig*, 1991. S. 145. Abb. 39). И. Кошта и И. Хошек предполагали, что

113 Тем не менее, указанные параметры навершия меча из Ларне (длина 6,8 см, ширина 1,74 см) позволяют, с нашей точки зрения, относить навершие к раннему варианту 1.

114 Мечи типа X, отнесенные к ранним, не демонстрируют однообразия в форме и размерах деталей.

Рис. 227. Мечи типа X с территории Восточной Европы: *1* – Галично, (Ленинградская обл., РФ); *2, 3* – Михайловское (Ярославская обл., РФ) *(3* – состояние меча на момент находки); *4* – Сязнега (Ленинградская обл., РФ); *5* – Пашуки (Ровенская обл., Украина) (*3* – НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1897. Д. 52, л. 44; *4* – рисунок А. С. Дементьевой; *5* – по: *Liwoch*, 2008. P. 52. Ryc. 3, *1*).

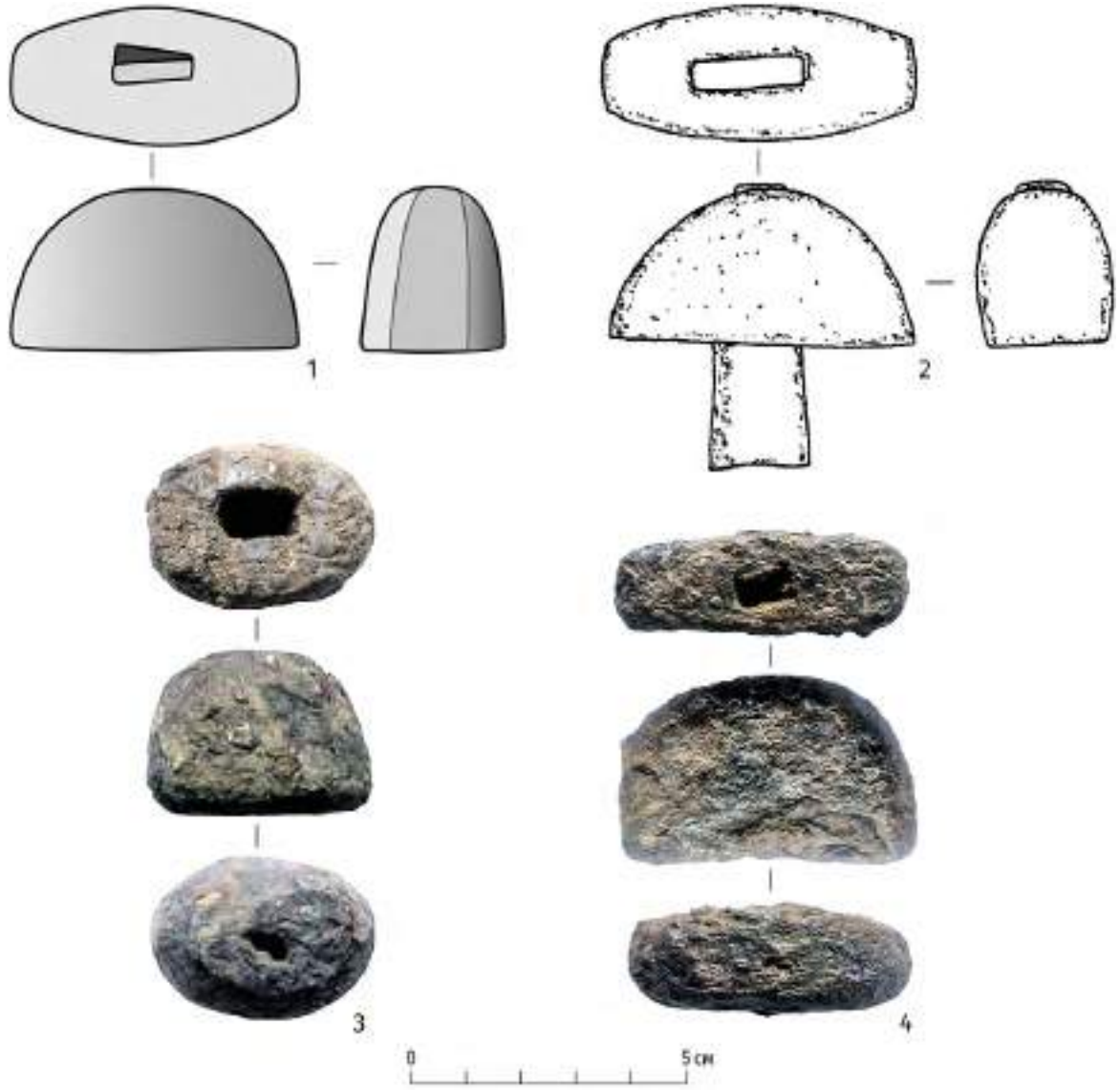


Рис. 228. Мечи типа X с территории Восточной Европы: *1* – Михайловское (Ярославская обл., РФ); *2* – Шестовица (Черниговская обл., Украина); *3* – Черниговская обл., Украина; *4* – Украина (*2* – по: *Андрощук*, 2004. Рис. 1).

тип продолжает использоваться (производиться?) и в XI веке *(Košta, Hošek*, 2014. P. 251). Развитием типа X (12-I) во второй половине X века становятся мечи типа 15-I, 15-III и 16-I по А. Гайбигу, отличающиеся близкой к линзе формой навершия и выраженным линзовидным продольным сечением навершия. В течение XI века подобные мечи замещают мечи типа X (12-I) *(Geibig*, 1991. Abb. 39; *Košta, Hošek*, 2014. P. 251).

Таким образом, в настоящее время наиболее обоснована точка зрения о возникновении мечей типа X по Я. Петерсену в середине IX века на территории Франкского государства. Оттуда во второй половине столетия мечи распространяются на восток на территорию Великой Моравии и, несколько позднее, на север. Пока нет никаких данных, позволяющих датировать появление мечей типа X в Восточной Европе ранее X века.

Рис. 229. Мечи типа X с территории Норвегии (*1, 3, 5, 6*), Швеции (*4*) и Польши (*2*): *1* – Норвегия (C280); *2* – оз. Ледница; *3* – Хунн (C20607); *4* – Орса (SHM 11097); *5* – Талснес (T11916/a.001); *6* – Берг (C1839); (*2* – по *Kucypera et al.*, 2021. Ryc. 3). Фотографии: *1, 3, 5, 6* – портал unimus.no (*1, 3, 6* – Olav Heggø; *5* – Aleksi Pienimäki); *4* – портал samlingar.shm.se, W. Ochotny.

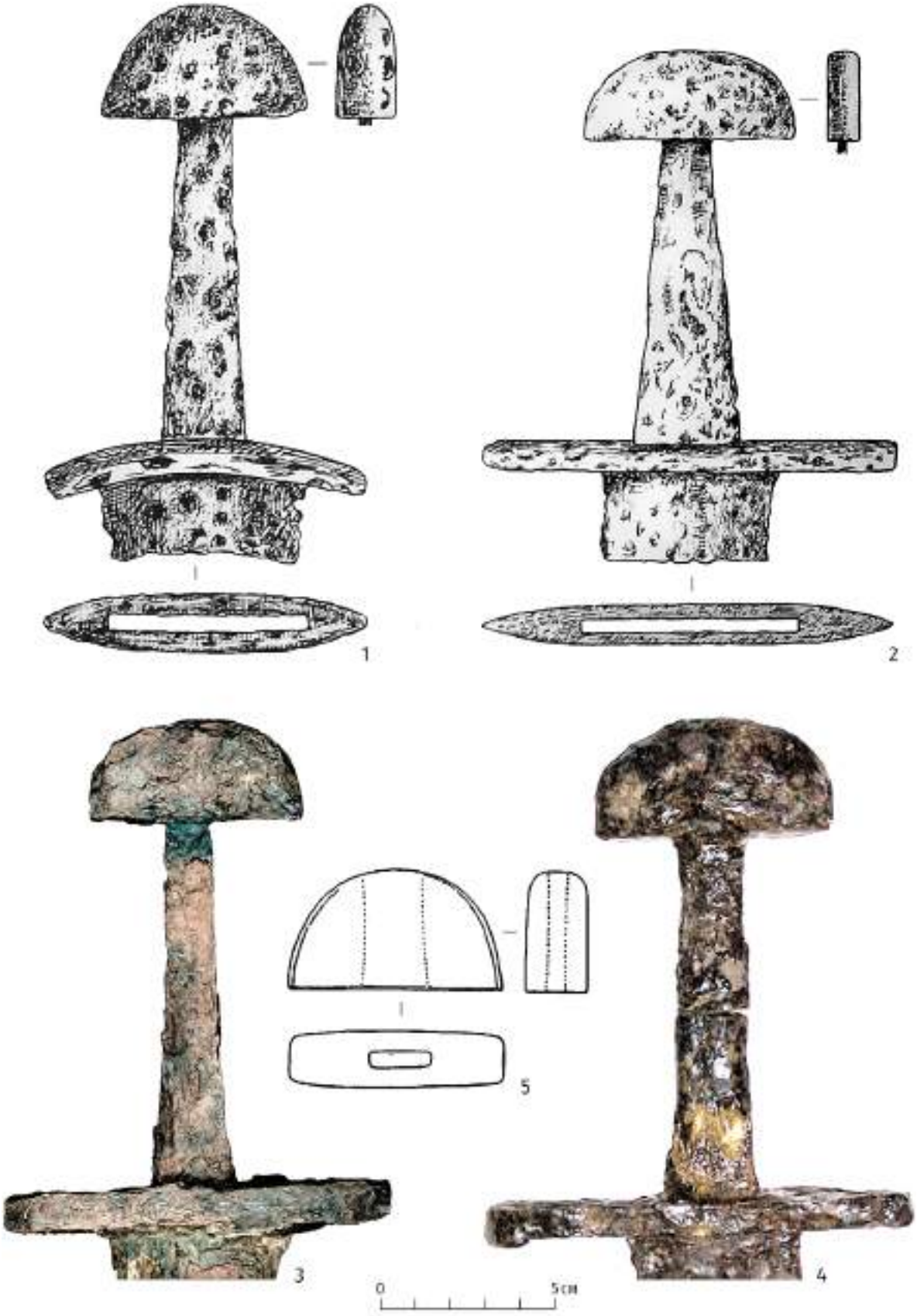


Рис. 230. Мечи типа X с территории Венгрии (*1, 2*) и Чехии (*3–5*): *1* – Чомад; *2* – Кечел; *3*–5 – Микульчице (*1, 2* – по: *Bakay*, 1967. Abb. 10, *3*; 11, *4*; *3–5* – по: *Košta, Hošek*, 2014. Fig. 62, 85, 133).

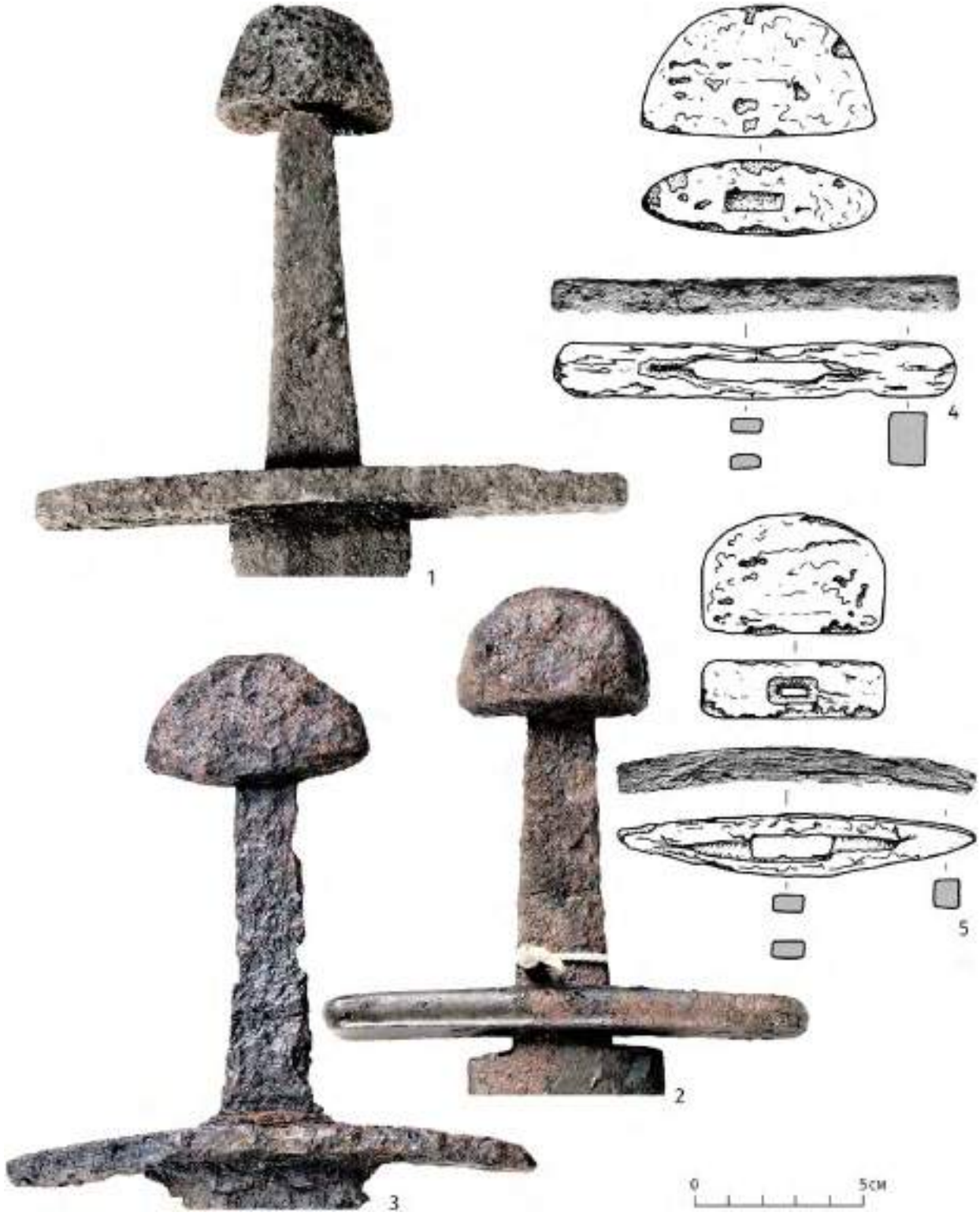


Рис. 231. Мечи типа X с территории Норвегии (*1–3*) и Калининградской обл., РФ (*4, 5*): *1* – Хагер (C1292); *2* – Волд (C4487); *3* – Сандефьорд (C12217); *4, 5* – Линкунен/Ржевское (*4, 5* – по: *Goßler, Jahn*, 2019. Taf. 123). Фотографии: *1–3* – портал unimus.no (*1* – Eva Brænd; *2, 3* – Olav Heggø).

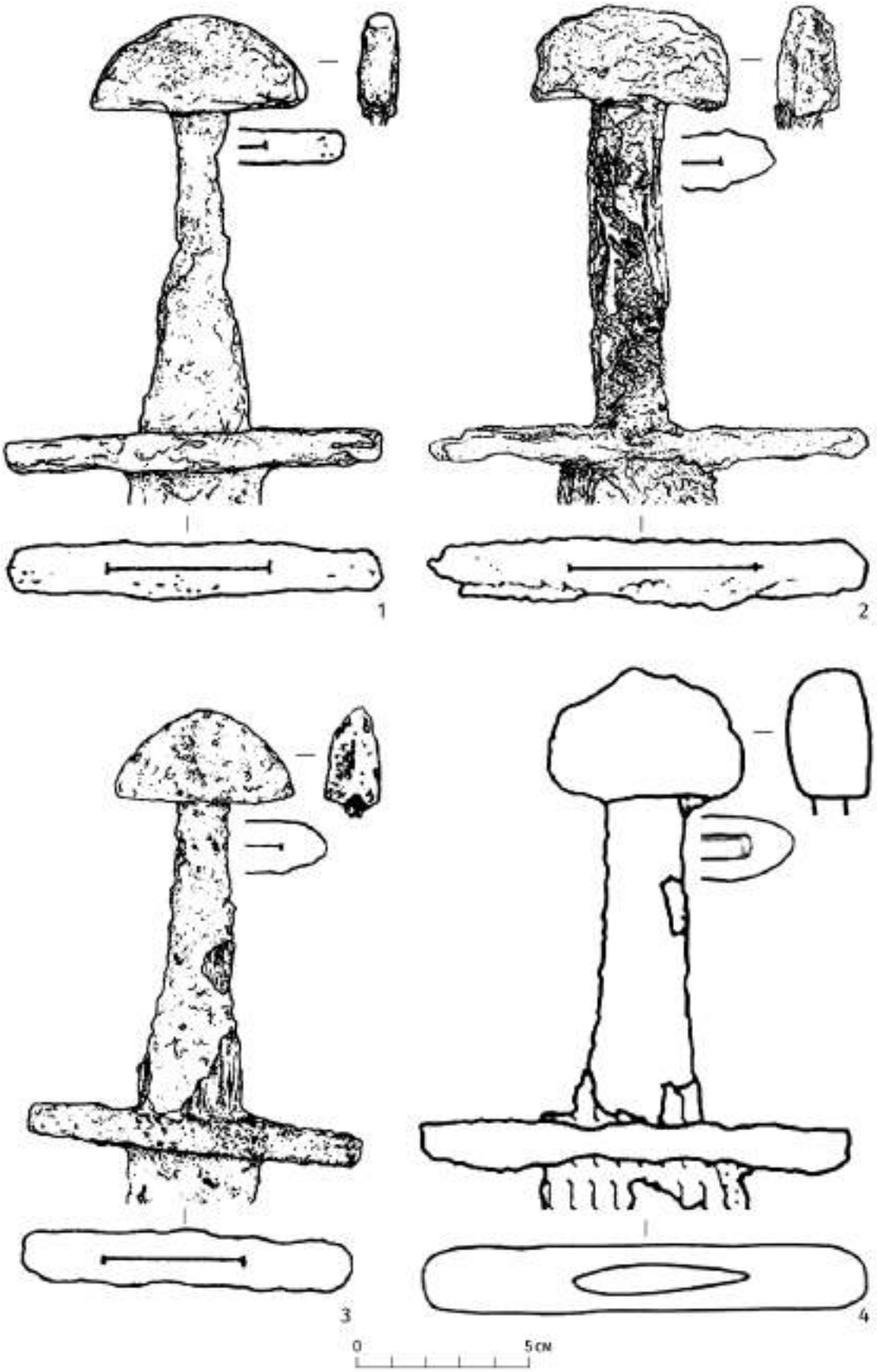


Рис. 232. Мечи типа X второй половины IX века с территории Чехии: *1–3* – Микульчице (погр. 438, 805, 1347); 4 – Бржецлав-Поганско (погр. 174) (*1–3* – по: *Košta, Hošek*, 2014. Fig. 53, 104, 113; *4* – по: *Hošek et al*., 2019. P. 79).

Рис. 233. Мечи особых типов 10, 11, 12 (по Я. Петерсену): *1* – Фонбэк (C2323); *2* – Клеппе (C8631); *3* – Хен (C3190). Фотографии: *1–3* – портал unimus.no, Eva Brænd.

Представляется перспективной дальнейшая работа в направлении более узкой хронологической локализации археологических комплексов с мечами типа X, а также разделения этого типа на варианты, что позволит детализировать картину появления и развития мечей типа X в разных регионах Европы.

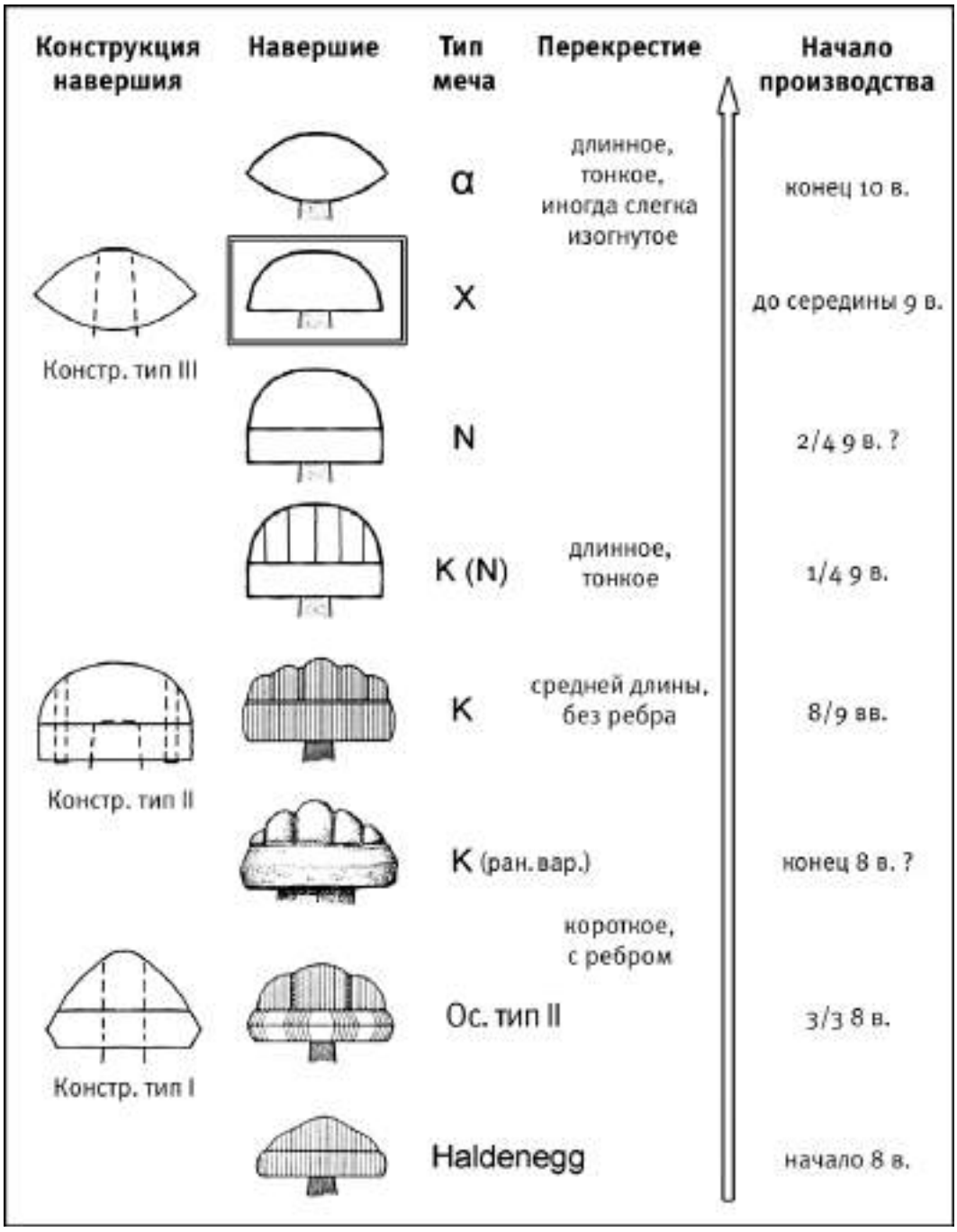


Рис. 234. Появление и развитие мечей типа X (по: *Košta, Hošek*, 2009. Abb. 1).

Наконечник ножен меча

Как уже отмечалось, несмотря на фрагментарную сохранность, найденный в 2019 году обломок наконечника можно уверенно отнести к «скандинавской группе наконечников с германским мотивом четвероногого животного» по типологии П. Паульсена (тип II-1) (*Paulsen*, 1953. P. 35–44) **(рис. 235–241)**.

В основе орнаментальной композиции таких наконечников находится S-овидное туловище животного с несколькими лапами[115], оканчивающееся головой с вытянутой мордой, большими

115 П. Паульсен, характеризуя подобные наконечники, пишет о двух лапах: «передняя нога направлена влево от бедра. Задняя нога расположена справа от тела». Но на качественно проработанных наконечниках видно по крайней мере три лапы: две справа от тела и одна – слева, а на наконечнике из Мантсала (Финляндия), возможно, отображены

округлыми глазами и ушами **(рис. 235)**. Туловище, обозначенное широкой лентой с двойным контуром, переплетено узкими двойными лентами, две из которых являются хвостом и «гривой» животного и одна – змеей.

П. Паульсен отмечал существование ажурного и цельнолитого вариантов подобных наконечников, считая ажурные наконечники собственно скандинавской продукцией, а цельнолитые – изготовленными в мастерских Восточной Пруссии или Балтики (*Paulsen*, 1953. P. 42).

По типологии Н. В. Ениосовой, ажурные наконечники с S-овидным зверем в стиле Еллинг относятся к типу A-II-1, а непрорезные (цельнолитые) наконечники – к варианту A-II-1a (*Ениосова*, 1994. С. 104). Исследователь подчеркнула, что наконечники обоих вариантов отлиты «в разъёмных глиняных формах с помощью промежуточных моделей» и непрорезное исполнение – это лишь отражение менее высокого мастерства литейщика (*Ениосова*, 1994. С. 104). С. В. Томсинский объясняет переход к изготовлению цельнолитых наконечников стремлением получить более прочные изделия по сравнению с ажурными наконечниками, «которые более подвержены поломкам» (*Томсинский*, 2004. С. 144).

П. Сикора в рамках своей типологии предложил наконечники с S-овидным зверем, в зависимости от стилистических особенностей, разделять на две подгруппы (*Sikora*, 2003. P. 19–22). В первую подгруппу (IIIa) включены наконечники с S-овидным зверем в стиле Еллинг, но под «сильным влиянием стиля Борре». Вторая подгруппа (IIIb) разделена на два варианта: IIIb1 – наконечники с четвероногим зверем с характерными признаками стиля Еллинг и IIIb2 – схожие по орнаментике наконечники, но уже с влиянием стиля Маммен («младший стиль Еллинг»). В этот вариант включены цельнолитые наконечники[116] (*Sikora*, 2003. P. 34).

Ф. А. Андрощук наконечники с изображением зверя с туловищем S-овидной формы поместил в тип 6а своей типологии, не разделяя ажурные и цельнолитые экземпляры (*Андрощук*, 2013. С. 109–111).

До 2019 года находок цельнолитых наконечников «с германским мотивом четвероногого животного» в Гнёздове не было. На территории западной части Центрального поселения ранее найден наконечник ажурного варианта этого типа (*Каинов*, 2009. С. 95–96. Фото 5, *1*) **(рис. 236)**. К сожалению, археологический контекст находки остался неизвестен. Наличие внутри наконечника фрагментов деревянных ножен не исключает того, что наконечник происходит из разрушенного погребения по обряду трупоположения.

Удалось собрать информацию о находках не менее 17 целых и фрагментированных цельнолитых наконечников «с германским мотивом четвероногого животного»: Беларусь – 1, Великобритания – 1, Венгрия – 1, Калининградская обл. РФ – 2, Литва – 1, Россия – 4, Украина – 7 **(рис. 237, 238)**:

	Место находки	Источник информации	Рисунок
1	Гнёздово (Смоленская обл., РФ)	–	166
2	Даниловка (Волгоградская обл., РФ)	*Arne*, 1914. P. 50. Fig. 38	237, *8*
3	Домбрад (Венгрия)	*Bakay*, 1967. S. 167. Taf. VII, *1, 1a*	237, *11*
4	Жасинас (погребение 163) (Литва)	*Kazakevičius*, 1998. С. 296–297. Pav. 12, *4*	237, *9*
5	Йоркшир (Великобритания)	*Mills N.*, 2001	237, *2*
6	Кордон (Витебская обл., РБ)	–[a]	237, *3*
7	Линкунен/Ржевское (погребение 8/1929) (Калининградская обл., РФ)	*Goßler, Jahn*, 2019. P. 213–215. Taf. 22; 26, *4*	237, *5*
8	Линкунен/Ржевское (погребение 183/1933) (Калининградская обл., РФ)	*Goßler, Jahn*, 2019. P. 213–214. Taf. 22	–
9	Листвин (Ровенская обл., Украина)	*Чайка*, 2009. С. 72. С. 134. Фото 8	237, *12*
10	Рай (Дрюцк) (Смоленская обл., РФ)	*Сергеев*, 2019. С. 125. Рис. 15	237, *15*
11	Углич (Ярославская обл., РФ)	*Томсинский*, 2004. С. 144. Рис. 52, *1*	237, *10*

116 Несколько ажурных наконечников включены в этот вариант ошибочно.

	Место находки	Источник информации	Рисунок
12	Украина	–	237, *1*
13	Украина	–	237, *7*
14	Украина	–	237, *13*
15	Черкасская обл., Украина	–	237, *4*
16	Черниговская обл., Украина	–	237, *6*
17	Черниговская обл., Украина	–	237, *14*

Примечания: **а** – наконечники № 6, 12–17 происходят из кладоискательских раскопок и известны по фотографиям из социальных сетей.

Более двух третей учтенных находок цельнолитых наконечников с S-овидным зверем связаны с территорией Восточной Европы, что позволяет откорректировать предположение П. Паульсена об изготовлении подобных наконечников на территории Балтии в пользу наиболее вероятного их производства на территории Древней Руси[117]. Но нельзя отрицать и возможность существования нескольких центров, где отливались такие наконечники ножен.

Орнаментальное решение всех известных цельнолитых экземпляров очень схожее, и наконечники различаются лишь тщательностью проработки и наличием или отсутствием приливаножки в нижней части. Основное отличие цельнолитых экземпляров от ажурных состоит в отсутствии рубчатого заполнения тела животного, а также в расположенных между плетением трех (двух?) отдельных и трех сгруппированных округлых выпуклостях **(рис. 239)**.

Рис. 235. Орнаментация наконечника ножен ажурного варианта «скандинавской группы с германским мотивом» (Мансала-Саари, Финляндия) (по: *Kivikoski*, 1973. Taf. 97. Abb. 846).

Рис. 236. Наконечник ножен «скандинавской группы с германским мотивом» из Гнёздова.

117 Ажурный вариант наконечников этого типа производился на Готланде (*Андрощук*, 2013. С. 113. Рис. 80).

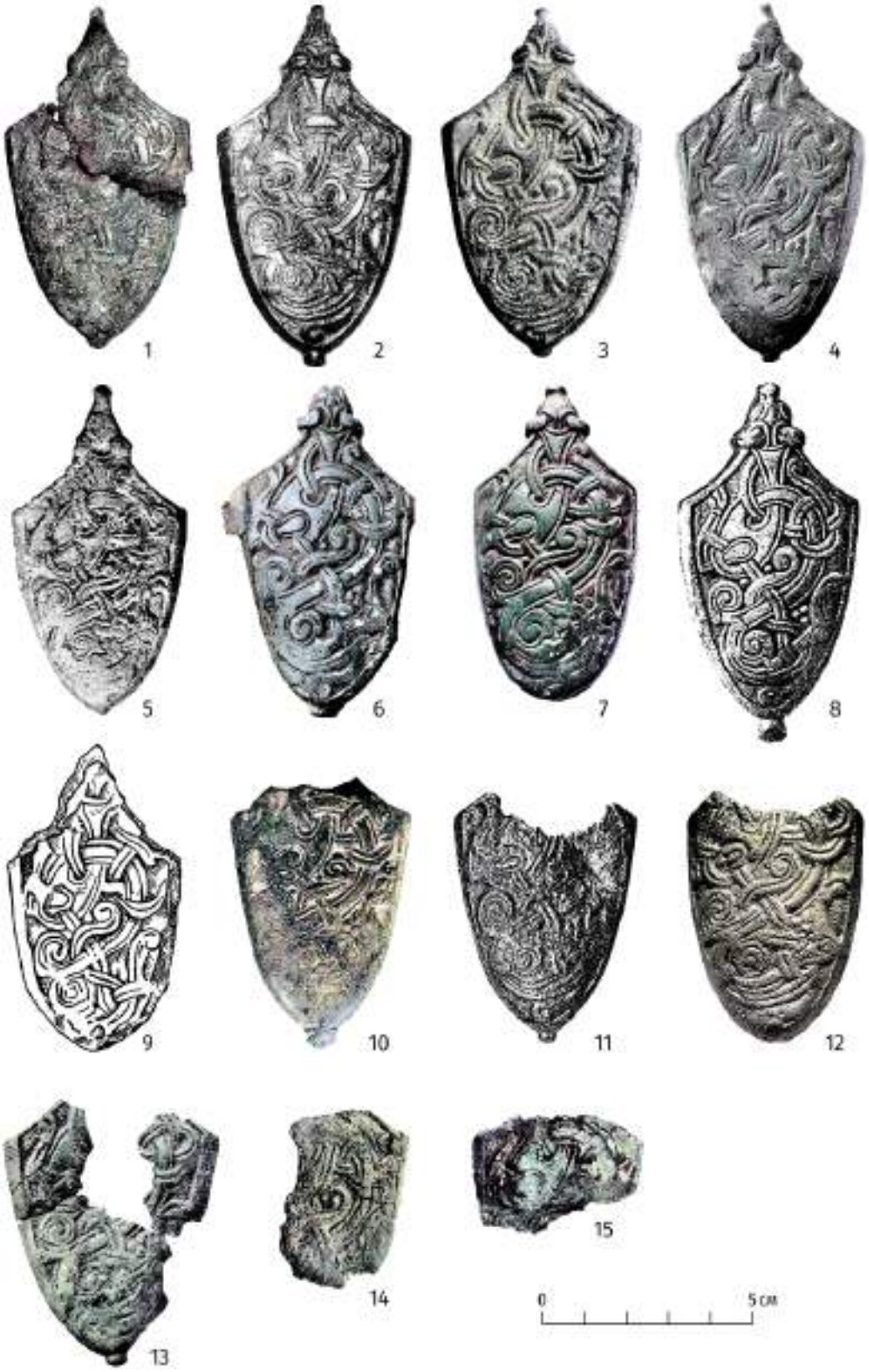


Рис. 237. Цельнолитой вариант наконечников «скандинавской группы с германским мотивом»: *1, 7, 13* – Украина; *2* – Йоркшир (Великобритания); *3* – Кордон (Витебская обл., РБ); *4* – Черкасская обл., Украина; *5* – Линкунен/Ржевское (Калининградская обл., РФ); *6, 14* – Черниговская обл., Украина; *8* – Даниловка (Волгоградская обл., РФ); *9* – Жасинас (Литва); *10* – Углич (Ярославская обл., РФ); *11* – Домбрад (Венгрия); *12* – Листвин (Ровенская обл., Украина); *15* – Рай (Дрюцк) (Смоленская обл., РФ).

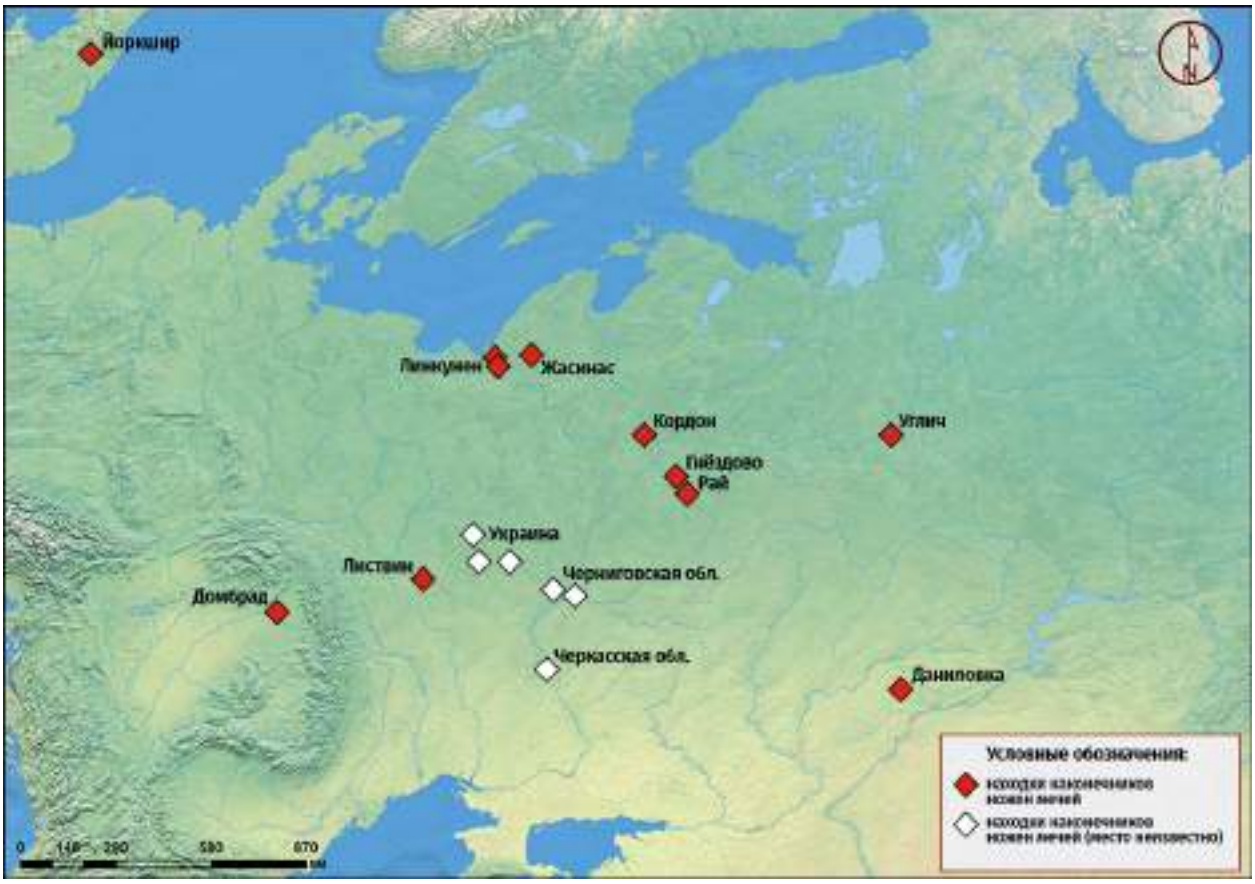


Рис. 238. Карта находок наконечников ножен цельнолитого варианта «скандинавской группы с германским мотивом» на территории Европы.

Подробное изучение в первую очередь ажурных наконечников с S-овидным зверем в дальнейшем позволит предложить более дробную систематизацию подобных наконечников. Именно ажурный вариант отличается значительным разнообразием и послужил образцом для изготовления наконечников цельнолитого варианта. Мы разделяем мнение Н. В. Ениосовой, что неажурное исполнение наконечников – результат менее высокой квалификации литейщика. Отражением неудачных попыток воспроизвести ажурное литье являются несколько наконечников с изображением S-овидного зверя с очень плохо пролитым ажурным орнаментом **(рис. 240)**.

П. Паульсен датировал ажурные наконечники «скандинавской группы с германским мотивом четвероногого животного» серединой X века, а цельнолитой вариант – «несколько более поздним временем» (*Paulsen*, 1953. P. 41–42). Н. В. Ениосова отнесла наконечники ажурного варианта к первой половине – середине X века, цельнолитого – к началу XI века (*Ениосова*, 1994. С. 104). В работе 2003 года П. Сикора датировал наконечники варианта IIIb1 серединой – третьей четвертью X века, варианта IIIb2 – серединой X – началом XI века (*Sikora*, 2003. Abb. 9). В более поздней статье, опираясь на дендродаты памятников с предметами, украшенными в стиле Еллинг, исследователь предложил датировать наконечники варианта IIIb1 первой половиной – серединой X века (*Sikora*, 2013. P. 363–365; *Müller-Wille*, 2001). Стоит отметить, что ни одного примера погребения, содержавшего наконечник ножен варианта IIIb1 и безусловно датирующегося первой половиной X века, П. Сикора не приводит. Ф. А. Андрощук наконечники с изображением зверя с туловищем S-овидной формы (тип 6а) относил ко времени «около 950 – около 1000 г.» (*Андрощук*, 2013. С. 113).

К сожалению, большинство находок цельнолитых наконечников лишены археологического контекста. В закрытых погребальных комплексах найдены всего три наконечника (Линкунен/Ржев-

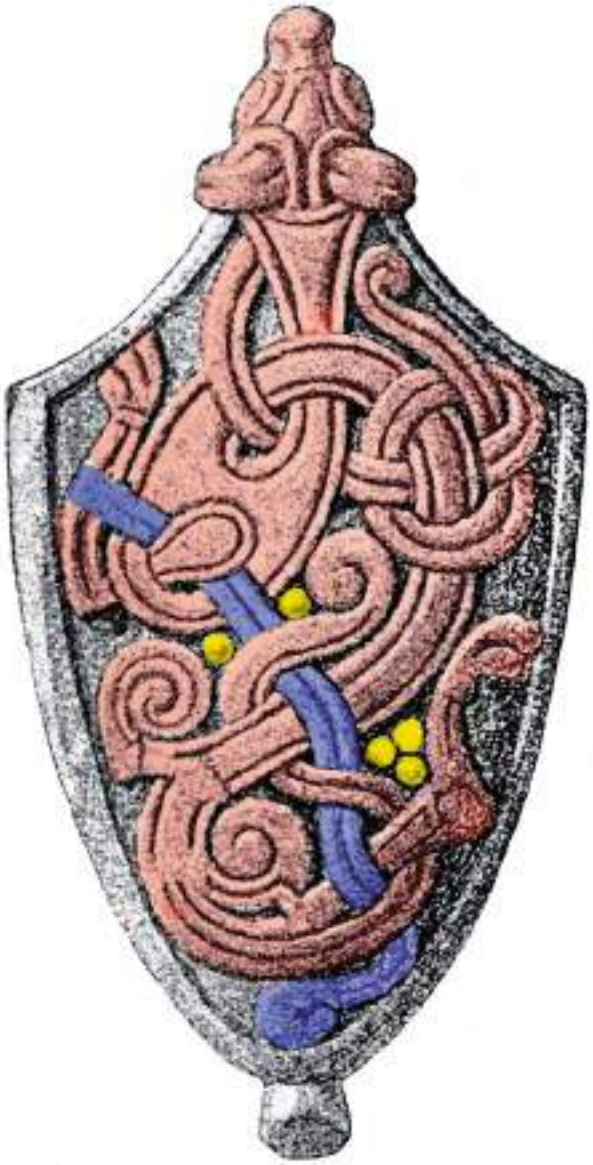


Рис. 239. Орнаментация наконечника ножен цельнолитого варианта «скандинавской группы с германским мотивом» (Даниловка, РФ) (по: *Arne*, 2014. Fig. 38).

Рис. 240. Наконечник ножен «скандинавской группы с германским мотивом» с непролитым ажурным орнаментом (Сумской р-н, Сумская обл., Украина).

ское – 2, Жасинас – 1). Погребение 8/1929 могильника Линкунен датируется началом XI века, погребение 183/1933 того же могильника – X веком (*Goßler, Jahn*, 2019. P. 351, 382). Погребение 163 могильника Жасинас датировано X веком (*Kazakevicius,* 1998. P. 315). Найденное в комплексе стремя относится к типу BI1a по типологии Н. Гёслера, характерному для X–XI вв., что позволяет расширить датировку погребения 163 до начала XI века (*Goßler, Jahn*, 2019. P. 215). Найденный на городище Листвин в 1971 году фрагмент подобного наконечника ножен датирован XI веком (*Пелещишин, Чайка*, 1991. С. 141). Наконечник из Углича происходит из слоя перекопа (*Томсинский*, 1999. С. 172). Наконечник из Домбрада случайно обнаружен при вспашке поля (*Bakay*, 1967. S. 124).

В настоящее время, учитывая незначительное количество информации о хронологии цельнолитых наконечников, предлагаем датировать этот вариант наконечников с S-овидным животным рубежом X–XI веков с вероятным расширением датировки на последнюю четверть X – первую четверть XI веков. Эта датировка хорошо соотносится и с хронологией участка гнёздовского посе-

Рис. 241. Развитие наконечников ножен «скандинавской группы с германским мотивом».

ления, на котором был найден фрагмент наконечника и которое, наиболее вероятно, возникает на месте разрушенного могильника не ранее последней четверти X века и существует до первой четверти (?) XI в. включительно.

Ажурный вариант наконечников «скандинавской группы с германским мотивом четвероногого животного», по всей видимости, появляется в середине X века или несколько раньше и представлен качественно исполненными экземплярами с четко проработанной орнаментальной композицией в виде четвероногого животного, оплетенного змеей **(рис. 241)**. В течение второй половины X века орнамент наконечников становится менее проработанным. На некоторых участках тела животного исчезает рубчатое заполнение, количество «читаемых» лап уменьшается до трех или даже двух и т. д. Предположительно в последней четверти X века изготавливается новая цельнолитая модель наконечника, в целом орнаментально повторяющая ажурный вариант, но отличающаяся в деталях – отсутствует рубчатое заполнение тела животного, из четырех лап изображены две, верхняя правая лапа трансформируется в окончание «гривы», появляются расположенные между плетением круглые выпуклости. Этот вариант существует, по крайней мере, до начала XI века включительно, а возможно, и в первой четверти этого столетия.

Органические детали ножен и рукоятей мечей

Конструктивные особенности ножен, помимо меча из кургана Л-207/2017, прослежены на клинках еще двух гнёздовских мечей **(рис. 242–247)**.

На всей протяженности лезвийной части клинка меча из «комплекса 14 июля 1899 года/Ц» фиксируются фрагменты органики от ножен **(рис. 242, *1, 2*)**. Лучше всего сохранились ножны на обломке нижней части меча. Взаимное расположение слоев на этом участке можно реконструировать следующим образом (*Kainov*, 2012. Fig. 38). Непосредственно к клинку меча прилегала шкура животного, обращенная мехом внутрь. Она была помещена в футляр, сформированный двумя деревянными планками (толщиной до 2 мм). На внешней поверхности дерева прослежен очень тонкий (около 0,3 мм) слой с гладкой поверхностью. Наиболее вероятно, это остатки клея, на который наклеивалась ткань полотняного переплетения (неокрашенный лен[118]). На слой ткани на нижнем конце ножен по спирали была намотана подвернутая полоска ткани полотняного переплетения синего цвета. Ширина подвернутой полоски – не менее 5 мм. Ширина выступающей части – около 2 мм. На обмотанную часть ножен надевался

118 Определение тканей выполнено к. и. н. О. В. Орфинской.

Рис. 242. Фрагменты ножен: *1, 2* – нижняя часть меча из «комплекса 14 июля 1899 года/Ц»; *3, 4* – наконечник ножен меча с западной части Центрального селища.

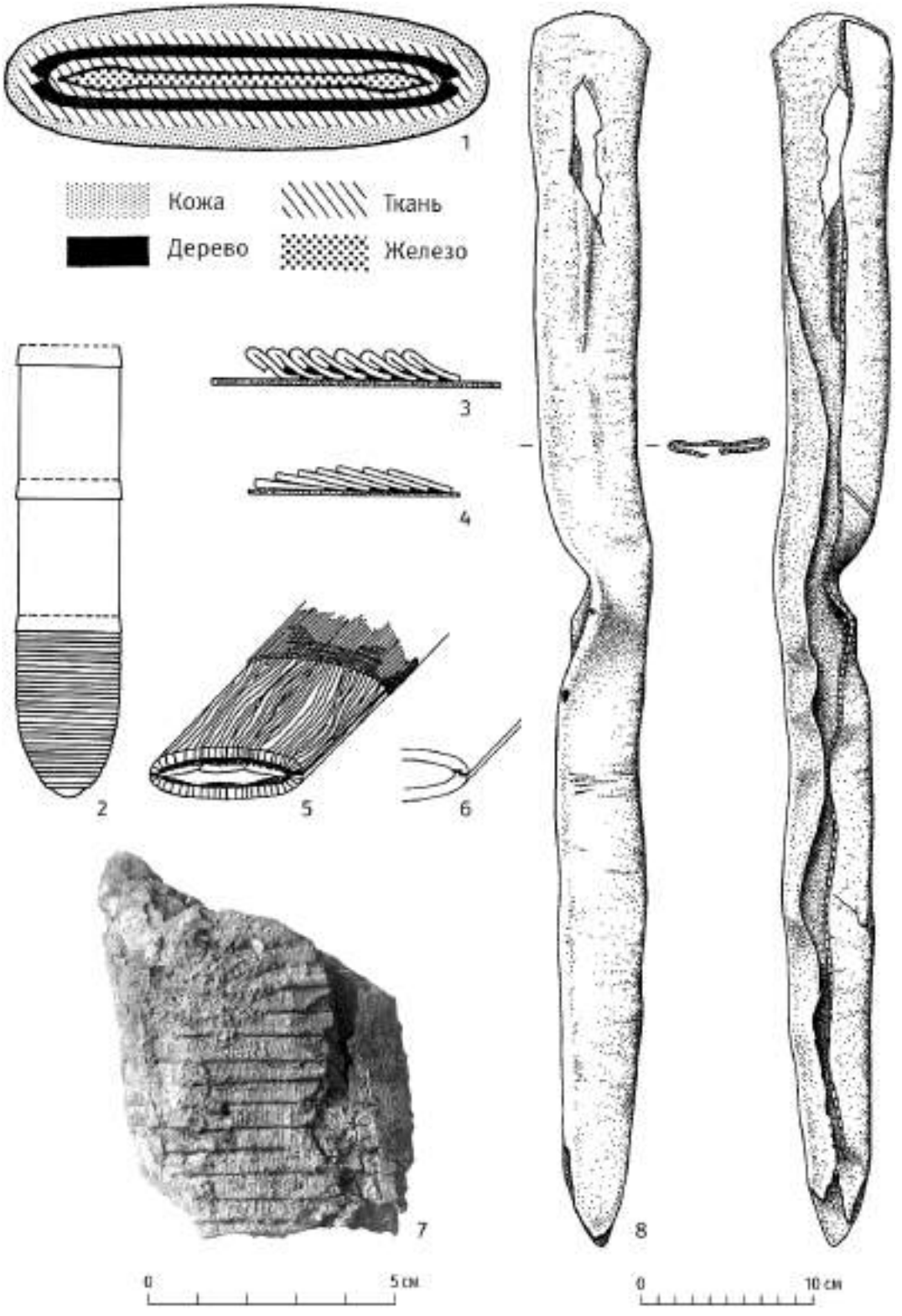


Рис. 243. Ножны мечей эпохи викингов: *1* – конструкция ножен меча из Баллатэр (о-в Мэн); *2* – обмотка (?) тканью и тканевыми лентами нижней части меча из Клевернса (Германия); *3, 4* – варианты устройства тканевых лент для обматывания нижней части ножен меча – с подворотом (*3*) и без (*4*); *5* – конструкция ножен мечей, по материалам Германии (шкура/дерево/текстиль); *6* – вариант соединения деревянных планок футляра; *7* – фрагмент тканевой обмотки ножен меча из Квам (T5084), Норвегия; *8* – кожаный чехол ножен меча из Коппергейта (Великобритания) (*1* – по: *Bersu, Wilson*, 1966. Fig 33; *2–6* – по: *Gaibig*, 1991. Abb. 28; *7* – по: *Petersen*, 1918. Fig. 2; *8* – по: *Mould et al.*, 2003. P. 3361, № 15894).

наконечник, от которого остался четко видимый отпечаток.

На клинке меча из кургана Дн-4/1984, сооружение которого, по данным дендрохронологии, относится ко времени после начала 970-х годов, остатки ножен выявлены в виде незначительных фрагментов (*Карпухин*, 2001. С. 206). Плохая сохранность клинка меча и его неудачная реставрация не позволили подробно изучить конструкцию ножен. Прослеживаются остатки шкуры животного, обращенной мехом к клинку, и покрывающий ее слой дерева толщиной около 1,5–2 мм.

Внутри одного из наконечников ножен, найденного в Гнёздове на территории западной части Центрального поселения, зафиксированы фрагменты дерева от ножен, поверх которых находилась ткань полотняного переплетения **(рис. 242, *3, 4*)**.

Данные о конструкции и материале для изготовления ножен мечей, найденных в Восточной Европе, крайне малочисленны. Ножны меча, фрагменты которого обнаружены в одном из захоронений в Десятинной церкви в Киеве (раскопки М. К. Каргера 1939 года), были изготовлены из двух самшитовых планок, обтянутых тканью саржевого переплетения (*Бредіс*, 1996, С. 47). Погребение на основании радиоуглеродного анализа датируется в интервале 1011±14 гг. (*Андрощук и др.,* 1996. С. 46). Фрагменты деревянных ножен, обтянутых кожей, сохранились на мече из кургана 100 Тимерёвского могильника (*Зозуля, Каинов,* 2022. С. 116). Ни в киевском, ни в тимерёвском погребениях внутренняя меховая вставка не прослеживалась.

Многослойная структура ножен мечей не раз фиксировалась в европейском материале. Например, трехслойная структура[119] – шкура[120]/дерево/ткань – прослежена у ножен меча из погребения в Скар (Великобритания)[121]. В двух местах на дереве ножен отмечено трехслойное перекрытие тканью, что позволяет предполагать, что ножны были обернуты полоской ткани (*Owen, Dalland*, 1999. P. 109–112).

Внутренний слой ножен меча с о-ва Мэн (Великобритания) состоял из ткани, потом располагались деревянные планки, внешняя сторона которых была обклеена еще одним слоем ткани, а затем – кожи (*Bersu, Wilson*, 1966. P. 52, 53. Fig. 33) **(рис. 243, *1*)**. Ножны меча из Бат (Великобритания) состояли из дерева, обтянутого тканью и кожей. Внутрь деревянного футляра была помещена меховая вставка (*Cameron,* 2000, 59).

В материалах Мукульчиц (Чехия) встречены следующие конструкции ножен: *а)* дерево/кожа; *б)* ткань/дерево/кожа; *в)* ткань/дерево/ткань; *г)* ткань/дерево. Ни разу не зафиксированы меховые вставки в деревянный футляр (*Košta, Hošek*, 2014, P. 288–294).

На мечах с территории Германии прослежена трехслойная конструкция – мех/дерево/ткань (*Geibig* 1991, P. 104–106) **(рис. 243, *5*)**. Тканевых внутренних вставок не встречено ни разу. Удалось проследить оформление краев планок деревянного футляра. В одном случае края были плоскими и накладывались друг на друга, во втором случае места соединения были оформлены в виде Г-образных уступов, заходящих друг в друга (*Geibig,* 1991. Abb. 28) **(рис. 243, *5, 6*)**. На нижнюю часть ножен плотно наматывались ленты ткани, иногда подвернутые **(рис. 243, *2–4*)**. Подобное покрытие зафиксировано на восьми ножнах, количество витков варьировалось от 18 до 50. В одном случае удалось измерить ширину ленты, которая составляла 8 мм, ширина выступающей кромки – 2 мм. Части ножен, расположенные выше обмотки, обклеивались заходящими друг на друга отдельными полосами ткани шириной 7,5–7,7 см **(рис. 243, *2*)**.

Плотная обмотка ножен тканевыми лентами встречается также и в норвежском материале (*Petersen*, 1918; *Vlasaty*, 2022*a*) **(рис. 243, *7*)**. В одном случае в качестве обмотки, покрывающей всю длину ножен, была использована кожаная лента.

Интересные результаты получены при изучении девяти ножен мечей, найденных в гавани Хедебю (Германия) (*Hägg*, 1991. P. 248–268). В трех случаях зафиксирована двух- или трехслойная конструкция каждой из планок деревянного футляра. Следовательно, они изготавливались из склеенных слоев дерева (в двух случаях – дуба, в одном – ольхи). В качестве внутренней вставки использовался мех (5 случаев), либо никакой вставки не было. Внешняя поверхность ножен покрывалась только кожей (иногда в два слоя), или только тканью, или же сначала тканью, а затем кожей.

---

119 Порядок слоев указан от клинка меча.

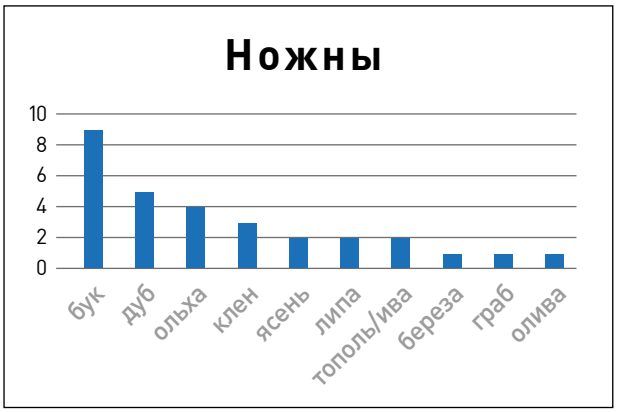
120 Возможно, овечья.

121 Отсутствие покрытия ножен кожей, с точки зрения исследователей, позволяет предположить, что футляр, в котором был найден меч, не был настоящими ножнами, а служил лишь для хранения меча (*Owen, Dalland*, 1999. P. 112).

Ножны, происходящие из слоя середины XI века Гданьска (Польша), сделаны из дерева, обтянутого тканью и конской кожей (*Nadolski*, 1955. P. 186–192).

Несколько десятков целых и фрагментированных кожаных чехлов ножен VIII–XI веков найдено при раскопках культурного слоя Йорка (Великобритания) **(рис. 243, *8*)**. Большинство чехлов изготовлено из кожи теленка толщиной 1–2 мм, два экземпляра – из овечьей или козлиной кожи. Шов всегда располагался с обратной стороны ножен по центру или со смещением (*Cameron,* 2000, 60; *Mould et al.*, 2003. P. 3360–3366).

Информация о породах древесины, которая использовалась при изготовлении ножен мечей VIII–XII веков, обобщена в работе Т. Власаты (*Vlasatý*, 2022*б*). Всего учтено 30 случаев[122]:



Как видно из диаграммы, для изготовления ножен использовалась древесина только лиственных пород деревьев, которые хорошо поддаются раскалыванию, обладают гибкостью или прочностью. Липа, из которой сделан деревянный футляр ножен меча из кургана Л-207/2017, не была самым популярным материалом. Такие ножны были обнаружены на мечах в двух погребениях – Боровце (Словакия) и Гулли (Норвегия) (*Vlasatý*, 2022).

На черене клинка монтировались детали, формирующие хват рукояти, за который удерживался меч. Длина хвата рукояти – расстояние между перекрестием и навершием – значительно варьировалась. Результаты измерений длины хвата рукояти 140 шведских мечей колебались в диапазоне между 6 и 10,8 см, с наибольшей частотой в диапазоне 8,5–10 см (*Андрощук*, 2013. С. 98. Табл. III:3).

В Гнёздове меч в кургане Л-35/1949 был найден с почти целиком сохранившимся деревянным хватом рукояти. К сожалению, его конструктивные особенности не были своевременно зафиксированы, и к настоящему времени органических деталей рукояти не сохранилось. По фотографии в отчете можно предположить, что хват рукояти был изготовлен из дерева и обклеен куском кожи (?) (*Авдусин.* Отчет 1949. С. 95; *Kainov*, 2012. Fig. 20, *3*) **(рис. 244, *1*)**. Никакой тканевой обмотки/обклейки не заметно. На торце основания навершия к настоящему времени прослеживается отпечаток торцевой части деревянных накладок рукояти в виде овала размерами 2,9×1,3 см (*Kainov*, 2012. Fig. 19, *2*) **(рис. 244, *2*)**. Подобный овальный отпечаток (2,7×1,4 см) фиксируется на торце основания навершия меча типа V, происходящего из разрушенного кургана с захоронением в деревянной погребальной камере («комплекс 14 июля 1899/Ц») (*Kainov*, 2012. Fig. 34, *2*) **(рис. 244, *3*)**. Еще один меч типа V с отпечатками торцов деревянной рукояти происходит из кургана Дн-4/1984, также содержавшего погребение в деревянной камере. Форма отпечатков ближе к прямоугольнику с сильно скругленными углами (*Kainov*, 2012. Fig. 39, *3*) **(рис. 244, *4*)**.

Опубликованных наблюдений над конструктивными особенностями рукоятей восточноевропейских мечей эпохи викингов, равно как и определений пород дерева, найти не удалось.

Рассмотрев шведский материал, Ф. А. Андрощук выделил четыре типа хвата рукоятей *(Андрощук*, 2013. С. 97–98). Типы 1, 2 изготавливались из дерева (тип 2 с металлическими накладками), 3 – из медного сплава, 4 – плотно обмотанные тонкой серебряной проволокой.

Наиболее распространены были деревянные рукояти. А. Гайбиг в немецком материале VIII–XII веков выявил шесть форм сечения деревянных хватов рукоятей (*Geibig* 1991. P. 101–102) **(рис. 245)**. Конструктивно деревянная рукоять могла состоять из одного куска дерева, из двух симметричных частей, из двух асимметричных частей и из четырех частей (*Vlasatý*, 2021) **(рис. 246)**.

Аналогия конструкции деревянной рукояти из кургана Л-207/2017 встречена на мече из Гримструп (Дания) (*Stoumann*, 2009. P. 290. Fig. 26). Совпадает и материал изготовления – ольха. Деревянная рукоять состоит из П-образного футляра с пропилом под черен клинка и крышки, закрывающей пропил. Сверху эта конструкция была плотно обмотана узкой кожаной полосой **(рис. 247, *1*)**.

122 С ножнами из Десятинной церкви Киева – 31.

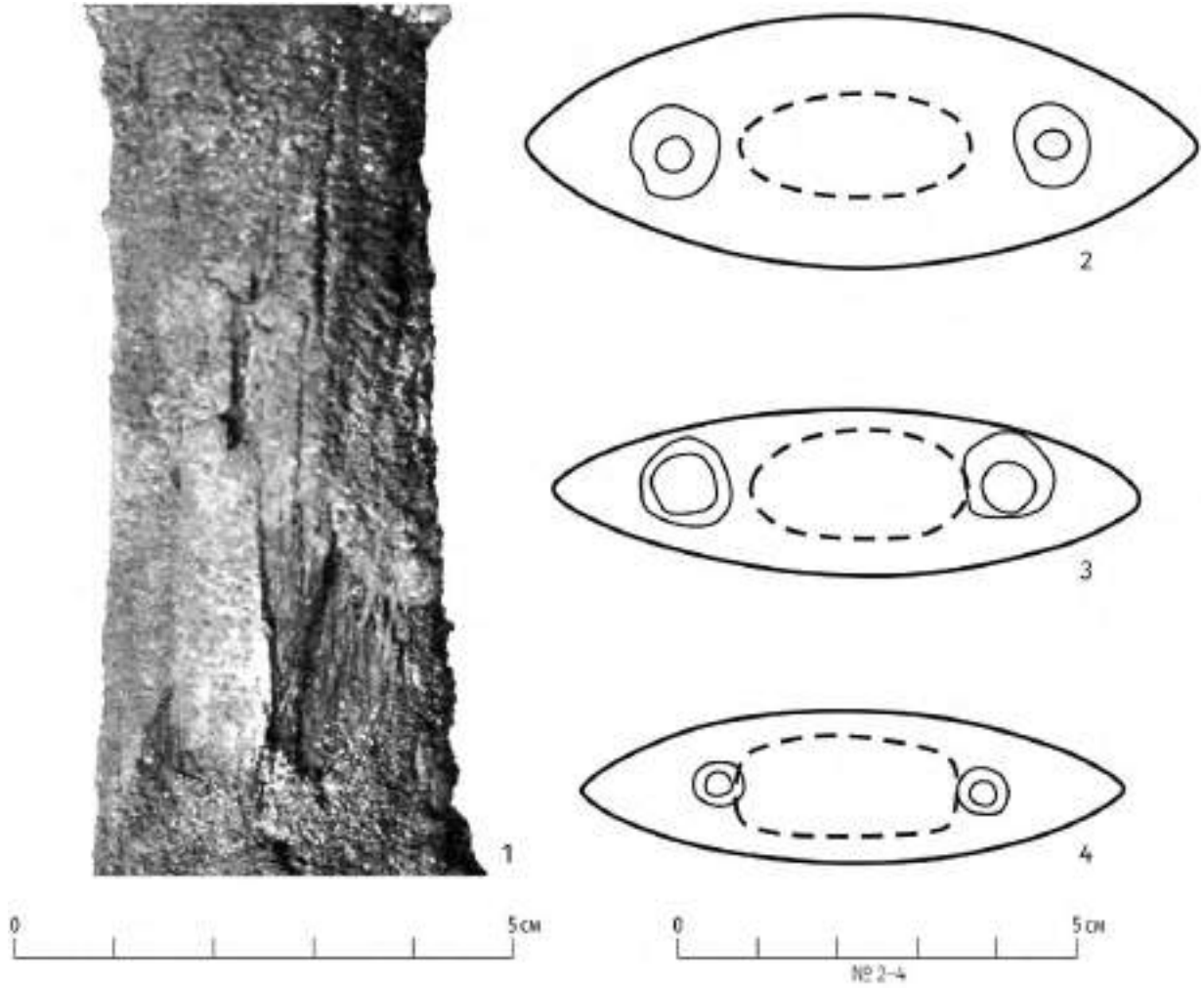


Рис. 244. Деревянная рукоять меча из кургана Л-35/1949 (*1*). Отпечатки торца деревянной рукояти на торцевых сторонах основания навершия: *2* – курган Л-35/1949, *3* – «комплекс 14 июля 1899 года/Ц», *4* – курган Дн-4/1984 (*2–4* – рисунки С. Ю. Каинова).

Обмотка деревянной рукояти узким кожаным ремешком, выступающим на 4 мм, отмечена и на мече из погребения 425 в Микульчицах (*Košta, Hošek*, 2014. P. 113–115. Fig. 43).

Деревянный корпус рукояти мог оставаться без покрытия, мог обматываться шерстяной (или льняной) нитью, полоской шерстяной ткани, тканью с намотанной поверх железной проволокой (*Vlasatý*, 2019; *Ísberg*, 2020. P. 47) **(рис. 247, *2–5*)**.

Зафиксированная на мече из Л-207/2017 обклейка дерева рукояти сначала тканью, а затем кожей пока не нашла соответствий в европейском материале.

Т. Власаты обобщил информацию о 25 определениях пород дерева, из которого изготавливались деревянные части рукоятей мечей (*Vlasatý*, 2020б). В пяти случаях оно ограничилось указанием на хвойное (2) или лиственное (3) дерево, в остальных случаях была определена порода:

Так как физические нагрузки на дерево рукояти минимальны, выбор породы кажется не важ-

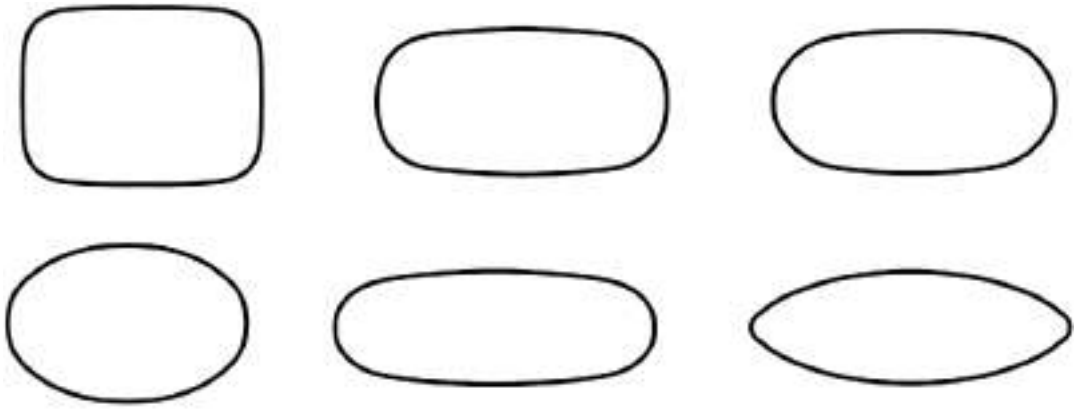


Рис. 245. Варианты сечений деревянных рукоятей мечей по материалам Германии (по: *Gaibig*, 1991. Abb. 27).

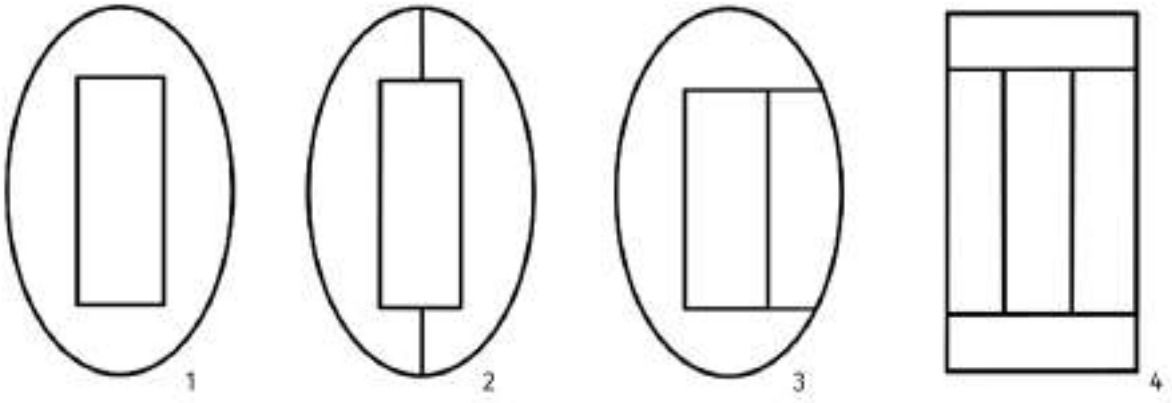


Рис. 246. Конструкции деревянных рукоятей: *1* – одночастная; *2* – из двух симметричных частей; *3* – из двух несимметричных частей; *4* – из четырех частей (по: *Vlasatý*, 2021).

ным, и, в отличие от ножен, деревянные детали изготавливались в том числе из хвойных деревьев.

При довольно большом разнообразии, ольха – наиболее используемая порода дерева для изготовления хвата рукоятей. Помимо уже упомянутой датской находки, рукояти из ольхи были установлены на мечах из Вудстаун (Ирландия), Гримструп (Дания) и двух мечах из Хедебю (Германия).

Таким образом, часть наблюдений, сделанных при изучении органических деталей меча из кургана Л-207/2017, находят аналогии в европейском материале. Конструкция ножен, состоящая из деревянного футляра, внутренней меховой вкладки и внешней обмотки тканью, широко представлена в первую очередь в североевропейском материале. Значительно реже встречается внешнее кожаное покрытие такой конструкции, что может объясняться и сохранностью материала[123]. Конструктивная аналогия рукояти, составленной из двух асимметричных ольховых планок, известна пока в единственном экземпляре. Не удалось найти в европейском материале упоминаний о покрытии дерева рукояти сначала тканью, затем кожей.

Тем не менее, органические части хвата рукоятей и ножен в ряде случаев до сих пор сохраняются на уже найденных мечах, и их изучение, наряду с новыми находками, позволит уточнить и расширить наши знания.

123 Так как фрагменты предположительно кожи найдены только в одном месте на ножнах гнездовского меча, нельзя исключать что данный фрагмент не относится к кожаному покрытию ножен. Запланированные дальнейшие исследования органических частей меча из кургана Л-207/2017, надеемся, позволят представить более полную и обоснованную реконструкцию ножен и рукояти этого меча.

Рис. 247. Обмотка деревянных рукоятей: *1* – узким кожаным ремнем; *2, 3* – шерстяной лентой, сложенной пополам (Бирка-886, Швеция); *4* – шерстяной (льняной?) нитью (Кальдарсхёфди, Исландия). Деревянная рукоять без обмотки *5* – оз. Труммен (Швеция) (*1, 5* – по: *Vlasatý*, 2021; *2, 3* – по: *Arbman*, 1943. Taf. 2, *4*; 5, *4; 4* – https://www.sarpur.is/Adfang.aspx?AdfangID=322552).

Заключение

Уникальность Гнёздовского археологического комплекса и его значимость для понимания многих исторических процессов, происходивших на территории Восточной Европы в конце I тыс. н. э., до сих пор в полной мере не оценены. Во многом это объясняется недостаточной степенью вовлеченности археологического материала из Гнёздова во всей его полноте в научный процесс осмысления прошлого Восточной Европы.

Долгое время основное содержание исследований в Гнёздове состояло в накоплении материала, получаемого в ходе масштабных работ. Во многом это объяснялось необходимостью аварийных раскопок разрушающихся частей памятника, а где-то – желанием лучше понять памятник, раскопав большую площадь поселения или большее количество курганов. В результате к началу 10-х годов XXI века, после почти 140 лет изучения, в Гнёздове на разном методическом уровне было исследовано до 1 300 насыпей курганов и более 7 000 м^2 культурного слоя Центрального поселения (*Пушкина и др.*, 2012. С. 245, 249). При столь грандиозных масштабах исследований степень введения в научный оборот как вещевого материала, так и археологического контекста очень незначительна. А попытки общего осмысления накопленного материала ограничились лишь работами 1902 и 2012 годов (*Сизов,* 1902; *Пушкина и др.*, 2012). И, к сожалению, необходимо констатировать, что, являясь одним из наиболее исследованных памятников эпохи образования Древнерусского государства, Гнёздовский археологический комплекс остается одним из наименее опубликованных[124], что делает очень шаткими любые реконструкции его структуры, хронологии, характера и степени вовлеченности в политические процессы.

В настоящее время перед исследователями Гнёздова стоит задача ввести в научный оборот максимальный объем материалов раскопок, как проведенных ранее, так и ведущихся на современном этапе. Масштабная публикация материалов и их всесторонний анализ позволит более обоснованно выстраивать гипотезы о месте и роли Гнёздова и в системе поселений Смоленской земли, и в более широком древнерусском и европейском контексте. Кажется также очевидным, что для понимания Гнёздова как единой и сложной структуры необходимо исследовать все его части, а не концентрировать усилия на уже давно изучаемых зонах памятника. Наконец, для получения качественно новой информации очень важно в максимально возможном объеме применять современные естественно-научные методы, причем делать это на всех этапах исследования.

Работы в северо-восточной части поселения, ранее почти не исследованной, и раскопки курганов Лесной группы в 2017–2020 годах – пример сочетания современных неинвазивных методов исследований, новых методических подходов при раскопках и применения различных естественно-научных методов как в процессе раскопок, так и при изучении предметов. Все это позволило получить результаты, часть которых представлена в данной книге.

Данные лидарной съемки впервые позволили увидеть и проанализировать не только общее количество и состояние курганных насыпей, но также сложную структуру могильника, разрезанного на отдельные участки дорогами. Важно отметить, что в Лесной группе ранние курганы, в том числе и Л-210, раскопанный в 2018 году, расположены вдоль одной из этих дорог. На северо-восточной окраине поселения лидарная съемка, проверенная археологическими раскопками, позволила выявить участок со снесенными в X веке насыпями, по какой-то причине не застроенный впоследствии. Останцы и ровики этих насыпей хорошо видны на светотеневых планах, полученных в ходе обработки данных воздушного сканирования с высокой плотностью съемки.

124 Несомненно, в последние полтора десятилетия ситуация начала меняться. Гнёздовский материал интенсивно обсуждается и публикуется. Тем не менее объем данных, полноценно и контекстно введенных в научный оборот, минимален по сравнению с объемом материалов, полученных в процессе раскопок.

Опираясь на современную геоинформационную систему, разработанную для Гнёздовского комплекса, мы провели пространственный анализ материала и сформировали представление о распространении материала в рамках культурного слоя поселения и погребений.

Одним из важнейших открытий, сделанных в ходе работ 2017–2020 годов на территории северо-восточной части Центрального поселения, является обнаружение разрушенной курганной группы, вскрытый участок которой предварительно датируется в рамках последней четверти IX – третьей четверти (?) X века. Возможно, уничтоженные курганы не входили в состав обособленной группы, а являлись восточной частью огромной Лесной курганной группы, разделенной на отдельные гнезда родовых кладбищ. Пока сложно сказать, было ли уничтожение курганов длительным процессом или одномоментным актом, но масштаб осуществленных работ не может не впечатлять. С учетом результатов раскопок 2021–2023 годов, площадь уничтоженной курганной группы можно определить примерно в 2,4 га, а количество уничтоженных курганов составило около 100 насыпей. Нет пока однозначного ответа и на вопрос, когда произошло разрушение курганов и когда на этой территории возникает поселение. На нынешнем этапе исследований мы придерживаемся гипотезы, что освоение территории могильника под поселение на участке, прилегающем к Лесной курганной группе, относится ко времени не ранее последней четверти X в. И, скорее всего, насыпи нивелировались постепенно и курганы, прилегающие к сохранившимся курганам Лесной группы, были уничтожены последними.

Обнаружение на северо-восточном участке поселения характерных кольцевидных структур, являвшихся ровиками и основаниями разрушенных курганов, позволило нам пересмотреть результаты работ в другой части Гнёздовского археологического комплекса. Основания по меньшей мере двух снивелированных насыпей, окруженных кольцевидными ровиками, были выявлены при раскопках 2009 и 2012 годов в северо-западной части Центрального поселения, примыкающей к Центральной курганной группе (*Новиков и др.*, 2018; *Новиков, Пушкина,* 2018). С учетом незначительной вскрытой площади, очень приблизительно площадь участка со снивелированными курганами можно определить в 0,7 га. Предварительно мы относим разрушение курганов и возникновение на этой территории поселения ко второй половине X века. Возможно, дальнейшие исследования смогут как-то сузить предложенную дату.

Уникальный по количеству и составу инвентаря погребальный комплекс Л-210/2018 еще раз обратил внимание на проблему датировки ранних курганов Гнёздовского могильника. Очевидное несоответствие представительной нумизматической серии датировкам остального инвентаря, во многом основанным на традиционных представлениях о гнёздовской хронологии, в том числе ставит вопрос о корректности хронологической локализации некоторых погребальных комплексов, раскопанных в предыдущие годы. Есть большая вероятность, что часть курганов, ранее датированных в рамках второй четверти X века, на самом деле относится к последней четверти IX – первой четверти X века. Такое развитие событий может привести к необходимости пересмотра наших представлений о гнёздовской и в целом о древнерусской хронологии, построенной на археологических данных.

Обнаружение культурных слоев в пойменной части поселения, на основании естественнонаучных методов датированных концом VIII–IX века, а также серия ранних находок с поселения ставит перед исследователями вопрос о местонахождении могильника этого времени (*Каинов,* 2014; 2015; *Каинов, Новиков,* 2022; *Мурашева и др.*, 2020). Возможно, ранняя погребальная зона находилась на территории, где были исследованы уничтоженные курганы в северо-восточной и северо-западной частях Центрального поселения. В пользу этого предположения говорят несколько факторов: серия ранних радиоуглеродных дат для разрушенных курганов и прослеженная стратиграфическая взаимосвязь, а также ранние радиоуглеродные даты для переотложенного черепа из раскопок 2012 года на участке ЦС-V (*Новиков и др.,* 2018; *Новиков, Зазовская*, 2021). Более ранние комплексы могли находится ближе к городищу и пойменной части селища. Одной из задач будущих исследований как раз должен стать поиск западной границы так называемой Полевой курганной группы и определение границ участка с разрушенными насыпями около Центральной курганной группы.

В ходе работ 2017–2020 годов на поселении было исследовано 370,5 м^2 культурного слоя и 8 погребальных комплексов в Лесной курганной группе. Помимо разнообразного массового

материала, было собрано более 2 000 индивидуальных находок. Часть предметов уже введена в научный оборот, часть готовится к публикации.

В нашей книге мы попытались по возможности полно представить информацию о новых находках мечей и наконечника ножен, сделанных в Гнёздове в ходе археологических работ 2017–2020 годов. Четыре предмета связаны с погребальными памятниками – сохранившимися курганами Лесной группы и разрушенными курганами Полевой. Одна находка – отдельное навершие меча, обнаруженное в нарушенной верхней части культурного слоя поселения, – судя по отсутствию следов установки на клинок, позволяет предполагать существование в Гнёздове мастерской, где происходила по крайней мере сборка мечей. Находка нового наконечника ножен также связана с культурным слоем поселения, еще раз подтверждая его насыщенность предметами вооружения, в том числе и связанными с оружием профессиональных воинов (*Каинов*, 2019б. С. 262–269).

Все новые находки хорошо укладываются в ранее предложенные типологии европейских мечей и наконечников ножен. Три меча (два целых и одно отдельное навершие) относятся к типу E (варианты E-1 и E-2) по типологии Я. Петерсена, один меч – к типу H/I, и еще одно отдельное навершие – к типу X. Обломок наконечника ножен относится к цельнолитой разновидности наконечников, входящих в «скандинавскую группу наконечников с германским мотивом четвероногого зверя» по типологии П. Паульсена или к варианту A-II-1a по типологии Н. В. Ениосовой. Нельзя исключать, что наконечники этого варианта изготавливались на древнерусской территории.

Находки 2017–2020 годов дополняют наши знания о мечах и наконечниках ножен, найденных в Гнёздове, где зафиксирована самая большая для территории Руси концентрация этих категорий предметов. С учетом новых экземпляров, из Гнёздова происходит не менее 32 мечей и 24 наконечников ножен. Мечи типов E и H/I представлены в Гнёздове 6 и 7 экземплярами соответственно, что тоже уникально для Древней Руси, а в отношении мечей типа E – и для всей Европы в целом. В Гнёздове же найдены сразу два меча варианта E-2, крайне редкого и очень сложного в техническом исполнении.

Археологический контекст новых находок и в одном случае серия радиоуглеродных дат подтверждают и расширяют предложенные ранее датировки типов мечей, встреченных в Гнёздове: для типа E – предположительно последняя четверть IX века – первая половина X века, для типа H/I – конец IX – X век.

Картографирование мест находок мечей выявило, что мечи типа E (4 случая из 5) концентрируются в восточной части памятника – в курганах Лесной и Полевой групп. Три меча типа H/I из четырех, найденных в курганах, обнаружены в Лесной группе. Очевидно, это связано с более ранней хронологией курганов восточной части Гнёздовского некрополя, хотя находки мечей, относящихся к типу I (варианту типа H), свидетельствуют о том, что в Лесной курганной группе и во второй половине X века продолжали хоронить людей, вооруженных мечами.

Полноценное изучение всей коллекции гнёздовских мечей и наконечников ножен невозможно без обращения к мечам, найденным на восточноевропейской территории и в целом на территории всей Европы. Для Восточной Европы становится все более очевидной необходимость создания нового свода мечей IX – начала XI века. За более чем 50 лет, прошедших после публикации каталога мечей А. Н. Кирпичникова, количество известных мечей увеличилось вдвое и расширился набор представленных типов. Несомненно также, что восточноевропейские мечи эпохи викингов – неотъемлемая часть европейского собрания мечей этого периода. Изучение мечей VIII–XI веков значительно продвинулось со времени выхода книги Я. Петерсена, что, несомненно, требует от современного анализа восточноевропейских мечей учета новых подходов и методов исследований. Это позволит более обоснованно говорить о динамике поступления мечей в Восточную Европу и своеобразии этого процесса, привести новые аргументы в пользу существования местного производства клинков, деталей рукоятей и ножен мечей.

Гнёздовский археологический комплекс, как и 150 лет назад, продолжает хранить свои тайны. Но продолжается и его изучение – как в поле, так и в тишине кабинетов. Мы уверены, что всесторонний анализ и публикация старых и новых коллекций, новые методы неинвазивных исследований, опробованных на северо-восточном участке селища и масштабированных на другие участки памятника, обращение к неизученным и малоизученным частям памятника позволят наконец понять и оценить Гнёздово во всем его величии.

Conclusion

The uniqueness of the Archeological Complex of Gnezdovo, and its significance for the understanding of many historical processes that took place in the territory of Eastern Europe at the end of the first millennium AD, is still not fully appreciated. This is largely due to the insufficient inclusion of archaeological material from Gnezdovo in its entirety in the scientific process of understanding the past of Eastern Europe.

For a long time, the focus of research has been on the accumulation of material from large-scale work. To a large extent, this was due to the need for emergency excavations of the parts of the monument in danger of imminent collapse, and elsewhere – the desire to better understand the monument, having dug out a large area of the settlement or a larger number of mounds. As a result, by the beginning of the second decade of our century, after almost 140 years of study, up to 1300 mounds and more than 7.000 m^2 of the culturally-significant layer of the Central Settlement had been methodically explored in Gnezdovo at various levels. (*Pushkina et al.*, 2012. P. 245, 249). With such large scale scientific research the amount of introduction into scientific circulation of both material and archaeological context is quite insignificant. Attempts of general understanding of the accumulated material were limited to works in 1902 and 2012 (*Sizov*, 1902; *Pushkina et al.*, 2012). It should be noted that, although being one of the most explored monuments of the period of formation of Ancient Rus, the archaeological complex of Gnezdovo unfortunately remains one of the least published[125]. This makes any process of historical generalizations, reconstruction of the structure of the monument, chronology, nature and degree of involvement of the archaeological complex in political processes extremely difficult.

At present, the researchers of this monument have the task of introducing into scientific circulation the maximum amount of materials excavated both earlier and at the present stage. The large-scale publication of the materials and their comprehensive analysis will enable more reasonable hypotheses about the place and role of Gnezdovo in the system of settlements of the Ancient Rus and in the European context. Obviously, in order to understand Gnezdovo as a unified and complex structure, it is necessary to explore in all its parts, rather than concentrating efforts on the previously studied areas of the monument. Finally, in order to obtain high-quality information, it is very important to apply modern natural scientific methods to the maximum, and to do this at all stages of the research. Research in the previously little-studied northeastern part of the Central settlement and Lesnaya group of mounds in 2017–2020 – an example of a combination of modern non-invasive research methods and of new methodological approaches in excavation and application of various natural scientific methods both in the excavation process and in the study of items. All this led to the results, some of which are presented in this book.

For the first time the Lidar survey made it possible see and analyze not only the total number and condition of the mounds, but also the complex structure of the burial ground, cut up into separate sections by roads. It is important to note that in Lesnaya mound group. early mounds, including the L-210 mound, excavated in 2018, are situated along one of these roads. On the north-eastern part of the settlement, lidar surveys, verified by archaeological excavations, revealed a site with mounds demolished in the 10th century, for some reason not built afterwards. The sites of the demolished mounds and their ditches are clearly visible on the cut-off plans obtained during the processing of high-density aerial scanning data. Based on the modern geographical information system developed for the Gnezdovo complex, a spatial

125 Undoubtedly, in the last decade and a half the situation has begun to change. The results of the excavations are intensively discussed and published. However, the volume of fully published data is significantly lower than the data obtained during the excavation.

analysis of the material was carried out giving an idea of the dissemination of the material within the culturally-relevant layer of the settlement and the burial area.

One of the most important discoveries in 2017–2020 in the north-eastern part of the Central Settlement was the discovery of a demolished damaged mound group; the opened-up area of which has been tentatively dated to the last quarter of the 9th to the middle of the 10th century. It is possible that the demolished damaged mounds were not part of a separate group, but were the eastern part of the huge Lesnaya mound group, divided into separate 'nests' of ancestral cemeteries. It is difficult to say whether the destruction of the mounds was a protracted process or a one-off act, but the scale of the work carried out cannot but impress. Based on the results of the 2021–2023 excavations, the area of the demolished damaged group of mounds can be estimated as around 2.4 hectares, and the number of demolished mounds as around 100. There is as no clear answer as to the question of when the mounds were demolished and when a settlement appeared on this territory. At the current stage of research, we go by the hypothesis that the development of the burial ground on the site next to the Lesnaya mound group, under the settlement, dates back to a time no later than the last third of the 10th century. Most likely, the mounds were demolished over a period of time. The mounds adjacent to the surviving burial mounds of the Lesnaya group were the last to be demolished.

The discovery of characteristic ring-shaped structures in the north-eastern part of the settlement, which were ditches and foundations of ruined burial mounds, allowed us to revise the results of work in another part of the Gnezdovsky archaeological complex. The bases of at least two leveled mounds, surrounded by ring-shaped ditches, were revealed during excavations in 2009 and 2012 in the northwestern part of the Central Settlement, next to the Central mound Group (*Novikov et al.*, 2018; *Novikov, Pushkina*, 2018). Taking into account the small area, a very approximate area of the plot with levelled mounds can be estimated at around 0.7 hectares. In a preliminary analysis, we attribute the destruction of mounds and the emergence of a settlement in this territory to the second half of the 10th century. Perhaps further research will narrow down the suggested period.

The L-210/2018 burial complex, unique in its scale and make-up, once again drew attention to the problems of dating the early barrows of the Gnezdovo cemetery. The obvious discrepancy between the numismatic series and the dates of the rest of the inventory, which are largely based on traditional ideas about the Gnezdovo chronology, raises concerns about the correctness of the chronological localization of some of the burial complexes excavated in earlier years. There's a strong possibility that some of the mounds which were previously dated to the second quarter of the 10th century may have actually been dated from the second half of the 9th to first quarter of the 10th century. It may prove necessary to revise our ideas about the Gnezdovo chronology in particular and Ancient Rus chronology in general.

The discovery of culturally-relevant layers in the floodplain of the settlement, based on natural scientific methods dating to the late 8th – 9th centuries, as well as a series of early finds from the settlement, raises the question as to the location of the burial ground of this time (*Kainov*, 2014; 2015; *Kainov, Novikov*, 2022; *Murasheva et al.*, 2020). The early burial zone may have been in the area where the demolished burial mounds in the north eastern and north western parts of the Central Settlement were explored. The assumption is supported byseveral factors: a sequence of early radiocarbon dating of the demolished structures, a traceable stratigraphic connection, and early radiocarbon dating of a reinterred skull from the 2012 excavation at the CS-V site (*Novikov et al.*, 2018; *Novikov, Zazovskaya*, 2021). Earlier complexes could have been situated closer to the hillfort and the floodplain part of the settlement. One of the tasks of future research should be to find the western boundary of the so-called Field mound group and determine the boundaries of the area near the demolished embankments near the Central mound group.

From 2017–2020, 370.5 m^2 of the culturally-relevant layer and 8 burial complexes in the Forest mound Group were investigated at the settlement. Over 2.000 individual finds were collected in addition to various bulk material. There are subjects that have already been published in scientific journals and others that are being prepared for publication.

In our book, we have tried to provide as much information as possible about new finds of swords and scabbards found in the Gnezdovo during archaeological work from 2017–2020. Four items are related to mounds from Lesnaya mound group and the demolished Field mound group. One find was the

separated pommel of a sword discovered in the disturbed upper part of the culturally-relevant layer of the settlement. The absence of a blade suggests the existence of a workshop in Gnezdovo, where swords were assembled – at least. The finding of a new scabbard tip is also related to the culturally-relevant layer of the settlement. This once again confirms the saturation of the culturally-relevant layers of the settlement with weapons, including those of professional soldiers (*Kainov*, 2019. P. 262–269).

The new findings fit in well with previously suggested typologies of European swords and scabbard heads. Three swords (two whole and one separate pommel) belong to Type E (variants E-1 and E-2) according to the typology of J. Petersen, one sword belongs to Type H/I, and another separate pommel belongs to Type X. The fragment of the tip of the scabbard belongs to a one-piece variety of tips that are part of the «Scandinavian group of tips with a German motif quadrupedal beast» according to the typology of P. Paulsen or are of the variant A-II-1a according to the typology of N. V. Eniosoy. A one piece version of such tips may have been made on ancient Russian lands.

The findings of 2017–2020 complement our knowledge about swords and scabbard tips found in Gnezdovo, where the largest concentration of these categories of objects in Russia is recorded. Taking into account the new specimens, no less than 32 swords and 24 scabbard heads were made in Gnezdovo. Types E and H/I are found in Gnezdovo, 6 and 7 copies respectively, which is also unique for ancient Russia, and for Type E swords - and for Europe as a whole. At once two swords variant E-2 were found at the same time in Gnezdovo. They are extremely rare and technically very difficult to use.

The archaeological context of new finds and, in one case, a series of radiocarbon datings, confirm and extend the earlier suggested dating of the types of swords encountered in Gnezdovo: for Type E, presumably the last quarter of the 9th century, the first half of the 10th century, for type H/I – the end of the 9th and 10th centuries.

The mapping of the places where swords were found revealed that swords of type E (4 cases out of 5) were concentrated in the eastern part of the monument – in the mounds of the Lesnaya and Field groups. Three of the four H/I swords were found in the barrows of Lesnaya mound group. It is clear that this is linked with the earlier chronology of the mounds of the eastern part of Gnezdovo necropolis, although the finds of swords belonging to type I (variant of type H) indicate that in the Lesnaya mound group people continued to be buried, with their swords, in the second half of the 10th century.

A full study of the entire collection of Gnezdovo swords and scabbard tips is impossible without reference to swords found in Eastern Europe and throughout Europe. In general for Eastern Europe in the 9th and early 11th centuries, the need to create a new set of swords of the is becoming increasingly evident. For more than the half century that has passed since the publication of A. N. Kirpichnikov's catalog of swords, the number of known swords has doubled and the set of types represented has expanded. It is also certain that Eastern European Viking-era swords are an integral part of the European Sword Collection of this period. The study of swords from the 8th to 11th centuries has advanced considerably since the publication of J. Petersen's book, which undoubtedly requires a modern analysis of Eastern European swords to take into account new approaches and research methods. This will enable us to discuss more knowledgably the dynamics of the movement of swords in Eastern Europe and the uniqueness of this process, and to present new arguments in favor of the existence of local manufacture of swords, of hilts and scabbards.

The Archeological Complex Gnezdovo continues to keep its secrets, just as it did 150 years ago. But it also continues to be studied, both in the field and in the silence of the classrooms. We are confident that the comprehensive analysis and publication of old and new collections, new methods of non-invasive research, tested on the north-eastern part of the settlement and scaled to other areas of the monument, and an appeal to the unexplored and little-studied parts of the monument, will enable us to finally understand and appreciate Gnezdovo in all its grandeur.

Список использованных источников и литературы

Архивные материалы

Авдусин. Отчет 1949. – *Авдусин Д. А.* Отчет о раскопках в Гнёздове в 1949 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 341.

Авдусин и др., 1976. – *Авдусин Д. А., Асташова Н. И., Каменецкая Е. В.* Отчет о раскопках в Смоленске и Гнёздове Смоленской археологической экспедиции в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 5913.

Каинов, 2016. – *Каинов С. Ю.* Отчет о результатах мониторинга Левобережной курганной группы Гнёздовского археологического комплекса в 2015 г.

Пушкина, 2001. – *Пушкина Т. А.* Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции МГУ в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22212.

Пушкина, 2017. – *Пушкина Т. А.* Отчет о раскопах Смоленской археологической экспедиции МГУ на территории Гнёздовского комплекса археологических памятников (Центральное поселение) в 2016 году.

Литература

*Авдусин,*1951. – *Авдусин Д. А.* Раскопки в Гнёздове // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVIII.

Авдусин, 1970. – *Авдусин Д. А.* Гнёздовская корчага // МИА. 1970. № 176.

Авдусин, 1974. – *Авдусин Д. А.*Скандинавские погребения в Гнёздове // ВМУ. История. № 1. 1974.

Авдусин, 1999. – *Авдусин Д. А.* Главы из монографии «Гнёздово» (1992–1993). Краткая история полевых исследований // Гнёздовский могильник: Исследования и публикации. Ч. 1. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). М., 1999. Труды ГИМ. Вып. XXXVI.

Авдусина, Зозуля, 2018. – *Авдусина С. А., Зозуля С. С.* Исследования на территории Ольшанского городища под Смоленском в 2008–2009 гг. // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2018. Труды ГИМ. Вып. 210.

Акилбаев, 2019. – *Акилбаев А. В.* Марийский край в военной истории с древнейших времен до начала XX века // Марийский край в военной истории России. Йошкар-Ола, 2019.

АКР, 1997 – Археологическая карта России. Смоленская обл. Часть 1. М., 1997.

Андрощук, 2004. – *Андрощук Ф. А.* О первой археологической находке из Шестовицы // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004.

Андрощук, 2013. – *Андрощук Ф.* Мечи викингов. Киев, 2013.

Андрощук, Зоценко, 2012. – *Андрощук Ф., Зоценко В.* Скандинавские древности Южной Руси. Paris, 2012.

Андрощук и др., 1996. – *Андрощук Ф. А., Панченко М., Ковалюх М.* До передісторії спорудження Десятинної церкви (Хронологічний аналіз поховальних комплексів) // Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ, 1996.

Бейлекчи, 2000. – *Бейлекчи В. В.* Клинковое оружие племени Мурома // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000.

Белавин, 2000. – *Белавин А. М.* Камский торговый путь. Пермь, 2000.

Бельский, 2018. – *Бельский С. В.* Погребальные памятники Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XIII вв. // Опорные археологические памятники и региональные хронологические схемы Восточной Европы. СПб., 2018. Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 5.

Богуславский, 1991. – *Богуславский О. И.* К хронологии Юго-Восточного Приладожья IX–XII веков // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991.

Бранденбург, 1895. – *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья // МАР. СПб., 1895. № 18.

Бредіс, 1996. – *Бредіс Н.* Технологічні дослідження стародавнього меча з княжого поховального комплексу // Церква Богородиці Десятинна в Києві. Київ, 1996.

Вешнякова, 2005. – *Вешнякова К. В.* История изучения мечей эпохи викингов // в кн. Я. Петерсен. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб., 2005.

Вешнякова, Булкин, 2001. – *Вешнякова К. В., Булкин В. А.* Ремесленный комплекс гнёздовского поселения //

Гнёздово: 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. М., 2001. Вып. 124.

Витулева, 2021. – *Витулева Е. А.* Особенности выделения слабоконтрастных аномалий комплексом методов археологической геофизики на примере археологического комплекса Гнездово // Дипломная работа кафедры разведочной геофизики и компьютерных систем. 21.05.03. М., 2021.

Волков, Новиков, 2021. – *Волков В. А., Новиков В. В.* Нумизматические, филобутонистические и сфрагистические материалы позднего средневековья и Нового времени из раскопок северо-восточной части Центрального поселения Гнёздова // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2021. Труды ГИМ. Вып. 215.

Горячев, Новиков, 2021. – *Горячев И. О., Новиков В. В.* Весовой инвентарь Гнёздовского археологического комплекса из раскопок северо-восточной части Центрального поселения (2017–2019 гг.) // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2021. Труды ГИМ. Вып. 215.

Гопак, Дьяченко, 1984. – *Гопак В. Д., Дьяченко А. Д.* Техника изготовления клинков древнерусских мечей бассейна Северского Донца // СА. 1984. № 4.

Гуревич, 1963. – *Гуревич Ф. Д.* Норманский могильник у дер. Вишнево // Скандинавский сборник. Таллин, 1963. Вып. VI.

Данич, 2012. – *Данич А. В.* Клинковое оружие Пермского Предуралья // Поволжская археология. 2012. № 2.

Дедов, Швецов, 1987. – *Дедов В. Н., Швецов М. Л.* Находка древнерусского меча в Донбассе. СА. 1987. № 1.

*Дубов,*1999. – *Дубов И. В.* Погребения с мечами в Ярославский могильниках (К этнической и социальной оценке) // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999.

Дубов, 1982. – *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). Л., 1982.

Ениосова, 1996. – *Ениосова Н. В.* Ажурные наконечники ножен мечей X–XI вв. на территории Восточной Европы // История и эволюция древних вещей. М., 1996.

Еремеев, Дзюба, 2010. – *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки: археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб., 2010. Тр. ИИМК РАН. Т. 33.

Захаров, 2007. – *Захаров С. Д.* Средневековый культурный слой поселений: методы и приемы исследования // Археология северорусской деревни X–XIII веков. М., 2007. Т. 1.

Зозуля, 2007. – *Зозуля С. С.* Предметы вооружения Ярославского Поволжья X–XI вв. Дипломная работа кафедры археологии исторического факультета МГУ. М., 2007.

Зозуля, 2021. – *Зозуля С. С.* Наконечники стрел редких типов из кургана 100 Тимеревского могильника // Военная археология. М., 2018. Вып. 4.

Зозуля, в печати. – *Зозуля С. С.* Исследования в Днепровской курганной группе Гнёздовского археологического комплекса в 2014 г. // Археология Древней Руси: проблемы и открытия. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. В печати.

Зозуля, Каинов, 2022. – *Зозуля С. С., Каинов С. Ю.* Мечи типа «W» на территории Древней Руси // Археологические вести. СПб., 2022. Вып. 36.

Зоценко, 1999. – *Зоценко В. Н.* Высокие наконечники ножен мечей конца X – начала XI в. // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999.

Зоценко, 2004. – *Зоценко В. М.* Скандинавські артефакти Південно-Західної Русі // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004.

Зоценко, 2007. – *Зоценко В.* Південноруські знахідки наконечників піхов мечів типу H:1,3-Paulsen // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи. Чернігів, 2007.

Ивакин, 2011. – *Ивакин В. Г.* Киевские погребения X века // Stratum plus. 2011. № 5.

Иванова, Иванова, 2012. – *Иванова И. В., Иванова Н. Ю.* Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога) // АВ. СПб., 2012. Вып. 18.

Измайлов, 1997. – *Измайлов И. Л.* Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань–Магадан, 1997.

Измайлов, 2000. – *Измайлов И. Л.* Балымерский курганный могильник и его историко-культурное значение // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000.

Каинов, 2001. – *Каинов С. Ю.* Еще раз о датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М., 2001. Труды ГИМ. Вып. 124.

Каинов, 2008. – *Каинов С. Ю.* Каталог мечей из собрания Государственного исторического музея, составленный В. В. Арендтом // Военная археология. М., 2008.

Каинов, 2009. – *Каинов С. Ю.* Наконечники ножен мечей из Гнёздова // Acta Militaria Mediaevalia. Krakow–Sanok. 2009. T. V.

Каинов, 2011. – *Каинов С. Ю.* Новые данные о мече с Сарского городища // Военная археология. М., 2011. Вып. 2.

Каинов, 2014. – *Каинов С. Ю.* Находки мечей ранних типов на территории Гнёздова // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М.–Вологда. 2014.

Каинов, 2015а. – *Каинов С. Ю.* К вопросу о времени возникновения торгово-ремесленного поселения у дер. Гнёздово // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. М., 2015.

Каинов, 2015б. – *Каинов С. Ю.* Наконечник ножен меча из Усвята // в кн. И. И. Еремеев Древности Полоцкой земли в историческом изучении восточнобалтийского региона (Очерки средневековой археологии и истории Псковско-белорусского Подвинья. СПб., 2015.

Каинов, 2017. – *Каинов С. Ю.* Обряд «особого» обращения с клинковым оружием по материалам Гнёздовского некрополя // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2017. № 6.

Каинов, 2019а. – *Каинов С. Ю.* В поисках раннего Гнёздова (раскопки кургана Л-210 в Лесной курганной группе) // Край смоленский. 2019. № 2.

Каинов, 2019б. – *Каинов С. Ю.* Сложение комплекса вооружения Древней Руси X – начала XI в. (по материалам Гнёздовского некрополя): Дис. … канд. ист. наук. М., 2019.

Каинов и др., 2021. – *Каинов С. Ю., Коваленко Е. С., Подурец К. М., Глазков В. П., Мурашев М. М., Пресняко-ва Н. Н., Терещенко Е. Ю., Яцишина Е. Б.* Наконечник стрелы из кургана Черная могила: новые результаты исследований // Российская археология. 2021. № 2.

Каинов, Макушников, 2022. – *Каинов С. Ю., Макушников О. А.* Наконечник ножен меча из Старой Белицы (Гомельская обл., Беларусь) // Военная археология. М., 2022. Вып. 7.

Каинов, Новиков, 2022. – *Каинов С. Ю., Новиков В. В.* Шпоры из Гнёздова // Археологические вести. 2022. Вып. 36.

Каинов, Олейников, 2015. – *Каинов С. Ю., Олейников О. М.* Модель для изготовления деталей наконечников ножен мечей (Власьевский 2 раскоп, Великий Новгород) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород, 2015. Вып. 29.

Каинов, Щедрина, 2019. – *Каинов, С. Ю., Щедрина А. Ю.* Новые исследования мечей из Гнёздова // Военная археология. М., 2019. Вып. 5.

Каинов, Щедрина, 2021. – *Каинов С. Ю., Щедрина А. Ю.* Кольчужный доспех и кольчужные кольца из раскопок Гнёздова // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2021. Труды ГИМ. Вып. 215.

Каргер, 1958. – *Каргер М. К.* Древний Киев. М.–Л., 1958. Т. 1.

Карпухин, 2001. – *Карпухин А. А.* Некоторые результаты дендроанализа материалов из раскопок Гнёздова // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М., 2001. Труды ГИМ. Вып. 124.

Кирпичников, 1966а. – *Кирпичников А. Н.* Мечи и сабли IX–XIII вв. // Археология СССР. САИ. Вып. Е1-36. Древнерусское оружие. Вып. 1. М.–Л., 1966.

Кирпичников, 1966б. – *Кирпичников А. Н.* Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени X–XIII вв. // Археология СССР. САИ. Вып. Е1-36. Древнерусское оружие. Вып. 2. М.–Л., 1966.

Кирпичников, 1973. – *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // Археология СССР. САИ. Вып. Е1–36. Л., 1973.

Кирпичников, 1992. – *Кирпичников А. Н.* Новообнаруженные клейма раннесредневековых мечей // Fasciculi archaeologiae historicae. Łódź, 1992. Fasc. 5.

Кирпичников, Дубов, 1982. – *Кирпичников А. Н., Дубов И. В.* Новые расчистки мечей, найденных в Ярославском Поволжье // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.

Кирпичников, Каинов, 2001. – *Кирпичников А. Н., Каинов С. Ю.* Новоприобретенный раннесредневековый меч из собрания Московского Кремля // Норна у источника Судьбы. М., 2001.

Клещенко и др., 2019. – *Клещенко Е. А., Каинов С. Ю., Свиркина Н. Г., Добровольская Е. В.* Кремации из кургана Л-210 Гнёздовского могильника: Первые результаты комплексного биоархеологического исследования // VIII Алексеевские чтения. Материалы конференции. М., 2019.

Комар, 2012. – *Комар А. В.* Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.–Вологда, 2012.

Комар, 2018. – *Комар А.* История и археология древних мадьяр в эпоху миграции // A korai magyarság vándorlásának történeti és régészeti emlékei. Budapest, 2018.

Корзухина, 1950. – *Корзухина Г. Ф.* Из истории древнерусского оружия XI века // СА. 1950. Т. XIII.

Кочкуркина, 1989. – *Кочкуркина С. И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск, 1989.

Кравченко, 2020. – *Кравченко Э. Е.* Предметы вооружения и конского снаряжения хазарского времени (среднее течение Северского Донца) // Археология евразийских степей. 2020. № 6.

Краіна Беларусь, 2012. – «Краіна Беларусь. Вялікае Княства Літоўскае. Ілюстраваная гісторыя». 2012.

Кудрявцев, 2014. – *Кудрявцев А. А.* Замки и ключи в материальной культуре средневекового Новгорода: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2014.

Кулаков, Иов, 2001. – *Кулаков В. И., Иов О. В.* Наконечники ножен меча из кургана 174 могильника Кауп и с городища Франополь // КСИА. 2011. № 211.

Кулешов и др., 2021. – *Кулешов В. С., Новиков В. В., Каинов С. Ю., Сергеев В. Ю.* Нумизматические материалы эпохи викингов в северо-восточной части Центрального поселения Гнёздова из раскопок 2017–2020 годов // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2021. Труды ГИМ. Вып. 215.

Курганов и др., 2019. – *Курганов Н. С., Горлов К. В., Плавинский Н. А.* Меч типа H с Брилевского поля: результаты реставрационного исследования // Военная археология. М., 2019. Вып. 5.

Кусцинский, 1881. – *Кусцинский М. Ф.* Отчёт о раскопках в Смоленской губернии в 1874 году // Древности. Труды МАО. 1881. Т. IX. Вып. 1.

Лесман, 1995. – *Лесман Ю. М.* Кремации и ингумации в курганах нижней и средней Паши: к хронологии изменения погребального обряда // Чтения памяти Н. Е. Бранденбурга: 17-е заседание семинара «Храм и культура». СПб., 1995. Вып. 8.

Лявданский, 1924. – *Лявданский А. Н.* Материалы для археологической карты Смоленской губернии. Смоленск, 1924.

Лявданский, 2002. – *Лявданский А. Н.* Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Смоленские древности: Городища Смоленской земли. Смоленск, 2002. Вып. 2.

Медведев, 1966. – *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и самострел. VIII–XIV вв. // САИ. 1966. Сер. Е1-36.

Меч и златник, 2012. – Меч и златник. каталог выставки. М., 2012.

Михайлов, Романовский, 2016. – *Михайлов А. В., Романовский А. Б.* О новом типе погребальных памятников XI в. в окрестностях Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. М., 2016. Вып. 31.

Михайлов, Носов, 2002. – *Михайлов К. А., Носов Е. Н.* Новые находки наконечников ножен мечей на Рюриковом городище // АВ. 2002. Вып. 9.

Михайлова и др., 2016. – *Михайлова Е. Р, Стасюк И. В., Федоров И. А.* Городище Втырка (Пиллово-2) и древности эпохи викингов на Ижорском плато // Археология и история Пскова и Псковской земли. М., 2016. Вып. 31.

Михеев, 1985. – *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

Мурашева, Каинов, 2020. – *Мурашева В. В., Каинов С. Ю.* Викинги. Путь на Восток. М., 2020.

Мурашева и др., 2020. – *Мурашева В. В., Панин А. В., Шевцов А. О., Малышева Н. Н., Зазовская Э. П., Зарецкая Н. Е.* Время возникновения поселения Гнёздовского археологического комплекса по данным радиоуглеродного датирования // РА. 2020. № 4.

Недошивина, 1963. – *Недошивина Н. Г.* Предметы вооружения из Ярославских могильников // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963.

Нефедов, 1998. – *Нефёдов В. С.* Гнёздовский археологический комплекс и Путь из варяг в греки // Гнёздово: история и современность. Смоленск, 1998.

Нефедов, 2001. – *Нефёдов В. С.* Новосёлки и Гнёздово // Тезисы докладов XIV конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. М.–Архангельск, 2001.

Нефедов, 2004. – *Нефёдов В. С.* Городище Рокот в структуре синхронных поселений Днепро-Двинского междуречья // Тезисы докладов XV конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М., 2004. Ч. 1.

Нефедов, 2012а. – *Нефёдов В. С.* Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования Древнерусского государства по археологическим данным // Древнейшие государства Восточной Европы: 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012.

Нефедов, 2012б. – *Нефедов В. С.* Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX – первая половина XI в.) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства. Вологда, 2012.

Новиков, 2021. – *Новиков В. В.* Воздушное лазерное сканирование территории Гнёздовского археологического комплекса. Опыт применения и первые результаты // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2021. Труды ГИМ. Вып. 215.

Новиков, 2022. – *Новиков В. В.* Воздушное лазерное сканирование на базе БПЛА для изучения объектов археологии в европейской части России // Поволжская археология. 2022. № 1 (39).

Новиков, Зазовская, 2021. – *Новиков В. В., Зазовская Э. П.* Новый погребальный комплекс и его хронология по материалам работ 2017–2018 годов на территории северо-восточной части Центрального поселения (предварительные результаты исследований) // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2021. Труды ГИМ. Вып. 215.

Новиков и др., 2021а. – *Новиков В. В., Горячев И. О., Сагманова Г. М.* Новый ГИС Гнёздовского комплекса. Структура, практика применения // Гнёздовский археологический комплекс. Исторический ландшафт, картография, современные методы исследования. М., 2021.

Новиков и др., 2021б. – *Новиков В. В., Каинов С. Ю., Сергеев К. С., Горин А. Д.* Результаты применения методов разведочной геофизики для исследования курганов Гнёздовского археологического комплекса // Археология и геоинформатика. Москва, 2021. Вып. 10. – https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-10/Novikov_2/page1.html

Новиков и др., 2021в. – *Новиков В. В., Клещенко Е. А., Каинов С. Ю., Сагманова Г. М., Савченко И. А.* Разрушенные курганы по обряду кремации X в. на территории Гнёздовского археологического комплекса: поиск, локализация, интерпретация // Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций. Сборник тезисов научного семинара ИА РАН. М., 2021.

Новиков и др., 2021г. – *Новиков В. В., Каинов С. Ю., Сергеев К. С., Бобачев А. А., Белоусов А. В., Горин А. Д., Туренина А. В.* Изучение культурного слоя Центрального селища Гнёздовского археологического комплекса. Предварительные результаты геофизических исследований и археологических раскопок // Геофизика. М., 2020. № 6.

Новоселов, 2019. – *Новоселов В. Р.* Европейское холодное клинковое оружие X–XX веков. М., 2019.

Носов, 2018. – *Носов Е. Н.* Стратиграфия Земляного городища Старой Ладоги: итоги и перспективы исследований // Новое в археологии Старой Ладоги: материалы и исследования. СПб., 2018. Труды ИИМК РАН. Т. 53.

Пелещишин, Чайка, 1991. – *Пелещишин М. А., Чайка Р. М.* Нові давньоруські ювелірні вироби із Західної Волині // Археологія. 1991. № 1.

Петерсен, 2005. – *Петерсен Я.* Норвежские мечи эпохи викингов. Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов. СПб., 2005.

Плавінскі, 2009. – *Плавінскі М. А.* Нарысы гісторыі клінковай зброі IX–XIII стагоддзяў на Беларусі. Минск, 2009.

Плоткин, 1974. – *Плоткин К. М.* К вопросу о хронологии городища Камно Псковской обл. // КСИА. 1974. Вып. 139.

Пушкина, 1991. – *Пушкина Т. А.* Торговый инвентарь в курганах Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнёздово. М., 1991.

Пушкина, 1998. – *Пушкина Т. А.* Первые Гнёздовские клады: история открытия и состав // Историческая археология: Традиции и перспективы. М., 1998.

Пушкина, Ениосова, 2021. – *Пушкина Т. А., Ениосова Н. В.* Очерк по истории изучения памятника // Гнёздовский археологический комплекс. Исторический ландшафт, картография, современные методы исследования. М., 2021.

Пушкина, Новиков, 2021. – *Пушкина Т. А., Новиков В. В.* Очерк по истории картографических и топогеодезических работ // Гнёздовский археологический комплекс. Исторический ландшафт, картография, современные методы исследования. М., 2021.

Русские и немцы, 2012. – Русские и немцы. 1000 лет истории, культуры и искусства. Каталог выставки. М., 2012.

Рыжков и др., 2021. – *Рыжков В. И., Сергеев К. С., Новиков В. В., Белоусов А. В., Горин А. Д., Туренина А. В., Витулева Е. А., Севастьянов М. В., Трифонов А. А.* Геофизические исследования на территории ГАК // Гнёздовский археологический комплекс. Исторический ландшафт, картография, современные методы исследования. М., 2021.

Седов, 2007. – *Седов В. В.* Изборск в раннем Средневековье. М., 2007.

Сергеев, 2019. – *Сергеев В. Ю.* Комплекс находок из окрестностей деревни Дрюцк Смоленского района Смоленской области // Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв. СПб., 2019.

Спицын, 1905. – *Спицын А. А.* Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1905. Вып. 15.

Стальсберг, 2010. – *Стальсберг А.* Кто такой Ульфберт? // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. Т. II.

Стародубцев, 2011. – *Стародубцев Г. Ю.* Меч из д. Гнань Курской области (предварительное сообщение) // Русский сборник. Брянск, 2011. Вып. 6.

Сібільов, 1950. – *Сібільов М. В.* Археологічні пам'ятки на Дінці у зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Новгород Сіверського // Археологія. 1950. Вип. IV.

Сизов, 1902. – *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. Гнёздовский могильник близ Смоленска // МАР. СПб., 1902. № 28.

Снятинщина, 2014. – Снятинщина. Історико-етнографічний нарис. Снятин–Івано-Франківськ–Львів, 2014.

Стасюк, 2010. – *Стасюк И. В.* Средневековые погребения с мечами в курганах Ижорского плато (по материалам раскопок Л. К. Ивановского) // Краеугольный камень. Археология, история, искус-

ство, культура России и сопредельных стран. М., 2010. Т. II.

Стасюк, 2017. – *Стасюк И. В.* К проблеме изучения раннего древнерусского общества на северо-западной границе Новгородской земли // Élite ou Égalité… Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. СПб., 2017.

Томсинский, 1999. – *Томсинский С. В.* Скандинавские находки из угличского кремля и легенда об основании Углича // Stratum plus. 1999. № 5.

Томсинский, 2004. – *Томсинский С. В.* Углече Поле в IX–XIII веках. СПб., 2004.

Фетисов, Кулешов, 2021. – *Фетисов А. А., Кулешов Вяч. С.* Исследования склона террасы Центрального Гнёздовского селища в 2020 году. Предварительные итоги // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2021. Труды ГИМ. Вып. 215.

Фехнер, 1963. – *Фехнер М. В.* Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников. М., 1963.

Хвощинская, 2004. – *Хвощинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли (По материалам могильника Залахтовье). СПб., 2004.

Чайка, 2009. – *Чайка Р. М.* Давньоруське городище Листвин і його околиці у X–XI ст. Львів, 2009.

Шитов, 1994. – *Шитов В. Н.* Мечи X–XI вв. на территории Мордовии // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.

Шишлина и др., 2017. – *Шишлина Н. И., Плихт Й., Севастьянов В. С., Кузнецова О. В., Мурашева В. В., Панин А. В., Каинов С. Ю., Зозуля С. С., Шевцов А. О.* Радиоуглеродное AMS-датирование экспонатов Исторического музея: результат и обсуждение // Известия Самарского НЦ РАН. Самара, 2017. Т. 19. № 3 (2).

Шмидт, 2005а. – *Шмидт Е. А.* Раскопки курганов «Лесной группы» у дер. Гнездово // Смоленские древности. Смоленск, 2005. Вып. 4.

Шмидт, 2005б.– *Шмидт Е. А.* Курганный могильник у поселка Новоселки // Смоленские древности. Смоленск, 2005. Вып. 4.

Штукенберг, 1892. – *Штукенберг А. А.* Древняя курганная могила около деревни Белымер (Балымер) в Спасском уезде Казанской губернии // ИОАИЭ КУ. Казань, 1892. Т. X. Вып. 2.

Щедрина, 2018. – *Щедрина А. Ю.* Новый взгляд на деталь меча из коллекции Харьковского исторического музея // Харьковский историко-археологический сборник. Харьков, 2018. Вып. 23.

Щедрина, 2022а. – *Щедрина А. Ю.* Предметы вооружения из курганов Юго-Восточного Приладожья (IX–XII вв.): Дис. … магистра ист. наук. М., 2022.

Щедрина, 2022б. – *Щедрина А. Ю.* Мечи особых типов из курганов Юго-Восточного Приладожья // АВ. СПб., 2022. Вып. 36.

Янссон и др., 2008. – *Янссон И., Потупчик М. В., Андрощук Ф. А.* Скандинавская фибула из Винницкой области // Славянорусское ювелирное дело и его истоки. СПб., 2006.

Ambrosiani, 1981. – *Ambrosiani K.* Viking age combs, comb making and comb makers: In the light of finds from Birka and Ribe. Stockholm, 1981.

Ambrosiani, 2001. – *Ambrosiani B.* The Birka Falcon // Excavations in the Black Earth 1990–1995. Eastern Connections Part One: The Falcon Motif. Stockholm, 2001.

Androshchuk, 2014. – *Androshchuk F.* Viking Swords. Swords and Social Aspects of Weaponry in Viking Age Societies. Stockholm, 2014.

Arbman, Nilsson, 1969. – *Arbman, H., Nilsson, N.-O.* Armes scandinaves de l'époque Viking en France. // Meddelanden från Lunds Universitets historiska Museum (1966–1968). Lund, 1969.

Arne, 1913. – *Arne T. J.* Einige Schwert-Ortbänder aus der Wikingerzeit // Opuscula Archaeologica Oscari Montelio Septuagenario dicata. Stockholm, 1913.

Arne, 1914. – *Arne T. J.* La Suède et l'Orient: études archéologiques sur les relations de la Suéde et de l'orient pendant l'âge des Vikings. Uppsala, 1914.

Bakay, 1967. – *Bakay K.* Archäologische Studien zur Frage der ungarischen Staatsgründung. Angaben zur Organisierung des fürstlichen Heeres. Dissertationes Archaeologicae, 1(7). 1967.

Bersu, Wilson, 1966. – *Bers, G., Wilson D. M*. Three Viking Graves in the Isle of Man. Monograph series (Society for Medieval Archaeology). London, 1966.

Biborski et al., 2010. – *Biborski M., Jagodziński M. F., Pudło P., Stępiński J., Żabiński G.* Sword Parts from a Viking Age Emporium of Truso in Prussia // Waffen- und Kostumkunde. 2010. Bd. 52.

Bjørn, Shetelig, 1940. – *Bjørn A., Shetelig H.* Viking Antiquities in Great Britain and Ireland. Part 4: Viking Antiquities in England. Bergen, 1940.

Cameron, 2000. – *Cameron E. A.* Sheaths and scabbards in England AD 400–1100. Oxford, 2000. British Archaeological Reports 301.

Eldjárn, 2016. – *Eldjárn K.* Kuml of haugfé. Reykjavík, 2016.

Evison, 1969. – *Evison, V. I.* A Viking grave at Sonning, Berks and related sites in S England // Antiquaries Journal. London, 1969. Vol. 49 (1).

Geibig, 1991. – *Geibig A.* Beiträge zur morphologischen Entwicklung des Schwertes im Mittelalter: Eine Analyse des Fundmaterials vom ausgehenden 8. bis zum 12. Jahrhundert aus Sammlungen der Bundesrepublik

Deutschland. Neumünster, 1991. Offa-Bücher, New Series, 71.

Goßler, Jahn, 2019. – *Goßler, N., Jahn, Ch.* Wikinger und Balten an der Memel: Die Ausgrabungen des frühgeschichtlichen Gräberfeldes von Linkuhnen in Ostpreußen 1928–1939. Kiel, 2019.

Hägg, 1991. – *Hägg I.* Mikrostratigraphische Analyse von Schwertscheiden aus dem Hafen von Haithabu // Die Textilfunde aus der Siedlung und aus den Gräbern von Haithabu. Beschreibung und Gliederung. Neumünster, 1991.

Harrison, Ó Floinn, 2014. – *Harrison, S. H., Ó Floinn, R.* Viking Graves and Grave-Goods in Ireland. Medieval Dublin Excavations 1962–81, Series B. Dublin, 2014.

Hernæs, 1985. – *Hernæs P.* De østnorske sverdfunn fra yngre jernalder: en geografisk analyse. Magistergradsavhandling i nordisk arkeologi. Oslo, 1985.

Hjardar, Vike, 2011. – *Hjardar K., Vike V.* Vikinger i krig. 2011.

Hošek et al., 2019. – *Hošek J., Košta J., Žákovský P.* Ninth to mid-sixteenth century swords from the Czech Republic in their European context. Part I. The finds. Praha–Brno, 2019.

Hošek et al., 2021. –*Hošek J., Košta J., Žákovský P.* Ninth to mid-sixteenth century swords from the Czech Republic in their European context. Part II. Swords of medieval and early renaissance Europe as a technological and archaeological source. Praha–Brno, 2019.

Jakobsson, 1991. – *Jakobsson M.* Krigarideologi och vikingatida svärdstypologi // Stockholm Studies in Archaeology 11. Stockholm, 1992.

Janowski, 2006. – *Janowski A.* Brązowe i srebrne trzewiki pochew mieczy z X–XIII w. z terenu Polski. Uwagi o proweniencji i datowaniu // Acta Militaria Mediaevalia. Kraków-Sanok, 2006. T. II.

Janowski et al., 2008. – *Janowski A., Kotowicz P., Michalak A.* Jeszcze o mieczu z Radymna // Acta Militaria Mediaevalia. Kraków–Sanok, 2008. T. IV.

Kainov, 2012. – *Kainov S. Yu.* Swords from Gnezdovo // Acta Militaria Mediaevalia. Krakow–Rzeszow–Sanok. 2012. T. VIII.

Kazakevičius, 1996. – *Kazakevičius V.* IX–XIII a. Baltų Kalavijai. Vilnius, 1996.

Kazakevičius, 1998. – *Kazakevičius V.* Iš vėlyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavijų makštų galų apkalai) // Lietuvos Archeologija. Vilnius, 1998. T. XV.

Kivikoski, 1973. – *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands: Bildwerk und Text. Helsinki, 1973.

Klimek et al., 2009–2010. – *Klimek L., Kucypera P., Kurasiński T., Pudło P.*Wczesnośredniowieczne miecze ze zbiorów Muzeum Narodowego w Szczecinie w świetle ponownej analizy typologiczno-chronologicznej i technologicznej // Materiały Zachodniopomorskie, Nowa Seria. T. VI/VII: 2009/2010, z. 1: Archeologia. 2009–2010.

Košta, Hošek, 2009. – *Košta J., Hošek J.* Raně středověké meče s jednodílnou polokruhovitou hlavicí (typ Petersen X / Geibig 12, var. I.) Pohled archeologie a metalografie // Archeologie doby hradištní v Ceské a Slovenské republice. 2009.

Košta, Hošek, 2014. – *Košta J., Hošek J.* Early Medieval swords from Mikulčice. Brno, 2014.

Košta et al., 2019. – *Košta J., Hošek J., Dresler P., Macháček J., Přichystalová R.* Velkomoravské meče z Pohanska u Břeclavi a okolí – nová revize // Památky archeologické. AV ČR. Archeologický ústav. 2019. Vol. 110. No. 1.

Kotowicz, 2018. – *Kotowicz P. N.* Early Medieval Axes from Territory of Poland. Kraków, 2018.

Kovács, 1995. – *Kovács L.* A Kárpát-medence kétélü kardjai a 10. század 2. feléböl // Communicationes archaeologicae Hungariae. 1994/95.

Kucypera et al., 2021. – *Kucypera P., Pydyn A., Popek M., Lewek K.* Technologia wykonania miecza i czekana odnalezionych w reliktach mostu prowadzącego na wyspę Ledniczkę na jeziorze Lednica w świetle badań archeometalurgicznych // Studia Lednickie. 2021. T. XX.

Liwoch, 2003. – *Liwoch R.* Wczesnośredniowieczne zabytki z Lidawki na Wołyniu w zbiorach krakowskiego Muzeum Archeologicznego // Materiały Archeologiczne. 2003. Vol. 34.

Liwoch, 2008. – *Liwoch R.* Zachodnioukraińskie miecze i trzewiki pochew mieczowych od X do połowy XIII w. // Acta Militaria Mediaevalia. Kraków–Sanok, 2008. T. 4.

Marek, 2005. – *Marek L.* Early Medieval Swords from Central and Eastern Europe. Wrocław, 2005.

Mandel, 1991. – *Mandel M.* Eesti 8.–13. sajandi mõõkade tüpoloogiast ja dateerimisest // Arheoloogiline kogumik. Tallinn, 1991.

Maure, 1977. – *Maure M.* Les épées de l'époque viking – essai de classification typologique // Universitetets Oldsaksamling Årbok 1975/76. Oslo, 1977.

Menghin, 1980. – *Menghin W.* Neue Inschriftenschwerter aus Süddeutschland und die Chronologie karolingischer Spathen auf dem Kontinent // Vorzeit zwischen Main und Donau. Neue archäologische Forschungen und Funde aus Franken und Altbayern. Erlangen, 1980. Erlanger Forsch. A. Bd. 26.

Michalak, Socha, 2017. – *Michalak A., Socha K.* A sword scabbard chape with a depiction of a bird of prey from the surroundings of Kostrzyn // Slavia Antiqua. 2017. Vol. LVIII.

Mills, 2001. – *Mills N.* Saxon and Viking Artefacts. Witham, 2001.

Moilanen, 2015. – *Moilanen M.* Marks of fire, value and faith: swords with ferrous inlays in Finland during the Late Iron Age (ca. 700–1200 AD). Turku, 2015.

Moilanen, 2018. – *Moilanen M.* Viikinkimiekat Suomessa, Helsinki, 2018.

Mould et al., 2003. – *Mould Q., Carlisle I., Cameron E.* Leather and Leatherworking in Anglo-Scandinavian and Medieval York // York Archaeological Trust. York, 2003. Vol. 17/16.

Mühlen, 1975. – *Mühlen B.* Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen // Bonner Hefte zur Vorgeschichte. Bonn, 1975. Nr. 9.

Müller-Wille, 1977. – *Müller-Wille M.* Krieger und Reiter im Spiegel früh- und hochmittelalterlicher Funde Schleswig-Holsteins // Offa. Neumünster, 1977. Vol. 34.

Müller-Wille, 2001. – *Müller-Wille M.* Tierstile des 8.–12. Jahrhunderts im Norden Europas. Dendrochronologie und kunsthistorische Einordnung // Tiere. Menschen. Götter. Wikingerzeitliche Kunststile und ihre neuzeitliche Rezeption. Göttingen, 2001.

Nadolski, 1955. – *Nadolski A.* Pochwa miecza znaleziona w osadzie miejskiej z XI wieku w Gdańsku // Wiadomości Archeologiczne. 1955. Vol. XXII/2.

Owen, Dalland, 1999. – *Owen O., Dalland M.* Scar. A viking boat burial on Sanday, Orkney. Skar, 1999.

Paulsen, 1953. – *Paulsen P.* Schwertortbänder der Wikingerzeit: ein Beitrag zur Frühgeschichte Osteuropas. Stuttgart, 1953.

Peirce, 2002. – *Peirce I. G.* Swords of the Viking Age. Woodbridge, 2002.

Petersen, 1918. – *Petersen T.* Baandformet omvikling af sverdskeder i vikingetiden // Oldtiden – tidsskrift for norsk forhistorie. 1918. Bd. 7.

Petersen, 1919. – *Petersen J.* De Norske Vikingesverd. En Typologisk – Kronologisk Studie Over Vikingetidens Vaaben. Kristiania, 1919.

Petersen, 1928. – *Petersen J.* Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.

Pienimäki, 2016. – *Pienimäki A.*Desalination of iron. A comparison of fresh, wet finds and dry, storage ones. Helsinki, 2016.

Posta, 1905. – *Posta B.* Archaeologishe Studien auf Russischem Boden. Budapest–Leipzig, 1905.

Raddatz, 1991. – *Raddatz K.* Archäologische Beobachtungen in Gnezdovo bei Smolensk // Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachsen. Hildesheim, 1991. Bd. 19.

Ruttkay, 1976. – *Ruttkay A.* Waffen und Reiterausrüstung des. 9 bis zur ersten Hälfte des 14. Jahrhunderts in der Slowakei (II) // Slovenská archeológia. Bratislava, 1976. № 24.

Shchedrina, 2020. – *Shchedrina A. Yu.* Sword from Krasnianka. Complex of traditions and technologies // Acta Militaria Mediaevalia. Kraków–Sanok–Wrocław, 2020. T. XVI.

Sikora, 2003. – *Sikora P.* Frühmittelalterliche Ortbänder bei West- und Ostslawen. Versuch einer typologisch-chronologischen Einordnung // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. Bonn, 2003. Bd. 31.

Sikora, 2013. – *Sikora P.* Die Ortbänder aus Hafurbjarnarstaðir und Ljárskógar. Zwei besondere Fundstücke von Island. Bemerkungen zu ihrer Datierung und Bedeutung // Kulturwandel im Spannungsfeld von Tradition und Innovation. Neumunster, 2013.

Solberg, 1984. – *Solberg B.* Norwegian Spear-Heads from the Merovingian and Viking Periods. Bergen, 1984.

Stalsberg, 2008. – *Stalsberg A.* The Vlfberht Sword Blades Reevaluated – http://Jenny-rita.org

Stoumann, 2009. – *Stoumann I.* Ryttergraven fra Grimstrup: og andre vikingetidsgrave ved Esbjerg. Ribe, 2009.

Thålin-Bergman, Arrhenius, 2005. – *Thålin-Bergman L., Arrhenius B.* Excavations at Helgö: Helgö and the Swedish Hinterland // Weapon investigations. Stockholm, 2005. Vol. XV.

Thunmark-Nylén, 1998. – *Thunmark-Nylén L.* Die Wikingerzeit Gotlands. T. II. Typentafeln. Stockholm, 1998.

Tomsons, 2018. – *Tomsons A.* Zobeni Latvijas teritorijā 7.–16. gs. Riga, 2018.

Vinski, 1977–1978. – *Vinski Z.* Novi ranokarolinški nalazi u Jugoslaviji // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu (1977–1978).

Vinski, 1983. – *Vinski Z.* Razmatranja o poslijekarolinškim mačevima 10. i 11. stoljeća u Jugoslaviji // Starohrvatska prosvjeta. 1983. T. 13.

Vlasaty, 2019. – *Vlasaty T.* The forms of Norwegian sword grips – https://sagy.vikingove.cz/en/norwegian-sword-handles/

Vlasaty, 2020a. – *Vlasaty T.* Number of European swords of 9th–11th century – https://sagy.vikingove.cz/en/number-of-european-swords-of-9th-11th-century/

Vlasaty, 2020б. – *Vlasaty T.* Wood species used for sword grips – https://sagy.vikingove.cz/en/wood-species-used-for-sword-grips/

Vlasaty, 2021. – *Vlasaty T.* Construction of wooden sword grips of 9th-12th century – https://sagy.vikingove.cz/en/construction-of-wooden-sword-grips-of-9th-12th-century/

Vlasaty, 2022a. – *Vlasaty T.* Wrapping of Norwegian Sword Scabbards – https://sagy.vikingove.cz/en/wrapping-of-norwegian-sword-scabbards/

Vlasaty, 2022б. – *Vlasaty T.* Wood species used for sword scabbards – https://sagy.vikingove.cz/en/wood-species-used-for-sword-scabbard/

Walsh, 1998. – *Walsh A.* A Summary Classification of Viking Age Swords in Ireland // Ireland and Scandinavia in the Early Viking Age. Dublin, 1998.

Wåhlander, 2023. – *Wåhlander L.* Buried at Birka: Three centuries, four Viking lives. Stockholm, 2023.

Wheeler, 1929. – *Wheeler M.* London and the Vikings. Lancaster, 1929. London Museum Catalogues. No. 1.

Ypey, 1984. – *Ypey J.* Einige wikingerzeitliche Schwerter aus den Niederlanden // Offa. Neumünster, 1984. Vol. 41.

Żabiński, 2007. – *Żabiński G.* Viking Age Swords from Scotland // Acta Militaria Mediaevalia. Kraków–Rzeszów–Sanok, 2007. T. III.

Электронные ресурсы

SMB-digital. Online-Datenbank der Sammlungen (база данных оцифрованных экспонатов Музея доисторического периода и ранней истории в Берлине – Museum für Vor- und Frühgeschichte) – http://www.smb-digital.de/eMuseumPlus

Statens historiska museers samlingar (база данных оцифрованных экспонатов Шведского исторического музея – Statens historiska museer (SHM)) – https://samlingar.shm.se/

Unimusportalen (база данных оцифрованных экспонатов норвежских музеев) – https://www.unimus.no/portal/

Список электронных ресурсов экспедиции

Сайт объединенной Смоленско-Гнёздовской археологической экспедиции на территории Гнёздовского археологического комплекса – http://gnezdovo.com/

Сайт музея-заповедника «Гнёздово» – https://gnezdovo-museum.ru/

Сайт Государственного исторического музея – https://shm.ru/

Телеграмм-канал объединенной Смоленско-Гнёздовской экспедиции – https://t.me/gnezdovo_project

Телеграмм-канал о современной археологии – https://t.me/archeoprivate

Лекция *Т. А. Пушкиной* об истории изучения Гнёздова

Лекция *В. В. Новикова* о применении современных технологий при раскопках в Гнёздове

Лекция *С. Ю. Каинова* об оружии в Гнёздове

Лекция *А. Ю. Щедриной* о технологии производства оружия в Гнёздове

Список сокращений

АВ – Археологические вести
АМ ИА НАНУ – Археологический музей Института археологии Национальной академии наук Украины
ВМУ – Вестник Московского университета
ВОКМ – Витебский областной краеведческий музей
ГИМ – Государственный исторический музей
ГКМ г. Железногорска – Городской краеведческий музей г. Железногорска
ГМИ СПб – Государственный музей истории Санкт-Петербурга
ГМЗ РК – Государственный музей-заповедник Ростовский кремль
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИМ СГИАЗ – Исторический музей Святогорского государственного историко-архитектурного заповедника
ИОАИЭ КУ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
КА – Кафедра археологии
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАО – Московское археологическое общество
МАР – Материалы по археологии России
МГУ – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МЗКМ – Музей-заповедник «Казацкие могилы»
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИК – Музей истории Киева
МИХМ – Муромский историко-художественный музей
НА ИИМК РАН. РО – Научный архив института истории материальной культуры РАН. Рукописное отделение
НГОМЗ – Новгородский государственный объединённый музей-заповедник
НИМРБ – Национальный исторический музей Республики Беларусь
НМИУ – Национальный музей истории Украины
НМЗ – Новгородский музей-заповедник
НМФ – Национальный музей Финляндии
ОПМК – Оружейная палата Московского Кремля
ПГОИАХМЗ – Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
РАН – Российская академия наук
СА – Советская археология
СГМЗ – Смоленский государственный музей-заповедник
САИ – Свод археологических источников
ЧКМ – Чердынский краеведческий музей
ЯМЗ – Ярославский музей-заповедник
ЧОИМ – Черниговский областной исторический музей
KM – Kansallis museo (Национальный музей Финляндии)
MAK – Muzeum Archeologiczne w Krakowie (Археологический музей в Кракове)

Мечи и люди

Рис. 1. Расчистка меча в камерном погребении в кургане Л-207 в 2017 году.

Рис. 2. Процесс расчистки и извлечения меча в шурфе ЦС-XVIII в 2017 году.

Рис. 3. Сергей Каинов и Петр Бирюков в процессе первичной расчистки меча после извлечения из шурфа ЦС-XVIII в 2017 году.

Рис. 4. Студенты и волонтеры, принимавшие участие в раскопках на территории северо-восточной части Центрального поселения и Лесной курганной группы после извлечения меча из шурфа в 2017 году.

Рис. 5. Василий Новиков с мечом из шурфа ЦС-XVIII в 2017 году.

Рис. 6. Владислав Волков с мечом из шурфа ЦС-XVIII в 2017 году.

Рис. 7. Сергей Каинов и Василий Новиков с мечом из шурфа ЦС-XVIII в 2017 году.

Рис. 8. Кирилл Мишин с мечом из шурфа ЦС-XVIII в 2017 году.

Рис. 9. Петр Бирюков с мечом из шурфа ЦС-XVIII в 2017 году.

Рис. 10. Меч и погребальная урна в подкострищной яме в кургане Л-210 в Лесной курганной группе в 2018 году.

Рис. 11. Часть команды Лесного лагеря после находки меча из кургана Л-210 в 2018 году.

Рис. 12. Сергей Каинов с мечом из кургана Л-210 в 2018 году.

Рис. 13. Саша Щедрина с мечом из кургана Л-210 в 2018 году.

Рис. 14. Андрей Улитин с мечом из кургана Л-210 в 2018 году.

Рис. 15. Тамара Анатольевна Пушкина, Сергей Каинов, Алексей Владимиров и Василий Новиков с Ильей Новиковым сразу после обнаружения навершия меча из раскопок на северо-восточной части Центрального поселения в 2020 году (справа налево).

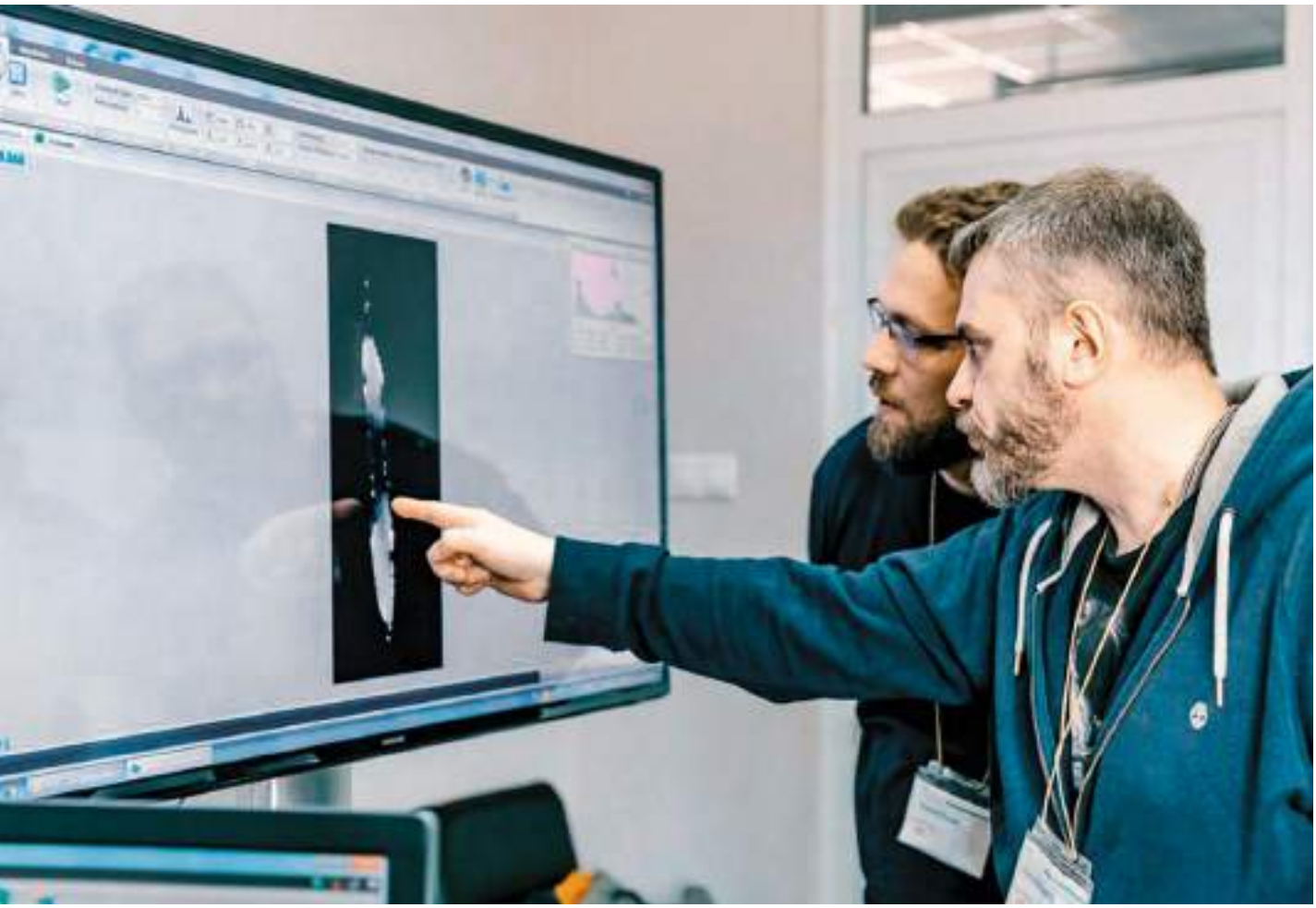


Рис. 16. Сергей Каинов и Василий Новиков при изучении результатов 3D-томографии из раскопок в северо-восточной части Центрального селища.

Рис. 17. Петр Бирюков и Сергей Каинов при изучении результатов рентгенографии меча из раскопок в северо-восточной части Центрального селища.

Лес и поле

Рис. 1. Вид на Центральное селище и Центральное городище.

Рис. 2. Вид на реку Днепр и Центральное селище.

Рис. 3. Вид на юго-западную часть Центрального селища.

Рис. 4. Вид на левый берег Днепра и курганы Левобережной курганной группы.

Рис. 5. Вид на озеро Бездонка и пойменную часть Центрального селища.

Рис. 6. Вид на озеро Бездонка и пойменную часть Центрального селища с южного края Центрального городища.

Рис. 7. Вид на озеро Бездонка и пойменную часть Центрального селища с южного края Центрального городища.

Рис. 8. Вид на Центральное городище и озеро Бездонка.

Рис. 9. Вид на Лесную курганную группу и северо-восточную часть Центрального селища.

Рис. 10. Вид на участок работ 2017–2020 гг. в северо-восточной части Центрального селища.

Рис. 11. Вид на юго-западный край Лесной курганной группы.

Рис. 12. Вид на курганы Лесной курганной группы и участок одной из дорог, существовавших с X века.

Рис. 13. Вид на дорогу X века – Аллею Вождей – среди курганов в центральной части Лесной курганной группы.

Рис. 14. Вид на курганы Лесной курганной группы.

Рис. 15. Вид на курганы Лесной курганной группы.

Рис. 16. Вид на северо-восточную часть Центрального селища и южную границу д. Глущенки.

Рис. 17. Вид на северо-восточную часть Центрального селища.

Рис. 18. Вид на северо-восточную часть Центрального селища.

Рис. 19. Вид на курганы на юго-западной границе Лесной курганной группы.

Рис. 20. Вид на курганы Лесной курганной группы вдоль полотна железной дороги.

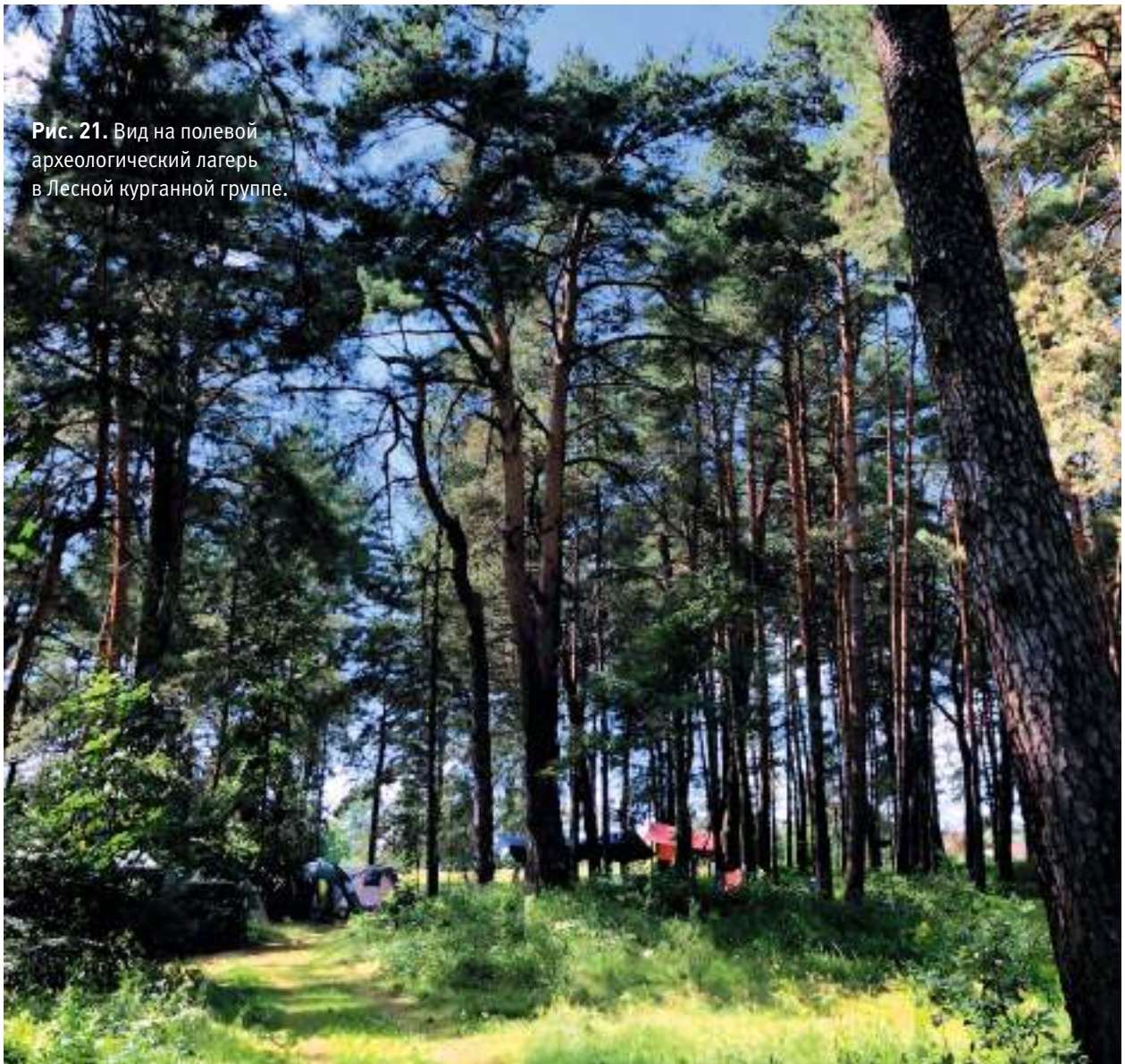


Рис. 21. Вид на полевой археологический лагерь в Лесной курганной группе.

Рис. 22. Вид на курганы на юго-западной границе Лесной курганной группы.

Рис. 23. Вид на курганы в Лесной курганной группе.

Рис. 24. Вид на курганы в Лесной курганной группе.

Рис. 25. Памятник рядом с местом обнаружения амфоры с надписью в кургане Л-13/1949.

Рис. 26. Деревянные столбы на раскопанных и восстановленных курганах Л-206, Л-207, Л-208 из раскопок 2017 года в юго-западной части Лесной курганной группы.

Рис. 27. Деревянный столб на раскопанном и восстановленном кургане Л-210 из раскопок 2018 года в Лесной курганной группе.

Рис. 28. Концертная площадка для выступления группы «ЛЁДЪ» среди Лесных курганов.

Рис. 29. Деревянный столб на месте обнаружения кургана П-1 с мечом в раскопе ЦС-XIX/2017–2020 гг.

Рис. 30. Вид на полевой археологический лагерь в Лесной курганной группе.

Рис. 31. Вид на полевой археологический лагерь в Лесной курганной группе.

Рис. 32. Процесс приготовления краснодарского плова.

Рис. 33. Праздник «День Бересты» в археологическом лагере в Лесной курганной группе.

Рис. 34. Иван и Даша Секачевы.

Рис. 35. Настя Жукова, Илья Советников и Настя Филиппова.

Рис. 37. Вечерний костер в лагере в Лесной курганной группе.

Рис. 36. Маша Николаева, Даша Секачева, Арина Ярославцева, Гульназ Сагманова (слева направо).

Рис. 38. Вечерний костер в лагере в Лесной курганной группе.

Рис. 39. Вид на раскопки курганов Л-204 и Л-205 в южной части Лесной курганной группе в 2016 году.

Рис. 40. Процесс фотофиксации и создания тени на раскопках курганов Л-204 и Л-205 в южной части Лесной курганной группе в 2016 г. Участвуют Василий Новиков, Матвей Гайдуков, Александр Дробышев, Сергей Каинов (слева направо).

Рис. 41. Финал работ на курганах Л-204 и Л-205 в 2016 году.

Рис. 42. Сергей Каинов и Федор Спасов на раскопках кургана Л-203 в Лесной курганной группе в 2006 г. (слева направро).

Рис. 43. Вид на раскопки курганов Л-206, Л-207, Л-208 в Лесной курганной группе в 2017 году.

Рис. 44. Вид на раскопки погребения в камере в кургане Л-206 в Лесной курганной группе в 2017 году.

Рис. 45. Фиксация уровня при раскопках кургана Л-208 в Лесной курганной группе в 2017 году.

Рис. 46. Вид на раскопки кургана Л-210 в Лесной курганной группе в 2018 году.

Рис. 47. Настя Филиппова и наконечник копья из кургана Л-210 в Лесной курганной группе в 2018 году.

Рис. 48. Сергей Каинов и Саша Щедрина на раскопках курганов в Лесной курганной группе в 2022 году.

Рис. 49. Петр Бирюков и Александр Попов в процессе фотофиксации погребения Л-212/2 в 2019 году.

Рис. 50. Реконструкция сожжения на площадке кургана Л-204 перед рекультивацией насыпи в 2016 году.

Рис. 51. Вид на площадку кургана № 1 Полевой курганной группы в раскопе ЦС-XIX/2018–2020 перед консервацией.

Рис. 52. Вид на площадку кургана № 2 Полевой курганной группы в раскопе ЦС-XIX/2018–2020.

Рис. 53. Разрез ровика кургана № 2 Полевой курганной группы в раскопе ЦС-XIX/2018–2020.

Рис. 54. Вид на часть ровика кургана № 2 Полевой курганной группы в раскопе ЦС-XIX/2018–2020.

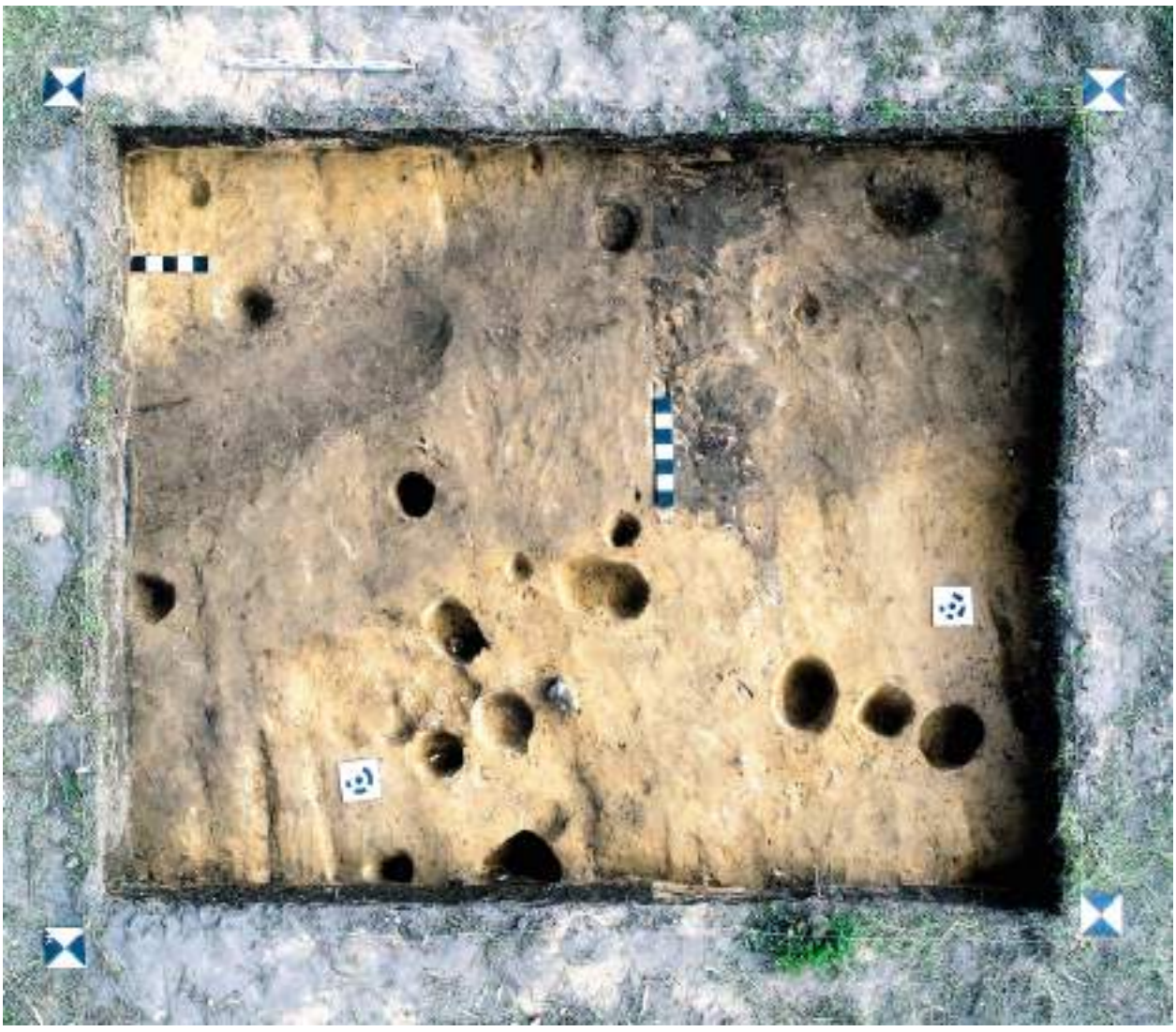


Рис. 55. Вид на ровики и площадки разрушенных курганов в раскопе ЦС-XXIII в 2020 году.

Рис. 57. Даша Секачева, Иван Савченко и Настя Филиппова на раскопе ЦС-XIX в 2020 году (слева направо).

Рис. 56. Василий Новиков и Антон Бернштейн в ходе работ на раскопе ЦС-XIX в 2020 году (слева направо).

Рис. 58. Василий Новиков и Сергей Вепрецкий в зоне промывки раскопа ЦС-XXIII и ЦС-XIX в 2020 году (снизу вверх).

Рис. 59. Максим Кузнецов, Артем Драбкин и Дмитрий Шашков на промывке раскопа ЦС-XXIII и ЦС-XIX в 2020 году (слева направо).

Рис. 60. Тамара Анатольевна Пушкина и Арина Ярославцева на раскопе ЦС-XXIII и ЦС-XIX в 2020 году (справа налево).

Рис. 61. Серафим Гончаров и Федор Спасов на раскопе ЦС-XIX в 2020 году (слева направо).

Рис. 62. Кирилл Мишин и Сергей Каинов на раскопе ЦС-XXIII в 2020 году (слева направо).

Рис. 63. Кирилл Мишин и Саша Щедрина на раскопках кургана Л-215 в 2022 году в Лесной курганной группе.

Рис. 64. Вероника Владиславовна Мурашева, Сергей Каинов и Петр Бирюков за обсуждением перспектив на раскопках кургана Л-206 в 2017 году.

Рис. 65. Ольга Владиславовна Белова, Владимир Яковлевич Петрухин, Елена Александровна Мельникова и Вероника Владиславовна Мурашева на раскопках поселения ЦС-XIX/2018–2020 в 2018 году (слева направо).

Рис. 66. Сергей Каинов, Андрей Королев и Алексей Деверилин (слева направо).

Рис. 67. Откачка воды на кургане Л-204 в южной части Лесной курганной группе. На первом плане Никита «Хоббит» Пономарев.

Рис. 68. Разбор погребения в кургане Л-215 в 2022 году. Кирилл Мишин, Ольга Батенева, Саша Щедрина, Сергей Каинов.

Рис. 69. Дмитрий Куриленко и Андрей Амбарнов на раскопе ЦС-XIX/2018–2020 в 2018 году.

Рис. 70. Василий Новиков после падения квадрокоптера в процессе фиксации погребения Л-207 в Лесной курганной группе в 2017 году.

Рис. 71. Сергей Иванов на промывке на раскопках селища в 2018 году.

Рис. 72. Даша Юшина и Дмитрий Власов на раскопках кургана Л-207 в Лесной курганной группе в 2017 году.

Рис. 73. Гульназ Сагманова и Максим Дробышев на раскопках кургана Л-206 в Лесной курганной группе в 2017 году.

Рис. 74. Мария Теркулова на раскопках кургана Л-212 в Лесной курганной группе в 2019 году.

Рис. 75. Мария Генерозова на раскопках ЦС-XXIII в 2020 году.

Рис. 76. Семен Ассекритов на раскопках курганов в Лесной курганной группе в 2017 году.

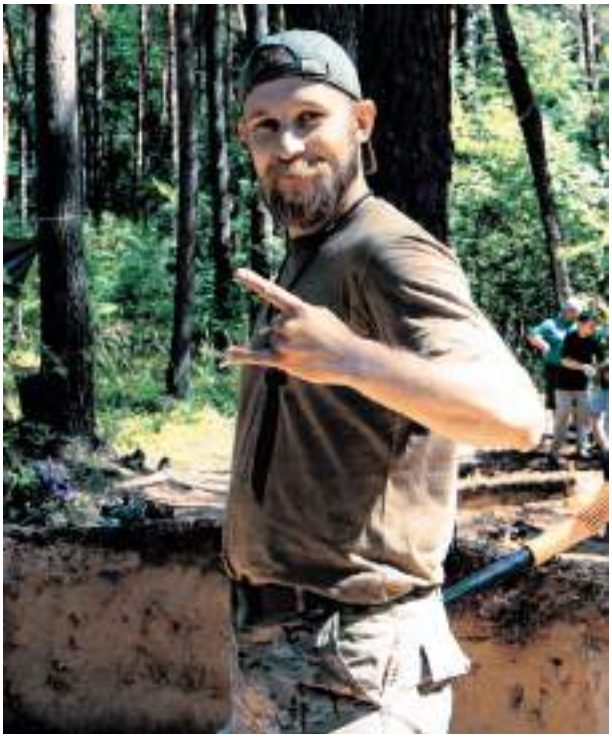


Рис. 77. Антон Бернштейн на раскопках курганов в Лесной курганной группе в 2017 году.

Рис. 78. Ксения Смирнова на раскопках курганов в Лесной курганной группе в 2017 году.

Рис. 79. Илья Советников на раскопках курганов в Лесной курганной группе в 2017 году.

Рис. 80. Мария Николаева в полевом лагере в Лесной курганной группе 2022 году.

Рис. 81. Алексей Владимиров на раскопках курганов в 2017 году.

Рис. 82. Никита Бурсук на раскопках селища в 2020 году.

Рис. 83. Ярослав Радченко и Алексей Владимиров на раскопе ЦС-XXV в 2021 году (слева направо).

Рис. 84. Владимир Сумароков на раскопках селища в 2020 году.

Рис. 85. Евгений Зевакин на раскопках кургана в Лесной курганной группе в 2022 году.

Рис. 86. Кристина Косовец на раскопках курганов Л-204 и Л-205 в южной части Лесной курганной группы в 2016 году.

Рис. 87. Максим Панкин на раскопках селища в 2020 году.

Рис. 88. Саша Щедрина на раскопках курганов в 2021 году.

Рис. 89. Мария Новикова на раскопках кургана Л-207 в Лесной курганной группе в 2017 году.

Рис. 90. Сергей Иванов, Анастасия Королева и Ярослава Кузина на раскопках курганов в Лесной курганной группе в 2019 году (справа налево).

Рис. 91. Даша Секачева на празднике на Центральном городище в 2022 году.

Рис. 92. Анастасия Жукова на празднике на Центральном городище в 2022 году.

Рис. 93. Анастасия Филиппова и Арина Ярославцева на празднике на Центральном городище в 2022 году.

Рис. 94. Мария Николаева на празднике на Центральном городище в 2022 году.

Рис. 95. Мария Генерозова и Дмитрий Куриленко на празднике на Центральном городище в 2022 году.

Рис. 96. Гульназ Сагманова на празднике на Центральном городище в 2022 году.

Рис. 97. Александра Савченко, Лилия Халимуллина и Софья Еремина на празднике на Центральном городище в 2022 году (слева направо).

Рис. 98. Антон Малахов и Арина Ярославцева – жених и невеста – во время празднования свадьбы на Центральном городище в 2022 году.

Рис. 99. Кирилл Мишин в Лесном лагере в 2022 году.

Рис. 100. Илья Новиков – волонтер третьего поколения на раскопках кургана Л-215 в 2022 году в Лесной курганной группе.

Научное издание

С. Ю. Каинов, В. В. Новиков

НОВЫЕ НАХОДКИ МЕЧЕЙ В ГНЁЗДОВЕ (2017–2020 гг.)

Редактор *М. В. Новикова*
Верстка и художественное оформление *И. Н. Лицук*
Корректор *М. В. Новикова*
Обложка *С. Ю. Ассекритов*
Перевод *Хью Гэтенби*

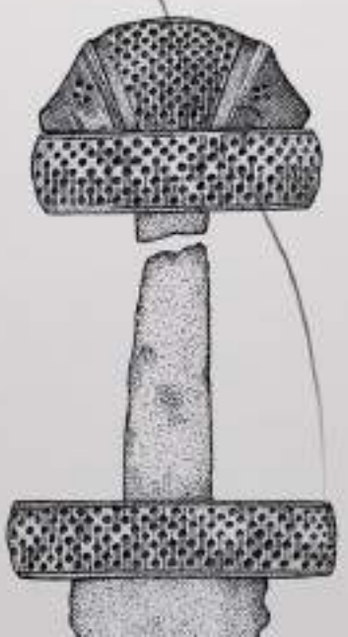
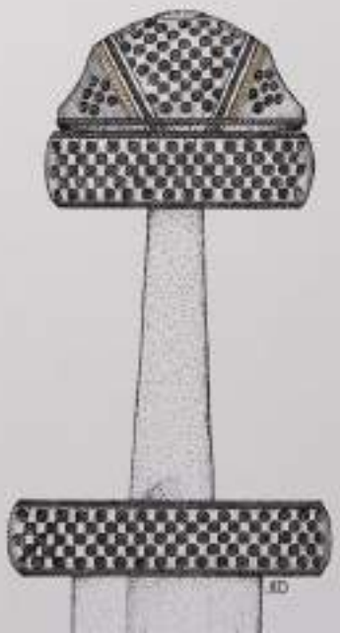
Подписано в печать 15.02.2024. Формат 60×90 ⅛.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 39.
Тираж 500 экз. Заказ 13031

Отпечатано ИП Келлер Т. Ю., типография «Любавич»
194044, Санкт-Петербург, улица Менделеевская, дом 9
Тел.: (812) 603 25 25
https://www.lubavich.spb.ru/

6+ Издание не рекомендуется детям младше 6 лет

Сергей Юрьевич Каинов — старший научный сотрудник Отдела археологических памятников Государственного исторического музея, кандидат исторических наук, специалист по археологии Древней Руси IX–XI вв. Основные области научных интересов находятся в сфере изучения военного дела Евразии IX–XI веков, а также различных аспектов русско-скандинавских связей в эпоху формирования Древнерусского государства. Автор более 70 научных и научно-популярных работ.

Василий Васильевич Новиков — кандидат исторических наук, специалист по археологии Древней Руси IX–XI вв. Основная область научных интересов находится в сфере применения современных технологий и развития новых методов в археологии, а также в вопросах снаряжения и украшений верхового коня и всадника, различных аспектов русско-скандинавских и европейских международных связей в эпоху формирования Древнерусского государства. Автор более 40 научных и научно-популярных работ.

Сайт объединенной Смоленско-Гнёздовской археологической экспедиции

9 785907 589681